Александра МАРИНИНА

СВЕТЛЫЙ ЛИК СМЕРТИ

ВПЕРВЫЕ

Александра

МАРИНИНА

СВЕТЛЫЙ ЛИК СМЕРТИ

Александра Маринина

Светлый лик смерти

Александра Маринина

Александра

МАРИНИНА

СВЕТЛЫЙ ЛИК СМЕРТИ

Эксмо
1997

ББК 84Р7
М 26

Разработка серийного оформления
художника *Г. И. Саукова*

Серия основана в 1993 году

Маринина А. Б.

М 26 Светлый лик смерти: Роман. Имя потерпевшего: никто. Повесть. — М.: ЭКСМО, 1997. — 416 с. (Серия «Черная кошка»).

ISBN 5-85585-983-5

На окраине Москвы, на свалке, обнаружен труп молодой нарядно одетой красавицы. Выяснилось, что убитая обладала неумеренным сексуальным аппетитом и искала партнеров через брачные агентства. В течение короткого времени найден человек, подозреваемый в убийстве. Однако сразу же после его ареста события принимают непредсказуемый оборот...

М 4702010201—055
ЛР 061309—97

ББК 84Р7

ISBN 5-85585-983-5

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 1997 г.

Светлый лик смерти

Роман

Глава 1

— ... Если вы хотите оставить сообщение, говорите после звукового сигнала. Если вы хотите послать факс, начинайте передачу...

Люба швырнула трубку на рычаг и глубоко вздохнула, пытаясь удержать рвущиеся наружу слезы. На протяжении нескольких месяцев она слышит этот холодный равнодушный голос, предлагающий ей оставить свое сообщение на автоответчике.

— Ну как? — сочувственно спросил ее симпатичный капитан, который полчаса назад сжалился над Любой и пустил ее в помещение отдела милиции аэропорта Шереметьево-2 позвонить. — Опять никто не подошел?

— Опять, — кивнула она, отворачиваясь, чтобы он не увидел, как она изо всех сил старается не заплакать.

— Позвоните еще кому-нибудь, — посоветовал милиционер. — Неужели больше некому вас встретить?

Некому. Она хотела, чтобы ее встретил именно Стрельников. А его нет. Все мучительно долгие месяцы, проведенные в Турции, она пыталась связаться с ним, покупала на сэкономленные гроши телефонные карточки и звонила в Москву, но вместо голоса живого Стрельникова слышала только автоответчик, который съедал драгоценные секунды, оплаченные карточкой. Три дня назад она, отчаявшись, все-таки оставила ему сообщение с датой и номером рейса и просьбой встретить ее в аэропорту. Говорила о том, как соскучилась и ждет встречи с ним. Говорила еще какие-то ласковые необязательные слова, пока автомат не запищал, возвещая об окончании оплаченного времени. Ей хотелось, чтобы Стрельников приехал за ней в Шереметьево с легким сердцем, не опасаясь сцен и упреков с ее стороны. Но он не приехал. И телефон его не отвечал.

Она набрала телефон Милы, близкой подруги. Впрочем, теперь вряд ли Мила может считаться близкой. Просто при-

ятельница. После того как она бросила Любу в Турции одну... Хотя стоит ли ее за это осуждать? В болото неприятностей они попали вместе, и вины их в том не было, была только глупость и неоправданная доверчивость, а уж выбираться должен был каждый самостоятельно в меру собственных способностей. Мила выбралась быстрее, ибо способностей у нее оказалось больше. Разве можно ее винить за это? Она улетела в Москву еще в начале июня, а Люба застряла до октября.

У Милы тоже никто не подошел к телефону. Как же добираться до города? Денег у Любы — ни копейки. Хозяин, у которого она работала весь курортный сезон, предоставил ей угол в своем доме и скудную кормежку, а работала у него Люба только за билет до Москвы и визовый взнос. Наличные у нее не водились, и ей приходилось изредка просить хозяина дать ей два-три доллара вместо ужина или обеда. На эти доллары она и покупала телефонную карточку. Чувство голода стало постоянным и привычным, официанты и повара в ресторане, где она работала, готовы были подкормить ее, но не безвозмездно. Это Любу не устраивало, она же не Мила. Милка привыкла все проблемы решать через постель, потому и улетела в Москву уже в начале лета. Ничего не боится, отчаянная, рисковая. А Люба боится, да и вообще не по ней это. Смуглые волосатые турки вызывали у нее отвращение, преодолеть которое она не могла даже ради возвращения домой.

— Выпейте чаю, — предложил ей милиционер по имени Георгий, ставя перед Любой чашку с дымящимся напитком и коробку с сахаром.

— Спасибо, — благодарно пробормотала она, отпивая горячий чай. — Можно я еще позвоню?

— Конечно, звоните, — улыбнулся Георгий. — Вам же нужно отсюда уезжать так или иначе. Сидите спокойно и дозванивайтесь, не обращайте на меня внимания.

Люба набрала телефон Леонтьевых. Геннадий Леонтьев был одним из заместителей Стрельникова и его близким другом. Он должен знать, где разыскать Володю. Но и тут ее ждала неудача. Кроме длинных гудков, Люба не услышала ничего приятного. Оставался Слава Томчак, тоже заместитель и друг. Последняя надежда. Если и до него не удастся дозвониться, то тогда вообще непонятно, что делать дальше.

— Алло! — послышался в трубке знакомый голос Ларисы Томчак, Славиной жены.

— Лара, это я, Люба, — сдавленным голосом произнесла она.

— Люба... — недоуменно повторила Лариса и вдруг спохватилась. — Господи, Любочка, ты вернулась! Когда? Где ты?

— Я в Шереметьеве, в отделении милиции.

— Почему в милиции? С тобой что-то случилось? — обеспокоенно спросила Томчак.

— Нет, просто у меня нет денег на телефон, и мне разрешили отсюда позвонить. Где Стрельников?

В трубке повисло тяжелое молчание.

— Он... Он в отъезде. Он должен был тебя встречать?

— Да, наверное. Во всяком случае, я просила его об этом.

— Любаша, никуда не уезжай, я сейчас за тобой приеду. Жди меня через сорок минут под табло прилета. Поняла?

— Значит, Володя меня не встретит? — зачем-то безнадежно переспросила Люба, прекрасно понимая, что, конечно, не встретит, раз он в отъезде. Наверное, он и сообщение ее не получил, его, вероятно, уже не было в Москве, когда она звонила в последний раз.

— Я тебя встречу. Все, Любочка, я выезжаю. Через сорок минут под табло.

Люба допила чай и вежливо поблагодарила добросердечного милиционера за гостеприимство.

— Дозвонились наконец? — улыбнулся Георгий.

— Да, спасибо.

— Можно вопрос?

— Пожалуйста.

— У вас есть родители?

— Конечно.

— Они здесь, в Москве?

— Да.

— А почему вы им не позвонили? Обычно в таких случаях звонят в первую очередь домой.

Почему... Потому что. Разве может она показаться на глаза маме с папой в таком виде? Она уезжала из Москвы по приглашению турецкой фирмы, специализирующейся на строительстве отелей. Предполагалось, что они с Милой, закончившие колледж гостиничного и ресторанного хозяйства

и имеющие сертификаты гостиничных менеджеров, будут стажироваться в Турции, в одном из крупных курортных отелей, набираться опыта. С турецкими строителями они познакомились в Москве, и те пообещали им хорошую работу в одном из крупных курортных городов Турции — Бодруме, Измире, Кемере или Анталии. Ссылались на наличие множества друзей и связей. Это звучало очень убедительно, ведь они строили эти самые отели для отдыхающих со всего мира. И вели они себя прилично, лапы не протягивали и ни на что не намекали. Просто дружеское отношение и желание помочь в приобретении опыта работы в отелях международного класса.

— Денег с собой не берите, — предупреждали строители, — они вам не понадобятся. Только на первые два-три дня, пока мы будем решать организационные вопросы. Потом приступите к работе и сразу получите аванс. Оклад отель-менеджера — около двух тысяч долларов, так что если вы проработаете сезон, то вам на все хватит. И покушать, и золотом обвешаться, и в кожу и меха закутаться, еще и домой привезете.

Перспектива была заманчивой, и девушки купили билеты на самолет до Анталии, куда прилетели в апреле, как раз к началу курортного сезона, имея при себе по пятьдесят долларов. После покупки билета и шмоток, необходимых для жизни и работы в сорокаградусную жару, денег у них осталось совсем мало. Можно было, конечно, подзанять у того же Стрельникова, но зачем влезать в долги, если строители сказали, что деньги не нужны. Кто же знал, что все так обернется?

За эти месяцы Люба несколько раз звонила домой, родителям, и веселым голосом рассказывала им, что у нее все хорошо, просто отлично, прекрасная работа и все идет как надо. Она просто не могла признаться им, в каком аду живет. Тем более что осторожная мама неоднократно пыталась отговорить ее от поездки, а более прямолинейный отец высказывался жестко и совершенно недвусмысленно. «Бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Что это еще за благодетели такие? Ты уверена, что им можно доверять?» Люба была уверена, что можно. И признаться родителям теперь, что они оказались правы, у нее язык не поворачивался. Да и вообще, узнай они, как обстоят дела на самом деле, они бы с ума

сошли от ужаса. Люба должна вернуться домой с чемоданом подарков и покупок и хоть какими-то деньгами в кармане. А не так, как сейчас: без копейки и с той же самой сумкой, с которой улетала полгода назад и в которой не лежит ни одной новой вещи. И ни одного подарка, кроме двух крошечных, оправленных в серебро синих талисманов от сглаза, которым цена полушка в базарный день и которые ей подарили хозяева сувенирных магазинов просто за красивые глаза, еще в те первые дни, когда они с Милой только-только приехали, бегали по городу с горящими от возбуждения глазами и таращились на яркие витрины магазинов. Их принимали за отдыхающих и дарили талисманы в надежде, что они вернутся в эти магазины за подарками для родных и друзей. Они не вернулись.

Люба вышла в зал прилета и принялась бесцельно бродить, то и дело поглядывая на часы в ожидании Ларисы. Каждые пять минут громкоговоритель возвещал о прибытии рейсов, и толпы встречающих кидались к стойкам таможенного контроля. Им навстречу выходили улыбающиеся пассажиры, кто-то кому-то махал рукой, кто-то поднимал над головой плакат с фамилией прилетевшего или с названием своей фирмы. Всех встречали. Всех ждали. Только не ее, Любу Сергиенко. Слезы снова потекли из глаз, и она поплелась в сторону туалетов, чтобы умыться. Нагнувшись над раковиной и набрав в ладони холодной воды, она вдруг не удержалась и расплакалась громко, горько, навзрыд. В первый раз за все полгода она не справилась с собой и зарыдала. Ей в одну секунду припомнилось все: отчаяние, унижение, голод, неудобная постель в душной комнате без кондиционера, постоянное безденежье, стыд. Ей вспомнилось, как она сидела в аэропорту Анталии. Рейс дважды откладывали, сначала на шесть часов, потом еще на тринадцать. Деваться было некуда, все пассажиры уже прошли паспортный контроль и выйти в город не имели права. Все места в бистро и баре были заняты отъезжающими с отложенных рейсов, люди сидели на полу, пристроиться было негде. И ужасно хотелось есть. А денег не было. Но Любе тогда казалось, что все это ерунда, потому что в Москве ее ждет Стрельников. Кончился кошмар, кончилась унизительная работа, она наконец летит домой. Ради этого можно и потерпеть. Сидя на корточках в уголке в душном переполненном аэропорту, она закрывала

глаза и представляла себе Володино лицо, его улыбку, его распахнутые и протянутые ей навстречу руки. Он ждет ее, он скучает без нее...

Но оказалось, что ее никто не ждет.

* * *

Лариса Томчак вела машину легко и уверенно. Всю дорогу она молчала, но Люба почти не обращала на это внимания, ей и самой не хотелось разговаривать. Ей хотелось только одного: заснуть, проснуться и обнаружить, что последние полгода ей просто приснились. Она никуда не уезжала, ничего этого не было, за окном тихое прохладное московское утро, будильник показывает четверть восьмого, рядом с ней крепко спит Володя Стрельников, и сейчас она встанет, чтобы приготовить ему завтрак.

Дома Лариса первым делом отправила Любу в душ и занялась приготовлением обеда.

— А где Слава? — спросила Люба. — Неужели на работе? Сегодня же воскресенье. Опять Стрельников его вместо себя оставил вкалывать?

Лариса бросила на нее какой-то странный взгляд.

— Иди мойся. Потом поговорим.

Несмотря на голод, Любе кусок в горло не шел. Ей вдруг стало казаться, что она непременно подавится и умрет. С ней такое случалось, хотя и нечасто. Еще в раннем детстве страх перед едой возникал у нее при нервных перегрузках — перед контрольными, которых она ужасно боялась, перед экзаменами, потом, в юности, — во время ссор с юношами или на почве любовных переживаний. Обыкновенный невроз.

Она решительно отставила тарелку и залпом выпила стакан минеральной воды.

— Почему ты не ешь? Невкусно?

— Вкусно. Спасибо, Лара, я уже сыта. Теперь объясни мне, наконец, что все это значит? Что происходит?

— Любаша, мне придется сказать тебе неприятные вещи. Соберись с духом, пожалуйста.

— Мне не с чем собираться, — усмехнулась Люба, — вся сила духа оказалась растраченной под знойным солнцем турецкого рая. Не надо меня щадить. Все плохое, что могло

случиться со мной, уже случилось. Так где мой Стрельников? Куда подевался?

— Он уехал на две недели в Испанию, в Коста-Браво.

— По делам Фонда?

— Нет, отдыхать.

— Что, сильно утомился? — скептически осведомилась Люба.

— У него медовый месяц.

— Как ты сказала?

Люба решила, что ослышалась. Какой медовый месяц? Стрельников женат больше двадцати лет. Последние два года он прожил с ней, Любой Сергиенко, уйдя от жены и купив себе квартиру. Накануне ее отъезда в Турцию речь шла о том, что он в ближайшее же время оформит развод, и после возвращения Любы они поженятся. Так какой же может быть медовый месяц? С кем? С женой Аллой?

— Я сказала, что у Стрельникова медовый месяц, — отчетливо повторила Лариса Томчак.

— С кем? — пересохшими губами спросила Люба.

— С твоей подружкой Людмилой.

— Нет!

«Уснуть, проснуться и обнаружить, что этого нет...»

— Да. Я тебя предупреждала, что ты услышишь неприятные вещи.

— Значит, он все-таки развелся?

— Еще чего! — фыркнула Томчак. — Будет он напрягаться. Официально он все еще в браке с Аллой. А с Милой он обвенчался в церкви.

— Бред, бред... — прошептала Люба. — Я больна, у меня высокая температура, и все это мне привиделось в бреду. Этого не может быть.

Лариса встала из-за стола, подошла к ней, обняла за плечи, положила прохладную ладонь на ее пылающий лоб.

— Любочка, девочка моя, ты должна это пережить, как бы больно это ни было. И мы с Томчаком, и Леонтьевы с этим не смирились. Я понимаю, тебя это не может утешить, но я хочу, чтобы ты знала: Стрельникова с Милой мы в своих домах не принимаем. Мы все тебя любим, и у нас за тебя душа болит. Но руководить его поступками мы не можем. Это не в наших силах.

Люба прикрыла глаза и откинулась назад, прижавшись затылком к мягкой груди Ларисы.

— Как это случилось?

— Мила вернулась в июне и сразу помчалась к Стрельникову. Якобы рассказывать, как у тебя дела, и передать от тебя письмо. Ты писала ему письмо?

— Да. И просила Милу его передать.

— Ну вот. Ты сама и устроила их встречу. Уж не знаю, как у них там все вышло, но только в июле она уже присутствовала на банкете, куда были приглашены руководители Фонда с женами. Мы с Томчаком, Гена Леонтьев с Анютой, а Володя — с твоей подругой. Мы ведь даже не знали, что Мила — твоя подруга. Просто увидели рядом с ним эффектную блондинку и решили, что он пригласил совершенно случайную девицу себе в пару. Тебя нет, а с Аллой он отношения не поддерживает. Привел ее, чтобы не вызывать у устроителей банкета лишних вопросов. Мы даже значения этому не придали. А в августе, когда Гена Леонтьев отмечал сорокапятилетие, Володя сказал, что придет с Милой. Тогда и вскрылось. Короче говоря, окрутила она его в момент. Любаша, хоть ты мне объясни, что у вас там произошло. Почему вы уехали вместе, а вернулись порознь? Почему ты там застряла? Мы, честно признаться, решили, что у тебя сделался роман с каким-нибудь богатым турком, ты осталась в Турции, а Мила рассказала об этом Стрельникову. Тогда все более или менее понятно. Это так?

— Нет, Лара. Это все не так...

* * *

... Первые пять дней прошли в восторженном угаре. Курортные районы Турции действительно райские места, а уж в апреле, когда еще нет изнуряющей жары, — особенно. Девушки с наслаждением разглядывали выставленные в витринах золотые изделия, приценивались, и в свете будущей зарплаты в две тысячи долларов колье, браслеты и серьги казались им до смешного недорогими. Они заходили в каждый магазин, где продавались кожа и меха, мерили пальто, шубы, куртки и выбирали модели, которые непременно купят, как только заработают деньги. Отбоя от предложений выпить чашечку кофе бесплатно не было, хозяева магазинов, рестора-

нов и баров им улыбались и зазывали к себе, и жизнь казалась радужной и прекрасной. Пригласившие их фирмачи каждый вечер рассказывали о том, где и с кем они говорили насчет работы для девушек и кто и что им обещал. Однако прошло пять дней, потом десять, а с работой ничего не получалось. Денег не осталось совсем, хотя тратили они их очень осторожно, только на еду и то весьма скромно, даже лишний раз кофе выпить не решались. На одиннадцатый день строители объявили им, что ничего не получается. Единственная работа, которую они сумели для них найти, — массажистками в отеле. Выбора не было, купить билет до Москвы им было не на что, и девушки согласились. Обе они в свое время закончили курсы массажистов. Собственно, на этих курсах они и познакомились, подружились, а уж потом вместе решили учиться в гостиничном колледже.

Строители отвезли их куда-то между Сиде и Манавгатом. Через два дня хозяин отеля, свободно говоривший по-английски и по-немецки, пригласил их поужинать и высказал свое предложение по-деловому просто и без обиняков. Однако и не обиделся, услышав в ответ мягкое вежливое «нет». Любе казалось, что вопрос тем самым был исчерпан раз и навсегда. До середины мая девушки вкалывали, как проклятые, массируя спины, животы, бока, ноги, покрытые бронзовым загаром и пахнущие соленой средиземноморской водой. Апрельские гости отеля были в основном из Германии и Норвегии, к середине мая стали появляться русские. Соотечественники охотно вступали в разговоры с хорошенькими массажистками, спрашивали о порядках в отеле, интересовались, много ли девушки здесь зарабатывают. Услышав ответ, презрительно фыркали. Стоило ли уезжать за границу, чтобы ломаться за такие гроши.

— Зато мы весь сезон на курорте, — весело отвечала Люба. — И бесплатно. А вы — только две недели.

Разумеется, ей не было весело, и работу свою она вовсе не считала пребыванием на курорте. Рабочий день — с девяти утра до девяти вечера и без выходных. Четырехзвездный отель должен обеспечивать своим гостям услуги в любое время. Но не рассказывать же этим довольным жизнью отдыхающим о своих бедах. Люба терпеть не могла, когда ее жалели и считали несчастной или неудачницей.

По прошествии месяца подошло время получать первую

зарплату — обещанные владельцем отеля сто пятьдесят долларов. И тут Любу настиг очередной удар. Хозяин заявил, что дела у отеля идут плохо, гостей намного меньше, чем ожидалось, и платить массажисткам ему нечем. Пусть отработают еще месяц, потом, если дела пойдут хорошо, он заплатит за весь период работы.

Девушки устроили скандал, кричали, плакали, умоляли. Владелец велел им прийти на следующий день после обеда, он подумает, что можно сделать.

— Он нас дурит, — зло говорила Люба. — Даже если мы останемся еще на месяц, нет гарантий, что он нам заплатит. Он так и будет кормить нас «завтраками».

Мила угрюмо молчала. Они оказались в абсолютно бесправном положении. Туристическая виза, которую они получили за десять долларов, прилетев в Анталию, действительна всего месяц, и месяц этот истек две недели назад. Теперь, чтобы иметь право хоть на что-нибудь, нужно получать новую визу, которая стоит уже намного дороже. Они не могут обратиться в полицию, чтобы выколотить деньги из хозяина, потому что у них нет права работать в Турции. Они не могут вообще ничего.

На следующее утро они снова вышли на работу. Люба решила, что это правильно: не нужно злить хозяина. Если прогулять, он, может быть, и заплатит обещанные деньги, но на второй месяц их не оставит. До обеда Люба успела обслужить пять человек, закрыла массажный кабинет и постучала в соседнюю дверь, за которой работала Мила. Пора было идти к хозяину. Дверь оказалась запертой. Люба несколько раз подергала за ручку и на всякий случай громко позвала подругу. Она знала ее характер и потому была уверена, что Мила занимается не только оздоровительным массажем. Но по царящей за дверью тишине стало понятно, что Милы там нет.

Люба поднялась в офис к хозяину. Сидевшая в приемной секретарша бросила на нее сочувственный и какой-то сальный взгляд, от которого Любе стало не по себе.

— Шефа нет, — сообщила она, и Любе показалось, что она с трудом сдерживает гадкую ухмылку.

— А когда будет?

— Завтра.

— Но он назначил нам прийти сегодня. Он должен заплатить нам за работу.

— Он уже заплатил, — сообщила секретарша и все-таки ухмыльнулась.

Люба опрометью бросилась в ближайшую деревню, где они с Милой снимали комнату. Ворвавшись в дом, она сразу увидела подругу, складывающую в сумку свои вещи.

— Заплатил? — запыхавшись, радостно спросила Люба.

Мила подняла на нее холодные голубые глаза, не прекращая своего занятия.

— Мне — да.

— Что значит «тебе — да»? — не поняла Люба. — А мне?

— А тебе — нет.

— Как это? Почему?

— Потому что нечего строить из себя целку-невредимку. Ты что, маленькая? Не понимаешь, как здесь деньги зарабатываются?

Люба в изнеможении присела на стул. Только сейчас она почувствовала, как от бега по полуденной жаре колотится сердце.

— Ты ему дала?

— Милая моя, не «дала», а «давала», весь этот месяц, каждый Божий день. За это он мне и заплатил. Если бы ты была поумнее, он бы и тебе заплатил. А так — сиди, соси палец.

— Но ведь я работала! — в отчаянии воскликнула Люба. — Я же вкалывала как вол! Думаешь, я не видела ничего? Я в день делала по пятнадцать-двадцать массажей, а ты — максимум пять-шесть, я считала. У нас нагрузка считается общая, но я же работала в три раза больше тебя, потому что ты еще и с клиентами трахалась. Я знаю, мне через стенку все слышно. К тебе в кабинет только мужики ходили, знали, за чем идти.

Мила рывком застегнула «молнию» на сумке и вскинула ремень на плечо.

— Да, я трахалась с клиентами. И с хозяином тоже. И заработала деньги. А ты — нет. Потому что каждый зарабатывает как умеет. В первый же вечер, когда хозяин сделал нам предложение, все могло бы решиться. Если бы ты не была такой дурой и недотрогой, мы бы как сыр в масле катались. Мы обе должны были согласиться, за групповуху он отвалил бы куда больше денег. А если бы мы согласились ложиться под лесбиянок из числа отдыхающих или под дряхлых стариков, мы бы уехали отсюда в бриллиантах с ног до головы. Но только обе, понимаешь? Вместе. Проститутка-одиночка сей-

час никакой ценности не имеет, их вон пруд пруди, в том числе и из наших, русских. Сейчас ценится только хорошая группа. А ты со своими идиотскими принципами и сама денег не заработала, и мне не дала. Все, привет.

Она решительно двинулась к двери.

— Куда ты? — беспомощно спросила Люба.

— Куда надо. С такой, как ты, все равно каши не сваришь. Буду сама выбираться из этого болота.

Дверь за ней закрылась. Минут через пять Люба спохватилась, что не спросила Милу, заплатила ли она домохозяину свою долю за снимаемую комнату. Она выскочила из дома и помчалась к стоянке такси, но было поздно. Турция — не Россия, здесь такси ждать не приходится, они всегда под рукой.

Она все-таки пошла к владельцу отеля на следующий день.

— Если вы заплатили моей подруге, то должны заплатить и мне, — твердо сказала она.

— Твоя подруга работала гораздо лучше, — невозмутимо ответил владелец, — поэтому ей я заплатил. А ты работала плохо. Нагрузка у вас была средняя, не более двадцати пяти человек в день на двоих, вы не особенно надрывались, но к ней ходили постоянные клиенты, а это означает, что им нравилось, как она работает. Раз нравилось клиентам, значит, нравилось мне. Это принцип работы нашего отеля.

— Из этих двадцати пяти массажей двадцать делала я, — пыталась убедить его Люба, — а Мила — только пять. Это несправедливо. Вы должны заплатить за мою работу. В конце концов тот факт, что к Миле ходили постоянные клиенты — это в немалой степени и моя заслуга. Я вкалывала без продыха, чтобы клиенты не ждали в очереди, потому что Мила делала массаж очень долго. Слишком долго. Вы не можете не понимать, с чем это связано. Если бы я работала так же медленно и с перерывами, как она, гостям пришлось бы ждать под дверью, и они наверняка пришли бы к вам жаловаться. Но они ведь не жаловались, верно? Значит, я тоже работала хорошо. И вы должны мне заплатить за месяц работы.

— Ничего не знаю, — отмахнулся турок. — Я с самого начала предупреждал, что нагрузка считается на весь массажный кабинет в целом, а не на каждую массажистку в отдель-

ности. Разбирайтесь между собой сами. Это ваши проблемы. Я дал деньги твоей подруге, пусть она с тобой поделится.

Люба исчерпала запас вежливого красноречия и сдалась. Она поняла, что если хозяин платить не хочет, а он именно не хочет, то сделать с этим она ничего не сможет. Она здесь бесправное существо, живущее без визы, без денег и без разрешения на работу.

Оказалось, что и за комнату Мила свою долю не заплатила. К счастью, домохозяин был жалостливым человеком и согласился поверить Любе на слово, что она обязательно заплатит, когда сможет. Через пару дней Люба поняла, что так продолжаться не может. Денег взять негде. Пришлось снова идти к домохозяину. Тот подумал немного и предложил ей работать в его магазине за угол и еду. За пару месяцев, сказал он на плохом немецком, ты свой долг отработаешь.

Работа в магазине трикотажных изделий состояла в том, чтобы зазывать русских покупателей и заниматься ими. Стоять на пороге или сидеть на улице на стульчике и бросаться наперерез каждому русскому, предлагая посмотреть товар. Это было ужасно. Люба знала, что русские покупатели принципиально отличаются от всех других. Немец, норвежец или англичанин никогда не пойдет в магазин, если ему не нужно что-то конкретное. Когда нужно — он идет и покупает. Когда не нужно — сидит в баре и попивает пиво. Русские же, отравленные десятилетиями дефицита и «доставаний», привыкли заходить в магазин на всякий случай, авось что дают. Пусть и ненужное, но дефицитное, которое может пригодиться потом, когда-нибудь. Это осталось в крови, несмотря на то, что в России, по крайней мере в Москве, понятие дефицита уже исчезло из обихода, и в магазинах было все, что душа пожелает. Русские, которых Любе удавалось зазвать в магазин, придирчиво разглядывали майки, блузки, сарафаны, спортивные костюмы, спрашивали, сколько стоит в долларах и в турецких лирах, просили показать другой цвет или размер и ничего не покупали. Люба судорожно раскрывала пакеты, раскладывала изделия на столе, расхваливая их качество, торопливо рылась на полках, отыскивая то, что они просили, твердо зная при этом, что ничего не выйдет. Они просто валяют дурака, получая удовольствие от того, что с ними так носятся.

В начале июня вдруг объявилась Мила, увешанная золо-

тыми цепями и браслетами, лоснящаяся довольством и еще больше постройневшая. Люба не сомневалась, что стройность эта приобретена в результате систематических физических упражнений «верхом на партнере».

— Я уезжаю, — объявила она. — Просьбы, поручения?

Люба быстро набросала коротенькое письмо Стрельникову, сложила в конверт и приписала сверху номера телефонов — домашнего и в офисе.

— Больше ничего? — удивленно спросила Мила.

— Больше ничего. Как видишь, похвастаться мне пока нечем, так что сообщать о себе мне нечего. А родителям я и так звоню.

— Ну как знаешь, — пожала плечами подруга.

К концу июля владелец дома и магазина наконец заявил, что Люба больше ничего ему не должна и может считать себя свободной. К этому времени она успела познакомиться с двумя молодыми казахами, которые учились в Турции, а летом подрабатывали точно так же, как она, в магазинах. Один — в ювелирном, другой — в меховом. Это были веселые бойкие парни, не стеснявшиеся своей работы и, казалось, не чувствовавшие себя униженными. Они объяснили Любе ее первоначальную ошибку: не нужно было соглашаться на оплату работы помесячно, нужно было требовать, чтобы владелец отеля платил за каждый день работы. Здесь это принято.

Вообще в Турции оказалось множество казахских студентов. Турция заключила договор с Казахстаном о взаимном обмене студентами, и казахские ребята, приехавшие в рамках этого соглашения учиться в Стамбул и Анкару, летом работали в курортной зоне. Все они прилично говорили по-турецки, потому что первый год обучения считался подготовительным и был посвящен полностью изучению языка и литературы. Со знанием языка им было, конечно, намного проще, да и друзьями они здесь обзаводились. Казахские парни и помогли Любе найти другую работу, не такую унизительную и дававшую хоть какую-то перспективу рано или поздно уехать. Это была работа менеджера в ресторане «Дюпон» в Кемере.

Впрочем, слово «менеджер» оказалось, разумеется, эвфемизмом, прикрывающим все ту же работу зазывалой и переводчиком. Ресторан находился на территории комплекса

«Марина», что означало «Приморский», и был расположен между огромным пятизвездным отелем «Тюркиз» и пляжем. Хозяин ресторана, окидывая Любу с ног до головы плотоядным взглядом, поставил свои условия. За каждого русского посетителя ей будет начисляться доллар. Кормить ее будут на пятнадцать долларов в день. Плата за жилье — тоже пятнадцать долларов в сутки. Таким образом, чтобы оправдать свое пребывание в «Дюпоне», она должна обеспечить как минимум тридцать клиентов. Все, что получится сверх этого, будет накапливаться до тех пор, пока не хватит на билет до Москвы и на дополнительный визовый взнос. А это без малого пятьсот долларов. Рабочий день с двенадцати дня до полуночи. Она должна привлекать посетителей в ресторан, помогать им с меню, объяснять, что из чего приготовлено, быть милой и любезной и всеми силами стараться сделать так, чтобы они почувствовали себя в «Дюпоне» уютно и комфортно и обязательно пришли еще раз и привели с собой друзей. И чтобы заказывали много.

Доллар с клиента. Даже чашка кофе стоила два доллара. А стакан свежего апельсинового сока — еще дороже. Если питаться на пятнадцать долларов в сутки, ожирение тебе не грозит. Порция рыбы с гарниром — двенадцать долларов, мясо, конечно, дешевле, еще два доллара — простой овощной салат из помидоров, огурцов и лука с оливковым маслом.

В ресторан заходили довольные жизнью загорелые курортники в еще не просохших после купания плавках и купальниках. Такие же москвичи, как и сама Люба, они казались ей существами с другой планеты. Она бросалась к ним, приглашая посетить ресторан, предлагая свою помощь в выборе и заказе блюд, но частенько наталкивалась на высокомерный взгляд и произносимое холодно:

— Я говорю по-английски и в вашей помощи не нуждаюсь.

Как правило, это говорили роскошные длинноногие девицы, чем-то неуловимо похожие на Милу. Они не хотели быть русскими в этом курортном раю, они хотели быть иностранками, отдыхающими в международном отеле и свободно пользующимися международным английским языком. Как немцы, англичане, датчане, итальянцы и австралийцы, которые в сентябре — октябре понаехали в Кемер.

Предложений «поправить материальное положение» кро-

ватно-постельным способом было много, но Люба не смогла себя переломить, хотя случались минуты, когда она всерьез пыталась это сделать. Уговаривала себя, убеждала, что это вынужденная мера, а не блядство, но при мысли о том, что будет делать с ней потный волосатый турок с масляными глазками и кривыми ногами, к горлу подкатывала тошнота. Ну почему к ней пристают именно такие? Ведь есть же красивые молодые турецкие парни, высокие, стройные, с мускулистыми ногами и огромными сияющими глазами в обрамлении невероятной длины ресниц. Если бы ее материальное благополучие было поставлено в зависимость от такого вот красавца, ей легче было бы уговорить себя и уступить. Все-таки не очень противно, можно перетерпеть.

Но за месяцы, проведенные в Турции, Люба быстро поняла, что для молодых красавцев она интереса не представляет. Молодые красивые турецкие мальчики специализируются на дамочках средних лет и старше, желательно состоятельных и с неутоленным сексуальным голодом. Дамочки ищут здесь плотских утех вдали от скучных мужей и надоевших любовников (если таковые вообще у них имеются) и готовы за это хорошо платить, а юные турецкие аполлоны-жиголо готовы пойти им навстречу и неплохо подзаработать. Такие же, как Люба, светловолосые молодые славянки, представляют интерес только для мужчин постарше, которые сами уже лишились внешней привлекательности, но зато готовы платить за удовольствие.

Так и тянулись дни. С полудня до полуночи — «Добрый день, загляните в наш ресторан, в нашем меню всегда свежая рыба, креветки, омары, другие морепродукты, кебаб... Простите. Всего доброго. Надеюсь, вы все-таки к нам зайдете...» Голос просительный, жалкий, униженный, и сама она жалкая и униженная, а мимо проходят сияющие счастьем и здоровьем соотечественники, и самое большее, на что они способны, это удостоить Любу таким же взглядом, каким смотрят на бездомную собаку, которую, конечно, жалко, но никому в голову не придет взять к себе домой. Жара, духота, зной, отдыхающие ходят в купальниках или в крайнем случае в майках и шортах, а она должна целый день быть «при параде», в юбке и блузке, в босоножках на каблуках, которые безжалостно натирают распухающие от жары ноги. От запахов, доносящихся с кухни, кружится голова, потому что Люба по-

стоянно голодна. Но разве можно сказать об этом хозяину? Он, конечно, начнет кормить ее лучше, но ведь за ее же счет. Будет отчислять не по пятнадцать долларов, а по двадцать. Зазвать в ресторан двадцать человек — это только на пропитание. Нет уж, лучше потерпеть. В полночь «Дюпон» закрывался, и Люба плелась туда, где снимала угол. Это был именно угол, а не целая комната. Четыре девушки — три студентки-турчанки и она сама — ютились в тесной конуре без кондиционера и с единственным крошечным окошком где-то под потолком. Дышать нечем, все тело покрыто липким потом, и задремать удается только ближе к рассвету, когда становится чуть прохладнее. В семь утра студентки вставали — их рабочий день начинался в девять, и хотя идти было недалеко, собираться они начинали заранее. В доме был только один туалет, совмещенный с душем, и пользовались им все обитатели — без малого человек пятнадцать, включая и хозяев. Чтобы умыться, приходилось стоять в очереди. После ухода студенток спать уже было невозможно, дом наполнялся голосами проснувшихся детишек, да и жарко становилось. К двенадцати — снова на работу. И до полуночи.

Вот, собственно, и все...

* * *

Еще там, в красивом нарядном Кемере, Люба дала себе слово никому не рассказывать подробно о своей жизни в Турции, чтобы снова не чувствовать себя униженной и обманутой и не вызывать в собеседнике жалость. Однако сейчас, рассказывая свою горестную эпопею Ларисе Томчак, она не чувствовала ни обиды, ни унижения. Только безразличие. Словно все это было не с ней, и она просто пересказывает чью-то историю, прочитанную в книжке или услышанную от случайного попутчика. Лариса слушала внимательно, не перебивала. И только в самом конце спросила:

— И ты это так оставишь?

— Что — это? — устало сказала Люба.

— То, что сделали твоя подруга и твой друг. То, что она тебя предала и бросила одну, без денег в чужой стране. То, что она сошлась со Стрельниковым. То, что Стрельников предал тебя. Неужели ты готова их простить?

— Не знаю, Лара. Я пока ничего не знаю, кроме того, что

я страшно устала и что мне некуда идти. Я не могу явиться домой без денег и без подарков. Эту проблему я должна решить в первую очередь.

— Решим, — пообещала Лариса. — И деньги найдем, и шмотки, и сувениры. Я обзвоню знакомых, сейчас все поголовно отдыхают в Турции, наверняка у кого-то остались нераздаренные сувениры и непристроенные покупки. Поживешь пока у нас.

— А Слава? Я вам не помешаю?

— Слава живет на даче и в ближайшее время не вернется.

— Почему? У вас конфликт?

— Да нет, — махнула рукой Лариса, — у него душевный кризис. Мой Томчак остался без работы. Переживает, страдает. В такие периоды он любит побыть один.

— Как без работы? Он ушел от Стрельникова?

— Это Стрельников твой ненаглядный ушел от него. И от него, и от Гены Леонтьева. Бросил их, точно так же, как бросил тебя. Господи, — простонала Лариса, обхватив голову руками, — если бы ты только знала, Любочка, как я его ненавижу! Как я его ненавижу! Я его убить готова.

Глава 2

Домой Люба Сергиенко вернулась только через три недели после приезда из Турции. Все это время она прожила у Томчаков. Сердобольная Лариса полностью вошла в ее положение и заявила, что в таком виде показываться на глаза родителям действительно нельзя. Люба, конечно, смотрела на себя в зеркало каждый день на протяжении всех месяцев, проведенных за границей, но именно поэтому и не заметила тех разительных перемен, которые сразу бросались в глаза тем, кто не видел ее все это время. Глаза ввалились и потускнели, и в них появилось выражение жалкое и просительное. Щеки запали, цвет лица оставлял желать много лучшего. И если отсутствие загара можно было объяснить ежедневным пребыванием в офисе и работой без выходных, то изможденное недоеданием и недосыпанием лицо нельзя было объяснить ничем. А уж этот затравленный взгляд...

Лариса велела Любе спать как можно больше, кормила ее на убой, заставляла пить витамины, а сама тем временем мо-

талась по знакомым, выпрашивая у них привезенные из Турции шмотки и сувениры. С деньгами проблем не было, у Ларисы их было немного, но вполне достаточно, чтобы замазать глаза Любиным родителям.

— Отдашь, когда сможешь, — решительно заявила она, протягивая Любе конверт с тремя тысячами долларов. — Это не к спеху. Деньги мои личные, Томчак о них ничего не знает. Экономила на всякий случай, вот и пригодилось.

— А как же вы? — виновато спросила Люба. — Ты сказала, Слава сидит без работы. На что же вы жить будете?

— На то, что заработали за последние годы. Твой Стрельников тот еще жук, и сам денег нагреб, и нам еще осталось. Ты пойми, трагедия Славкина не в том, что он остался без работы и нам теперь жить не на что, а в том, что Стрельников его кинул. Сорвал с хорошего места, потащил с собой, потом, когда уходил в Фонд, снова его с собой позвал, а теперь Славка ему не нужен. И с Геной Леонтьевым такая же история. Если бы они оба в свое время за Стрельниковым не пошли, сейчас заведовали бы кафедрами или лабораториями, а то и проректорами бы уже стали. А теперь кому они нужны? Наука, Любочка, страшная вещь, страшнее женщины, она измен не прощает. К брошенной бабе можно вернуться, если поплакаться как следует и разжалобить ее, а науке твои слезы и покаянное битье себя в грудь не нужны. Она на месте не стоит, развивается, и если ты хотя бы год ею не занимался, — все, ты безнадежно отстал. Новые открытия, новые направления, новые идеи. Не догнать. То есть догнать-то можно, если захотеть, но пока не догонишь, ты никому не нужен, ни в одно приличное место тебя не возьмут. А пока будешь догонять, про тебя и вовсе забудут. Кто такой Томчак? Ах, тот, который пять лет назад монографию написал? Да, что-то припоминаю. А что он в последние годы делал, о чем писал, какое направление разрабатывал? Никакое? Тогда вообще о чем разговор. И все, привет горячий.

Ненависть Ларисы к Стрельникову была огромной. Бездонной. Безмерной. Но говорить об этом она могла только с Аней Леонтьевой и с Любой. Ни ее муж, ни муж Ани и слышать ничего не хотели. Для них Стрельников был фигурой неприкосновенной, и говорить о нем дурно было запрещено категорически.

— Почему Слава ему все прощает? — недоумевала Люба. — Неужели он не понимает того, что понимаешь ты?

— Да не хочет он понимать. Он влюблен в своего Стрельникова, как девица в жениха. Что бы этот изверг ни делал — все хорошо. Ума не приложу, чем он их с Генкой так приворожил...

...Когда Владимир Алексеевич Стрельников стал ректором института, он тут же начал собирать вокруг себя команду преданных единомышленников. Перед ним было два пути: убеждать людей, заражать их своими идеями реорганизации вуза и усовершенствования учебного процесса, добиваться понимания и согласия со своей позицией, или просто пригласить верных друзей, которые будут плясать под его дудку и воплощать его идеи в жизнь. Друзья — они и есть друзья, они не подведут, на них можно переложить всю текущую работу, от них можно требовать беспрекословного подчинения и выполнения указаний и быть уверенным, что все будет сделано как надо. Потому что друзья не подведут и не подставят. Второй путь был куда проще, и Стрельников пошел именно по нему. Вячеслав Томчак был в то время заведующим лабораторией в одном из профильных НИИ и считался весьма перспективным ученым, Геннадий Леонтьев руководил в другом вузе кафедрой психологии управления. Стрельников предложил Томчаку должность проректора по научной работе, а Леонтьеву — должность заместителя по кадрам. Даже не предложил, а попросил:

— Переходи ко мне. Ты мне нужен.

Эти слова были священными. Раз друг говорит, что нуждается в тебе, нуждается в твоей помощи, нельзя отказать. Даже если переходить очень не хочется. Томчак в тот период уже вплотную приступил к написанию докторской диссертации, но по первому же слову Стрельникова бросил науку и перешел к нему в институт. Правда, Стрельников что-то такое говорил насчет того, что, дескать, на этой должности будет возможность заняться докторской, и Томчак ему поверил, но уже через неделю понял, что к настоящей науке его должность и близко не лежала. Это была хлопотная суматошная административная работа, которая включала в себя не только контроль за ходом выполнения плана научно-исследовательской работы на кафедрах, но и организацию семинаров и конференций, обеспечение научного рецензирования,

руководство работой аспирантуры института и множество других вещей, совершенно не интересных человеку, занимающемуся чистой наукой. Нехватка бумаги или поломка техники на участке оперативной полиграфии, где тиражируются подготовленные сотрудниками института научные и учебно-методические работы, слишком большой конкурс в аспирантуру, необходимость раздобыть машины и привезти на заседание ученого совета строптивых старых профессоров, которые сказались немощными и поставили под угрозу срыва защиту чьей-то диссертации, выбивание из финансистов денег на приобретение книг для институтской библиотеки — всем этим пришлось заниматься несостоявшемуся доктору наук Вячеславу Томчаку. И это при том, что до прежней работы он успевал добираться за тридцать пять минут, а теперь тратил на дорогу по полтора часа в один конец.

Самым неприятным было то, что Стрельников, судя по всему, не собирался быть ректором до конца своих дней. Все его друзья знали, что дольше двух-трех лет он ни в одном кресле не высиживал. Ему становилось скучно, он рвался к новым просторам и новым вершинам, менял сферу деятельности, затевал новые дела. Томчак и Леонтьев, по прямому указанию ректора жестко закрутившие все гайки и нажившие себе в институте множество врагов, подспудно ждали того дня, когда их друг Володя уйдет из института. Они твердо знали, что после его ухода они здесь не останутся. Придет новый ректор и начнет избавляться от старой команды, как это сделал в свое время сам Стрельников.

Их прогноз сбылся. Не прошло и трех лет, как Стрельников задумал организовать Фонд поддержки и развития гуманитарного образования. К немалому облегчению своих друзей-заместителей, он позвал их с собой. Однако предусмотрительная Лариса Томчак уже тогда предупреждала мужа:

— Не делай этого, Слава, лучше вернись в науку, пока не стало слишком поздно. Трехлетний перерыв пока еще можно как-то наверстать, тем более что ты сейчас на должности проректора по науке, а с этой должности вполне можно уйти заместителем директора какого-нибудь НИИ. Если ты потащишься за Стрельниковым в Фонд, это будет уже необратимо. Людей, уходящих с государственной службы в бизнес, обратно не берут, их там не любят. Максимум, на что ты смо-

жешь рассчитывать после работы в Фонде, это старший научный сотрудник. Не высоко падать-то будет?

— Я нужен ему, — упрямо твердил Томчак. — Он меня попросил уйти вместе с ним.

С этим Лариса ничего не смогла поделать. И точно в таком же положении оказались супруги Леонтьевы. Анна умоляла мужа одуматься, пока не стало поздно, а тот, в свою очередь, произносил выспренние слова о мужской дружбе. Томчак и Леонтьев ушли из института вместе со Стрельниковым в придуманный и созданный им самим Фонд. И вот теперь, как выяснилось, Владимир Стрельников занял высокую должность в аппарате Госкомвуза, бросив своих верных товарищей на произвол судьбы. Оба они были совершенно не приспособлены к коммерческой деятельности, не любили ее и плохо понимали. Руководить Фондом без оборотистого, энергичного, предприимчивого Стрельникова они не могли. Более того, налаживая работу Фонда, они, как и несколько раньше в институте, проявляли по приказу своего шефа жесткость и требовательность к остальным сотрудникам. Даже в тех случаях, когда Владимир Алексеевич был совершенно очевидно не прав или несправедлив, они демонстрировали солидарность с ним перед сотрудниками, которые приходили искать у них защиты и понимания. Этого требовали законы корпоративности и мужской дружбы. После всего этого трудно было ожидать, что с уходом Стрельникова все в Фонде останется по-прежнему. Недоброжелателей и врагов у Томчака и Леонтьева и здесь оказалось предостаточно, и все они взбодрились и подняли головы, с энтузиазмом выискивая возможность поквитаться с обидчиками.

Но все это было, так сказать, глобально. Это было тем фундаментом, на котором возвела свое здание злость и ненависть. Однако, кроме фундамента, необходимы и кирпичи. Их Стрельников поставлял Ларисе Томчак и Анне Леонтьевой бесперебойно.

У него была очаровательная привычка звонить часов около шести из машины и говорить своей секретарше:

— Наталья Семеновна, скажите Томчаку, чтобы не уходил. Он мне нужен. Я буду через двадцать минут.

И Томчак сидел в своем кабинете как привязанный. Через полчаса он звонил в приемную, недоумевая, почему

Стрельников до сих пор его не вызвал, раз уж он ему так нужен. Наталья Семеновна отвечала:

— Владимир Алексеевич занят, у него посетители.

Томчак ждал. Каждые десять минут звонила Лариса, потому что они собирались куда-то идти: в гости, в театр, на банкет, и вообще у них были вполне определенные планы на этот вечер. В конце концов, она ждала мужа к ужину, без него за стол не садилась и хотела хоть какой-то определенности.

— Иди домой, — говорила Лариса. — Ничего не случится.

— Он просил, чтобы я не уходил. Я ему нужен.

Наконец в девятом часу распахивалась дверь и на пороге кабинета Томчака возникал Стрельников собственной персоной, невозможно красивый, в распахнутой дорогой куртке и с сотовым телефоном в руках.

— Собирайся, пошли по домам, — говорил он как ни в чем не бывало.

— Ты хотел о чем-то поговорить со мной? — робко напоминал Томчак.

— Завтра поговорим. Мне пришла в голову одна идея, завтра расскажу.

Ему ни разу не пришло в голову предложить Томчаку, добросовестно отпускавшему водителя служебной машины ровно в шесть часов, подвезти его на своей машине, коль уж тот так сильно задержался в институте по его же просьбе. А о том, чтобы извиниться, даже и речи быть не могло. Но так происходило далеко не всегда. Случалось, что взбесившийся от бесцельного ожидания Томчак сам шел в кабинет к ректору и с удивлением обнаруживал запертую дверь. Стрельников уже ушел, даже и не вспомнив о том, что «привязал» своего заместителя к месту просьбой дождаться его.

Он распоряжался своими заместителями как собственными рабами, совершенно не думая о том, что у них есть какие-то планы, нужды и вообще жизнь. И при этом мастерски избегал возможных объяснений по этому поводу. Мог, например, в четверть десятого утра позвонить неизвестно откуда (в том числе, из теплой постели) секретарю Наталье Семеновне со словами:

— Скажите Леонтьеву, что он должен быть в десять часов в министерстве на совещании. Если его нет на месте, пошлите Томчака. Я буду после часа.

О необходимости присутствовать на совещании в министерстве было известно за три дня, но, проснувшись поутру, Стрельников вдруг понимал, что ехать туда ему смертельно неохота. Хорошо, что на свете существуют заместители, которых можно послать на совещание вместо себя. И хорошо, что существуют секретари, которым можно поручить передать указание начальника. Ведь если он сам будет звонить своим замам, то велика вероятность услышать, что они не могут ждать его или ехать на совещание по каким-то очень уважительным причинам, с которыми Стрельников как человек нормальный просто не сможет не считаться. А секретарю они эти причины объяснять не будут, потому что не может же секретарь отменить приказ ректора. И его совершенно не интересовало, сколько заранее назначенных деловых встреч и телефонных переговоров было сорвано при этом. Ибо значение имели только ЕГО встречи и ЕГО переговоры.

Он даже не подозревал, сколько домашних скандалов разгоралось по его вине и сколько нервов было истрепано женам и детям своих друзей-заместителей. Два таких скандала были особенно показательными, так как испортили настроение надолго и, соответственно, надолго запомнились. Первый из них случился в семье Леонтьевых. Двенадцатилетняя дочка Леонтьевых Алиса лежала в больнице, ей сделали полостную операцию и через три дня должны были выписывать. Вообще-то полагалось бы продержать ее как минимум неделю, до снятия швов, но очередь на госпитализацию была огромная, и детишек старались выпихнуть домой как можно раньше, если родители не возражали. Геннадий Леонтьев предупредил секретаря, что утром должен забирать дочку из больницы и до обеда его в институте не будет, и договорился с водителем своей служебной машины, что тот заедет в половине десятого за ним и Анной. В половине десятого машина к дому не приехала. Сначала родители не особенно волновались, полагая, что машина, вероятно, застряла где-то в пробке и с минуты на минуту подъедет. Однако в десять ее все еще не было. Геннадий поднялся в квартиру и позвонил в институт. То, что он услышал, его ошарашило. Оказалось, что Владимир Алексеевич утром потребовал его машину для себя, потому что его личная машина сломалась, а на служебной он отправил Любу встречать в аэропорту какую-то не то родственницу, не то подружку. Стрельникову даже в голову не

пришло сначала позвонить самому Леонтьеву и спросить, не нужна ли ему машина. Главным было то, что машина была нужна самому Стрельникову, а остальное не имело ровно никакого значения.

Геннадий запаниковал. Его предупредили, что к десяти часам Алиса будет выписана, и просили не опаздывать, чтобы девочка не ждала в холле больницы. Дожидаться, пока за ней приедут родители, в отделении не собирались, ровно в десять из приемного покоя поступят новые больные, такой заведен порядок, и Алисина койка понадобится для другого ребенка. Геннадий поймал частника, который за безумные деньги согласился поехать на другой конец Москвы в больницу и привезти их обратно вместе с Алисой. Всю дорогу до больницы Анна напряженно молчала, но Геннадий понимал, что думают они об одном и том же: маленькая девочка с разрезанным животом и нестерпимо болящим швом одиноко сидит в холле и не понимает, почему мама и папа за ней не приезжают. Водитель выбрал не самый удачный путь, ухитрившись попасть во все заторы, которые только можно было отыскать в этот час в столице, кроме того, выяснилось, что он не рассчитывал на такой длинный маршрут, и ему нужно подъехать на заправку. В больнице Леонтьевы оказались только в первом часу дня. Алиса, бледная и дрожащая, сидела на стульчике, судорожно прижимая к груди пакет со своими вещами, и по ее щекам градом катились слезы. Увидев бегущих к ней родителей, она разрыдалась, трясясь всем телом, и громко плакала всю обратную дорогу, успокоившись только тогда, когда оказалась в своей комнате и поняла, что кошмар действительно кончился. Ей было очень больно сидеть на этом проклятом неудобном стуле, потому что шов был еще совсем свежий. И очень страшно, что родители забыли за ней приехать и ей придется тут сидеть до завтрашнего дня. После операции девочка была слабенькой, и пережитое волнение вылилось в самый настоящий нервный стресс. Она отказывалась от еды и все время принималась плакать. Анна не выдержала и впервые за долгое время решила высказать мужу все, что думает о его любви к своему другу-начальнику.

— Он же в грош тебя не ставит, он плевать на тебя хотел, он тебя с дерьмом смешивает, а ты только благодарно улыбаешься и задницу ему лижешь! Неужели тебе самому не про-

тивно? Ну есть у тебя хоть капля гордости или нет? Где твое самолюбие? Почему ты позволяешь ему так с собой обращаться?

Геннадий пытался объяснить жене, что нельзя сердиться на Стрельникова за то, что тот думает только об интересах дела и забывает о личном.

— Володя — мой друг, и я уверен, что он уважает меня так же, как и я его. Если он взял мою машину, значит, ему действительно было очень нужно, иначе он не сделал бы этого.

— А тебе, выходит, не нужно? — взвилась Анна. — Больной ребенок после операции сидит в холодном холле и умирает от страха и боли — на это можно наплевать? Да если бы это был его ребенок, он бы две институтские машины взял, чтобы поехать в больницу. На одной бы сам ехал, вторая бы следом шла на всякий случай, вдруг первая сломается, так чтобы сразу пересесть и ехать дальше, не дай Бог его ребенок лишнюю минуту прождет.

Ссора зашла слишком далеко, посыпались взаимные оскорбления, и в этом конфликте Леонтьевы увязли надолго.

Другой памятный скандал случился у Томчаков. К Ларисе обратилась ее давняя добрая приятельница, сын которой учился как раз в институте у Стрельникова. С сыном произошла неприятность, он попал в милицию вместе с двумя товарищами «за хулиганку». Собственно, хулиганил только один из них, сцепился с продавцом палатки, у которого не оказалось сдачи с крупной купюры, начал громко качать права, продавец не менее громко отвечал, оба схватили друг друга за грудки, а тут и милиция подоспела. Забрали всех троих, и уже в отделении оказалось, что все трое находятся в нетрезвом состоянии. В общем-то это было простительно, у дебошира был день рождения, и ребята, естественно, его отмечали, причем были даже не сильно пьяны, а так, слегка выпивши. Но тест показал алкоголь, и факт нарушения общественного порядка в нетрезвом виде был налицо. В институт, где учился сын Ларисиной приятельницы и которым руководил ее муж, пришла бумага, и Стрельников, рьяно взявшийся за укрепление дисциплины среди студентов, велел подготовить приказ об отчислении парня. Ладно бы еще, если б это случилось в мае, тогда юноша успел бы, может быть, поступить в другой институт. Но случилось это в марте, и после отчисления его в весенний призыв заберут в армию. А вдруг в Чечню пошлют?

Мать этого не переживет. Что угодно, только не отчисление. Мера была излишне суровой, проступок был административным, а не уголовно наказуемым, таким же, по сути, как безбилетный проезд в транспорте или превышение скорости водителем автомашины. Месяца не проходило, чтобы на кого-нибудь из студентов не присылали подобную бумагу. Однако политика «закручивания гаек» требовала жестких мер, и сын Ларисиной подруги попал под пресс.

Лариса пообещала поговорить с мужем. Томчак отнесся с пониманием к беде женщины, которую тоже давно знал, и пошел к Стрельникову. Тот, как обычно, был очень занят, поэтому даже не дослушал своего заместителя по науке до конца.

— Хорошо, — кивнул он, набирая очередной номер телефона и готовясь к следующему разговору, — я дам указание, чтобы приказ переделали. Ограничимся строгим выговором.

Томчак вернулся в свой кабинет и туг же позвонил жене.

— Передай Галочке, что все в порядке. Парня не отчислят. Выговор, конечно, влепят, но это ерунда. Главное, в армию не загремит.

Тем же вечером счастливая мать явилась домой к Томчакам с шампанским и огромной коробкой конфет и долго благодарила Славу, глотая слезы и преданно глядя ему в глаза.

А на следующий день Томчаку принесли на визирование приказ об отчислении студента. У него в глазах потемнело.

— Оставьте мне приказ, — сказал он кадровику, с трудом сдерживаясь, что не заорать на него, — и принесите все материалы. Я должен быть уверен в том, что подписываю.

Он был уверен, что в отделе кадров, как всегда, все перепутали и принесли на визирование старый вариант приказа, подготовленный еще вчера утром, до его разговора со Стрельниковым. Через десять минут у него на столе лежали материалы — копия протокола об административном правонарушении и официальное сообщение из милиции, на котором сверху стояла виза Стрельникова: «В приказ об отчислении». И дата. Не вчерашняя, а сегодняшняя.

Томчак рванулся в кабинет к ректору.

— Володя, ты что, забыл о нашем вчерашнем разговоре? Ты же мне обещал не отчислять мальчишку. Дай указание кадровикам переделать приказ.

— Он будет отчислен, — жестко сказал Стрельников. —

Иначе мы никогда не наведем порядок в этом болоте. Ты же мой зам, ты должен это понимать так же отчетливо, как и я. Студенты распустились вконец, они пропускают занятия, некоторые вообще являются только на сессию, и управы на них никакой нет. Учатся кое-как, спустя рукава, стало быть, и знания выносят отсюда слабые. Институт потерял лицо, наши выпускники давно уже перестали считаться хорошими специалистами. Престиж вуза упал ниже некуда. А мы с тобой, Славка, должны этот престиж поднять на прежнюю высоту, и даже еще выше. Это наш с тобой институт, это наше с тобой лицо.

— Но я пообещал его матери, что все будет в порядке.

— Извинись перед ней и вали все на меня. Скажи, мол, это Стрельников такая сволочь, а ты сделал все, что мог. Давай лучше обсудим вот что...

Его ни капли не интересовала судьба несправедливо наказанного студента, сейчас его мысли были поглощены тем, чтобы провести на базе института межвузовскую конференцию, посвященную обмену опытом использования внебюджетных средств.

Идти домой в тот день Томчаку не хотелось. Он живо представлял себе, что скажет Лариса, и понимал, что она будет права. Но действительность превзошла все ожидания, даже самые худшие. С женой просто сделалась истерика. Она кричала почти час, вытирая слезы и то и дело принимаясь капать себе валокордин. В целом это были вариации на тему двух основных тезисов: как мы теперь будем смотреть в глаза несчастной матери и почему ты позволяешь Стрельникову так с собой обращаться, почему его просьбы для тебя закон, а твои просьбы ничего для него не значат, ты же человек, личность, ты его друг, а не дерьмо собачье.

Конфликты более мелкие случались довольно часто, благо поводы для них Владимир Алексеевич Стрельников давал постоянно. И Лариса Томчак, и Анна Леонтьева ненавидели его с каждым днем все сильнее, хотя так и не смогли понять, почему их мужья все это терпят и все прощают.

За три недели, проведенные Любой Сергиенко в доме у Томчаков, в ее уши были выплеснуты все годами накопившиеся обиды на ее бывшего любовника. Она слушала, холодея он ужаса. Неужели этот деспот, этот бесцеремонный хам — тот Володя Стрельников, которого она обожала и за

которого хотела выйти замуж? С ней он был чудесным, веселым, заботливым, делал широкие жесты, дарил подарки и возил в интересные места, постоянно преподносил неожиданные сюрпризы. Она хорошо помнила ту поездку в аэропорт, когда Володя шикарным жестом дал ей служебную машину. И поездка-то была совсем необязательная, она никого не встречала, наоборот, ее подруга улетала в США, уезжала на три года работать по контракту. Накануне, как водится, друзья и родственники собрались у нее, чтобы коллективно выпить и попрощаться, но ведь не на всю жизнь, она же не на постоянное жительство уезжает, да и в отпуск будет приезжать. О том, чтобы ехать на следующее утро в Шереметьево провожать ее, и речи не было, Люба была уверена, что провожать будет только муж. Однако за разговорами выяснилось, что приезд близких друзей в аэропорт в таких случаях считается хорошим тоном. Вроде так положено в приличном обществе. Люба, конечно же, считала себя принадлежащей к приличному обществу и решила, что тоже должна обязательно явиться завтра в Шереметьево. Вот и явилась. Разве она знала, какой ценой досталась Леонтьевым эта ее поездка на служебной машине?

Долгие месяцы, проведенные в Турции, Люба Сергиенко мечтала о том, как вернется в Москву, к Стрельникову, как будет любить его, как станет его женой. Ее поддерживала и согревала мысль о том, что после всех мучений она вернется в царство любви. Но оказалось, что вернулась она в царство ненависти. Лютой, жгучей, от которой судорогой сводит пальцы рук и перехватывает горло, слепой яростной ненависти.

* * *

Тяжелые сумки оттягивали руки, но Татьяна не злилась, напротив, ее даже радовала эта тяжесть. Обычно хозяйством занималась ее родственница, живущая вместе с ней сестра ее первого мужа, освобождая Татьяне время для основной работы и для хобби. Хобби у нее было занятным: Татьяна Образцова, старший следователь Санкт-Петербургского УВД, в свободное от работы время писала детективы под псевдонимом Татьяна Томилина. И хотя занималась она этим уже несколько лет, все равно никак не могла привыкнуть к тому,

что газеты называют ее «русской Агатой Кристи», книги на прилавках не залеживаются, а сама она входит в пятерку лучших детективистов страны. Ей казалось, что все это к ней не относится, а если и относится, то все равно это не более чем милая шутка. Она была хорошим следователем и искренне считала свою работу главным в собственной жизни.

Татьяна несколько дней назад вернулась из отпуска, который проводила на юге со своим третьим мужем и его девятилетней дочкой Лилей. Муж жил в Москве, и оставшиеся до окончания отпуска две нèдели Татьяна решила провести вместе с ним в столице, варя ему борщи и жаря котлеты. Занятие это ей нравилось, тем более что Владислав, которого Татьяна называла Димой, был благодарным потребителем ее кулинарных шедевров, ел с завидным аппетитом и не уставал нахваливать приготовленные блюда. Конечно, в Питере она этим ни за что не станет заниматься, потому что, во-первых, некогда, а во-вторых, у нее есть замечательная родственница Ирочка Милованова, добровольно взявшая на себя все заботы по домашнему хозяйству во имя процветания отечественной детективной литературы. Но здесь, в Москве, ухаживать за мужем и стоять у плиты было приятно, тем паче голова ничем особенным не занята, и можно, разделывая мясо и нарезая овощи для салата, обдумывать сюжетные повороты новой повести.

В это время дня народу на Калужско-Рижской линии метро было немного, и в вагоне Татьяне удалось сесть в уголке, пристроив на полу объемистые сумки с покупками. Рядом с ней села молодая женщина, которая сразу же уткнулась в книжку. Татьяна привычно скосила глаза на раскрытые страницы — ей всегда было интересно, какие книги люди читают в транспорте — и улыбнулась. Сидящая рядом пассажирка читала ее последнюю книгу, «Повернись и уйди». Такое иногда случалось, в городском транспорте Татьяне попадались люди, читающие ее книги, и каждый раз это почему-то невероятно волновало ее. Она начинала всматриваться в лица этих людей, стараясь угадать, сколько им лет, какой у них характер, чем они занимаются, нравится ли им то, что они читают, и вообще, почему они покупают ее книги. Татьяна даже заговаривала с продавцами книг, выясняя, кто по большей части покупает ее повести и романы. В целом категория ее читателей была примерно такой: все женщины, а

мужчины — после сорока. Приверженцы классического психологического детектива с интеллектуальной загадкой и без чернухи. Люди, чей вкус сформировался под влиянием Агаты Кристи, Жоржа Сименона и братьев Вайнеров. Однажды Татьяне позвонил очень известный писатель, один из мэтров отечественного детектива, чтобы выразить ей свое восхищение. Представившись, он осторожно добавил:

— ... если это имя вам что-нибудь говорит.

— Господи! — изумленно воскликнула она. — Да я же выросла на ваших книгах!

— Что ж, вы хорошо росли и выросли в хорошего писателя, — с улыбкой ответил ей классик.

Комплимент был для нее особенно ценен, потому что именно на этого писателя она равнялась, считая его книги эталоном жанра.

Татьяна исподтишка разглядывала сидящую справа женщину. Молодая, очень красивая, кожа покрыта ровным светло-кофейным загаром. Самой Татьяне никогда не удавалось так загореть, кожа у нее была молочно-белой и моментально сгорала, так что на юге приходилось большей частью сидеть в тени, выползая под солнечные лучи только рано утром и ближе к закату. На читательнице был шелковый светло-зеленый костюм, красиво сочетавшийся с загорелой кожей и многочисленными золотыми украшениями. Длинные ногти, покрытые ярким лаком, выглядели несколько вульгарно, но в целом красавица была очень эффектна. «Интересно, — подумала Татьяна, — что может привлекать такую девицу в моих книжках?»

Девушка читала увлеченно, а Татьяна заглядывала в текст, пытаясь представить, какое впечатление производит на нее тот или иной абзац. Ну надо же, читает ее книгу и даже не подозревает, что автор сидит рядом с ней, даже их локти соприкасаются. Такие мгновения всегда будоражили Татьяну Образцову.

Наконец читательница собралась выходить. Она закрыла книгу и еще некоторое время сидела, держа ее на коленях и задумчиво глядя куда-то в пространство. Теперь прямо на Татьяну смотрела ее собственная фотография, помещенная на обложке. Фотография была удачной и даже нравилась самой Татьяне, хотя вообще такое случалось крайне редко. Несмотря на привлекательную внешность, она была на удивле-

ние нефотогенична и на снимках обычно получалась плохо. Милое округлое лицо выглядело оплывшим и опухшим, словно с перепоя, а глаза почему-то делались маленькими, поросячьими. Что поделать, камера любит не всех. «Любопытно, что будет, если девушка сейчас повернет голову и увидит меня? А потом бросит взгляд на обложку. Может получиться ужасно смешно».

Но девушка к Татьяне не повернулась. Она спокойно убрала книгу в сумочку и, когда поезд остановился у платформы, вышла из вагона. Сначала она показалась Татьяне высокой, но потом стало понятно, что у нее просто очень высокие каблуки.

Проводив ее глазами, Татьяна снова вернулась мыслями к своей новой повести. Примерно первая треть была уже придумана и выстроена по эпизодам, но это всегда было самой легкой частью работы. Начало писать нетрудно, придумывай в полное свое удовольствие, а вот после двух третей начинается самая морока. Все должно быть увязано, ни одна сюжетная линия не должна обрываться без каких-либо объяснений, судьба каждого персонажа должна быть так или иначе обозначена. И конечно же, в последней трети текста предстояло решать самый главный вопрос: хороший будет конец или плохой? Всех преступников разоблачат и накажут или не всех? Или вообще ни одного, а милиция останется с носом? Может, для трагизма убить кого-нибудь из «хороших», например, при задержании? А для равновесия и общей справедливости можно и кого-нибудь из «плохих» уложить рядышком. Но если сделать так, то не будет ли перебора по части трупов? Все-таки обилие убитых — признак дурного вкуса, но и когда их мало, тоже не годится. Очень трудно найти и точно соблюсти ту грань, которая разделяет психологический триллер и боевик. Так чем же закончить книгу? Какой нарисовать конец? Татьяна никогда не знала этого с самого начала. Большой опыт следственной работы говорил о том, что абсолютной победы почти никогда не бывает. Но есть ведь и законы жанра... Одним словом, вопрос о концовке произведения был для нее самым мучительным.

Погруженная в размышления, она не заметила, как добралась до квартиры в Черемушках. Мужа, естественно, дома еще не было, он явится не раньше восьми. Не успела Татьяна снять куртку и туфли, как зазвонил телефон.

— Татьяна Григорьевна? — раздался в трубке ледяной голос, принадлежащий первой жене Владислава Стасова Маргарите.

— Да, — вздохнула Таня, — я вас слушаю, Маргарита Владимировна.

— Я договаривалась со Стасовым, что он сегодня возьмет Лилю дней на пять, мне нужно ехать на кинофестиваль в Прагу.

— Раз вы договаривались, значит, возьмет. Не беспокойтесь, Маргарита Владимировна.

— Но мне через полчаса нужно выезжать в аэропорт, — возмутилась Маргарита, — а Лиля до сих пор дома. Что ваш муж себе думает?

— Маргарита Владимировна, Лиля — большая девочка и вполне может побыть дома одна часов до восьми. Вечером Стасов ее заберет.

— Ну уж нет! — внезапно взорвалась бывшая жена. — Я должна быть уверена, что с моим ребенком все в порядке. Я хочу передать ее отцу с рук на руки и улететь со спокойным сердцем.

— Ничем не могу вам помочь, — хладнокровно отозвалась Татьяна. — Если через полчаса вы должны уезжать, то вам придется оставить Лилю одну. За полчаса я не смогу найти для вас Стасова и доставить к вам в Сокольники. Это нереально.

— Ну ладно, — сдалась Маргарита, обожавшая поскандалить и повыяснять отношения, но быстро теряющая запал и все-таки рано или поздно прислушивающаяся к голосу разума. — Я поеду пораньше и по дороге в аэропорт сама завезу к вам Лилю. Надеюсь, вас-то я дома застану?

— Застанете, — пообещала Татьяна, — я никуда не уйду.

Разговоры с первой женой своего третьего мужа невероятно развлекали ее. Красавица Маргарита с роскошным стройным телом и потрясающими ногами, знаменитыми на всю киношную общественность, никак не могла взять в толк, что нашел ее супруг в рано располневшей грузной Татьяне, в разговорах со Стасовым презрительно называла ее «коровой с поросячьими глазками» и всячески демонстрировала недоумение по поводу странного выбора Владислава, у которого, по ее представлениям, должен быть совсем другой вкус. К тому моменту, когда Стасов познакомился с Татьяной, он был

в разводе с Маргаритой уже три года, но это вовсе не означало, что бывшая жена перестала лезть в жизнь бывшего мужа.

Разумеется, бывшая жена новую жену люто ненавидела, хотя поводов для этого не было никаких. У Риты был любовник, с которым она разъезжала по международным кинофестивалям, сходиться со Стасовым снова она и не думала, так что Татьяна вроде бы ничего у нее не отняла и не украла. Но сам факт, что после нее, признанной красавицы, вращающейся в самых элитных кругах киношной богемы, Стасов посмел выбрать себе «вот это», возмущал Маргариту Мезенцеву, в замужестве Стасову, до глубины души. И даже тот факт, что жениться на самой Маргарите после развода охотников не нашлось, а Таня, которая была на три года моложе ее, выходила замуж уже в третий раз, иными словами, пользовалась, что называется, повышенным спросом, так вот, даже этот факт Риту не вразумил и не заставил задуматься.

Если им приходилось общаться, дамы соблюдали парламентскую вежливость, называя друг друга не иначе как по имени-отчеству, при этом одна источала яд и презрение, а другая откровенно забавлялась. Сейчас Татьяне Образцовой было тридцать пять, и тринадцать лет следственной работы давно уже приучили ее не реагировать на эмоции собеседника. Иные подследственные обливали ее таким ядом и презрением, что рядом с ними выпады Маргариты выглядели не более чем выступлением пятилетнего ребенка на детсадовском утреннике по сравнению, например, с игрой Михаила Ульянова в шекспировском «Ричарде III».

Минут через сорок раздался звонок в дверь. Рита, не переступая порог квартиры, впихнула в прихожую девятилетнюю Лилю и буквально зашвырнула следом сумку с ее вещами. Чмокнув девочку в лобик и велев ей слушаться папу, она шагнула в лифт и исчезла.

— Как дела в школе? — поинтересовалась Татьяна, с улыбкой наблюдая, как девчушка старательно расшнуровывает высокие ботинки.

— Как обычно. Две пятерки, по арифметике и по русскому. Тетя Таня, а что у нас сегодня на ужин?

— Еще не знаю. Продуктов много, надо решить, что из них готовить. А у тебя есть предложения?

— Сделайте, пожалуйста, картофельные пирожки с мя-

сом, — попросила Лиля. — Я их ужасно люблю, а мама не умеет их делать.

— Можно, — согласилась Татьяна. — Папа тоже их любит. Хотя нам с тобой, Лилечка, не надо было бы этим увлекаться. При наших фигурах мясо с картошкой — далеко не самое лучшее.

Лиля была крупной девочкой, ростом пошла в двухметрового Стасова, а лишний вес появился у нее в раннем детстве как следствие неумеренного потребления бутербродов с белым хлебом и сырокопченой колбасой, а также конфет и пирожных. Как ни смешно, но внешне Лиля была куда больше похожа на Татьяну, чем на родных маму и папу.

— Да ладно, тетя Таня, один разочек-то можно.

— Ну если только разочек, — сдалась Татьяна.

Она отправилась на кухню, оставив Лилю в комнате с книжкой в руках. Если под рукой была библиотека, девочку можно было оставлять одну на сколь угодно долгое время, она не скучала и не требовала к себе внимания, лишь бы было что почитать. Места в однокомнатной квартире Стасова было маловато, зато библиотека огромная.

Когда мясо было уже приготовлено и Татьяна начала прокручивать через мясорубку сырой картофель, в кухне возникла Лиля.

— Тетя Таня, а может, вам лучше отправить меня к тете Ире в Петербург?

— С чего это?

— Чтобы я вам тут не мешала.

— Ты нам не мешаешь, — улыбнулась Татьяна. — Откуда эти странные мысли? Нам втроем всегда было хорошо, разве нет? Или тебя что-то не устраивает? Тебе, наверное, больше нравится, как Ира готовит. Ну-ка признавайся! Ты надеешься на то, что она будет каждый день печь для тебя пирожки с капустой, да?

— Дети не должны спать в одной комнате со взрослыми, — очень серьезно изрекла Лиля.

— Интересная мысль, — так же серьезно кивнула Татьяна, которая давно уже привыкла к неожиданным высказываниям падчерицы. — И откуда же ты ее выкопала?

— Не смейтесь, тетя Таня, вы сами знаете, что это правда. Вы с папой — муж и жена и должны спать отдельно, а не в одной комнате со мной.

— Но на юге мы же прекрасно спали в одной комнате.

— Это было неправильно, — упрямо возразила девочка.

У Татьяны запылали щеки, но она тут же одернула себя. Нет, им со Стасовым не в чем себя упрекнуть. За год, что они женаты, им неоднократно приходилось спать в одной комнате с Лилей, но они никогда ничего себе в этой ситуации не позволяли, находили другие возможности. Да и потом, им ведь не по двадцать лет, ей самой — тридцать пять, Владиславу — тридцать девять, так что шило в одном месте не свербит и вынужденное воздержание дается без труда. Откуда же такие мысли в голове у ребенка?

— Так, Лиля, — строго сказала она, — признавайся, что ты сейчас читаешь?

— «Замок Броуди» Кронина. Вы не думайте, тетя Таня, я там все понимаю. Папа сказал, что мне можно.

— Ну, раз папа сказал, тогда конечно. Только имей в виду, что нельзя равнять книжки и настоящую жизнь, понимаешь? Мы с папой тебя очень любим и всегда радуемся, когда нам удается побыть всем вместе. А все остальное просто выкинь из головы. И не смей никогда думать, что ты можешь нам помешать. Когда люди любят друг друга, они не могут мешать. Усвоила? А если ты скучаешь по Ирочке и хочешь побывать в Питере, то мы это и так устроим. Ты можешь приехать к нам во время каникул, например, в ноябре. Кстати, как тебе нравится Кронин?

— Нравится, — уклончиво ответила Лиля. — Но вы пишете лучше. Я вас больше всех писателей люблю.

Татьяна не выдержала и расхохоталась.

— Лилька, ты меня уморишь когда-нибудь своими оценками! Где Кронин, и где — я? Разные эпохи, разные страны, разная тематика, да разные жанры, наконец. Разве можно нас сравнивать? Уверяю тебя, если бы я взялась написать роман о семье, где деспотичный отец калечит жизни своим дочерям в угоду собственному честолюбию, у меня получилось бы намного хуже, чем у Кронина. Можешь мне поверить.

Разговаривая, Татьяна продолжала прокручивать сырой картофель, попутно помешивая фарш на сковородке. Почти все сделано, осталось совсем немного. Когда придет Стасов, нужно будет только быстренько слепить пирожки и бросить их в кипящую воду. Пока он будет мыть руки и есть грибной суп, как раз все и поспеет.

Стасов явился почти в девять, огромный, зеленоглазый и

веселый. Он уже знал, что дома его ждет дочь, поэтому по дороге с работы купил специально для нее сырокопченую колбасу, которую Лиля обожала больше всех лакомств на свете. Он горячо нахваливал грибной суп, шумно радовался картофельным пирожкам и со смехом рассказывал о том, как разговорился с продавщицей книжного лотка, расположенного в том магазине, куда он заскочил за колбасой для дочери.

— У нее на прилавке четыре твоих книжки лежат. Я делаю умное лицо и спрашиваю, дескать, как Томилина расходится. Она мне отвечает, что раскупается очень хорошо, и она сама твоя поклонница, и все ее знакомые, но у них есть к тебе претензии. Я, конечно, поинтересовался, какие именно. Продавщица в ответ спрашивает, а с чего это я так интересуюсь? Пришлось сказать, что́ я твой литературный агент.

— А почему не муж? — удивилась Татьяна. — Продавщица была молодая и красивая и ты решил построить ей глазки и скрыть свое женатое положение?

— Глупая ты. Мужу про жену воспитанные люди никогда ничего плохого не скажут. А литературный агент — это как раз та фигура, которой можно высказать критические замечания, если таковые имеются. Между прочим, продавщица была средних лет, хорошо за полтинник. Очень образованная тетка, кандидат филологических наук. И вместо того, чтобы преподавать русский язык и литературу в каком-нибудь институте, стоит целый день за прилавком, книгами торгует.

— Не отвлекайся, Стасов. Так какие ко мне претензии у читателей? Мало секса и насилия?

— Никогда не догадаешься. Даю тебе три попытки. За каждую неудачную попытку будешь класть на мою тарелку новый пирожок. Идет?

— Начали, — кивнула Татьяна. — Мало динамизма и много логических рассуждений.

— Давай одну штуку. Пока ты будешь думать над второй попыткой, я как раз его съем.

Татьяна задумалась. Сцен секса, мордобоя, погонь и головокружительных драк на крышах высотных домов в ее книгах почти не было, это и отличало их от боевиков, которые предназначались совсем другой читательской аудитории. Именно эти претензии она обычно и слышала от молодых мужчин. Что же могло не понравиться в ее произведениях тем, кто считает себя ее поклонниками?

— Грустный финал, — неуверенно предположила она.

— Давай второй пирожок. Осталась последняя попытка.

— А если я не угадаю?

— Если не угадаешь, поедешь завтра со мной по магазинам покупать кухонную технику. Всякие там кофемолки, кофеварки, мясорубки и прочие бытовые комбайны. Я знаю, ты считаешь кухонную технику барством и полагаешь, что все можно прекрасно приготовить при помощи рук и ножа. Это тебя Ирка избаловала, она же целый день дома сидит, времени у нее вагон, а чтобы приготовить еду на вас двоих, особо напрягаться не нужно. Так что в наказание за неотгаданную претензию поедешь со мной все это покупать, а потом будешь этим пользоваться. Ну так что, Татьяна Григорьевна? Придумала?

— Не все сюжетные линии доведены до логического конца.

— Ну, не знаю, — пожал могучими плечами Стасов. — Тебе виднее, конечно, но суть высказанных замечаний не в этом. Сдаешься?

— Сдаюсь.

— Только сиди на стуле крепко, а то упадешь. У тебя по ходу повествования есть сцены, когда кто-то готовит какую-то еду. Так вот, некоторые твои почитательницы попытались приготовить блюда по этим рецептам, и у них получилось невкусно. Ну не то чтобы совсем невкусно, но в целом невыразительно. А они были уверены, что получится шедевр кулинарии.

— Господи, Дима, да там нет никаких рецептов, там просто упоминание о том, что, например, некий персонаж готовит тушеные баклажаны с помидорами. И никакой технологии, никаких компонентов. Конечно, по такой скудной информации нельзя приготовить ничего путного. Это же детектив, а не кулинарная книга.

— Ну, дорогая, за что купил, за то и продаю. Книжная тетенька велела, чтобы я тебе это передал. Я и передаю. Так что сделай уважение своим читателям, когда будешь описывать очередную сцену на кухне, укажи поподробнее, что из чего делается, в какой последовательности, на каком огне и в какой посуде. Спасибо, Танюша, все было очень вкусно. Лиля, ты уроки сделала?

— Да, папа, давно уже.

— Тогда катись в комнату, стели себе на диване постель и ложись в обнимку с книжкой. До десяти часов можешь почитать.

Когда девочка вышла из кухни, Татьяна внимательно посмотрела на мужа.

— Стасов, что ты затеял?

— Ты о чем?

— О кухонной технике. Зачем тебе все это? Я живу в Питере, Лиля — со своей матерью, ты прекрасно сам себя обслуживаешь при помощи, как ты выразился, рук и ножа. Чтобы приготовить еду на одного человека, вовсе незачем покупать всю эту дорогую технику.

— Таня, давай все-таки вернемся к нашим проблемам. Я хочу, чтобы ты жила здесь. Я очень этого хочу. Если ты не можешь бросить свою работу, то следователи и в Москве нужны позарез. Я знаю, ты мне сто раз говорила, что хочешь выслужить пенсию, чтобы не зависеть от превратностей судьбы. Пожалуйста, продолжай службу здесь. Хотя я лично считаю, что тебе нужно наконец снять погоны и спокойно сидеть дома и сочинять свои детективы.

— Легко тебе говорить. А вдруг у меня завтра вдохновение иссякнет и я не смогу больше написать ни одной новой книжки? На что я буду жить?

— У тебя есть муж, который будет тебя содержать. Надеюсь, ты не забыла о моем существовании? Я зарабатываю вполне достаточно, чтобы содержать и тебя, и себя, и Лилю. Я прошу тебя, Танюша, брось ты эти глупости, переезжай сюда, а? Ты даже представить себе не можешь, как я без тебя скучаю. В конце концов, если ты боишься, ты можешь работать вместе со мной. Тут уж от творческого вдохновения ничего не зависит, а заказы будут всегда. Получишь лицензию на право заниматься частной детективной деятельностью и будешь применять свои профессиональные знания. Представляешь, как нам хорошо будет здесь вдвоем? И Ирочку наконец отпустишь на свободу, оставишь ей квартиру, пусть устраивает свою жизнь. А хозяйство у тебя много времени не займет, мы же завтра поедем и купим все необходимое. И стиральную машину — полный автомат. Только кнопки нажимай. Если захочешь, я даже посудомоечную машину тебе куплю.

Эти разговоры велись на протяжении года систематичес-

ки. Стасов очень хотел, чтобы его жена жила с ним, а Татьяну мысль о переезде в Москву как-то не вдохновляла. Но не зря же говорят, что капля камень точит. В последнее время она начала поддаваться на уговоры мужа. И сейчас, сидя в маленькой тесной кухне, накормив любимого мужа сытным вкусным ужином и слушая, как возится в комнате Лиля, старший следователь Татьяна Образцова внезапно приняла решение.

— Хорошо, Дима, — тихо̀ сказала она. — Я перееду. Ты прав, семья важнее.

* * *

Верхний свет в комнате был погашен, горели два настенных бра и торшер на высокой ножке, но полумрак был приятным и позволял видеть большую фотографию на стене: двое мужчин в костюмах для верховой езды стояли рядом, держа под уздцы огромных мускулистых жеребцов с лоснящимися ухоженными шкурами. Лицо одного из мужчин было хорошо знакомо Миле, да и вряд ли нашелся бы в современной России человек, который не узнал бы известного политика, одного из кандидатов на недавно прошедших президентских выборах. Второй мужчина на фотографии был настоящим красавцем с мужественным, хорошей лепки лицом, и именно с ним Людмиле Широковой предстояло встретиться через каких-нибудь полчаса. «Какой самец, — в нетерпении думала она, разглядывая снимок, — просто роскошный. Хорошо бы еще характер оказался не склочным и без претензий. С таким потрахаться «в легкую» — одно удовольствие».

Она уселась на диван с удобными мягкими подушками, скинула туфли на высоких каблуках, поджала под себя ноги, устраиваясь поудобнее и стараясь при этом, чтобы задравшаяся юбка создавала впечатление в меру соблазнительное, но не слишком вызывающее. Черт его знает, какой характер у этого Дербышева, а вдруг он окажется скромником, каких свет не видывал. Не случайно же у него проблемы с женщинами, хотя, если судить по внешним данным, проблем этих быть не должно совсем. Даже в первом приближении. Значит, наличествует некий дефектец, червоточинка какая-то. Не все в порядке у этого выставочного экземпляра. Но Милу

это не отпугивало, она была уверена в себе, в своей привлекательности и сексуальной технике. С ней проблем не возникало пока что ни у одного мужчины, а было их в жизни Людмилы Широковой не один десяток. Да что там десяток, количество ее партнеров, в том числе и случайных, разовых, давно перевалило за сотню.

Ей было слышно, как Алик возится то на кухне, то в ванной. Тоже любопытный экземпляр, очень своеобразный, но, к сожалению, к традиционному сексу не приспособленный. Если бы он не был гомиком, Мила с удовольствием скоротала бы с ним время до прихода Дербышева. Сексуальный аппетит у нее был непомерным и уже давно перешел границы обыкновенной неразборчивости. Даже втрескавшийся в нее по самые уши Стрельников не смог удовлетворить ее необузданное стремление к плотским утехам. Конечно, в первые недели, когда они только сошлись, Стрельников ее буквально из постели не выпускал, но так не могло продолжаться вечно. И дело тут вовсе не в его физической слабости, хотя, положа руку на сердце, не родился еще тот мужчина, который смог бы единолично удовлетворять Милу Широкову более или менее длительное время. Просто есть работа, есть дела, бизнес, необходимые встречи и переговоры. Стрельников не может проводить со своей венчанной женой целые сутки напролет. Но она от него этого и не требует. Ей вполне достаточно его фактурной внешности, его денег и того образа жизни, который он ей предложил. А с сексуальными вопросами она как-нибудь сама разберется, опыт есть.

— Алик, чем вы там занимаетесь? — крикнула Мила.

— Так, кое-что по хозяйству. Вы отдыхайте, Мила, Виктор подъедет уже минут через двадцать. Сделать вам коктейль?

— Не надо, — откликнулась она, — я лучше потом выпью вместе с Виктором.

«Лучше». Ничего не лучше. Выпить хотелось смертельно, как всегда бывало перед первой встречей с новым партнером, но Мила держала себя в руках. Черт его знает, Дербышева этого, а вдруг ему не понравится, что от гостьи пахнет алкоголем. И ничего не получится. Жаль будет потраченного времени, да и обидно, мужик-то вон какой классный. Рост, фигура, лицо, верховой ездой занимается, с известными людьми дружит. Так что с выпивкой придется потерпеть.

Но Алик-то до чего забавный, просто сил нет! Плечищи — в дверь не пролезают, руки-ноги — сплошные мускулы, а разговаривает, как девица на выданье. Голосочек тоненький, интонации манерные, слащавые, гласные тянет. Умора, да и только! Конечно, Виктор Дербышев, по всему видать, не дурак, развлекать гостью до своего прихода поручил существу во всех отношениях безопасному, такому, который даму из стойла не уведет.

Внезапно Мила спохватилась. А кулон-то! Черт, надо же так, чуть не забыла. Она потянулась к сумочке, щелкнула замком, достала серебряную подвеску — маленького крылатого Купидона с луком и стрелой — и засунула поглубже между диванными подушками. Этим нехитрым приемом Мила пользовалась уже давно, и, несмотря на простоту, он всегда оказывался достаточно эффективным. Случалось, что партнер Миле очень нравился, но иногда она чутьем многоопытной женщины понимала, что он может сорваться с крючка, и это свидание будет первым и последним. Тогда, если через два-три дня звонка от кавалера не было, она звонила сама и извиняющимся голосом говорила, что потеряла в его квартире кулон. Дальнейшее было делом техники и практически всегда Миле удавалось. Если же партнер ей не нравился или необходимости в предварительном обеспечении следующего свидания не возникало, она перед уходом незаметно забирала подвеску.

— Мила, у вас все в порядке? Вам удобно? — послышался голос гомосексуалиста Алика. — Виктор приедет через пять минут.

Погруженная в свои мысли, Людмила не обратила внимания на то, что голос вдруг утратил забавную дурацкую манерность и писклявость, стал звучным, красивым и совершенно нормальным. Но каким-то не таким.

Глава 3

Настя Каменская даже не подозревала, что в Москве еще остались такие места, точнее — углы. Огромный пустырь, на котором красовалась куча выброшенного хлама. Правда, находилось это безобразие все-таки не в центре города, а совсем на окраине, неподалеку от трассы Кольцевой автодо-

роги, и жилых массивов поблизости никаких не было, но все же...

Убитая — молодая красивая женщина в нарядном светло-зеленом шелковом костюме — лежала на земле лицом вниз. Группа работала на месте обнаружения трупа уже третий час, личность погибшей установлена — Людмила Широкова, 28 лет, работает администратором в гостинице «Русич». Эксперт Олег Зубов уже закончил свою часть работы, и теперь возле тела колдовал судебный медик. Судя по поверхностным следам, Широкова была задушена, ну а уж истинную причину смерти установят только после вскрытия. Может быть, ее предварительно отравили или еще что-нибудь эдакое вытворили. Давность наступления смерти медик определил примерно в 40 — 48 часов. Почти двое суток назад.

Конец октября был в этом году очень теплым, люди ходили без плащей и радовались затянувшемуся лету. Но Настя все равно мерзла. Она мерзла всегда, если температура была ниже 25 градусов. Сосуды плохие. Закутавшись в куртку и сунув руки поглубже в карманы, она медленно бродила вокруг места происшествия, пытаясь представить себе, что могло привести на эту помойку нарядно одетую красавицу в золотых украшениях. Что она здесь искала? Зачем пришла сюда? И, кстати, если пришла, то как? Неужели пешком? Городской транспорт здесь не ходил, от ближайшей автобусной остановки километров пять, не меньше. Если она приехала на своей машине, то где она, эта машина? А если ее привезли, то кто и зачем? Привезли, чтобы убить? По всему выходит, что именно так.

— Аська, — послышался удивленный голос оперативника Юры Короткова, — ты только погляди, как мир тесен. У убитой в сумочке лежит книжка Татьяны Томилиной, жены Стасова. Бывает же такое!

— Бывает и не такое, Юрик, — вздохнула Настя. — Но все равно забавно. Надо будет обязательно Стасову позвонить и рассказать о мировой славе его жены.

— Нет, ты только подумай, — не унимался Коротков, — какой сюжет, а? У убитой в сумке находят книгу, написанную следователем, а этот следователь как раз и ведет дело об убийстве.

— Не фантазируй, Татьяна не может вести это дело хотя

бы потому, что работает в Питере, а не в Москве. И вообще, насколько я знаю, она сейчас в отпуске, они со Стасовым куда-то ездили отдыхать и только недавно вернулись в Москву.

— Вот видишь, — торжествующе поднял палец Коротков, — значит, она все-таки в Москве. И по сути, не так уж далеко от обнаруженного здесь трупа. И вообще, Аська, скучно с тобой, помечтать не даешь, на ходу крылья подрезаешь. Ты жуткий прагматик. В тебе нет ни капли романтики. А Стасову я обязательно расскажу об этом, пусть повеселится. Я как раз должен сегодня ему звонить, он мне обещал помочь с ремонтом моего корыта на колесах.

Он полистал книгу и присвистнул.

— А дамочка-то недавно грелась под буржуинским солнышком и купалась в капиталистических морях. В качестве закладки она использовала посадочный талон, но не шереметьевский, какой-то иностранный. И загар у нее совсем свежий.

Настя взяла протянутый кусочек тонкого картона с обозначением даты, номера рейса и места в самолете. Позвонив из милицейской машины в Шереметьево-2 своему приятелю и попросив навести справки о рейсе и о пассажирах на соседних местах, она вернулась к Короткову.

— Интересно, что же она делала на помойке в таком наряде и в туфлях на шпильке, — задумчиво проговорила она и повернулась к эксперту Зубову. — Олег, что у дамочки на обуви?

— Помойка, — буркнул вечно хмурый и всем недовольный Зубов, — что еще там может быть.

— Значит, она была убита здесь. Если бы на обуви не было помоечной грязи, можно было бы предположить, что ее убили в другом месте, а сюда привезли на машине и выбросили. Жаль. Я надеялась, что будет поинтереснее.

— Ну и надежды у тебя, мать, — с упреком сказал Коротков. — Прогрессивная общественность надеется на светлое будущее и победу демократических реформ, а ты — на то, что потерпевшую убили где-то в другом месте, а не на помойке. Тебе-то не все ли равно, где именно ее убили?

— Не-а, — помотала головой Настя. — Убийство красот-

ки на помойке пахнет дешевым шантажом и вымогательством, я так не люблю.

— Господи, Аська, ты действительно маленький уродец. При чем тут «люблю — не люблю»? Труп — он и есть труп. Один человек убил другого, это отвратительно, и любить тут совершенно нечего.

— Юрик, тот факт, что одни люди убивают других — это объективная реальность, изменить которую мы с тобой не можем. Так было, так есть и всегда будет. Надо смириться и не делать из этого трагедию. И коль уж трупы — это моя работа, причем повседневная и оплачиваемая государством, то я имею полное право в этой повседневной работе что-то любить, а что-то не любить. Будешь спорить?

— С тобой поспоришь, как же, — усмехнулся в ответ Коротков, — дня не проживешь. Ну что там, Олег?

Эксперт Зубов, высокий и сутулый, с кислой миной сидел на земле, подстелив под себя полиэтиленовый пакет, и что-то рассматривал, держа при этом в руках туфли, снятые с убитой.

— Да хрень какая-то, как обычно, — процедил он сквозь зубы. — Не пойму, как она ухитрилась в этой краске аж до самой колодки туфли испачкать.

Неподалеку от Зубова валялась выброшенная кем-то банка, в которой оставалось еще немного голубой краски. Банка опрокинулась, и краска вытекла на землю.

— Грунт здесь довольно твердый, высота каблука одиннадцать сантиметров. Чтобы каблук ушел в землю полностью, убитая должна была весить килограммов сто, а в ней от силы пятьдесят пять — пятьдесят семь, это и на глазок видно. Я вам потом точный расчет сделаю, но и так понятно, что хрень какая-то.

— Может быть, она несла в руках что-то тяжелое? — предположила Настя.

— Сорок кил, а то и больше? — скептически прищурился Олег. — Умерь полет фантазии, Настасья. Ты посмотри на тело, дамочка ничего тяжелее бутерброда в жизни в руках не держала. Мускулатура совсем не развита.

— А как же тогда это объяснить?

— Ты не перекладывай с больной головы на здоровую. Объяснять — твоя работа, а моя — только констатировать. Ты придумай разные варианты, чего там эта дамочка на себе

такого таскала, а уж я тебе скажу, годится твое объяснение или нет.

— Олег, а могла она в этом месте просто спрыгнуть с небольшой высоты?

— Ишь ты, резвая какая, — хмыкнул эксперт. — Теоретически — могла, каблук ушел бы в землю по самое некуда. А практически — откуда было ей прыгать? С табуретки, что ли? Так где она, табуретка эта?

— Ладно, не ворчи, я еще подумаю. А ты посмотри в лаборатории ее костюм повнимательнее на предмет микрочастиц. Если она несла такую тяжесть, то должна была прижимать ее к себе, не на вытянутых же руках она ее тащила. Следы должны остаться.

— Настасья, ты себя со следователем часом не перепутала? — огрызнулся Зубов, который терпеть не мог, когда ему давали указания, особенно если речь шла о вещах совершенно очевидных.

Конечно, по закону давать экспертам задания и ставить перед ними вопросы имеет право только процессуальное лицо, например, следователь или судья, а оперативники могут только робко просить, жалобно заглядывая в глаза эксперту, в надежде на дружеское расположение. Но кто их соблюдает, законы эти? Про них уж и забыли давным-давно.

Начало смеркаться, и участники осмотра места происшествия стали потихоньку сворачиваться. Можно, разумеется, включить прожекторы, но все равно это будет уже не то. При искусственном освещении они почему-то работать не любили, предпочитали естественное.

— Анастасия Павловна! — послышался голос водителя одной из машин. — Вам тут звонят.

Настя бегом помчалась к телефону. Звонил ее приятель Георгий, сотрудник отдела милиции аэропорта Шереметьево-2, который и сообщил, что 13 октября означенная Людмила Широкова летела рейсом из Барселоны, занимая место 34 «В» в «курящем» третьем салоне. На месте 34 «А» сидел некто Стрельников Владимир Алексеевич, место 34 «С» было свободным.

Ну что ж, Стрельников так Стрельников. С него и начнем.

* * *

Основные сведения о погибшей удалось собрать довольно быстро, она вела вполне легальный образ жизни и практически ничего от окружающих не скрывала. К вечеру следующего дня стало известно, что Людмила Широкова после окончания колледжа по специальности «гостиничный и ресторанный менеджмент» немного поработала в гостинице «Русич», построенной одной из турецких фирм, и в апреле уехала по приглашению друзей в Турцию набираться опыта работы в отелях международного класса. Вернулась в июне и снова продолжила работать в «Русиче». С этого же момента живет с Владимиром Стрельниковым, который до недавнего времени был президентом Фонда развития и поддержки гуманитарного образования, а с сентября текущего года работающим на ответственной должности в аппарате Госкомвуза. 13 октября возвращалась из Испании, где провела вместе со Стрельниковым две недели на модном курорте. Какие планы у нее были на 28 октября — день, когда ее убили, — никто ничего вразумительного сказать не мог. Родители Милы вообще были не в курсе ее жизни, так как дочь давно уже жила отдельно и их в свои проблемы не посвящала. С утра пришла на работу, отработала смену, попрощалась и ушла. Ничего необычного в ее поведении замечено не было, и о том, где она собирается провести вечер, ничего не говорилось.

По отзывам сотрудников гостиницы «Русич», Мила Широкова была большой любительницей секса в самых разнообразных его проявлениях. На мужиков не бросалась, но в этом и не было необходимости, они сами с воодушевлением искали знакомства с ней, белокурой голубоглазой красавицей, и ей только нужно было в каждый конкретный момент сделать выбор. В ней совершенно не было снобизма, порой присущего красивым женщинам, она не считала, что лечь с ней в постель достойны только красивые и богатые, а если не красивые и не богатые, то по крайней мере известные или на худой конец талантливые. Милу устраивали любые мужчины, лишь бы они ей нравились. Сегодня она могла прийти в «люкс» к южноафриканскому бизнесмену, приехавшему в Россию по алмазным делам, а завтра — уединиться в свободном гостиничном номере с грузчиком, обслуживавшим ресторан. Несмотря на такое поведение, относились к Миле ее

коллеги по-доброму, потому что сердиться на нее было невозможно. Возвращаясь на рабочее место после очередной сексуальной эскапады, она брала сигарету, закуривала и со смехом говорила:

— Нет, вы подумайте, девочки, опять я не удержалась. Ну что же я за блядь такая, а? У меня мозги, наверное, не в голове, а где-то в лобковой зоне. Ведь нарвусь когда-нибудь на крупные неприятности. Ой, девчонки, как же он мне нравится! Такой славный...

Мила спокойно и как бы удивленно произносила вслух все те слова, которые при другом раскла́де сказали бы ей в лицо. И ни у кого не хватало сил злиться на нее. Да и за что злиться?

В Турцию Широкова уехала вместе с Любой Сергиенко, а вернулась одна. Люба до отъезда работала в той же гостинице, поэтому вполне естественно, что Милу спрашивали о подруге.

— Любка там неплохо устроилась, — с улыбкой отвечала Мила, — приедет — сама все расскажет.

На вопрос о Владимире Стрельникове реакция сотрудников гостиницы была неожиданной:

— Вы, наверное, перепутали, — сказала Короткову старший администратор, — Стрельников был женихом Любы, а не Милы.

— Вы точно знаете?

— Господи, да конечно же! Он и заезжал за Любой на работу много раз, и по утрам ее привозил, и вообще она даже не скрывала, что живет у него уже давно. Говорила, что он собирается разводиться и жениться на ней. Нет-нет, вы ошибаетесь, у Стрельникова роман с Любочкой, а не с Милой.

— А что же Сергиенко, до сих пор не вернулась? — спросил Коротков.

— Нет. Она бы обязательно появилась у нас, если бы приехала, я уверена.

Еще полдня проверочных мероприятий показали, что старший администратор гостиницы «Русич» оказалась не слишком информированной особой. Мало того, что она не знала о романе Людмилы Широковой с любовником ее же собственной подруги Любы Сергиенко, она и о возвращении Любы тоже не знала. Выяснилось, что Люба вернулась еще в начале октября, но в гостинице действительно не появля-

лась. Более того, домой она явилась только пять дней назад, хотя паспортный контроль в Шереметьево-2 прошла без малого тремя неделями раньше.

— И где же это, интересно знать, она обреталась? — проговорила Настя Каменская, выслушав Короткова. — У нового возлюбленного, что ли?

— А что? Вполне может быть. Под южным солнцем какие только романы не начинаются. Познакомилась с кем-то за границей, вместе с ним вернулась и устроила себе три медовые недели. Ладно, Ася, не бери в голову, это мы выясним быстро. Завтра с утра буду разговаривать с Сергиенко.

— Юрка, ты неисправим. У тебя одна любовь в голове. А ты не думаешь, что Сергиенко вернулась, узнала о том, что лучшая подруга соблазнила любовника, и затаилась на три недели в подполье, готовя кровавую месть? Не трогай ее завтра, лучше потрать пару дней на разработку, чтобы уж наверняка. При таком раскладе Любовь Сергиенко у нас получается подозреваемой номер один.

— Подозревается Любовь! — патетически воскликнул Коротков. — Роскошное название для бестселлера, если написать «любовь» с маленькой буквы. Аська, не хмурься и не пытайся испортить мне настроение, оно у меня сегодня на редкость благодушное, а это бывает нечасто.

— Слушай, благодушный, кончай валять дурака, — улыбнулась Настя, — давай лучше делом займемся. Между прочим, к слову о бестселлерах, ты Стасову сказал про книжку, найденную при убитой?

— А як же ж. Он долго иронизировал по этому поводу и все строил планы, как бы ему позаковыристее эту новость Тане преподнести. Аська, ты, по-моему, заболела.

— С чего ты взял? Выгляжу плохо?

— Выглядишь на все сто, а кофе почему-то не пьешь. Я у тебя в кабинете сижу уже битый час, и за это время ты не выпила ни одной чашки. Как это понимать?

— Примитивно просто, сыщик Коротков. Кофе кончился. А купить новую банку не на что, деньги кончились одновременно с ароматным коричневым порошком. Вот и мучаюсь.

— Что же ты молчишь? Включай кипятильник, я сейчас принесу кофе.

— Откуда?

— Постреляю, поклянчу. Не твоя забота, на то и сыщик, чтобы искать и находить. В конце концов, украду у кого-нибудь из стола.

Настя включила кипятильник, достала из стола чашки и сахар, и в это время зазвонил телефон.

— Настасья Павловна, ты меня все еще любишь? — послышался веселый голос неунывающего Стасова.

— Страстно, — откликнулась Настя. — Привет, Владик.

— Здравствуй. Коротков сообщил мне потрясающий сюжет для детективного романа. Не врет?

— Нет, честное слово, так и было.

— А какую книжку нашли?

— «Повернись и уйди».

— Черная твердая обложка?

— Серо-голубая. Карманный формат, мягкий переплет. Интересуешься деталями?

— Это не я, а Танюшка. Она хочет с тобой поговорить. Ты очень занята?

— Стасов, для тебя и твоей жены я свободна всегда. Тебя я просто страстно люблю, а Татьяне еще и по службе обязана, она же мне помогла Палача раскрутить. Передай ей трубку.

— Добрый день, — раздался в трубке мягкий грудной голос.

— Здравствуй, Танюша. Как тебе отдыхается?

— Лучше, чем работается, — со смехом ответила Татьяна. — Скажи, пожалуйста, это правда, что убитая была в шелковом светло-зеленом костюме и в туфлях на шпильке?

— Истинная правда. Вот не сойти мне с этого места, — поклялась Настя.

— Красивая загорелая блондинка?

— Точно, — удивленно протянула она. — А как ты догадалась?

— Я не догадалась, это Коротков сказал. Настя, мне кажется, я видела ее.

— Где? Когда?!

— В понедельник, в метро. Она сидела рядом со мной и читала мою книгу, поэтому я ее запомнила. Очень похоже, что это была именно она, но мне нужно взглянуть хотя бы на фотографию. А лучше на тело и на одежду, так будет вернее.

— Неужели ты готова ехать в морг? — недоверчиво переспросила Настя. — Ты же в отпуске все-таки.

— А почему нет? Морг ничем не хуже других мест. Все равно Стасов на работе, Лиля в школе, а я свободна, как птица. Впрочем, может быть, я даже по фотографии тебе скажу, что это не она.

Вернулся Коротков, держа в руке свернутый из бумаги кулечек, куда добросердечные коллеги по одной-две ложечки отсыпали ему кофе.

— Вот, — гордо сказал он, протягивая Насте кулечек, — в трех местах отоварился. А ты всегда в моих способностях сомневаешься, неблагодарная.

— Я не сомневаюсь. Сейчас выпьем с тобой кофе и поедем.

— Куда это? — недовольно насупился Коротков. — Я целый день в разъездах провел, дай дух-то перевести. Да и время уже девятый час.

— Поедем мы с тобой, Юрик, к нашему общему другу Стасову и его любимой жене Татьяне. Очень может быть, что Татьяна видела Широкову за несколько часов до смерти.

— Вот это да! — выдохнул Коротков. — Стоит только мне выйти из комнаты, как обязательно что-нибудь случается.

* * *

Лариса Томчак и Анна Леонтьева были знакомы много лет, но по-настоящему близкими подругами так и не стали. И не то чтобы этому что-то мешало или они не нравились друг друг, просто в сближении не было необходимости. Они регулярно перезванивались, благо поводов для этого было множество, поскольку мужья последние годы работали вместе.

Жена Стрельникова Алла тоже была их общей приятельницей, но только в тот период, пока сам Стрельников еще жил с ней вместе. После того как он ушел от жены и стал всюду возить с собой Любу, Ларисе и Анне пришлось резко перестраиваться. Алла нравилась им обеим, она была зрелой умной женщиной, их ровесницей, а Люба, которая была моложе их почти на двадцать лет, казалась им девчонкой, с которой даже поговорить не о чем. Детский сад, одним словом.

Труднее было, конечно, Ларисе, потому что Томчак и

Стрельников в свое время купили соседние дачные участки. Приезжая на дачу, Лариса почти всегда встречалась с Аллой Стрельниковой и каждый раз с замиранием сердца ждала вопросов о новой возлюбленной Владимира Алексеевича. Собственно, дело было не в самих вопросах, а в том, что за этими вопросами стояло. «Мы с тобой были хорошими приятельницами, мы почти дружили, а теперь ты с легкостью отказалась от меня и принимаешь в своем доме моего мужа с новой бабой. Неужели ты не испытываешь неловкости, глядя мне в глаза?»

Лариса неловкость испытывала. И была безмерно благодарна Алле за то, что та никаких вопросов не задавала и вообще ни на что не намекала. Она вела с Ларисой Томчак отвлеченные разговоры о жизни вообще, о политической обстановке, о телевизионных передачах, о любовных историях общих знакомых и о способах засолки огурцов и капусты на зиму. Алла Стрельникова была бесспорно сильной и незаурядной женщиной, умеющей не показывать истинных чувств и не ставить собеседника в тяжелое положение. Владимир ушел от Аллы два года назад, и все эти два года Лариса Томчак и Анна Леонтьева не уставали удивляться, как можно было оставить Аллу ради Любы. Это же небо и земля! Алла — редкостная красавица, одна из тех женщин, которые с годами делаются все более привлекательными, ибо прожитые годы накладывают на тонкие черты лица печать грустной тайны и иронической улыбки. Мало того, что умная, привлекательная и умеет себя держать так, что с ней в любом обществе не стыдно показаться, так еще и одевается как картинка. Вкус безупречный, чувство стиля...

А Люба была попроще, и это еще мягко сказано. Хорошенькая, милая, спору нет, но с по-настоящему красивой Аллой ни в какое сравнение не идет. И держать себя не умеет, любая эмоция, любая мысль на лице написана, читай не хочу. Когда в былые времена друзья с женами собирались все вместе, жены принимали участие в разговорах наравне с мужьями, ибо были полностью в курсе всех дел в институте, хорошо понимали, чем отличается учебно-методическая разработка от научной, а диссертационный совет — от ученого совета. Люба же ничего этого не понимала, но поскольку ей тоже хотелось поучаствовать в беседе, то выглядело это смешно, а порой даже глупо. Не говоря уж о том, что она

умудрялась, например, являться в институт в сарафане с открытыми плечами. Ты кто такая? Если ты считаешь себя женой ректора, то будь любезна одеваться соответствующим образом, на тебя же студенты смотрят. А если ты никто, то и делать тебе здесь нечего.

Дамы в душе относились к Любе Сергиенко снисходительно и чуть насмешливо, но, разумеется, внешне никак этого не проявляли. Во-первых, они были хорошо воспитаны, а во-вторых, их мужья, Вячеслав Томчак и Геннадий Леонтьев, раз и навсегда расставили точки над i: Володя — их близкий друг, и они убедительно просят своих жен вести себя интеллигентно, ибо оценивать и осуждать чужую личную жизнь неприлично.

Впервые что-то вроде сочувствия шевельнулось в их душе, когда они узнали, что Любина подруга Людмила Широкова заняла ее место возле Стрельникова. Но сочувствие было пока еще слабеньким, шаталось на тонких подгибающихся ножках, потому что казалось, что с самой Любой все очень даже в порядке. Не зря же она не вернулась вместе с Милой, стало быть, что-то ее держит за границей, что-то более сильное, чем любовь к Стрельникову. Догадка о романе с состоятельным турецким бизнесменом выглядела в тот момент более чем убедительной, тем более Мила эти домыслы хотя и не подтверждала впрямую, но и не опровергала. И только после возвращения Любы все встало на свои места. Она стала для Ларисы и Анны объектом не только сочувствия, но и покровительства и опеки. Они винили в случившемся как «подлую разлучницу» Милу, так и самого Стрельникова, хроническая нелюбовь к которому уже переросла к тому времени в ненависть, и потому готовы были защищать девушку при любых обстоятельствах.

Иногда Лариса и Анна собирались вместе просто для того, чтобы, как они сами говорили, «расслабиться». Процесс расслабления состоял в том, что они делали друг другу массаж лица и помогали подкрасить волосы и ресницы, подправить специальными щипчиками форму бровей, а потом лежали, нанеся на кожу лица косметические маски. Сегодня они тоже занимались наведением молодости и красоты. Они уже смыли с лица засохшую маску из минеральных грязей Мертвого моря, нанесли на кожу питательный крем и снова

прилегли, ожидая, пока крем впитается. Обе они уже знали, что Мила Широкова погибла, но обсуждали эту тему крайне осторожно, словно прощупывая почву перед каждым следующим шагом.

— Как ты думаешь, Анюта, это очень дурно, что мне ее совсем не жаль? — начала Лариса.

— Да нет, — равнодушно ответила Леонтьева, — почему ты должна ее жалеть? Красивая хищница, хватает все, что плохо лежит. Она свой конец заслужила. Доблядовалась.

— Ты думаешь, ее убил один из случайных любовников?

— Уверена. И совсем не обязательно, чтобы этот любовник был случайным.

— Ты хочешь сказать...?

От неожиданности Лариса приподнялась с мягкого дивана и уставилась на приятельницу, которая по-прежнему лежала, закрыв глаза, с выражением безмятежности на блестящем от жирного крема лице.

— Ларочка, я понимаю, о чем ты думаешь, но кто знает, какие постоянные любовники были у этой дуры, кроме Стрельникова. Может быть, это какой-нибудь турок, из которого она доила деньги. Вспомни, что рассказывала Люба. Или, может быть, ее убил кто-то, с кем она жила до Стрельникова. Но я склонна думать, что все было как раз так, как ты подумала.

— Что ж, Бог правду видит, — отозвалась Лариса, снова откидываясь назад и устраивая голову поудобнее. — Во всяком случае, это закономерный исход.

— Они этого не переживут, — по-прежнему спокойно сказала Анна, имея в виду своего мужа и мужа Ларисы. — Он для них — свет в окошке. Человек, который всегда прав, даже если не прав совершенно. Если их начнут таскать в милицию, они будут его выгораживать изо всех сил.

Некоторое время женщины лежали молча, обдумывая то, о чем только что говорили намеками и недомолвками. Потом Анна снова подала голос:

— Лара, а когда Люба вернулась домой?

— В субботу. А что?

— Значит, в понедельник ее уже не было у тебя?

Лариса резко поднялась и пристально посмотрела на

Анну, которая по-прежнему не открывала глаз, давая мышцам лица полностью расслабиться.

— Что ты хочешь сказать?

— Пока ничего. Чего ты так разволновалась?

— И думать не смей, — твердо произнесла Лариса. — Выбрось из головы. Люба на это не способна.

— Да, пожалуй, — все так же равнодушно согласилась Анна. — Не такой у нее характер, чтобы мстить. Верно?

— Вот именно. Ты совершенно права, Анюта, у нее не такой характер. Она будет терпеть, плакать и молчать. Уж поверь мне, я за три недели на эту мягкотелость насмотрелась.

— Конечно, Ларочка, конечно, я и не сомневалась. Но согласись, для милиции она будет являть собой лакомый кусочек. Ведь Мила забрала деньги, которые они вместе заработали, и даже за жилье свою долю не заплатила. А потом и любовника увела. Мотив-то веский, согласись.

— Не вижу ничего особенного. Девушки поехали вместе, обе оказались обманутыми и искали пути заработать деньги, чтобы вернуться домой. Дороги их разошлись, каждая зарабатывала как умела. А любовь — что ж, любовь — дело такое... Хрупкое. Сегодня она есть, а завтра нет ее, прошла, скончалась от старости. Ведь и Люба когда-то увела Стрельникова от жены. Так что никаких счетов между девушками быть не может. Они друг другу ничего не должны. Разве нет?

— Да, не должны. Раз мы с тобой так думаем, Лара, значит, так и есть на самом деле. Верно?

— Абсолютно верно, — жестко сказала Лариса Томчак и потянулась за косметической салфеткой, чтобы снять с кожи остатки невпитавшегося крема.

Что ж, между ними все было сказано. Хорошо, что они поняли друг друга с полуслова и пришли к единому мнению.

* * *

Тем же вечером, придя домой, Лариса позвонила Любе.

— Я хотела тебе сказать... — неуверенно начала она, потом продолжила более решительно: — Я тебя видела.

— Да? — равнодушно отозвалась Люба. — И что теперь?

— Ты можешь не беспокоиться. Я ничего не скажу. Ко-

нечно, не надо бы тебе этого делать... Но все равно, это уже не имеет никакого значения. Ее больше нет, и это главное.

— Да, — эхом откликнулась Люба, — ее больше нет. А все остальное значения не имеет.

* * *

Выполняя совет Анастасии не трогать Любу Сергиенко без предварительной разработки, Юра Коротков решил разузнать о ней поподробнее у друзей Стрельникова. Вот тут-то и выяснилось, что почти три недели, а если быть точным — девятнадцать дней после возвращения из Турции она провела не у мифического нового любовника, а в квартире Томчаков. Сам Вячеслав Томчак, правда, в то время жил в основном на даче, но все же два или три раза приезжал в Москву, видел у себя дома Любу и знал ее печальную турецкую эпопею со слов жены.

— Она выглядела очень подавленной, — рассказывал он Короткову, — по-моему, она даже плохо понимала, что вокруг нее происходит. Я бы сказал, она была в шоке. Представьте себе, так настрадаться на чужбине, так мечтать о возвращении домой, и узнать такое... Мало того, что Володя ее не ждет, так он еще и связался с ее подругой, которая так подло обошлась с ней в Турции, оставив без денег и вынудив платить собственные долги.

— Скажите, вы хорошо знали Широкову?

— Нет, совсем не знал. Когда Володя расстался с женой и стал жить с Любой, мы приняли ее как его будущую супругу и общались с ней довольно часто. А когда появилась Мила, мы первое время даже не знали, что это Любина подружка. Думали — так, легкое увлечение на время Любиного отсутствия, вполне простительное. Потом оказалось, что все не так просто, Мила крепко за него взялась, и Любе рядом со Стрельниковым места уже не оставалось. Все это произошло нынешним летом, а с первого сентября мы со Стрельниковым вместе не работаем. Так что о Миле у меня представление довольно смутное. Любу я знаю намного лучше.

— Как вам кажется, Люба Сергиенко могла бы мстить Миле?

— А почему нет? — усмехнувшись, откликнулся Томчак вопросом на вопрос. — Вполне. Мотив есть, и достаточно

веский. Есть за что мстить. Тем более Любаша — существо на редкость злопамятное, обиды годами помнит, ничего не прощает. А вы что, всерьез ее подозреваете?

— Нет, что вы, — успокоил его Коротков. — Просто навожу справки. Как знать, может быть, и придется ее подозревать. А пока у меня таких оснований нет. Как вы думаете, Вячеслав Петрович, могла бы Люба рассказать мне о своей убитой подруге какие-нибудь полезные для следствия подробности?

Вопрос был совершенно идиотский, и задавал его Коротков вовсе не для того, чтобы услышать ответ по существу. Из того, что удалось на сегодняшний день узнать о Людмиле Широковой, вытекало, что убить ее могла не только Люба Сергиенко, но и сам Стрельников, если бы узнал о постельных похождениях своей возлюбленной. И если подозрения в адрес Стрельникова небеспочвенны, его верные друзья Томчак и Леонтьев сделают все, чтобы вывести настырных оперативников долой из своего круга. Пусть пасутся на чужих полях, нечего им нашу травку щипать. И если Томчак в глубине души подозревает, что его друг мог оказаться убийцей, он сейчас начнет уверять Короткова, что ничего нового, а тем более плохого, Люба про свою погибшую подружку не расскажет.

— Разумеется, — ответил Томчак, — но только в определенных пределах. Насколько я понял, в последние полгода они не виделись и после возвращения из-за границы не встречались. Так что о жизни Милы в последние месяцы вряд ли Люба сможет рассказать что-то существенное.

Так и есть. Он пытается мягко дать понять Короткову, что с Любой разговаривать бесполезно, она все равно ничего интересного для дела не знает. Почему? Почему он не хочет, чтобы с Любой беседовали? Потому что она слишком хорошо знает самого Стрельникова и может порассказать о его характере и привычках нечто такое, что усилит подозрения. Или даже полностью их подтвердит.

— Но, с другой стороны, — продолжал Томчак, — она прекрасно знает характер Милы, и в этом смысле, безусловно, может быть вам очень полезной. Кроме того, я думаю, что у Милы могли сложиться с кем-то конфликтные отношения в период пребывания за границей, тогда Люба тоже может об этом знать.

Нет, не получается. Томчак не пытается оградить своего друга Стрельникова, он просто старается быть логичным и последовательным.

— И последний вопрос, Вячеслав Петрович. Как Алла Сергеевна Стрельникова относилась к факту появления Милы рядом со своим мужем?

— Никак не относилась, — быстро ответил Томчак. — Это давно уже перестало ее интересовать.

«Что-то больно быстро ты ответил, — подумал Коротков. — Ждал вопроса и заранее приготовил ответ?»

По убийству Людмилы Широковой версий было несколько. Первая и основная группа версий была связана с любовным треугольником «Стрельников — Широкова — Сергиенко». Можно было с равным успехом подозревать как Любу, отомстившую подруге, так и Владимира Стрельникова, если удастся доказать, что он узнал о распущенности своей новой любовницы. Были и другие версии, связанные с неразборчивым поведением Милы в части выбора партнеров по сексу. Третья группа версий уходила корнями в период пребывания Широковой в Турции. И все эти версии надо было отработать... А людей, как обычно, раз-два — и обчелся.

* * *

Осень в Подмосковье всегда была красивой, но в этом году — особенно. Обычно в таких случаях говорят, что природа не пожалела красок, но в данном случае это было не совсем верно. Природа явно скупилась на золотисто-желтые и багровые тона, листва до сих пор стояла зеленая, словно был не октябрь, а все еще август. Вячеслав Томчак все дни проводил, либо гуляя по лесу, либо сидя на веранде в кресле-качалке, и бессмысленно рассматривал небо и деревья. На душе было тяжко и безысходно. Он понимал, что в его положении обязательно нужно найти кого-то виноватого, направить на него всю ярость, тогда придет облегчение. Но виноватого не было. Точнее, он не мог его найти. Кто виноват, что так получилось? Володя Стрельников? Разумеется, нет. Нельзя требовать от него, чтобы он занимался прискучившим ему делом только лишь потому, что его друзья являются его заместителями. Это глупо и несправедливо. Мужчина сам выбирает путь своей карьеры и способ ее развития, не огля-

дываясь на сентиментальные чувства. Может быть, виноват он сам, Вячеслав Томчак? Но в чем, в чем виноват? В том, что не отказал другу, когда тот его попросил о помощи?

Очень хотелось найти возможность хоть в чем-нибудь упрекнуть жену Ларису, но и тут ничего не получалось. Лариса постоянно предостерегала его, предупреждала о том, что события в конце концов будут поворачиваться именно так. Как ученый он загубил себя, как бизнесмен — не состоялся, а административная работа была ему настолько не по душе, что даже думать о ней не хотелось. Томчак отчетливо понимал, что депрессия и период безработного безделья пройдут, и он вынужден будет заняться той самой административной работой, от которой у него скулы сводит, как от кислого лимона. Да и где ее взять, работу эту? Можно подумать, телефон раскалился добела от звонков, все наперебой зовут его работать. Как же! Еще придется ходить, просить, поднимать старые связи и робко спрашивать, нет ли подходящей должности, ну хоть какой-нибудь. Мириться с такой перспективой не хотелось, но и на научной работе можно было ставить крест.

Со стороны дороги послышался шум мотора, но Томчак даже не повернулся, чтобы посмотреть, кто из соседей явился в конце сезона на дачу. Ему не хотелось ни с кем разговаривать. Однако машина затормозила прямо у его калитки и нетерпеливо загудела. Томчак тяжело поднялся с кресла и неторопливо спустился с крыльца. На дороге стояла машина Стрельникова. Вячеслав поспешно открыл ворота.

Идя вместе с другом к дому, Томчак невольно любовался им. Немного осунулся, чуть-чуть седины прибавилось, но все такой же невозможно красивый, и шаг по-прежнему легкий и стремительный.

— Ты что это, Славка, себе позволяешь? — начал Стрельников без длинных предисловий. — Куксишься, на даче спрятался. Так не годится. Поставь-ка чайник, я тут привез кое-что.

Он небрежно швырнул дорогую куртку на перила крыльца и спустился к машине. Томчак вошел в дом, чтобы поставить на кухне чайник, а когда снова оказался на веранде, то увидел, как Стрельников вытаскивает из огромной сумки самые разнообразные продукты — от сырого мяса до фруктов и коробок с конфетами. Под конец на столе появились бутылки дорогого коньяка, джина и хорошего вина.

— Ты что, Володя? Зачем это? — удивился Томчак. — Я тут с голоду не помираю, у меня все есть.

Ему было неприятно, потому что внезапный визит друга с этими продуктами очень напоминал жест жалости, словно Стрельников — щедрый благотворитель, а сам он, Вячеслав Томчак, — несчастный, убогий и нищий.

— Зато я помираю, — весело откликнулся Стрельников. — Я уже неделю перебиваюсь какими-то невразумительными бутербродами с черствым хлебом, жизнь пошла суматошная, никак не удается по-человечески поесть. И я решил на три дня про все забыть. Как ты думаешь, хватит нам этого на три дня, или съездить еще подкупить жратвы?

Сердце Томчака ухнуло и радостно забилось.

— Ты собираешься прожить здесь три дня? — недоверчиво спросил он.

— Если ты не возражаешь. Слава, нам давно пора поговорить, но сначала мы с тобой приготовим вот это мясо, выпьем по первой, а потом я скажу тебе все, что хотел сказать. Где твой знаменитый мангал?

Когда они закончили готовить шашлык, солнце уже село, и стало быстро смеркаться. Стол на веранде ломился от закусок.

— За что я люблю дачу осенью, так это за то, что можно смело включать свет на веранде, не боясь комаров. Что тебе налить, Славка? Коньячку или джин с тоником?

— Джин. Да я сам налью, не надо за мной ухаживать. Я же все-таки хозяин, а не гость.

— Ну уж нет, — решительно ответил Стрельников. — Сегодня ты — мой гость, почетный гость, просто так уж вышло, что я принимаю тебя на твоей территории, а не на своей.

Он взял рюмку с коньяком и встал. Томчак недоуменно посмотрел на друга.

— Ты что?

— Тосты полагается говорить стоя.

— Да ладно тебе, Володька, перестань. Садись. Мы же свои люди.

— Вот именно поэтому. Не спорь, Слава, сиди и слушай. Ни с кем другим я в такой ситуации вставать не стал бы, но ты — другое дело. Ты для меня очень много значишь, Славка, и если я произношу этот тост стоя, то только потому, что хочу показать тебе, как я тебя уважаю, как ценю тебя и люб-

лю. Знаешь, друзья — это не те, с кем общаешься каждый день, а те, к кому бежишь как в убежище, потому что знаешь: там тебя примут, обогреют, не выгонят и не подведут. Я всегда именно так относился к тебе, а ведь мы с тобой знакомы больше четверти века. Ты только подумай, Славка, четверть века! И я был уверен, что ты тоже относишься ко мне именно так. Я всегда думал, что если тебе станет плохо, тяжело, то первым, к кому ты прибежишь, буду я. Мне жаль, что я ошибся. Ты не пришел ко мне, ты запер себя на даче и здесь в гордом одиночестве грызешь свою обиду. Слава, этот тост будет длинным, но ты потерпи, потому что для меня это очень важно. Я обязательно должен тебе сказать все, что собирался.

Стрельников немного помолчал, задумчиво глядя на рюмку в своей руке.

— Я должен извиниться перед тобой за свою ошибку. Я полагал, что мои близкие друзья похожи на меня, они такие же, как я, думают, как я, и чувствуют, как я. И если я в трудную минуту бегу к ним за помощью, то и они поступят точно так же. Ты не пришел ко мне, и я был уверен, что у тебя все в порядке и ты во мне не нуждаешься. Очевидно, я был не прав. Ты не такой, как я, и я должен был с этим считаться. Я всегда думал, что между друзьями не может быть обид и недоговоренностей, на то они и друзья, чтобы говорить правду сразу и прояснять все недоразумения, не ожидая, пока они перерастут в затяжной конфликт. Я наивно считал, что друзья открыты друг перед другом и ничего не таят, не держат камня за пазухой. Моя ошибка в том, что я всегда равнял тебя по себе. А ты оказался другим, но я, к сожалению, понял это с большим опозданием. И я прошу у тебя прощения, Слава. Я очень виноват перед тобой. Прости меня.

— Ну что ты говоришь, — растерянно забормотал Томчак. — Ты ни в чем не виноват...

— Виноват. И если ты меня прощаешь, просто чокнись со мной и выпей свою рюмку.

Друзья молча выпили, и Стрельников налил по новой. Он по-прежнему стоял, не позволяя Томчаку встать.

— Теперь, Славка, я скажу тебе еще одну вещь. Я знаю, ты обижаешься на меня за то, что я вас с Геннадием как бы бросил, оставил одних в Фонде, а сам ушел в другое место. Это не так. Если бы ты знал, как все было на самом деле, ты

не стал бы на меня обижаться. Я очень виноват перед тобой, потому что этот разговор должен был состояться у нас раньше, но, я повторяю, я наивно полагал, что мы друзья, что ты относишься ко мне точно так же, как я отношусь к тебе, и если тебя что-то обижает или не устраивает, ты просто придешь ко мне и скажешь об этом. Но ты молчал, и я был уверен, что с тобой все в порядке. Так вот, Славка, я ушел из Фонда в комитет только потому, что мне предлагают очень интересную, ответственную и перспективную работу в правительстве, но уходить туда из бизнеса неприлично, нужно переходить из государственной структуры. Только поэтому я и ушел из Фонда. Только поэтому, поверь мне. И разумеется, все это время я имел в виду, что после того, как состоится мое новое назначение, я буду просить тебя и Гену перейти ко мне. Мне будет трудно без вас, и я собирался просить вас, чтобы вы не бросали меня на новой должности. Просто два месяца назад было еще преждевременно и немного страшно говорить об этом, тем более меня просили временно не распространяться об этом предложении. А теперь мое назначение уже вопрос недель, если не дней. И я прошу тебя, Слава, дать мне твердое обещание, что ты поможешь мне. Ты мне нужен, без тебя я как без рук.

— Не знаю, Володя, все это так неожиданно...

— У тебя есть лучшие предложения?

— Да нет, никаких других предложений пока нет вообще.

— Ну вот видишь. Подумай, Славка, и скажи мне свое решение. Я пробуду у тебя три дня, до понедельника. И надеюсь перед отъездом услышать от тебя, что ты согласен.

— А Гена? Ты уже говорил с ним?

— Нет, ты — первый, — лучезарно улыбнулся Стрельников, сверкнув ослепительными ровными зубами. — Знаешь, замотан был ужасно, все не мог до вас добраться, а теперь вот несчастье с Милой...

Он залпом выпил содержимое своей рюмки и сел. После упоминания об убийстве за столом повисло молчание. Томчак не знал, как себя вести. Он понимал, что Стрельников снова втягивает его в очередную авантюру, но не находил в себе сил сопротивляться его напору. Володька любит его и нуждается в нем. Он может вести себя по-хамски до тех пор, пока не сталкивается с резкой реакцией. Тогда Стрельников останавливается и говорит такие вот теплые и проникновен-

ные слова, как сейчас, которые все расставляют по своим местам. Винит себя, просит прощения. И при этом ухитряется сделать так, что Томчак сам чувствует себя виноватым. Ну в самом деле, чего он замкнулся в своей обиде, зациклился на собственных переживаниях? С друзьями так не поступают. Он должен был сразу же прийти к Володе и поговорить, и все было бы ясно уже тогда. Может быть, Томчак и Фонд не бросил бы, потянул вместе с Геной из последних сил, дождался бы нового назначения Стрельникова. А он повел себя как дурак. «Отдавай мои игрушки и не писай в мой горшок».

Напряжение, сковывавшее Томчака с того самого момента, как на даче появился его друг, исчезло, уступив место неловкому молчанию. А та легкость и радость, которая всегда присутствовала при встречах друзей, так и не появилась. Вячеслав без удовольствия доел мягкий сочный шашлык, думая о том, что он сам виноват во всем. Вот и старую дружбу чуть было не разрушил. Повел себя не по-мужски, обиделся. Прав Володька, во всем прав.

После ужина они убрали со стола, вымыли посуду.

— Давай костер разведем, — внезапно предложил Стрельников. — Вспомним молодость.

Их студенческая молодость пришлась на самое начало семидесятых, когда все поголовно увлекались бардами, авторскими песнями и пением под гитару у костра. Тогда все это было чудесно и очень романтично, а теперь казалось Томчаку смешным и немного нелепым. Но Володя — его гость, и хотя порыв Стрельникова казался Вячеславу непонятным и неуместным, он с готовностью направился к тому месту на участке, где было оборудовано «кострище».

Ночь была холодная, темная и очень тихая. Только ветер шелестел да сучья в костре потрескивали. Друзья молча сидели возле огня на перевернутых ящиках, которые Томчак притащил из сарая.

— В понедельник похороны Милы, — прервал паузу Стрельников. — Мне нужен твой совет, Слава.

— Совет о чем?

— Как ты думаешь, Люба придет на похороны?

— Не знаю. Наверное. Они же были подругами.

— Мне не хотелось бы с ней встречаться. Я думаю, ты меня понимаешь.

— Володя, какой совет я могу тебе дать? Ты венчался с

Милой, она не просто твоя случайная подружка. Ты не можешь не идти на похороны. Так что тут обсуждать?

— А ты не знаешь, Люба придет?

— Не знаю. Ты хочешь это выяснить?

— Да. Если бы ты это выяснил, я был бы тебе благодарен.

— Я не могу этого выяснить. Здесь ведь нет телефона.

— У меня есть сотовая связь, ты забыл? Так как, Славка, ты сделаешь это для меня?

— Володя, но пойми же, это бессмысленно. Даже если окажется, что Люба собирается прийти на похороны, что от этого изменится лично для тебя? Ты все равно не можешь не присутствовать. И вряд ли кто возьмется уговаривать ее не приходить, чтобы не нервировать тебя. Твоя неловкость для нее не аргумент. Она все равно поступит так, как считает нужным. И если она хочет проститься с Милой, никто не может ей этого запретить.

— Но если выяснится, что она не придет, я по крайней мере не буду из-за этого переживать. Пожалуйста, Слава.

Томчак взял протянутую ему трубку и позвонил в Москву Ларисе. Выяснилось, что Люба на похороны подруги пока не собирается, хотя, конечно, за оставшиеся дни может еще передумать.

— Послушай, — сердито сказал Томчак, возвращая Стрельникову телефон, — о чем ты вообще думал, когда затевал всю эту историю? Ты что, надеялся, что Люба никогда не вернется? Ты же должен был понимать, что рано или поздно она приедет, узнает о том, что ты обвенчался с ее подругой, и тебе придется как-то смотреть ей в глаза при встрече. Ты прав, Володя, нам давно надо было поговорить. Просто как-то так у нас повелось в последнее время, что мы твои поступки не обсуждаем. С тех пор как мы стали работать вместе, то есть с того момента, как ты стал моим начальником, да и Генкиным тоже, мы не считали для себя возможным обсуждать твою жизнь с тобой. Ты волен поступать так, как считаешь нужным, ты уже взрослый мальчик и наших советов не спрашивал. Ты только давал указания и требовал их беспрекословного исполнения. Но история с Милой нас крайне удивила. Твой разрыв с Аллой мы восприняли более спокойно, хотя тоже недоумевали, но твой поступок по крайней мере не казался ничем из ряда вон выходящим. Разлюбил жену, с которой прожил двадцать лет, полюбил молоденькую — что ж,

мало найдется мужиков, с которыми этого не случалось бы хоть раз в жизни. Но с Милой... Тут уж ты, извини, погорячился. Что на тебя нашло? Почему ты не дождался возвращения Любы и не свел ваши отношения на нет потихоньку, как делают порядочные люди? Ты избегал телефонных разговоров с ней, ты не снимал трубку, слыша через автоответчик ее голос. Может быть, тебе это не интересно, но она рассказывала Ларе, что голодала, отказывалась от обеда или ужина, чтобы хозяин дал ей деньги наличными. На эти деньги она покупала телефонную карточку, чтобы позвонить тебе. А ты не снимал трубку. На что ты рассчитывал? Ты же понимал, что рано или поздно она приедет, и тебе придется с ней объясняться.

— Она голодала? — тихо переспросил Стрельников. — Я этого не знал. Мила сказала, что у нее все хорошо, она прекрасно устроена, у нее интересная и прилично оплачиваемая работа. Выходит, она мне солгала?

— Не в том дело, что она тебе солгала, а в том, что ты ей поверил. Тебе хотелось поверить, и ты поверил. Ты даже не удосужился хоть раз снять телефонную трубку, когда звонила Люба, чтобы убедиться в правдивости Милы и в том, что у женщины, с которой ты прожил два года и на которой обещал жениться, действительно все в порядке. Я не хочу говорить плохо о покойнице, но ты не мог не видеть, что она лжива вся насквозь. Ну признайся, ты это понимал?

— Слава, я прошу тебя... Давай не будем обсуждать Милу. Какая бы она ни была, но ее больше нет. Не нужно тревожить ее память. Лучше посоветуй, как быть с Любой. Как мне себя вести, если я встречусь с ней на похоронах?

— Не знаю, — резко ответил Томчак.

Ему очень хотелось сказать что-нибудь грубое, вроде «ты заварил — ты и расхлебывай. Когда Милу в постель укладывал, ты у меня советов не спрашивал», но он понимал, что с друзьями так себя не ведут. Володя просит совета и помощи, и ему надо помочь, а не читать нравоучения.

— Если хочешь, мы с Ларисой возьмем Любу на себя, когда она появится. В конце концов, она нормальный разумный человек и не станет устраивать тебе сцены и выяснять отношения в такой момент.

— Ты уверен?

— Конечно. Если бы она считала, что ты должен с ней

объясниться, она пришла бы к тебе, не дожидаясь, пока ее соперница...

Томчак запнулся. Что он говорит? Идиот. Его послушать, так получается, что Люба, может быть, и не думала объясняться со Стрельниковым, пока была жива Мила. Она ждала ее смерти. Ждала... Черт, бред какой-то. Люба не могла этого сделать. Хотя почему, собственно, не могла? Так ли хорошо он ее знает, чтобы с уверенностью это утверждать?

Стрельников снова умолк, глядя на огонь. В отблесках пламени его лицо казалось высеченным из камня, каким-то мертвенно-неподвижным и неожиданно жестким.

— У меня к тебе еще одна просьба, Слава, — негромко сказал он. — Меня уже допрашивал следователь. Его очень привлекает версия убийства из ревности. И два самых перспективных подозреваемых для него — это я и Люба.

— Ты? — удивился Томчак. — Ну, Люба — понятно. Но почему ты?

— Потому что Мила вела весьма активную жизнь за моей спиной. Но я этого не знал, честное слово, Славка, я клянусь тебе, я этого не знал. Мне об этом сказал следователь. У меня не было причин ревновать ее. Ты мне веришь?

— Верю. Значит, ты считаешь, что это сделала Люба?

— Не имеет значения, что именно я считаю. Я не убивал Милу. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы убийцей оказалась Люба. Ты меня понимаешь?

Да, Томчак это хорошо понимал. Одно дело, когда будущую жену убивает неизвестный убийца, и совсем другое — когда оказывается, что ты сам спровоцировал ситуацию и одна твоя любовница расправилась с другой. Ни о каком новом назначении после такого скандала и речи быть не может. Но если не будет нового назначения для Стрельникова, то не будет и новых хороших должностей для Вячеслава Томчака и Геннадия Леонтьева. Вот и весь расклад. Значит, нужно сделать все, чтобы выгородить Любу. Потому что никто, кроме нее, не мог убить Милу Широкову.

— Я тебя понимаю, Володя, — медленно произнес Томчак. — Надеюсь, что и Гена тебя поймет. И наши жены тоже. Ты можешь на нас положиться. Мы тебя не подведем.

Вот так и должно быть среди друзей. Долой обиды и недоразумения, долой бабские глупости и сопливые сантименты. Друг в беде, и ему нужна помощь. И он эту помощь получит.

Глава 4

Она никак не могла включиться в окружающую жизнь. Что-то с кем-то происходило, кто-то что-то говорил, люди куда-то ходили, но Люба не могла вникнуть в суть. Целыми днями она пыталась заставить себя встряхнуться, но не могла. Мила умерла. Она ее убила. «Этого не может быть, — твердила себе Люба, — я не могла этого сделать. Так не бывает. Я не могла, не могла, не могла. И все-таки сделала».

Перед родителями нужно было делать лицо, и она старалась изо всех сил. Больше всего, конечно, ее доставала мать.

— Ты все еще дома? — неподдельно удивилась она, придя с работы через два дня после возвращения Любы. — Я думала, ты снова будешь жить у Володи. Почему ты не у него? Вы что, поссорились?

— Ничего мы не ссорились, — вяло откликнулась Люба. — Могу я пожить дома, в конце концов? Что в этом особенного? Или я вам мешаю?

Мать озабоченно склонилась над ней.

— Что случилось, Любочка? Ты с ним порвала? Он тебя чем-то обидел? Скажи мне.

— Ничего не случилось. Оставь меня в покое, пожалуйста. Мне нужно побыть без него какое-то время.

— Понимаю, — закивала мать, — у тебя новый роман. Ты с ним познакомилась в Турции? Почему ты мне ничего не рассказываешь?

— Нет у меня никакого нового романа, мама, оставь ты, ради Бога, эти глупости. Просто мне нужно побыть без Володи. Можешь ты это понять?

Мать обиженно вздохнула и ушла на кухню готовить ужин. Отец, кадровый военный, вопросов о Стрельникове вообще не задавал, ему с самого начала не нравилось, что дочь живет у женатого любовника, зато его очень беспокоило, что Люба, вернувшись из-за границы, так и не начала работать. Он был человеком старой закалки, и домашнее безделье казалось ему чем-то из ряда вон выходящим.

— Когда тебе выходить на работу? — спросил он в первый же день, как только Люба появилась дома.

— На работу?..

Она растерялась. В самом деле, надо же где-то работать. Наверное, в той же гостинице, в «Русиче», гендиректор обе-

шал сразу же взять ее на старое место и даже с повышением, если она действительно пройдет стажировку в хорошем курортном отеле. Но ведь она ее не прошла. И кроме того, там все знают про Стрельникова. И будут ее жалеть... Или злорадствовать. Кто как. И с Милой придется видеться каждый день. Нет уж, только не это.

— Папа, я полгода работала без выходных, мне нужно хотя бы отоспаться.

— Но у тебя стаж прервется.

Отец все еще жил старыми понятиями, такими, как трудовой стаж, профсоюз, трудовая книжка.

— Не прервется. Про вахтовый метод слышал? Полгода работаешь без выходных, потом полгода отдыхаешь на законных основаниях.

— Голову ты мне морочишь, — ворчал он. — Смотри, будешь потом волосы на себе рвать да локти кусать, а ведь я тебя предупреждал.

Люба внутренне съеживалась. Всю жизнь она панически боялась своих родителей. Они никогда не били ее, но при каждом удобном случае говорили: «А мы тебя предупреждали... Вот, мы так и знали, что этим все кончится... Так тебе и надо, мы же тебе говорили...» Это было невыносимо. Ни разу в жизни Любе не удалось получить от них дельный совет, потому что сперва приходилось рассказывать о том затруднении, в которое она попала, и тут же начиналось: мы предупреждали, мы говорили, так тебе и надо, не надо было тебе... Конечно, если бы у нее хватало мужества вытерпеть эти нотации, дослушать, какая она глупая и непослушная, потому что ее сто раз предупреждали, а она все равно сделала по-своему, так вот, если бы она смогла дождаться окончания всего этого, то потом, может быть, и полезный совет услышала. Может быть. В том-то все и дело. Совет — он еще только «может быть» и «потом», а выговор — он уже сейчас имеет место быть. Лет с пятнадцати Люба Сергиенко решила, что лучше со своими проблемами к родителям не обращаться. Пусть думают, что у нее все хорошо. Не надо рассказывать им о своих неприятностях и давать повод порассуждать о том, какая она глупая и нехорошая и вообще сама во всем виновата. Господи, конечно, сама, кто же спорит. Можно подумать, она этого не понимает. Но ведь о неприятностях рассказывают не для того, чтобы тебе сказали «ты сам дурак», а

для того, чтобы тебе посочувствовали и помогли. Только для этого. И почему люди таких простых вещей не понимают?

Мать порой сетовала на скрытность дочери.

— Почему ты ничего мне не рассказываешь? — обиженно говорила она, в очередной раз обнаружив, что в жизни Любы произошли какие-то события, о которых она не знала.

«Потому что ты не умеешь слушать, — каждый раз хотела ответить Люба. — Потому что ты начнешь причитать, предупреждать и читать мне мораль, вместо того, чтобы просто принять к сведению».

Вернувшись домой после полугодового отсутствия, Люба коротко, без подробностей, рассказала о том, как работала в четырехзвездном отеле, продемонстрировала сделанные покупки и на этом тему Турции для своей семьи закрыла. Все было прекрасно, просто превосходно, но теперь она здесь, дома, и говорить больше не о чем.

Сутки делились для Любы на два периода, каждый из которых был по-своему тягостен. День, когда родители уходили на работу и она оставалась предоставленной самой себе, и время с вечера до следующего утра, когда мать с отцом были дома и приставали к ней с разговорами и расспросами. От каждого сказанного ими слова ей хотелось завизжать, закрыть уши руками, кинуться опрометью в свою комнату, запереть дверь и не открывать ее. Никогда. Заснуть, проснуться и обнаружить, что все это только сон. Пусть кошмарный, но сон...

Она — убийца. Она позволила ненависти и злобе одержать верх над разумом, она поддалась неуемной жажде мести. Она хотела смерти для своей подруги. Она призывала эту смерть, она мечтала о ней, улыбаясь в темноте, как когда-то улыбалась, лежа в темной душной комнате и думая о Стрельникове, о своем возвращении к нему. Люба вложила в эту мечту всю душу, и когда оказалось, что Стрельников ее не ждет, все внутри нее готово было рассыпаться на мелкие кусочки, ибо стержень, на котором крепилось все остальное, рухнул. Но тут появился другой стержень — ненависть. Ненависть к самому Стрельникову и к Миле Широковой. Рассыпавшаяся было душа снова собралась вокруг прочного стержня. Появилась цель, появился смысл. Теперь есть, чего ждать и к чему стремиться, есть о чем мечтать. И вот Милы больше нет. Снова из Любиной души выдернут стержень, и

все опять рушится, расползается по швам, разлетается вдребезги. Ей казалось, что она стоит на полу на коленях и беспомощно пытается собрать в одну кучку эти мелкие осколки, а они ускользают, не даются в руки и от каждого прикосновения только отлетают все дальше и дальше. Этот образ преследовал ее днем и ночью. «Лучше бы ты осталась жива, — беззвучно шептала Люба, — тогда я бы по крайней мере понимала, зачем живу и чего жду в этой жизни. А теперь я ничего не понимаю и ничего не жду. И жить мне незачем».

В понедельник, в день похорон Милы, Люба с утра отправилась в церковь, расположенную неподалеку от своего дома. После возвращения домой прошло чуть больше недели, и за это время Люба бывала там почти ежедневно. Она никогда не была набожной, но и воинствующей атеисткой тоже не была, всегда относилась к вопросу о Боге достаточно равнодушно. Но теперь, поддавшись жгучей, яростной ненависти, она готова была сделать все, чтобы отнять жизнь у Милы. У подруги. У соперницы. У воровки и шлюхи. Кто-то когда-то говорил, что если у тебя есть враг, нужно пойти в три церкви и во всех трех поставить свечи за его здравие и пожелать ему всяческих благ. Тогда то зло, которое от твоего врага исходит, тебя не коснется. Были и другие советы, связанные с применением черной и белой магии, заговоров, наведением порчи и прочими прелестями. Люба выполнила все. Еще живя у Томчаков, она начала ходить к бабкам, гадалкам, знахаркам и магам. А вернувшись домой, стала ежедневно заглядывать в церковь. Ставила свечки за Милу и исступленно шептала, глядя на пляшущее пламя:

— Я хочу, чтобы ты умерла. Пусть ты умрешь в страшных мучениях. Пусть тебе хотя бы на пять минут станет так же больно и страшно, как было мне. Я не хочу, чтобы ты жила.

Но сегодня, в день похорон ненавистной подруги-соперницы, Люба надеялась, что на нее снизойдет хотя бы подобие спокойствия. Все свершилось. Все получилось так, как Люба хотела. Больше не нужна ярость и злоба, можно дать душе отдохновение.

Войдя в храм, она купила три свечи и направилась к ставшему уже привычным месту — иконе Николая-угодника. Здесь она посылала проклятия, здесь призывала смерть к Миле, здесь и прощения попросит у покойницы.

— Прости меня, Мила, я не ведала, что делаю. Я потеряла

разум, я ничего не понимала, ненависть ослепила меня. Теперь я вижу, что лучше бы тебе было остаться в живых. Но уже поздно. Я хотела смерти для тебя, а убила себя. Так что ты жди меня, Мила, я здесь не задержусь. Скоро увидимся. До встречи.

Люба хорошо помнила, что раньше, постояв перед иконой и пошептав слова ненависти и проклятий, она успокаивалась и выходила из церкви почти умиротворенной. Настолько, что даже в течение нескольких часов готова была отказаться от мести. Ярость, бушевавшая в ней, утихала, и Люба даже становилась немного похожей на себя прежнюю. И она очень надеялась, что сегодняшний поход в церковь тоже принесет облегчение.

Но облегчения не было. Не было вообще ничего. Ни стыда, ни раскаяния, ни жалости, ни чувства вины. Осколки разлетелись так далеко, что теперь нужен был очень мощный магнит, который смог бы их собрать и удерживать душу в целостности. Люба Сергиенко с ужасом поняла, что таким магнитом может стать теперь только ненависть. Милы нет больше. Но ведь есть еще Стрельников.

* * *

Дело об убийстве Людмилы Широковой довольно быстро обросло обширной информацией, в которой, однако, не было самого главного: ответа на вопрос, где и с кем она провела тот вечер, когда ее убили. Жена Владислава Стасова Татьяна была непоколебима: именно Широкова сидела рядом с ней в вагоне метро в тот день. Она села в поезд вместе с Татьяной на станции «Китай-город», вышла на «Академической», и было это в интервале от шести до половины седьмого вечера.

— И скорее всего из района «Академической» она больше никуда не уезжала, по крайней мере одна не уезжала, — сказала Татьяна.

— Почему ты решила? — удивилась Настя.

Татьяна задумчиво повертела в руках книжку в мягкой серо-голубой обложке, потом открыла ее на том месте, где лежала закладка — цветной картонный посадочный талон из аэропорта Барселоны.

— Закладка лежит почти на том же месте, на каком Широкова закрыла книжку, когда выходила из вагона. Я хорошо

помню, какой именно эпизод она читала перед тем, как закрыть книгу. Сейчас закладка лежит на три листа дальше. Вы ее перекладывали?

— Конечно. Мы ее вынимали и осматривали. Но потом положили точно на то место, где она была у Широковой. Ты не обратила внимания, она читала быстро или медленно?

— В среднем темпе. Давай посчитаем. Когда она открыла книгу, то была вот здесь, — Татьяна перелистала страницы и заложила на нужном месте чистую библиографическую карточку, которую взяла со стола у Насти, — а когда закрыла — вот здесь. От «Китай-города» до «Академической» сколько минут?

— Примерно двенадцать.

— За двенадцать минут она прочитала девять страниц, итого минута двадцать секунд на страницу. Три листа — это шесть страниц, стало быть, ей удалось еще почитать в общей сложности около восьми минут.

— Да, — кивнула Настя, — ты права, пожалуй. На «Академической» пересаживаться некуда, можно только выйти в город. Стало быть, самое большее — это восемь-десять минут на автобусе. За эти жалкие минуты далеко не уедешь. А может быть, она вообще никуда не ехала, а просто сидела на лавочке и ждала кого-то. Вполне естественно при этом читать книжку, особенно если до этого пришлось прерваться на интересном месте.

Она чуть откинулась на стуле и два раза стукнула кулаком в стенку. Через несколько секунд дверь открылась и на пороге возник идеально выбритый и подстриженный Коля Селуянов. Вдобавок он был в новом костюме, чем лишил Настю Каменскую дара речи примерно эдак секунд на пять.

— Господи, — пробормотала она, придя в себя, — Коленька, что случилось?

— Вот, — торжественно ответил Селуянов, с трудом сдерживая хохот, — я так и знал, что ты обязательно опозоришь меня перед мэтром российского детективного жанра. Вчера вечером Стасов мне сказал, что сегодня Татьяна Григорьевна будет здесь, и я ради такого случая постарался выглядеть поприличнее, чтобы произвести на знаменитость хорошее впечатление, а ты, Настасья, взяла и все испортила. Разрешите представиться, — церемонно обратился он к Татьяне, — майор Селуянов, в быту Николай, можно просто Коля. Горя-

чий поклонник вашего таланта, как литературного, так и следственного.

— Очень приятно. Образцова, — мелодично пропела Татьяна, протягивая Селуянову руку, к которой он тут же припал губами в духе салонных манер девятнадцатого века.

Настя ошарашенно смотрела на них, не понимая, что происходит. Коля не похож сам на себя, никогда в жизни он дамам ручки не целовал и не прочел, насколько Настя знала, ни одного детектива. Селуянов вообще читал мало, поскольку времени у него на это удовольствие не было совсем, но если уж читал, то исключительно фантастику про каких-нибудь инопланетян и звездные войны. «Я читаю не для того, чтобы поумнеть, — говорил он, — а единственно для того, чтобы отвлечься от гадостей и мерзостей окружающей меня жизни. Поэтому я читаю только то, что совершенно не похоже на нашу жизнь». Настя могла бы поклясться, что ее коллега Николай не то что не прочел, но даже в руках не держал ни одной книжки Татьяны Томилиной.

— Коля, у меня к тебе просьба, — сказала она, стараясь «не зависать» над неожиданным поведением Селуянова. — Куда можно минут за восемь-десять уехать на общественном транспорте от станции метро «Академическая»?

— Именно на общественном? — уточнил он. — Или на машине тоже?

— Нет, на машине не нужно. В машине люди обычно не читают книжки.

— А при чем тут книжка?

— Мы по объему прочитанного текста пытаемся определить, как далеко от метро уехала потерпевшая, если допустить, что читала она в транспорте, а не сидя на лавочке.

— Тогда придется делать разблюдовку на свободные маршруты и забитые. В переполненном автобусе или трамвае она могла ехать какое-то время в давке, и только потом, когда стало посвободнее, сумела сесть и открыть книгу.

— Все ты правильно говоришь, Николаша, — усмехнулась Настя, перехватив восторженный взгляд, который Селуянов исподтишка кинул на Татьяну. — Сделай, пожалуйста, как можно быстрее.

— В какое время ехала твоя потерпевшая?

— Около половины седьмого вечера.

— Самое время! — присвистнул он. — Час пик, практи-

чески все маршруты битком забиты. Но я посмотрю повнимательнее, может, там и пустые маршруты есть. Час-полтора тебя устроит?

— Вполне.

— Тогда я исчезаю. Татьяна Григорьевна, надеюсь, что когда я явлюсь с выполненным заданием в зубах, вы все еще будете здесь и я буду иметь счастье вас видеть.

— Я тоже на это надеюсь, Николай, — все так же мелодично пропела Татьяна.

Когда за Колей закрылась дверь, Настя недоуменно повернулась к ней.

— Что у вас тут происходит? Спонтанно развивающаяся взаимная симпатия? Я немедленно вызову сюда Стасова, если ты не прекратишь строить глазки нашему Кольке.

Татьяна расхохоталась. Она смеялась самозабвенно, всхлипывая и вытирая слезы.

— Прости, Настюша, мы поспорили... Короче, я проиграла.

Фу-ты! Настя с облегчением перевела дух. И хотя она по-прежнему ничего не понимала, но главное было очевидно: Селуянов не пытался заигрывать с женой своего приятеля, а жена Стасова не строила глазки приятелю своего мужа. Остальное принципиального значения не имело, хотя, конечно, было любопытным.

— Много проиграла-то? — сочувственно спросила Настя.

— Ага. Праздничный обед на десять человек.

— А если бы выиграла?

— То же самое. Только готовил бы Коротков. А так мне придется.

— И кто входит в десятку счастливчиков?

— Ты с мужем, Коротков с Люсей, Селуянов с Валентиной, Миша Доценко и мы со Стасовым и Лилей.

— Ого! — Настя покачала головой и вытащила из пачки сигарету. — На такую ораву приготовить — не обрадуешься. И как же ты ухитрилась продуться? На чем погорела-то?

— Да на тебе, — Татьяна весело махнула рукой. — Вчера Коля вместе с Юрой Коротковым к нам в гости заезжал, так что я с ним еще вчера познакомилась. Зашел разговор о супружеских изменах, то се, потом и до тебя дело дошло. Сцепились мы на вопросе о мужской и женской солидарности. Я утверждала, что если у тебя на глазах я начну флиртовать с

кем-то, то ты меня поймешь и даже поощришь, несмотря на то, что Стасова ты знаешь намного дольше и лучше, чем меня. Стасов — твой друг, а я — так, жена друга. Согласись, Настюша, мы с тобой хорошие приятельницы, но не близкие подруги. Верно?

— А что утверждали твои оппоненты?

— Юра и Коля подняли меня на смех и сказали, что понятие женской солидарности тебе чуждо и что ты мне глаза выцарапаешь, если я только попытаюсь посмотреть в чью-то сторону. Правда, они не сошлись в вопросе о форме выцарапывания глаз. Коля утверждал, что ты сразу все заметишь, но затаишься и постараешься смоделировать ситуацию таким образом, чтобы я разочаровалась в поклоннике и у меня отшибло бы желание с ним флиртовать. А Юра считал, что это не в твоем стиле. Он сказал, что твое главное оружие — это убойная прямота, против которой нет защиты. Как против лома. Коротков спрогнозировал, что ты скорее всего немедленно попытаешься объясниться со мной и раскроешь перед моим изумленным взором всю глупость и неосмотрительность моего поведения. Так оно и вышло. Я с позором проиграла обед на десять персон. Но зато сделала для тебя полезное дело.

— Какое?

— Выяснила, кто из твоих друзей-коллег знает тебя лучше других. Настя...

— Да?

— Мне надо поговорить с тобой. Только я прошу тебя, не надо меня стесняться. Если ты захочешь мне отказать, сделай это, не раздумывая. Я понимаю, моя просьба будет выглядеть по-дурацки, и твой отказ будет для меня совершенно естественным. Я к нему готова.

— Да в чем дело-то? К чему такие длинные подходы?

— Понимаешь, Стасов настаивает на том, чтобы я переехала в Москву. В общем, он меня почти уломал. Я готова уехать из Питера. Но я должна понимать, что мне делать, переводиться на ту же следственную работу или плюнуть на погоны и уволиться совсем.

— Совсем уволиться? — недоверчиво переспросила Настя. — А не страшно? Ты же без пенсии...

— О том и речь. Стасов считает, что я должна сидеть дома и писать книги. Конечно, это было бы идеальным вариан-

том, но я все время боюсь, что каждая законченная вещь — последняя, что у меня больше не будет ни сил, ни вдохновения, ни таланта, и я больше ничего нового не смогу написать. Тогда на что я буду жить? Сидеть на шее у Стасова? Меня это категорически не устраивает. Я всю жизнь жила на собственные деньги, мне уже тридцать пять и менять привычки поздновато. Стасов считает, что я могла бы работать вместе с ним или в «Сириусе», в управлении безопасности, или взять лицензию и помогать ему выполнять частные заказы. Но мне хотелось бы проверить, в состоянии ли я вообще заниматься такой работой.

— Таня, ты же следователь с огромным стажем, — удивилась Настя. — Какие еще доказательства тебе нужны? Ты такие дела раскручивала!

— Это не совсем то. Быть следователем, процессуальным лицом, официальным представителем системы правосудия, иметь право задавать вопросы и требовать на них ответы — это далеко не то же самое, что быть детективом, сыщиком. Вы, оперативники, — существа бесправные. Прости, Настюша, если я говорю обидные для тебя вещи, но по сути я права, и ты это знаешь. Вы же ни на что права не имеете. Только просить да уговаривать. Все на доброй воле, по согласию, а если нет — то хитростью, обманом, уловками. Ну, а когда придется, то и силой. Потому вам преступники много такого рассказывают, чего потом перед следователем ни за что не повторят. Уж преступники-то лучше всех знают, что сказать следователю «под протокол» означает дать показания, которые имеют силу, а честно признаться во всем оперу — ничего не означает. Признанием этим потом только подтереться можно. И опер будет до седых волос доказывать, что этот преступник сказал то-то и то-то и признался в совершении убийства, а преступник будет хихикать и говорить, что ничего этого не было, что опер все врет, а если и было, то он, преступник, просто пошутил. Это у него шутка юмора такая. Короче, я к тому веду, что психология деятельности у следователей и оперативников совершенно разная, и профессиональные требования тоже разные. Может быть, я и неплохой следователь, но в качестве детектива никуда не гожусь. А может быть, и гожусь. Вот я и хочу это проверить.

— Ты хочешь поработать по убийству Широковой?

— Неофициально. Чтобы никому из вас не помешать и

ничем не навредить. В идеале я бы хотела выполнять ваши поручения, а не действовать самостоятельно. Но я понимаю, что твой начальник этого не разрешит.

— А ты настаиваешь на том, чтобы я непременно поставила его в известность?

— Это тебе решать. Но скрывать бессмысленно, все равно ведь выплывет. Только лишние неприятности будут.

— Верно, — вздохнула Настя. — Думаю, что Гордеев запретит. Хотя в этом же ничего плохого нет. Но можно давать тебе такие поручения, чтобы твое участие никак не обозначилось. Например, под любым предлогом разговориться с жильцами какого-нибудь дома, выяснить, кто из них видел или знает то, что нас интересует, а потом уже конкретно к этим людям идет Коля или Юра Коротков, или даже я. И если дело паче чаяния доходит до Гордеева, свидетель честно говорит, что беседовал именно с этими оперативниками. А про тебя он и не вспомнит.

— Собираешься хитрить?

— Собираюсь. Гордеев — очень хороший начальник и очень хороший человек, но использовать твою помощь он не разрешит. Он инструкции знает и соблюдает их по мере возможности. Во всяком случае, он их без крайней нужды старается не нарушать, а труп Широковой — это отнюдь не крайняя нужда. Вот если выяснится, что ее убили, потому что хотели оказать давление на самого Стрельникова в связи с какими-то денежными делами, тогда другое дело. Это уже попахивает организованной преступностью, злоупотреблениями, взятками и растратами, тогда убийство Широковой попадает на контроль к начальнику ГУВД, а то и, не дай Бог, к министру, и в этом случае ценятся каждые лишние руки и каждый помощник. Тут Гордеев на все глаза закроет и все разрешит. А пока убийство Широковой — не более чем труп красивой потаскухи на грязной помойке. Таня, ты считаешь себя красивой женщиной?

От такого неожиданного поворота Татьяна слегка растерялась и даже не нашла что ответить.

— Н-не знаю... Вряд ли.

— Плохо. Но ты по крайней мере вышла замуж в третий раз, стало быть, ощущения собственной непривлекательности у тебя быть не должно.

— А его и нет. Я знаю, что я толстая и у меня много лиш-

них килограммов, но в то же время я знаю совершенно точно, что это еще ни разу не помешало мне завоевать мужчину, которого я бы хотела завоевать. Это все чушь про стройные талии и длинные ноги, можешь мне поверить. Это придумали сами мужики и наивно в это верят, а потом страшно удивляются, почему не могут бросить толстую некрасивую бабу, почему от стройных и длинноногих все равно возвращаются к ней и только рядом с ней чувствуют себя по-настоящему счастливыми. Ты когда-нибудь первую жену Стасова видела?

— Только по телевизору.

— И как она тебе?

— Да что мне-то? — удивилась Настя. — Я же не мужик. Но красивая, конечно, спору нет. Очень красивая.

— Она намного красивее меня, Настюша. И весит раза в два меньше, и ноги у нее раза в два длиннее, но женат Стасов все-таки на мне. Так что никаких комплексов у меня нет, потому что я знаю тайну.

— Тайну? О чем?

— О любви. О том, что удерживает мужчину возле женщины. Я уверена, что и ты эту тайну знаешь. Поэтому, несмотря на все мои килограммы и более чем серьезную профессию, я могу получить любого мужчину, какого захочу. Или какого надо.

При этих последних словах Татьяна подняла глаза и пристально посмотрела на Настю.

— Ты хочешь поручить мне Стрельникова?

— Да. Я хочу выяснить, знал ли он о распущенности своей венчанной жены. На допросе у следователя он очень натурально удивлялся и делал вид, что впервые слышит об этом. Но мы-то с тобой, Танюша, знаем цену и этому виду, и этому удивлению. Я не верю Стрельникову.

— Почему? Тебя настораживает что-то конкретное? Или просто общие ощущения?

— Ничего конкретного. Он дьявольски красивый мужик, и этого вполне достаточно, чтобы я ему не верила.

— Настя, — изумленно протянула Татьяна, — ты ли это? Где твоя прославленная легендарная объективность? С каких это пор ты судишь о людях по внешности?

— С тех пор, как внешность стала определять характер человека. Мы все глупы и примитивны, даже самые умные и неординарные из нас. Мы все любим то, что радует глаз. И кра-

сивые дети сызмальства привыкают к тому, что им ни в чем нет отказа. А это трансформируется в представление о том, что у них все получается так, как они задумывают. Они хотят новую игрушку — они ее получают. Они хотят быть в центре внимания взрослых и слышать похвалы и ласковые слова — они это получают. Они слишком малы, чтобы понять, что это не их заслуга. И они вырастают уверенными в себе, легкими, напористыми, улыбчивыми и энергичными, потому что не боятся жизни. Чего им бояться, если у них все получается? А уж если им удается из красивого ребенка превратиться в красивого взрослого, то вообще туши свет. Этим людям нигде и ни в чем нет препятствий, у них все получается, им все удается, и их все любят. Ну и представь теперь, какой у такого человека может быть характер. Представила? Неужели честный и правдивый, искренний и прямой? Да никогда в жизни. Эти люди готовы идти по трупам, по чужим несчастьям, они с легкостью ломают чужие судьбы, потому что на самом деле для них не существует ничего, кроме них самих. У них есть собственные цели и собственные задачи, собственные стремления и приоритеты, и все должно быть положено на этот алтарь. А то, что у других людей точно так же есть цели, задачи, стремления и приоритеты, никакого значения не имеет. Владимир Алексеевич Стрельников убийственно хорош собой. И поэтому я не верю ни одному его слову. Но это, Танечка, слова, сказанные следователю Косте Ольшанскому. Я хочу знать, какие слова он скажет тебе.

— А почему не тебе? Ты считаешь, что я принципиально отличаюсь и от тебя, и от следователя Ольшанского?

— Да. Ты умеешь заставить людей видеть в себе красавицу. Во всяком случае, привлекательную женщину. Это всегда обезоруживает таких, как Стрельников. Стрельниковы полагают, что мир вообще существует только для красивых людей, а некрасивые — они так, недоразумение природы, недоработочка господа Бога. Таким, как я или Костя Ольшанский, они лгут легко и не задумываясь, потому что мы, некрасивые, вообще не достойны того, чтобы выслушивать из их уст правду. С такими, как ты, им сложнее. Я хочу, чтобы ты, грубо говоря, «поставила Стрельникова раком». Войди с ним в контакт, придумай легенду, разработай его, заставь сказать, а лучше сделать такие вещи, которые впос-

ледствии сильно затруднят ему процесс вранья при общении со следователем. Свяжи ему руки.

— Значит, ты уверена, что он знал правду о Широковой?

— Ни в чем я не уверена. Но я хочу знать, как все было на самом деле. Знать точно, а не полагаться на слова Стрельникова...

— ...которому ты не веришь, — добавила Татьяна.

— Да, которому я не верю. Который слишком красив для того, чтобы я ему верила, и слишком уверен в себе, чтобы я ему симпатизировала. И вообще, Танюша, в моей жизни когда-то была одна душераздирающая история, после которой красивые мужчины перестали для меня существовать. Я их не вижу, я их не замечаю. И уж, конечно, я им не верю, это даже не обсуждается.

— Да ладно тебе, — махнула пухлой рукой Татьяна, — Стасов мне рассказывал, какой у тебя муж. Не станешь же ты утверждать, что он урод.

— Не стану, — согласилась Настя, включая кипятильник и доставая из стола чашки, сахар и новенькую, только сегодня наконец купленную банку кофе «Капитан Колумб», — Чистяков не урод. Он во всех отношениях привлекательный мужчина. Но я знаю его с пятнадцати лет, иными словами — двадцать один год. Когда мы познакомились, он был рыжим, долговязым, нескладным кузнечиком. И абсолютно гениальным. Из гениального рыжего кузнечика он мог впоследствии превратиться в кого угодно, например, в жуткого конопатого урода, или в роскошного мускулистого двухметрового безмозглого аполлона, или в сутулого сварливого несостоявшегося гения. Значение имело бы только качество мозгов, а никак не внешние данные. Просто мне повезло, потому что гениальные мозги он сохранил, а внешность его существенно улучшилась по сравнению с тем, что мы имели двадцать лет назад. Но если бы он стал конопатым уродом, я бы любила его так же сильно. Тебе чай или кофе?

— Чай. Может, мне пойти погулять? Я, наверное, тебе мешаю.

— Ничего ты не мешаешь, мы с тобой работаем. И кроме того, ждем, когда нам Селуянов что-нибудь умное скажет.

Но до истечения обещанных Селуяновым полутора часов оставалось еще довольно долго. Настя молча пила крепкий горячий кофе и пыталась расставить по местам те обрывки

мыслей, которые сумбурно копошились в ее голове. Плохо, когда в деле об убийстве не прорисовывается ни одна версия, объясняющая причину или мотив преступления. Но точно так же плохо, когда этих версий слишком много. Чем больше версий, тем больше приходится полагаться на интуицию, решая, чему отдать предпочтение, что отрабатывать в первую очередь, а что оставить на потом. И, соответственно, тем больше вероятность ошибки. Потому что выбирать первоочередное и определять второстепенное приходится всегда, когда не хватает людей и времени. А когда такое было, чтобы их хватало?

Стрельников Владимир Алексеевич. На вечер, когда было совершено убийство Широковой, имеет алиби, но дохленькое. Коротков сейчас занят проверкой этого алиби, но попутно нужно ведь еще и мотив доказать. Мотив у Стрельникова мог быть только один — безудержная и неразборчивая сексуальность Людмилы. Но знал ли он о ней? Этим должна заняться Татьяна.

Любовь Сергиенко. Мотив налицо. Алиби нет. За ней постоянно наблюдают, и результаты этого наблюдения говорят о том, что ведет она себя не так, как ведет себя человек пусть и обиженный, обманутый, но с чистой совестью. У нее налицо тяжелейшая депрессия, причем поведение резко изменилось с момента гибели Широковой. Сергиенко, конечно же, кандидат номер один. Настя припомнила протокол ее допроса, который она прочитала у следователя Ольшанского:

«ВОПРОС: С какого момента ваши отношения с Широковой стали неприязненными?

ОТВЕТ: Они только могли бы стать неприязненными. Я всегда прекрасно относилась к Миле, мне не в чем было ее упрекнуть. Вернувшись из Турции, я узнала, что она вступила в близкие отношения с Владимиром Стрельниковым, но восприняла это без истерики. После возвращения из-за границы я с Милой ни разу не виделась.

ВОПРОС: И по телефону не разговаривали?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Вас не удивила и не оскорбила ситуация, когда двое близких вам людей фактически обманули вас, предали?

ОТВЕТ: Я была к этому готова. Миле давно нравился Стрельников, она даже не скрывала этого от меня. А мои отношения с Владимиром Алексеевичем в последнее время

стали охладевать, я поняла, что перспективы у нас нет, иначе он давно уже оформил бы развод. Собственно, именно это и подтолкнуло меня к тому, чтобы уехать на несколько месяцев за границу поработать. Я хотела привести свои чувства в порядок и дать Стрельникову возможность сделать то же самое. Так сказать, бархатный разрыв. Я ни минуты не сомневалась, что после возвращения из Турции вернусь к себе домой, а не к нему. Так было бы проще и естественней. Мила перед возвращением в Россию навестила меня, это было в июне, и я сказала ей, что все поняла про себя и Стрельникова и приняла решение больше с ним не жить. Она в шутку спросила, можно ли считать его свободным? Я ответила, что пожалуйста, он в полном ее распоряжении. Мне он больше не интересен.

ВОПРОС: Но если все было так, как вы рассказываете, то почему вы не общались с Широковой после возвращения? Ведь она ваша подруга, а вы, если верить вашим же словам, вовсе не были на нее в обиде.

ОТВЕТ: Это не совсем так. То, что случилось, нельзя считать изменой со стороны Стрельникова и предательством со стороны близкой подруги. Но это меня, конечно, задело. Знаете, когда расстаешься с человеком, потому что не можешь больше быть с ним вместе, — это одно, а когда узнаешь, что он быстро утешился и нашел себе другую, — это совсем, совсем иное, поверьте мне. Разумеется, никакой трагедии, но задевает, обижает. Правда, это быстро проходит, буквально месяц-другой — и все. По опыту знаю.

ВОПРОС: Почему вы не поехали домой, прибыв из Турции, а жили у Томчаков?

ОТВЕТ: Ну я же вам объяснила: меня все это задело. Я не хотела показываться на глаза родителям расстроенная. И потом, я была... Не совсем здорова. А мои родители такие, что если бы я вернулась из-за границы больная, разговоров было бы на целый год. Мне проще было отлежаться у Ларисы Томчак, зализать раны и явиться домой бодрой и веселой, чтобы не нервировать мать с отцом. Они и без того были изначально настроены против моей поездки.

ВОПРОС: Чем вы были больны?

ОТВЕТ: Я не готова это обсуждать.

ВОПРОС: Что вы делали в понедельник, 28 октября?

ОТВЕТ: Сидела дома. Дважды выходила погулять.

ВОПРОС: В котором часу?

ОТВЕТ: Днем, часов в двенадцать и примерно до двух, и вечером, с восьми до полуночи.

ВОПРОС: И где вы гуляли с восьми вечера до полуночи?

ОТВЕТ: По улицам. Дошла пешком до Загородного шоссе, между Загородным шоссе и Серпуховским валом есть зеленый массив, там походила. Потом по Серпуховскому валу и улице Орджоникидзе дошла до Ленинского проспекта и вернулась к себе на улицу Шверника.

ВОПРОС: Вы гуляли одна?

ОТВЕТ: Да, одна.

ВОПРОС: Кто может подтвердить, что вы гуляли именно в это время и именно по этому маршруту?

ОТВЕТ: Никто. Только родители могут подтвердить, что я ушла около восьми и вернулась около полуночи...»

Сергиенко жила на улице Шверника. Совсем недалеко от метро «Академическая». Уж не с Милой ли Широковой она гуляла по улицам и парку? Якобы гуляла. Потому что она могла встретиться с Милой и куда-то с ней уехать. А после убийства вернуться домой.

Но если девушки договорились о встрече, то когда? В течение понедельника по телефону? Люба Сергиенко была дома, Мила Широкова — на работе. Неужели никто в гостинице «Русич» не слышал, как Широкова договаривается с Любой? Ну пусть не знали, что она разговаривает именно с Любой, пусть не весь разговор слышали, но хоть что-то... Хоть слово, хоть обрывок слова...

Этим пусть займется Миша Доценко, это его хлеб.

* * *

Настя уже собиралась уходить домой, когда позвонил следователь Ольшанский. Голос у него был недовольный и какой-то растерянный.

— Слушай, Каменская, дело Широковой перестает мне нравиться. По-моему, мы залезли в банку с пауками. Или в клетку со змеями, как тебе больше нравится.

— Мне никак не нравится, ни с пауками, ни со змеями, я их всех боюсь. А что случилось, Константин Михайлович?

— Окружение Стрельникова начало менять показания.

На прошлой неделе говорили одно, а выходные прошли — и они городят уже совсем другое. Ты еще на работе побудешь?

— Да я вообще-то домой собиралась, но если надо...

— Наоборот, не надо. Выходи и иди вниз по Петровке, встречаемся на углу, где раньше «Товары для женщин» были. Помнишь, где это?

— Помню.

— Вот и ладушки. Я тебя там подберу и довезу до «Семеновской», мне к теще надо заехать. По дороге поговорим.

В начале ноября в восемь вечера было уже совсем темно, и Настя двинулась по Петровке в сторону Кузнецкого моста, внутренне поеживаясь. Она была ужасной трусихой и темных улиц боялась панически, так как знала совершенно точно, что ни убежать от злоумышленника, ни оказать ему сопротивление не сможет. Тренировки нет, навыков нет, дыхалки хватит только на три метра. Правда, Петровка — это не окраина, а все-таки центр Москвы, но место вообще-то нехорошее. На параллельной улице, Большой Дмитровке, черт знает что творится по вечерам, несмотря на то, что там генеральная прокуратура России расположена. Кого нынче прокуратурой испугаешь, хоть и генеральной!

Она снова начала мерзнуть, потому что лето кончилось, и теперь ей не будет тепло до самого мая будущего года. Мимо Насти проезжали красивые иномарки с красивыми молодыми мужчинами за рулем и красивыми молодыми женщинами рядом с ними, и она, как всегда в таких случаях, внезапно испытала острое чувство жалости к ним, молодым, красивым и, как правило, глупым. В последние два-три года ей не раз приходилось видеть такие вот красивые сверкающие автомобили, из которых извлекали тела расстрелянных в упор молодых красивых водителей. Иногда в этой же машине оказывались и подруги водителей, которые тоже погибали, потому что либо попадали под шальную пулю, либо машина, оказавшаяся неуправляемой, разбивалась. И всякий раз Настя представляла себе, как все это было за десять, за пять, даже за одну минуту до трагедии. По улице ехала красивая блестящая иномарка, за рулем которой сидел молодой красивый мужчина, а рядом с ним — роскошная длинноногая девица. И за тридцать секунд до конца, и за десять, и даже ровно за одну секунду до первого выстрела все выглядело именно так. И вызывало зависть и тупое дурное стремление непременно

добиться, чтобы вот так же... и на такой же блестящей иномарке... и чтобы такая же телка рядом... Глупые. Им не завидовать, их жалеть надо. Потому что все это куплено на «быстрые» деньги, а где «быстрые» деньги, там криминал. Если ты очень молод и очень богат, это значит, что ты крутил деньги слишком быстро, а коль так, то и разборок вокруг этих денег «наварилось» слишком много, чтобы ты задержался на этом свете. В наше время и в нашей стране быть очень молодым и очень богатым означает принадлежать к группе повышенного риска. Очень молодые и очень богатые в наше время и в нашей стране долго не живут.

Настя добрела до угла Петровки и Кузнецкого моста и сразу увидела голубые «жигули» Ольшанского. Нырнув в прогретое нутро автомобиля, она поспешно захлопнула за собой дверь, чтобы не выпустить наружу тепло, и тут же скрестила руки на груди, спрятав пальцы под мышками.

— Замерзла, что ли? — удивился следователь. — Температура же плюсовая. Рано еще мерзнуть.

— Мне в самый раз, — пробормотала Настя, стуча зубами. — Вы не обращайте внимания, я сейчас согреюсь.

— Может, налить?

— Д-давайте, т-только чуть-чуть.

Ольшанский достал из «бардачка» крохотную темно-зеленую бутылочку коньяка «Реми Мартен», явно захваченную из самолета, с какого-нибудь международного рейса, ловко отвернул крышку и протянул Насте.

— Посуды нет, извиняй. Глотни из горла.

Она терпеть не могла коньяк, даже самый лучший, но признавала, что для расширения сосудов и избавления от озноба этот напиток вполне пригоден, поэтому зажмурилась и сделала один приличный глоток. Ела она в последний раз довольно давно, в желудке было пусто, и эффект от единственного глотка не заставил себя ждать. Пальцы потеплели, мышцы спины перестало сводить судорогой, и по ней уже не бегали омерзительные знобкие мурашки.

— Ну как, полегчало?

— Угу. Спасибо, Константин Михайлович. Так что там с окружением Стрельникова?

— Они все кинулись вытаскивать Сергиенко. То есть я имею в виду бывших заместителей Стрельникова, Томчака и

Леонтьева. На прошлой неделе их жены дружно выгораживали Любу, а мужья ее преспокойненько подставляли. А сегодня и мужья кинулись вслед за женами. Но, Настасья, тянут они все в разные стороны. И я, честно тебе скажу, совершенно в этом клубке запутался. По-моему, это и есть их цель — заморочить мне голову и окончательно меня запутать. Это говорит только о том, что они знают, кто убийца, и пытаются дружно помешать следствию. Стало быть, убийца из их круга.

Всю дорогу до метро «Семёновская» следователь подробно излагал Насте Каменской расхождения в показаниях свидетелей. Картина получалась действительно какая-то мутная.

На прошлой неделе Вячеслав Томчак говорил Короткову, а затем и следователю о том, что у Любы Сергиенко были очень веские основания ненавидеть свою подругу Милу Широкову. Мила гадко поступила с ней в Турции, когда исчезла, забрав причитающиеся им обеим деньги за месяц работы и не заплатив свою долю за жилье. Не говоря уж о том, что воспользовалась глупой, но вполне типичной мужицкой слабостью и окрутила Стрельникова. Сегодня при повторном допросе Томчак от всего отказался, сослался на эмоциональный всплеск, вызванный внезапной гибелью Милы, вследствие чего он якобы многое додумал, а кое-что и просто выдумал, беседуя с Коротковым и с Ольшанским. На самом деле ничего плохого Люба Сергиенко про свою подругу не рассказывала. А роман Любы со Стрельниковым был и до ее отъезда в Турцию на последнем издыхании. Сам факт ее поездки был воспринят всеми, да и на самом деле являлся изящной и необидной формой полного разрыва. «Я назвал Любашу злопамятной? Да неужели? Ну что вы, это я погорячился, это я под влиянием стресса брякнул. Любочка очень мирное существо, она совершенно не переносит конфликтов и всегда старается как можно быстрее помириться». И так во всем. Все с ног на голову. Или с головы на ноги? Черт его разберет, когда он врал, а когда говорил правду.

Геннадий Леонтьев вел себя в точности так же, как Томчак, с той только разницей, что подробностей о пребывании Любы в Турции он с самого начала практически не знал, поэтому эту часть собственных показаний ему опровергать не пришлось.

Жена Томчака Лариса и жена Леонтьева Анна ни слова не

произнесли про конфликт Сергиенко и Широковой, случившийся в Турции, зато очень много говорили о распущенности Широковой и о том, что Стрельников вряд ли стал бы это терпеть. Они тоже утверждали, что Сергиенко не была раздавлена известием о венчании бывшего любовника и подруги. Расстроена, конечно, задета, не без этого, но, знаете, точно так же женщина может быть расстроена, когда покупает без примерки юбку, а дома обнаруживает, что она ей мала в бедрах. В таких ситуациях даже не знаешь, от чего больше расстраиваешься, от того, что в новой юбке не пойдешь завтра на работу, или от того, что, оказывается, поправилась. Неприятно, но отнюдь не смертельно. Отнюдь.

Жены и мужья расходились в своих предположениях относительно того, кто же мог убить Милу Широкову. Мужья никаких соображений на этот счет не имели, а жены считали более чем вероятным, что это сделал Стрельников.

Но все они в один голос отвергали возможность того, что Людмилу Широкову убила Люба Сергиенко. И показания давали соответствующие.

— Константин Михайлович, а ни у кого в показаниях не выплыла фигура официальной жены Стрельникова?

— Ты про Аллу Сергеевну? Да нет пока. Сам жду не дождусь. Молчат, как сговорились. Вы-то сами с ней работаете?

— Конечно. Интересная она дама, доложу я вам. Алла Сергеевна Стрельникова — директор Дома моделей. Несколько лет назад у нас было убийство манекенщицы из этого Дома моделей. Тоже, между прочим, задушена. Мы одного убийцу под суд отдали, но все время у нас подозрение было, что он действовал все-таки не один. Он, конечно, не раскололся, сообщника не выдал, пошел под статью в гордом одиночестве, но подозрения у нас остались.

— И что, подозрения были насчет Стрельниковой?

— Ага. Эта особа очень не любит, когда у нее отнимают деньги, которые она уже мысленно положила в свой карман. Смерть манекенщицы позволила Алле Сергеевне положить в карман изрядную сумму, потому что так был составлен контракт. Она сама его составляла, и девушка его подписала, потому что была глупой и неопытной. А сейчас, Константин Михайлович, у нее отнимают деньги, которые ей ежемесячно давал Стрельников. Вам, может быть, это неизвестно, но все

время после ухода от жены Владимир Алексеевич Стрельников обеспечивал ее более чем щедро. Подозреваю, что Люба Сергиенко этого не знала. А Мила Широкова узнала. И я думаю, что она потребовала от Стрельникова прекратить жить на два дома и вообще как можно скорее оформить развод и зарегистрировать новый брак. Это Алле Сергеевне могло совсем не понравиться. Одно дело считаться мужней женой и получать ежемесячно хорошие деньги, не имея хлопот с приготовлением обедов, мытьем посуды и стиркой носков и сорочек, и при этом вести свою личную жизнь по собственному усмотрению, и совсем другое — считаться разведенной и не иметь денег. Это уже несколько иные ощущения.

— Ладно, Настасья, подождем, раз вы за Аллой присматриваете, то никуда она не денется. Допросить ее я всегда успею. Пока что прижать мне ее нечем, а проводить формальный допрос и попусту воздух сотрясать мне не хочется. Где она была в вечер убийства?

— А нигде.

— То есть?

— Никто не знает. В приватной беседе с обаятельным Коротковым Алла Сергеевна Стрельникова заявила, что в тот день была сначала на работе, а потом дома, вечер провела со своим другом, имя, правда, назвать отказалась, но установить данные ее постоянного любовника было нетрудно, это ж не бином Ньютона. Так вот, ЭТОТ любовник в тот вечер у нее не был. Весь вопрос в том, нет ли у нее другого сердечного друга, или даже нескольких, про запас.

— Настасья, а тебе не кажется, что алиби Алле Сергеевне вообще не нужно?

— Кажется. Вы хотите сказать, что алиби нужно ее любовнику, и она старательно его создает. Да?

— Ну что-то в этом роде я и хотел сказать. Даже если допустить, что она решила устранить не в меру оборотистую Широкову, не сама ведь она кинулась ее душить, правда же? А вот любовника своего вполне могла на это дело навострить. Кстати сказать, любовничек мог даже оказаться более заинтересованным в устранении Широковой, чем сама Алла.

— Это вы бросьте, — решительно сказала Настя. — Для того чтобы вы оказались правы, любовник Стрельниковой должен быть юным наркоманом или каким-нибудь придурком с каким-нибудь придурочным хобби, на которое он

денег заработать не может, а жить без него тоже не хочет. Тогда ему деньги, ежемесячно отстегиваемые Стрельниковым, очень даже нужны. У Аллы Сергеевны любовник совсем не такой. Ему стрельниковские деньги — как лисе незрелый виноград, он купюры лопатой гребет. Другое дело, что, может быть, Алле Сергеевне он не очень-то нравится. Она, вполне вероятно, предпочитает что-нибудь помоложе и постройнее, а на это обычно уходит очень много денег. Очень много, Константин Михайлович.

Они подъехали к зданию метровокзала на станции «Семеновская», и Ольшанский остановил машину.

— Ты так и не придумала никакого объяснения насчет голубой краски на туфлях Широковой? — спросил он на прощание.

— Нет. Ума не приложу, что она могла нести в руках такое тяжелое. Экспертиза еще не готова, но Олег Зубов на двести процентов уверен, что общий вес должен быть никак не меньше ста трех килограммов.

— Черт знает что, — буркнул следователь. — Голову тут сломаешь с вашими трупами.

Он резко тронул автомобиль и скрылся за поворотом.

* * *

Стрельников всегда спал крепко, и разбудить его могли, как правило, только будильник или телефон. На все остальные звуки он обычно не реагировал. Но в эту ночь, в ночь после похорон Милы, он внезапно проснулся и даже не сразу понял, отчего. Что-то его разбудило. Впрочем, что может разбудить ночью после ТАКОГО дня? Нервы, конечно, что же еще.

Он повернулся в постели, протянул руку за часами со светящимся циферблатом. Четверть четвертого. Владимир Алексеевич собрался было повернуться на другой бок и снова закутаться в одеяло, когда до него донесся совершенно отчетливый звук. По квартире кто-то ходил.

«Мила!» — собрался было в ужасе крикнуть он. В эту секунду Стрельников готов был поверить в то, что души умерших и их призраки возвращаются в свои дома, к своим любимым. Звуки застряли в горле, раздался только невнятный хрип. Шаги послышались снова, они приближались к двери

той комнаты, где спал Стрельников. Ему стало страшно. Кто это? Вор? Глупости, воры приходят в отсутствие хозяев. Хотя если у этого вора была хорошая наводка, он мог рискнуть и прийти именно сегодня. После похорон бывают поминки, а на поминках главные действующие лица имеют обыкновение много пить. И после этого крепко спят.

Владимир Алексеевич пожалел, что не имеет привычки класть оружие на ночь под подушку. Пистолет у него был, и разрешение было, но лежал ствол в письменном столе. Конечно, если бы ночью кто-то позвонил в дверь, Стрельников вышел бы в прихожую вооруженным, это несомненно. Но к тому, что злоумышленник проникнет в квартиру самостоятельно, он почему-то готов не был.

Стрельников сел на диване и собрался было уже спустить ноги на пол, чтобы на цыпочках подойти к столу и взять пистолет, когда дверь распахнулась и в проеме возникла неясная фигура. Как ни напрягал глаза Стрельников, он не мог различить лица, да к тому же и напуган он был изрядно.

— Не спишь, — прошелестел голос. — Это хорошо. Значит, грехи тебе спать не дают. Души невинно загубленные над тобой витают, не отпускают тебя.

— Кто ты? — с трудом сумел выдавить Стрельников.

Он потянулся к выключателю, собираясь включить бра над головой, но только сухие щелчки доносились до него. Свет так и не вспыхнул.

— Не трудись, грешник, — продолжал шелестеть голос, — там, где я, там света нет. Ты хочешь видеть мое лицо? А разве ты хотел видеть лица тех, кого ты уничтожал и разрушал? Страшный грех на тебе, Владимир, и не искупить тебе его никогда. До самой смерти будешь ты нести крест за невинно убиенную Людмилу, рабу Божию.

Стрельников наконец справился с собой и сумел разорвать сковавшее его оцепенение. Одним прыжком выскочив из постели, он молнией подлетел к темной безликой фигуре, собираясь вцепиться в горло ночного гостя, но внезапно был откинут назад мощным ударом. Гость не был призраком. Совсем напротив. Это была поистине гора мышц, железных и вполне осязаемых.

Хлопнула дверь. И в квартире снова воцарилась тишина.

Глава 5

Татьяна стояла перед зеркалом и, прежде чем наносить на лицо макияж, критическим взглядом окидывала свое отражение. Да, лишние килограммы никуда не спрячешь, если они присутствуют в таком количестве. Она с детства была толстушкой, поэтому ей незнакомо было то чувство ужаса, отчаяния и горького сожаления, которое, бывает, охватывает женщин, помнящих себя тоненькими и изящными. Тонкой и изящной она никогда не была и почти всю свою жизнь, то есть двадцать пять лет из прожитых тридцати пяти, прилагала усилия к тому, чтобы чрезмерная полнота не бросалась в глаза и не казалась уродливой. В этом искусстве Таня Образцова достигла истинных высот, о чем недвусмысленно свидетельствовал тот факт, что поклонники, как, впрочем, и мужья, у нее не переводились. Первая и главная заповедь: показывай самое лучшее, чтобы отвлечь внимание от живота и бедер. Самым лучшим в ней были волосы, кожа, голос и обволакивающая, гипнотизирующая мужчин женственность. Поэтому, несмотря на постоянную занятость сумасшедшей работой следователя и написанием в оставшееся время детективных повестей, Татьяна ухитрялась выкраивать часы для систематических посещений парикмахерской и косметологов.

Но главная трудность состояла, конечно, в правильном подборе одежды. Ничего светлого, никаких кружочков, цветочков, горизонтальных полосочек и прочего «веселенького» антуража. На работе — деловые костюмы с прямыми юбками чуть ниже колена и длинными, до середины бедра, пиджаками, вне работы — облегающие голень и щиколотки брюки или джинсы и длинные свободные свитера. Несмотря на полные бедра, щиколотки у нее были изящными, и если скрыть под длинным свитером то, что хочется скрыть, то возникала иллюзия вполне стройных ног.

Готовясь к первому разговору с Вячеславом Томчаком, Татьяна выяснила, что ехать ей придется за город, так как Томчак в настоящее время живет на даче. Подбираться к Стрельникову она решила со стороны его ближайших товарищей. И легенду себе придумала: она — писательница, узнала, что у убитой девушки в сумочке нашли ее книгу, эта

ситуация ее взволновала как автора... И так далее. А обращаться к полузаконному мужу погибшей господину Стрельникову она не рискнула, так как полагает, что он убит горем и к разговорам не очень-то расположен. Откуда узнала про книжку? Да из газет, откуда же еще! Татьяна и газету на всякий случай припасла с соответствующей заметкой, а о том, чтобы заметка появилась, побеспокоились заблаговременно.

Нужно постараться, чтобы Томчак поверил и ничего не заподозрил. Джинсы, свитер, волосы распустить, чтобы вид был несерьезный и слегка богемный, как и положено писательнице. Глаза сильно не красить, ресницы намазать погуще, чтобы красиво оттенить темно-серые глаза, а от подводки надо, пожалуй, воздержаться. Так, что еще? Ах да, бижутерия. Ее для такого случая должно быть побольше и желательно побезвкуснее. Эдакая толстушка-простушка, пишущая несерьезные дамские романчики. Да, и книжку не забыть, хотя бы одну, для убедительности. Подарить Томчаку с авторской надписью — вроде бы знак вежливости, но в то же время подтверждение, что действительно писательница, не самозванка какая-нибудь. Какую же книжку взять?

Татьяна взяла с полки несколько своих книг и придирчиво оглядела обложки. Эту нельзя, здесь рядом с фотографией помещены сведения об авторе, где красивым округлым шрифтом написано, что автор Татьяна Томилина в свободное от творчества время служит следователем и черпает свои сюжеты из собственной практики. Не пойдет. А вот эту можно, здесь про следователя ничего не написано. Можно было бы и вот эту, здесь вообще нет сведений об авторе, но и фотографии нет, а без фотографии неубедительно получится. Мало ли чью книжку принесла самозванка. На обложке стоит «Татьяна Томилина», а по паспорту она Образцова, поди докажи, что она и есть автор.

Кажется, все. Оделась, причесалась, накрасилась, книжку взяла. Может, диктофон прихватить? Нет, не стоит, Томчак может испугаться, диктофон — это уже попахивает журналистикой, он разоткровенничается, а материал, того и гляди, в эфир попадет или на страницы газет. Лучше по старинке, с блокнотом и ручкой. Не очень молодая и не очень преуспевающая писательница старой школы... Да, вот так будет правильно.

Выбрав образ, Татьяна накинула куртку, втиснула ноги в удобные «прогулочные» туфли на низком каблуке и отправилась на вокзал.

* * *

Едва ступив на крыльцо добротного деревянного дома, она поняла, что в доме этом поселилась тоска. Татьяна даже не смогла бы сказать определенно, откуда появилось это ощущение, но оно появилось и было очень четким, почти осязаемым. Дверь ей открыл светловолосый мужчина, который когда-то был, вероятно, блондином, а теперь стал почти полностью седым. Он был небрит, наверное, дня два, и лицо его было хмурым и неприветливым.

— Что вам угодно?

— Вы — Вячеслав Петрович Томчак?

— Да. А вы кто?

— Меня зовут Татьяна, я... — Она отрепетированно замялась, словно стесняясь того, что собирается произнести. — Видите ли, я пишу книги... Одним словом, я узнала из газет, что мою книгу нашли в сумочке убитой девушки...

— И вам стало любопытно? — резко оборвал ее Томчак.

По его тону Татьяна поняла, что такого рода любопытство он никоим образом не одобряет.

— Это нельзя назвать любопытством. Тут другое. Вы позволите мне войти?

Томчак молча посторонился, пропуская ее в дверь. Татьяна зашла на веранду и бросила сумку на стул.

— Вячеслав Петрович, если бы я была обыкновенной любопытной нахалкой, гоняющейся за «жареными» фактами, я пришла бы не к вам, а к Стрельникову. Но я с уважением отношусь к его горю и не смею тревожить его в такое тяжелое время. Поймите, мне как автору небезразлична история девушки, которая читала мою книгу, может быть, за несколько минут до того, как трагически погибла. Вероятно, вам это кажется нелепым...

— Присаживайтесь, — предложил хозяин, и Татьяне показалось, что он немного смягчился. — Я понимаю, что вы хотите сказать, но не понимаю, почему вы пришли с этим ко мне. Было бы более правильным поговорить с подругами

Милы, а я... Я ведь знал ее совсем мало. Можно сказать, почти не знал.

— Это не так просто, как вы думаете, — заметила она с улыбкой. — Я ведь не следователь, для меня получать информацию — большая проблема. Вот в этой заметке, — Татьяна достала из сумки сложенную вчетверо газету и развернула на нужной странице, — сказано, что погибшая Людмила Широкова была невестой господина Стрельникова, в недавнем прошлом — президента Фонда поддержки и развития гуманитарного образования. Я пришла в Фонд, и там мне назвали Геннадия Федоровича Леонтьева и вас как ближайших друзей и помощников Стрельникова. А где работала девушка — здесь не сказано. Вот, собственно, поэтому я и пришла к вам.

— А почему не к Леонтьеву?

— Не знаю. — Татьяна обезоруживающе улыбнулась. — Наверное, потому, что вы сейчас живете на даче, то есть у вас есть время со мной поговорить. И потом, если бы я сначала пришла к Леонтьеву, он задал бы мне точно такой же вопрос: а почему не к Томчаку? Пятьдесят на пятьдесят.

На самом деле она умышленно выбрала именно Томчака. Обиженный и расстроенный, он мог рассказать о Стрельникове гораздо больше интересного, чем Леонтьев, который, уйдя из Фонда, преподавал одновременно в четырех или пяти коммерческих вузах, крутился как белка в колесе, мотаясь из одного конца Москвы в другой, сильно уставал и вряд ли нашел бы время и желание вести с незнакомой писательницей неспешные беседы.

— Ну хорошо. Так о чем вы хотели меня спросить?

— Расскажите мне хоть что-нибудь об убитой девушке. Какая она была? Что любила? Меня интересует ее характер, привычки. Впрочем, если вы почти не знали ее...

— Да, здесь я вам вряд ли могу быть полезным. Похоже, вы напрасно потратили время на поездку сюда.

— Может быть, вы знаете, где она работала?

— Нет, не знаю.

Знает, подумала Татьяна. Не может не знать. Вся их компания прекрасно знает, что бывшая и нынешняя любовницы Стрельникова были подругами и работали вместе. Чего ж ты темнишь, господин Томчак?

— А где она жила? Адрес знаете?

— Тоже нет.

— Как же так, Вячеслав Петрович? — удивленно протянула Татьяна. — А мне сказали, что вы и Леонтьев — ближайшие друзья Стрельникова. И при этом ничего не знаете о его невесте?

— Представьте себе. Это вы, женщины, все сразу же рассказываете подругам со всеми подробностями.

В его голосе зазвучало неприкрытое раздражение.

— А у вас, мужчин, это не принято? — усмехнулась Татьяна. — Хорошо, Вячеслав Петрович, не буду больше к вам приставать. Позвольте подарить вам мою последнюю книгу. Маленький презент в виде компенсации за доставленное беспокойство.

Она достала из сумки книжку карманного формата в яркой обложке. На титульном листе уже заранее была сделана дарственная надпись. Томчак взял книгу, рассеянно повертел в руках, но на фотографию все-таки внимание обратил и сведения об авторе прочел.

— Так вы — автор множества бестселлеров? — недоверчиво переспросил он. — Или это обычный рекламный трюк?

— Ну, как сказать, — снова улыбнулась Татьяна. — Кто как считает. Для одних и три книги — много, для других — и тридцати мало.

— А у вас сколько книг вышло?

— Четырнадцать.

— И о чем они?

— Детективы. Вы любите детективы?

— Нет, — Томчак брезгливо поморщился, — терпеть не могу и никогда их не читаю. Но в любом случае человек, написавший столько книг, достоин уважения хотя бы за трудолюбие.

— Что ж, и на том спасибо, — усмехнулась Татьяна.

Томчаку, похоже, стало неловко за допущенную бестактность, потому что он вдруг решил предложить гостье чаю.

— С удовольствием выпью, — тут же согласилась она.

Через несколько минут на столе, стоящем на веранде, появились дорогие конфеты в коробках и импортные кексы в нарядных блестящих упаковках.

— Никогда бы не подумала, что человек, живущий затворником на даче и по три дня не бреющийся, покупает такое количество сладкого, — пошутила Татьяна. — Одно с другим как-то не сочетается.

— А вы, конечно, подумали, что если я живу на даче и не бреюсь, то непременно пью по-черному и закусываю консервами из банки, — язвительно откликнулся Томчак.

— Нет, я подумала, что вы заняты какой-то работой, может быть, научной, и вообще забываете порой купить продукты. Я и сама такая, когда пишу.

— Простите, я не хотел вас обидеть. Но вообще-то вы правы, все это не я покупал. Друг привез, он приезжал ко мне на выходные. Кстати, тот самый Стрельников. Это было как раз накануне похорон Милы, и Володя хотел немного прийти в себя и собраться с духом. Здесь безлюдно, спокойно, никто не дергает.

— Конечно, — тихо сказала Татьяна. — Я понимаю. Он, должно быть, совсем раздавлен горем.

— Ну, это сильно сказано. Володю раздавить невозможно, это очень сильный человек, очень мужественный и стойкий. Но горе для него огромное, это несомненно. Вам покрепче?

— Нет, средний. Спасибо. Но раз уж я все равно осталась и пью с вами чай, расскажите мне хоть что-нибудь о Миле. Я даже не знаю, сколько лет ей было.

— Сколько лет? Что-то вроде двадцати семи или двадцати восьми... Может быть, чуть меньше или больше. Не знаю точно.

— Чем она занималась, работала или училась?

— Работала. Кажется, — тут же уточнил Томчак. — Я точно не знаю.

— Она раньше не была замужем?

— Понятия не имею.

— А как они со Стрельниковым познакомились?

— Я уже объяснял вам, мне такие детали неизвестны. Я знал только, что Володя любил ее и собирался на ней жениться, вот и все.

Они проговорили еще минут двадцать, ровно столько, сколько нужно было, чтобы соблюсти приличия и выпить по чашке чаю. Татьяна задавала вопросы, на какие-то из них получала ответы, но большей частью Вячеслав Томчак уклонялся от подробностей. Одно было совершенно очевидным: он тщательно избегал упоминания обо всем, что было так или иначе связано с Любой Сергиенко. Татьяна понимала, что и

на вопрос о том, где работала Мила Широкова, он не ответил из этих же соображений.

Допив чай, она вежливо попрощалась и пошла на электричку.

* * *

— Вот, — торжествующе сказала Настя, — я так и чувствовала, что этому Стрельникову верить нельзя. Таня, ты добыла бесценную информацию.

— Ты имеешь в виду приезд Стрельникова на дачу к Томчаку?

Они сидели на кухне в квартире Стасова. Татьяна пила чай, а Настя за обе щеки уплетала изумительно вкусные голубцы.

— Танюша, ты — мой кумир, — говорила она с набитым ртом. — Мало того, что ты грамотный следователь и талантливый писатель, ты еще и готовить умеешь. И женщина красивая. Мне до тебя никогда не дотянуться. Я буду есть твои голубцы и завидовать тебе страшной завистью.

— Не передергивай, — засмеялась Татьяна, — от того, что я умею готовить, ничего никому не прибавляется. В Питере этим занимается моя свояченица, а здесь я просто дурака валяю, изображаю перед Стасовым примерную жену, но он прекрасно знает, что это одна видимость. У меня на готовку нет ни сил, ни времени. А насчет красоты — тоже обман зрения. Просто я хочу быть красивой, для меня это важно, поэтому стараюсь. А ты не хочешь, потому и не стараешься. И не заговаривай мне зубы, пожалуйста, давай вернемся к Стрельникову. Еще положить? — спросила она, глядя на вмиг опустевшую тарелку.

— Нет, я сейчас умру от обжорства. Так вот, что касается красивого и элегантного Стрельникова, то мне очень хотелось бы знать, зачем он приезжал к Томчаку.

— Может быть, действительно хотел побыть в тяжелый момент в обществе близкого друга? — предположила Татьяна.

— Танечка, если это так, то он не только красивый, но и абсолютно бессовестный тип. Ты вспомни, как он в буквальном смысле слова «кинул» своего близкого друга, уйдя из Фонда. Я же тебе давала слушать пленку с беседой Короткова и Ларисы Томчак.

— Да, пожалуй, в этом случае Стрельников должен быть уверен в абсолютной преданности Томчака. Какая бы тяжелая минута ни была, я бы не рискнула идти со своим горем к человеку, которого обидела или подвела. Даже будучи абсолютно, как ты говоришь, бессовестной, я бы просто подумала о том, что обиженный мною человек не сможет меня утешить и морально поддержать, а начнет выяснять отношения и склочничать. Ты права, он приезжал не за этим. И обрати внимание, в разговоре с Коротковым Томчак рассказывал о Любе Сергиенко, а со мной он эту тему даже близко боялся затронуть. Вероятно, Стрельников приезжал, чтобы его обработать. Что ж, ему это удалось. Теперь друзья будут молчать про любовные перипетии своего шефа. Еще бы, репутация-то его пострадает, если предать эту историю огласке.

— Пострадает, — вздохнула Настя. — Но я подозреваю, что тут есть еще что-то.

Татьяна подняла голову от чашки с дымящимся чаем и внимательно посмотрела на Настю. Она была опытным следователем и без всяких дополнительных объяснений понимала ее.

— А следователь тебя поймет? — спросила она.

— Надеюсь. Костя Ольшанский — хороший человек.

— Хороший человек это не профессия, — заметила Татьяна.

— Да, конечно, но я имею в виду, что он мне доверяет и обычно прислушивается к логическим доводам. Конечно, это мы, оперативники, работаем в основном на голой интуиции, а он, как и ты, должен опираться на факты, но от здравых соображений он обычно все-таки не отгораживается.

Настя потянулась к телефону и быстро набрала номер.

— Константин Михайлович, это я. Только что стало известно, что Стрельников в пятницу приезжал на дачу Томчака.... Не знаю... Вот и я о том же... Да? Ладно, подумаю.

Она положила трубку и молча налила себе кофе. Татьяна насмешливо наблюдала за ней, одновременно перекладывая голубцы из кастрюли в глубокую сковороду.

— Спорим, я знаю, что тебе следователь сказал. Он велел тебе придумать, что наврать прокурору, чтобы получить санкцию на обыск на даче Томчака. Угадала?

— Точно. Ты жутко проницательная.

— Да просто все следователи одинаковые, — расхохота-

лась Татьяна. — Я бы на его месте сказала то же самое. Уж кто не знает слова «интуиция», так это прокуроры. Я могу безгранично доверять операм, которые со мной работают, полностью полагаться на их профессионализм, опыт и интуицию, но когда мне нужно идти к прокурору за какой-нибудь санкцией, я все свое доверие складываю в кучку на рабочем столе и вместо него беру с собой какое-нибудь изящное и совершенно непроверяемое вранье, которое будет звучать для прокурора убедительно.

Настя сосредоточенно водила черенком вилки по гладкой пластиковой поверхности стола, рисуя какие-то одной ей видные схемы, кружочки и ромбики. Татьяна не мешала ей, вымыла посуду, что-то мурлыкая себе под нос, приготовила жидкое тесто для блинов, которыми будет потчевать вернувшегося с работы мужа, и замариновала в подслащенном уксусе репчатый лук. Наконец Настя подняла голову, подмигнула Татьяне, позвонила следователю и уехала домой.

* * *

Живя на даче, Томчак поздно ложился и поздно вставал. Просыпался утром и подолгу лежал под одеялом, не вставая. Раньше за ним такой привычки не водилось. Только теперь, впервые в жизни оказавшись без любимой или хотя бы интересной и нужной работы, он стал оттягивать по утрам тот момент, когда нужно будет начать новый день, полный тоскливого безделья и бездеятельной тоски. Вячеслав Томчак понимал, что нельзя сиднем сидеть в загородном доме, нужно брать ноги в руки и бегать в поисках работы, предлагать себя, обзванивать приятелей и бывших сослуживцев... Он все понимал. И при этом ничего не делал. Ему никак не удавалось преодолеть навалившуюся депрессию и вялость. Через неделю после добровольного ухода из Фонда Томчак с удивлением обнаружил, что его домашний телефон почему-то не разрывается от беспрерывных звонков с предложением новой работы. «Наверное, новость еще не разошлась широко», — утешил себя Вячеслав Петрович. Через две недели он понял, что никому не нужен. Выполняя долг мужской дружбы, он потерял научное лицо и научную квалификацию, которые создавал и шлифовал много лет, а репутацией хорошего уп-

равленца обзавестись не успел. Все было просто, примитивно и в точном соответствии с прогнозами жены Ларисы.

Да, конечно, несколько дней назад приезжал Володька Стрельников и говорил насчет своего нового назначения и новой работы для Томчака и Леонтьева. Но Вячеслав Петрович в это не верил. Все это одни пустые разговоры в пользу бедных. Опять Володя рвется к новым вершинам и опять собирается делать грязную работу по расчистке собственного пути руками своих верных друзей. Господи, да сколько же можно! Не случись этого несчастья с Милой, он бы, может быть, и не приехал на дачу и не стал обещать работу Томчаку. Даже и не вспомнил бы о нем. Или вспомнил, но только тогда, когда назначение состоится и нужны будут помощники. Рабы. Как он умеет находить слова, после которых ему невозможно отказать! Даже если и будет эта новая работа, все вернется на круги своя: полная зависимость от внезапных решений Стрельникова, скандалы с Ларисой, еще больший отход от науки. Хотя куда уж дальше...

Он перевернулся на другой бок и снова прикрыл глаза. Начинать новый день не хотелось. Может быть, удастся еще немного подремать? Со стороны дороги послышался шум автомобильного двигателя. Томчак даже прислушиваться не стал, все равно ведь не к нему, кому он нужен в будний день с утра пораньше? Однако он ошибся. Двигатель замолк как раз возле его участка, послышались голоса, а спустя минуту раздался громкий и уверенный стук в дверь.

— Вячеслав Петрович! Откройте, пожалуйста! Вы дома?

— Минуту! — крикнул Томчак, неохотно откидывая одеяло и выползая в холодный осенний день, в котором не будет ни работы, ни радости, а только одна сплошная тоска. Ну, еще, может быть, неприятности. Но ничего приятного уж точно не будет.

Он натянул спортивный костюм, всунул ноги в пляжные тапочки и пошел к двери. На пороге стоял сутулый мужчина в мятом костюме и в очках, вид у него был смущенный, растерянный и совершенно нелепый. Чуть дальше, за его спиной, маячили еще четверо. Одного из них Томчак узнал, это был тот самый оперативник, который беседовал с ним после убийства Милы.

— Старший следователь Мосгорпрокуратуры Ольшанский, — представился сутулый нелепый человечек, — зовут

меня Константином Михайловичем. Вы позволите мне войти?

— Да, — растерянно пробормотал Томчак, — проходите.

К его удивлению, следователь вошел и сразу же прикрыл за собой дверь. Остальные четыре человека остались на улице, причем даже не сделали попытки войти в дом. Как будто так и надо!

— Сейчас, уважаемый Вячеслав Петрович, вы будете допрошены в качестве свидетеля по делу об убийстве Людмилы Широковой, невесты вашего близкого друга. По результатам допроса я приму решение о проведении обыска на вашей даче.

Ольшанский неторопливо уселся за стол на веранде, достал из портфеля папку и начал заполнять какой-то бланк.

— Паспорт принесите, пожалуйста, — негромко, словно себе под нос, сказал он.

— Зачем?

— Так положено.

— А если у меня нет? Я же на даче, в конце концов, зачем мне здесь паспорт?

— Так положено, — терпеливо повторил следователь. — Я не имею права допрашивать свидетеля, не установив достоверно его личность.

— Значит, если у меня нет паспорта, вы не будете меня допрашивать? — почему-то обрадовался Томчак.

— Ну почему, буду, — Ольшанский скупо улыбнулся, только краешками губ. — Вашу личность подтвердит майор Коротков, он вас уже допрашивал несколько дней назад по моему поручению. А паспортные данные я перепишу из предыдущего протокола.

— Но вы же сами сказали, что не имеете права...

— Вячеслав Петрович, здесь нет предмета для обсуждения. Если бы мы не могли допрашивать всех тех, у кого с собой нет документов, мы бы выглядели весьма смешно и довольно бледно в глазах и преступников, и всего населения. Не понимайте мои слова буквально. Итак, Вячеслав Петрович, когда вы в последний раз виделись с Владимиром Алексеевичем Стрельниковым?

— Недавно.

— Поточнее, пожалуйста.

— Ну... Он приехал в пятницу во второй половине дня и уехал отсюда в воскресенье.

— Утром, днем?

— Ближе к вечеру.

— Для чего Стрельников приезжал к вам?

— А для чего приезжают к друзьям? — зло отпарировал Томчак.

— По-разному, — пожал плечами Ольшанский, — кто как. Одни — чтобы что-то рассказать, другие, наоборот, чтобы выслушать ваш рассказ, третьи выполняют долг вежливости и навещают больных или страдающих. Если повысить уровень обобщения, то в одних случаях к друзьям приходят, чтобы оказать им помощь, а в других — чтобы эту помощь получить. К какому из этих двух случаев относился последний визит Стрельникова к вам на дачу?

— Он хотел собраться с силами перед похоронами Милы, неужели это непонятно?

— Почему же, вполне понятно. Стрельников обращался к вам с какими-либо просьбами или поручениями?

— Нет. Он просто хотел побыть в тишине, подальше от людей и телефонных звонков.

— Вячеслав Петрович, подумайте, пожалуйста, и скажите, есть в этом доме или на территории вашего участка какие-либо предметы, принадлежащие Стрельникову?

— Нет. Если вы имеете в виду то, что он привез с собой...

— А что он привез с собой?

— Продукты, спиртное.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— Дача самого Стрельникова находится где-то рядом?

— Да, вон там, ее из окна видно.

— Почему же он провел эти дни не у себя на даче, а у вас?

— Он... Он ушел от жены, это случилось давно... Дачу оставил ей. Он там вообще никогда не появляется, кроме тех случаев, когда Алла сама просит его приехать. Починить что-нибудь или помочь на участке.

— В этот раз он на свою дачу не заходил?

— Нет.

— Вы совершенно уверены?

— Разумеется. Мы все время были вместе.

— А ночью? Мог он выйти из дома так, чтобы вы этого не заметили?

— Вряд ли. Мы спали в одной комнате. Я бы услышал. Я сплю чутко. Послушайте, к чему эти вопросы?

Ольшанский проигнорировал вопрос Томчака.

— Оставлял ли Стрельников в вашем доме что-нибудь?

— В каком смысле? — не понял Томчак.

— Может быть, дал вам что-то и просил сохранить. Не было такого?

— Не было. Он ничего у меня не оставлял.

— Ну что ж, Вячеслав Петрович, вам предлагается добровольно выдать следствию все не принадлежащие вам предметы, в том числе те, которые принадлежат Владимиру Алексеевичу Стрельникову.

— Но я же сказал вам, у меня нет...

— Я понял, Вячеслав Петрович, я прекрасно вас понял. Еще раз предлагаю вам добровольно выдать то, что у вас оставил Стрельников. В противном случае на вашей даче будет произведен обыск.

— С какой стати?! — возмущенно выкрикнул Томчак. — Это произвол!

— Отнюдь. Это процессуальное действие. И у меня есть санкция прокурора.

— Но я не понимаю... — Томчак сбавил тон, но все равно было видно, что он возмущен до крайности. — Что Володя мог у меня спрятать? Вы что, подозреваете его в убийстве Милы? Это же полный бред.

— Вячеслав Петрович, я не обязан отчитываться перед вами в своих подозрениях и тем более в своих действиях. В последний раз спрашиваю вас: будем оформлять добровольную выдачу или производить обыск?

— Да делайте вы что хотите, — махнул рукой Томчак. — Все равно у меня ничего нет. Только время потеряете. Глупость какая-то...

— Хорошо, — вздохнул Ольшанский, вытаскивая из папки лист бумаги. — Вот постановление о производстве обыска, ознакомьтесь, и мы приступим.

Он вышел на крыльцо и позвал в дом остальных. Обыск начался. Томчак демонстративно попытался было устраниться от оскорбляющей его процедуры и с обиженным видом уединиться на кухне, но следователь настоятельно попросил

его присутствовать вместе с понятыми. Не прошло и часа, как Коротков обратился к присутствующим:

— Понятые, прошу подойти сюда. Константин Михайлович, есть.

— Что вы там нашли? — недоуменно вскинулся Томчак.

Коротков стоял возле старого дубового комода, ящики которого были уже выдвинуты.

— И вы, Вячеслав Петрович, тоже подойдите. Это ваш пакет?

Томчак подошел ближе и увидел среди старых теплых вещей обернутый в полиэтилен пакет. Он видел его впервые.

— Нет... То есть я не знаю... Может быть, Лариса... — неуверенно пробормотал он.

— Открывайте, — скомандовал Ольшанский.

К комоду подошел эксперт Олег Зубов, долговязый и вечно хмурый. Натянув на руки перчатки, он аккуратно вынул пакет из ящика и открыл. Это были конверты с письмами.

— Так, письма, адресованные Людмиле Широковой, — удовлетворенно констатировал следователь. — И как же они к вам попали, уважаемый Вячеслав Петрович? Подойдите поближе и взгляните. Вы когда-нибудь видели эти письма?

Томчак метнулся к столу, на котором лежали конверты. Нет, он никогда их не видел. Но Боже мой, как они сюда попали? Неужели Володька...? Но зачем? Почему?

Эксперт тем временем при помощи пинцета вытащил из одного конверта листок бумаги.

— Посмотрите, Вячеслав Петрович, — сказал Ольшанский, — вам знаком этот почерк?

— Нет, — твердо ответил Томчак.

— Это не почерк Стрельникова? Подумайте как следует, посмотрите внимательно.

— Я уже сказал — нет. Я впервые это вижу. И потом, как Володя мог писать эти письма? С тех пор как он познакомился с Милой, они и не расставались, насколько мне известно. Зачем бы он стал писать ей?

— Действительно, зачем, — усмехнулся Коротков. — Ладно, посмотрим, кем эти письма подписаны. Вот это писал некто Бакланов Сергей. Кто такой Бакланов?

— Понятия не имею, — пожал плечами Томчак.

— Так, вот это письмо от гражданина Лопатина Николая Львовича. И этого не знаете?

— Нет, не знаю.

— А вот это от гражданина Дербышева. Тоже не слыхали?

— Нет.

— Что ж, Вячеслав Петрович, будем подводить итоги. Ваш друг Стрельников привез и спрятал у вас на даче переписку своей невесты с некими посторонними мужчинами. Вы как-нибудь можете это прокомментировать?

— Нет. Я ничего не понимаю... Как это произошло?

Томчак растерянно топтался посреди комнаты, переводя затравленный взгляд со следователя на Короткова.

— Ничем не могу вас утешить, — сухо ответил Ольшанский. — Я тоже пока мало что понимаю, кроме одного: Стрельников знал, что его невеста вела переписку с этими мужчинами, и по каким-то причинам хотел скрыть этот факт от следствия. А это уже достаточно веская причина, чтобы его подозревать.

Оставшись один, Вячеслав Томчак обессиленно сел на диван и закрыл лицо руками. Так вот зачем Володя приезжал на дачу! Спрятать письма. Мила до знакомства со Стрельниковым была шлюхой, шлюхой и осталась, правильно Любаша говорила, ничего не преувеличила. Володя нашел эти письма и не стал отдавать их следователю, не хотел, чтобы имя Милы смешивали с грязью после ее гибели. Но если он их нашел не после ее смерти, а раньше, значит, он знал... Значит, у него был повод для ревности. И для убийства... Да нет, чушь все это, не может этого быть! Не мог Стрельников убить Милу.

Приехал, наговорил кучу слов о дружбе и доверии, извинялся, обещал новую должность, а на самом деле ему нужно было просто спрятать письма... Гадость, какая гадость! А он, Томчак, слюни распустил, поверил. Помощь обещал. Дурак. Неужели Ларка права, они с Геной Леонтьевым смотрели Володьке в рот невидящими глазами, а он ими манипулировал, как манипулируют вещью, предметом обихода: когда нужно — достают из ящика и используют, а когда не нужно, то о ней и не вспоминают.

И все равно, Стрельников не может быть убийцей. А если все-таки...?

* * *

Звонок в дверь показался Любе оглушительно громким. Она была дома одна, родители на работе, и никого она не ждала. С трудом стряхнув с себя оцепенение, в котором она пребывала почти все время с тех пор, как умерла Мила, Люба поплелась к двери. Посмотрела в глазок и увидела приятное женское лицо.

— Кто там? — спросила она на всякий случай.

— Откройте, пожалуйста, — раздался голос из-за двери. — Я из общества евангелистов.

Люба торопливо открыла дверь. Все, что было связано с церковью, вызывало у нее доверие и какую-то почти болезненную тягу. Перед ней стояла молодая женщина с выражением бесконечного терпения на гладком округлом лице и с добрыми глазами.

— Простите за беспокойство, — сказала она, робко улыбаясь, — вы позволите задать вам несколько вопросов?

— Да, пожалуйста, — с готовностью откликнулась Люба.

— Верите ли вы в то, что Бог — един для всех?

— Да, — быстро ответила она.

— А как вы думаете, чем же тогда объяснить существование нескольких религий? Вы полагаете, что наш, христианский Бог, и, к примеру, Аллах, — это один и тот же Бог?

— Да, я думаю, что это так.

— Но ведь их учения совсем разные. И даже противоречат друг другу. Означает ли это, что одна из религий — правильная, а остальные — неправильные?

— Нет, — твердо сказала Люба, — все религии правильные. Просто они создавались в разных условиях, я имею в виду разную цивилизацию, культуру, да климат наконец! Каждая религия правильная для того народа, который ее исповедует.

— А вы сами веруете?

— Да.

— Тогда позвольте подарить вам наши книги. Вам будет интересно прочитать рассуждения теологов по этому поводу. Мы распространяем наши книги бесплатно, мы хотим, чтобы люди задумались, тогда, быть может, они обратятся к Христу и найдут в Его учении ответы на многие вопросы, которые их терзают.

Девушка протянула Любе две книжечки, одну совсем тоненькую, другую потолще, в ярко-красной обложке.

— Спасибо, — улыбнулась Люба, втайне радуясь, что непонятный и слишком сложный для нее разговор так быстро и легко закончился. Открывая дверь, она и не предполагала, что ей придется вести беседу о том, о чем она никогда, в сущности, не задумывалась и что ее совсем не интересовало. Она думала, что у нее будут просить пожертвования на бедных, сирых и нищих, и готова была дать денег, тем самым сделав хоть что-нибудь, чтобы вымолить у Него прощение. А оказалось, что ей предлагают чуть ли не теософскую дискуссию.

— Вы позволите мне зайти через несколько ней, чтобы узнать, понравились ли вам наши книги? Может быть, у вас появятся вопросы, которые мы могли бы с вами обсудить. Если содержание книг вас заинтересует, я с удовольствием приглашу вас на собрание нашего общества...

— К сожалению, вы вряд ли застанете меня, — торопливо сказала Люба. — Днем я обычно на работе и прихожу очень поздно. Сегодня вы меня совершенно случайно застали, у меня отгул.

— Очень жаль, — огорчилась девушка. — Простите за беспокойство и спасибо вам за беседу.

Люба с облегчением закрыла дверь и вернулась в комнату. Усевшись на диване, она стала рассматривать книги. Одна из них, красная, оказалась Новым заветом, вторая, тоненькая, называлась «Лучший подарок — жизнь» и имела подзаголовок «Евангелие от Иоанна». Она почувствовала, как внутри у нее все оборвалось. Лучший подарок — жизнь. Жизнь — самое лучшее, самое ценное, самое прекрасное, что Бог может подарить человеку. А она, Люба, посмела в этом усомниться и пожелать смерти другому человеку. Бог решил дать жизнь Миле Широковой. Он же не мог не видеть, какой стала эта жизнь и сколько страданий она причиняет другим людям, но не отнял ее у Милы, потому что на то была Его воля, его разумение. А Люба посмела своей волей изменить Его решение. Нет ей прощения...

Она читала наугад раскрытую книгу, и ей казалось, что с глаз спадает пелена. Не посторонние люди заставляют нас страдать по злому умыслу, нет, это Господь посылает нам испытания, чтобы мы закалились, укрепились духом, заглянули внутрь себя и увидели, что на самом деле важно и ценно, а

что — ветхо и преходяще. Страдание очищает, и это означает, что посланное Им испытание призвано изменить нас, сделать нас лучше, сильнее, добрее. Господь наш все видит, в его воле не допустить наших страданий, и если он их допускает, значит, на то есть Его воля. Ему виднее, как правильно. Ему виднее, кому посылать эти испытания. Она испытания не выдержала, сломалась, пала духом и пошла по тому неверному пути, от которого всегда предостерегал Господь: по пути возмездия. Нельзя желать смерти другому человеку, ибо только Всевышний знает, кому давать жизнь и у кого и когда ее отнимать.

Нет ей прощения... Нет и быть не может.

Глава 6

Лариса Томчак сидела на полу посреди комнаты в квартире своего свекра и, поджав под себя ноги, листала очередной семейный альбом. Вокруг нее лежали пачки фотографий, а она все никак не могла выбрать самую лучшую. Недавно Томчак похоронил мать, подошло время ставить памятник, и Вячеслав Петрович попросил жену порыться в семейных фотографиях, в том числе и старых, и найти самый удачный снимок. Лариса к своей свекрови относилась всегда очень хорошо, искренне горевала, когда та скончалась, и теперь ей хотелось, чтобы на памятнике лицо матери мужа было именно таким, каким было в жизни: ласковым, постоянно готовым к улыбке и добрым.

В последние десять лет свекровь много болела, поэтому, несмотря на веселое выражение лица, выглядела она на фотографиях все-таки плохо. Лариса решила поискать более ранний снимок, когда свекровь еще была здоровой цветущей женщиной, модницей и хохотушкой. Постепенно перебирая снимки, Лариса добралась и до альбомов двадцатилетней давности, когда Слава, ее муж, учился в институте, а свекрови было чуть больше сорока пяти — самый расцвет зрелой женственности. В этом альбоме множество снимков лежало между страницами, и она старательно их просматривала. Какие они были молодые, и Слава, и Генка Леонтьев, и Стрельников! Все трое учились на одном курсе и очень дружили. Даже на фотографиях они почти всегда были вместе: на даче,

на картошке, на студенческих вечерах, на военных лагерных сборах, на соревнованиях по волейболу... Веселые, улыбающиеся, беззаботные. Сейчас Слава уже совсем седой, Гена потерял почти всю шевелюру, лысиной сверкает, один только Стрельников по-прежнему хорош, не берут его годы.

Лариса прикрыла глаза и окунулась в воспоминания. Был момент, когда Стрельников ей больше чем нравился. Да что там душой кривить, влюблена была как кошка, взгляд его ловила, вздрагивала, когда слышала его голос. Она уже встречалась с Томчаком, но о замужестве речь тогда еще не шла, так, молодежное ухаживание. Как ей хотелось тогда, чтобы Стрельников «увел» ее от Томчака... Она даже не выдержала однажды и прямо намекнула ему на свои ожидания. А он? Ларочка, ты чудесная девушка, в иных обстоятельствах я был бы счастлив, но Славка — мой друг, и все остальное даже не обсуждается. Вот если он сам тебя разлюбит и бросит, тогда можно будет вернуться к этому разговору. Джентльмен. Друг. Томчак ее, конечно, не бросил и не разлюбил. Но и она после этого разговора остыла к Стрельникову. Лариса всю жизнь интересовалась только теми мужчинами, которые сами интересовались ею. Роль настойчивой завоевательницы ей никак не подходила. В ее отношении к Стрельникову не осталось ни капли обиды, в те годы романтизм юношеской дружбы казался ей совершенно естественным и даже как бы приподнял Володю в ее глазах. А заодно и самого Томчака: ну как же, если такой парень, как Володька Стрельников, дорожит дружбой со Славой, бережет ее и не хочет портить с ним отношения ради девушки, значит, сам Томчак — не пустое место в этой жизни. Короче, ситуация рассосалась к обоюдному удовольствию сторон.

Лариса снова взялась за фотографии. Внезапно одно из лиц на снимке привлекло ее внимание. Красивая рослая девушка с темными длинными волосами о чем-то увлеченно разговаривала с другой девушкой, пониже ростом, не замечая, как за ее спиной трое друзей строят страшные рожи и поднимают над ее головой плакат: «Плоды эмансипации». Лариса совершенно определенно видела когда-то эту девушку, и не просто видела, а разговаривала с ней о чем-то серьезном. Да, точно, это была она, и даже свитер на ней был тот же самый, она его хорошо помнит, белоснежный, длинный, с огромным вышитым на правой стороне груди цветком...

* * *

... Ей было тогда двадцать лет, она закончила медицинское училище и работала медсестрой в женской консультации. Врач-гинеколог Альбина Леонидовна, вместе с которой работала Лариса, была теткой грубой и бесцеремонной, к будущим матерям относилась с нежностью и заботой, а с теми, кто собирался прерывать беременность, обращалась по-хамски, как со скотиной, которая доброго слова не стоит.

Девушка в белом свитере с большим вышитым цветком пришла на прием в марте. Лариса помнила, что день был холодным, ветреным и дождливым. Волосы у девушки были мокрыми, видно, она шла без зонта, и даже за время ожидания в очереди они не успели просохнуть. Альбина безошибочно определила с первого же взгляда, что пациентка не относится к категории будущих матерей.

— Что у вас случилось? — неприветливо спросила она, открывая медицинскую карту.

— У меня, по-видимому, какое-то нарушение, — спокойно ответила девушка. — Месячные задерживаются.

— Кода была последняя менструация?

— В середине декабря.

— Половой жизнью живете?

— Нет.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— Боли, недомогания?

— Голова болит и тошнота. А так ничего не беспокоит.

— Снимайте свитер.

Врач встала и начала прощупывать молочные железы пациентки.

— Раздевайтесь и на кресло, — хмуро скомандовала Альбина.

Девушка зашла за ширму и начала раздеваться. Альбина продолжала делать записи в карте, потом швырнула ручку на стол и пошла к креслу. Звякнули инструменты, потом до Ларисы донесся возмущенный голос врача:

— Что ты мне голову-то морочишь?

— Я не морочу, — растерянно ответила девушка. — У меня действительно какая-то задержка...

— Какая-то задержка у нее! — фыркнула Альбина. — Бе-

ременность у тебя, а не задержка. Тоже мне, девицу из себя корчить будешь. Ты что, в цирк пришла? Развлечений тебе надо? Кого ты обдурить-то хочешь?

— Да нет же, вы ошибаетесь. Беременности не может быть. Я никогда... Это, наверное, опухоль...

— Одевайся, — резко сказала врач. — И не учи меня. Уж как-нибудь опухоль от беременности я могу отличить. У тебя уже десять-одиннадцать недель.

Она как фурия вылетела из-за ширмы, уселась за стол и снова взялась за карту.

— Совсем обнаглели, — громко ворчала она, быстро делая записи, — врачей за полных дураков держат. Как же, никогда она... Святым ветром ей надуло. Развратничают небось прямо с детского сада, а потом удивляются, что задержка... Что за поколение растет, нет, я не понимаю, что это за поколение!

Девушка вышла из-за ширмы полностью одетая, и Ларису поразила происшедшая в ней перемена. Лицо ее было похоже на маску, застывшее и страшное.

— Это правда? — спросила она каким-то мертвым голосом. — Я действительно беременна?

— Нет, я пошутила, — огрызнулась Альбина Леонидовна. — Тебе же сказано: десять-одиннадцать недель. Русского языка не понимаешь? Садись, сейчас направление выпишу.

— Какое направление? — тупо спросила девушка.

— На анализы. Небось аборт будешь делать?

— Аборт? — повторила та, словно плохо понимая, что ей говорят.

— Ну да. Или рожать будешь?

— Не знаю.

Она встала и пошла к двери. Это было так неожиданно, что ни Альбина, ни Лариса слова сказать не успели. Первой пришла в себя врач.

— На, — сказала она, протягивая Ларисе бланки направлений на анализы, — догони ее и отдай. Так или иначе, анализы делать все равно нужно.

Лариса сорвалась с места и выскочила в коридор. Девушки нигде не было видно. Лариса добежала до крыльца и увидела ее, стоящую под дождем без пальто, оцепеневшую, с опущенными плечами.

— Послушай, — Лариса осторожно тронула ее за плечо, — ты что, в самом деле не знала?

Она молча покачала головой.

— Как же так могло получиться?

— Я знаю, — тихо ответила девушка. — Это было в Новый год. Мне пить совсем нельзя, я вроде и не пьянею, а потом отключаюсь и засыпаю. И ничего не чувствую. Это могло случиться только тогда.

— Вот сволочи! — в сердцах воскликнула Лариса. — Ты хоть знаешь, кто это сделал?

Девушка снова покачала головой.

— Может, твой парень? — предположила медсестра. — Ты с ним Новый год встречала?

— Нет, в компании. У меня нет парня.

— Господи, бедная ты, бедная. Но все равно можно выяснить, кто. Ты же всех их знаешь, правда?

— Конечно. Они из моего института. Но я не буду ничего выяснять.

— Почему? Надо найти его и сказать...

— Нет.

Девушка сказала это так резко и твердо, что Лариса невольно осеклась.

— Ничего не нужно. Я не буду его искать.

— И ты это так оставишь? Тебя же изнасиловали, ты это понимаешь? Тебя лишили девственности, да еще и беспомощным состоянием воспользовались. Это же уголовная статья! Сегодня же пойди в милицию и напиши заявление, слышишь?

— Нет. Никуда я не пойду. Спасибо вам за участие. До свидания.

Она повернулась и пошла прочь.

— Погоди! — крикнула ей вслед Лариса. — Ты же без пальто!

Девушка молча вернулась в здание и через несколько секунд вышла на улицу уже в пальто. Так же молча прошла мимо Ларисы и исчезла за поворотом.

Вот и все. Как же ее звали? Нет, Лариса не вспомнит. Даже если обратиться в консультацию, то медицинскую карту теперь не найдешь. Столько лет прошло, карта наверняка уже уничтожена. Да и консультации этой скорее всего уже

нет, за двадцать семь лет столько изменений всяких произошло...

Но трое молодых веселых студентов, один из которых стал мужем Ларисы, наверняка знают, кто эта девушка и где ее искать.

* * *

Немного поразмыслив, Лариса Томчак пришла к выводу, что все не так просто, как ей показалось с самого начала. Она была весьма хладнокровной женщиной и никогда не пыталась сама себя обманывать, поэтому быстро сообразила, что воспользоваться состоянием опьяневшей и крепко спящей девушки мог кто угодно в той новогодней компании, в том числе и один из троих друзей. Думать о том, что это мог сделать и сам Томчак, было неприятно, но исключать такую возможность Лариса не могла. Конечно, самым идеальным вариантом было бы точно установить, что это сделал Стрельников, вот тогда можно было бы наконец свернуть ему шею и расквитаться за все, что ей пришлось вытерпеть из-за его дружбы со Славой. Но как бы там ни было, спрашивать о девушке в белом свитере у мужа нельзя. Если несчастную девочку изнасиловал кто-то из троих друзей, толку от таких расспросов не будет, нечего и пытаться. Слава назовет ее имя только в том случае, если они ко всей этой истории отношения не имеют и вообще не знают о ней. Надо бы все-таки постараться и вспомнить ее фамилию.

Лариса была уверена, что сможет вспомнить имя, если ей его назовут. Сколько лет было девушке? Она сказала — девятнадцать. Значит, второй-третий курс, скорее даже второй. А что, если попробовать узнать в институте? Она подумала, что в институте, как правило, дружат группами, значит, девушка скорее всего училась в одной группе со Славой, Геной и Володей. Уже легче. Только вот дадут ли в институте такую справку? Списки студентов хранятся в архиве, и мало кто захочет за просто так копаться в старых пыльных бумагах.

Купив огромную коробку конфет и бутылку дорогого коньяка, она отправилась в деканат института, который в 1972 году закончили Томчак, Леонтьев и Стрельников. Получить нужную информацию оказалось вовсе не так сложно, как она предполагала, конфеты и коньяк оказались дейст-

веннее самых слезных и красноречивых просьб, и уже часа через два Лариса получила список студентов того курса, на котором в 1969 году учился ее муж. Она хорошо подготовилась к походу в деканат и заранее подумала о том, что девушка могла и не заканчивать институт вместе со всеми, если решила рожать ребенка и брала академический отпуск. Поэтому спрашивать следовало не списки выпускников, среди которых ее могло и не оказаться, а более ранние списки, например, второго или даже первого курсов. Кроме того, Лариса по собственному институтскому опыту знала, что если на последнем курсе начиналась специализация, то группы переформировывались, и студенты, первые три или четыре курса отучившиеся в одной группе, на последнем году обучения оказывались в разных группах.

Получив требуемые списки и отыскав глазами знакомые фамилии, Лариса убедилась, что все трое друзей — Томчак, Леонтьев и Стрельников — учились в группе номер четыре, и стала внимательно вчитываться в женские имена. Имя девушки в белом свитере вспомнилось легко, как только Лариса наткнулась на фамилию Цуканова. Да, конечно, именно Цуканова. Надежда Романовна Цуканова. Еще тогда, двадцать семь лет назад, она отметила про себя, что зовут пациентку так же, как директора медучилища, которое заканчивала сама Лариса, та тоже была Надеждой Романовной.

Значит, Цуканова Надежда. Что ж, уже легче. Фамилия не очень распространенная, год рождения есть, имя-отчество тоже. Можно попытаться. Конечно, очень не хочется, чтобы виновником той некрасивой истории оказался Томчак. Может быть, лучше вообще не знать об этом? Они прожили в браке двадцать четыре года, прожили хорошо, почти без ссор, правда, детей не было, но все равно брак их был крепким, устойчивым и по-человечески теплым... Стоит ли рисковать всем этим ради призрачной надежды «удавить» ненавистного Володю Стрельникова?

Стоит, решила Лариса. Всегда лучше знать правду.

* * *

Письма, обнаруженные на даче у Томчаков, привели следователя Ольшанского в полное изумление. Это была не любовная переписка, а скорее, так сказать, ознакомительная.

«Добрый день, Людмила!

Ваш адрес мне дали в агентстве «Купидон». Несколько слов о себе: мне 42 года, я был когда-то женат, но неудачно, детей у меня нет. Всю жизнь я искал женщину, которая соответствовала бы моему идеалу: ласковую, спокойную в жизни, но необузданную в любви. К сожалению, мне пока не везло, но я надеюсь, что встреча с вами станет праздником, которого я так долго ждал. В агентстве мне сказали, что вы хотели бы познакомиться с мужчиной не моложе 35 лет, который готов к сексуальным экспериментам. Хочу верить, что этим вашим требованиям я полностью отвечаю. Посылаю вам свою фотографию. Теперь решение за вами.

Николай Лопатин».

Два других письма были точно такими же по содержанию, отличаясь только некоторыми деталями и подписью.

— Ничего себе, — присвистнула Настя, когда Ольшанский показал ей письма, вернее, их ксерокопии, потому что сами письма находились на экспертизе. — Выходит, мадемуазель Широкова пользовалась услугами брачного агентства. Интересно, зачем? Судя по рассказам ее знакомых, она не страдала от отсутствия внимания со стороны мужчин. Скромницей она тоже не была, и на такое внимание всегда с готовностью откликалась. Может, ей замуж очень хотелось, а никто не брал, все только постелью ограничивались?

— Может быть, — кивнул Ольшанский, — если бы не одно «но». Посмотри на дату письма, которое прислал некто Дербышев.

Настя взяла письмо, и брови у нее полезли вверх. Письмо было датировано сентябрем. К этому времени Мила Широкова уже жила со Стрельниковым и даже была обвенчана с ним.

— Ничего не понимаю. Неужели она была настолько не уверена в своих отношениях со Стрельниковым, что готовила запасные варианты?

— Вот и я о том же. Ты вдумайся: Стрельников ради Широковой за каких-нибудь два-три месяца делает то, чего не сделал за два года ради Любы Сергиенко: подал на развод с женой Аллой Сергеевной и затеял венчание, пусть и чисто символическое и бессмысленное с точки зрения гражданско-

го права, но все-таки чрезвычайно значимое с точки зрения души. Это ли не свидетельство серьезности его намерений? Дальше уж, по-моему, просто некуда. А Широковой все неймется. Как ты это объяснишь?

Настя задумчиво покрутила в руках письмо и осторожно положила его на стол перед следователем. Ей хотелось закурить, но она знала, что у Ольшанского от табачного дыма болит голова, и сдерживалась. Впрочем, Константин Михайлович почти всегда бывал снисходителен к ее слабостям и курить все-таки разрешал, предварительно открыв настежь окно, даже если на улице был двадцатиградусный мороз. «Согреться потом проще, чем избавиться от головной боли», — говорил он в таких случаях.

— У меня есть два варианта, — осторожно начала Настя, с вожделением поглядывая на стоящую на подоконнике пепельницу. — Первый: Широкова знала, что ее отношениям со Стрельниковым что-то угрожает, что-то достаточно серьезное, и эти отношения могут в любой момент прерваться, поэтому на всякий случай не оставляла попыток найти себе подходящего мужа через брачное агентство. Мне этот вариант нравится хотя бы потому, что эта неизвестная нам с вами угроза вполне могла быть причиной убийства Широковой.

— А второй вариант?

— Второй — совсем дурацкий, мне даже говорить неловко, поэтому я лучше сначала его проверю.

— Анастасия, — сердито произнес Ольшанский, — на заре нашего с тобой знакомства я, помнится, ясно тебе объяснил, что утаивать информацию от следователя нельзя. Объяснил?

— Объяснил, — понуро подтвердила Настя.

— И о том, что никогда не буду работать с оперативником, который пытается объехать меня на хромой козе, предупреждал?

— Предупреждал.

— Так что же ты дурака валяешь?

— Я торгуюсь с вами, а не валяю дурака. Вы что, не поняли?

Ольшанский звонко расхохотался, сняв очки и сжав пальцами переносицу. В этот момент Настя в очередной раз подумала, как же это мужчина с таким привлекательным лицом,

большими глазами и ровными белыми зубами ухитряется всегда выглядеть затюканным недотепой в вечно мятом костюме. Чудеса какие-то!

— Ну и чего же ты хочешь, торговка базарная? — спросил он, отсмеявшись.

— Закурить.

— Да кури, черт с тобой. Говори, что за второй вариант?

— Я думаю, что у Широковой был слишком большой сексуальный аппетит, поэтому ей постоянно нужны были мужчины. Сначала она трахалась со всеми подряд без оглядки, а потом что-то случилось. Что-то такое, что ее остановило. Короче, она стала бояться случайных знакомств. Может быть, заразу какую-нибудь подцепила или на откровенного подонка нарвалась. Вот и стала искать знакомства через агентство. Это все-таки надежнее, можно к человеку хоть чуть-чуть присмотреться, да и адрес его в агентстве есть, случись что. Понимаете? Она искала не мужа, а партнеров по постели, поэтому сам факт венчания со Стрельниковым никакого значения не имел. Даже выйдя за него замуж, она продолжала бы делать то же самое. Я, Константин Михайлович, другого не понимаю.

— Чего же, интересно?

— Зачем Стрельников хранил эти письма и даже спрятал на даче у Томчака? Почему не уничтожил их? Это ведь и проще гораздо, и безопаснее.

— Значит, эти письма ему нужны.

— Для чего?

— Ну мало ли... Например, шантажировать этих мужиков.

— Господи, да чем же тут можно шантажировать? Что предосудительного в попытках найти себе жену через брачное агентство?

— Не знаю, Анастасия, не знаю. Я только высказываю предположение. А твоя задача — найти этих женихов и посмотреть на них повнимательнее. Задание понятно? Все, красавица, бегом — марш!

Настя с тяжелым вздохом поднялась из-за стола, закрыла окно, натянула куртку и отправилась выполнять задание следователя. Разумеется, не бегом. Бегать Анастасия Каменская не умела и учиться категорически отказывалась.

* * *

Николай Львович Лопатин, подвижный, энергичный и совершенно не похожий на собственную фотографию, встретил Юру Короткова радушно и с готовностью ударился в воспоминания об очаровательной сексуальной Милочке, с которой он два раза встречался в июле нынешнего года. Юру даже покоробила такая открытость. Ну ладно, не можешь ты самостоятельно найти себе женщину, пользуешься услугами агентства — это, в конце концов, твое личное дело. Но откровенничать с совершенно посторонним человеком, пусть даже и сыщиком с Петровки...

— Получив ее адрес в «Купидоне», я написал ей. И через неделю примерно получил ответ, в котором Милочка выразила готовность встретиться и указала свой телефон. Я позвонил, мы встретились... Ну и все.

— Она вам понравилась?

— Очень, очень понравилась. Но только в первый раз.

— Вот как? — заинтересовался Коротков. — А во второй?

— А во второй — уже нет. Поэтому мы больше и не встречались.

— Что же вам не понравилось, Николай Львович?

— Она была чрезмерно... Как бы это сказать... Требовательна в постели. Да, я указал в своем письме, что готов к сексуальным экспериментам. Но, заметьте себе, именно к экспериментам, а отнюдь не к излишествам. Отнюдь. Вы понимаете разницу между экспериментом и излишествами?

— То есть вы хотите сказать, что Широкова требовала от вас больше, чем вы реально могли ей предложить? — уточнил Коротков.

— Вот именно. Знаете формулу идеальной жены? Леди в гостиной, кухарка на кухне и проститутка в постели. В первый раз мне показалось, что Милочка как раз такая, а во второй раз я понял, что, кроме постели, ее ничто не интересует. Разумеется, я мог поднапрячься и удовлетворить все ее запросы, но что потом? Ни леди в гостиной, ни кухарки на кухне. Я ищу жену, а не любовницу. Вы понимаете?

— Кажется, да, — кивнул Коротков. — А вы ей понравились?

— Естественно, нет! — фыркнул Лопатин. — То есть опять-таки в первый раз мы расстались вполне довольные

друг другом, а во второй раз я ясно дал ей понять, что рассчитываю не только на постель. Предложил ей сходить в театр. Вы бы видели, какое отвращение было у нее на лице! Бог мой, как будто я предлагал ей провести ночь на кладбище или перестирать годовой запас грязного белья. Конечно, в постели она была хороша, что и говорить, но я, знаете ли, уже не в том возрасте, чтобы уделять сексу столько внимания.

— Погодите, Николай Львович, но вы же сами писали в своем письме, что всю жизнь искали женщину, необузданную в любви.

— Необузданность в любви для меня подразумевает качество, а не количество. Я люблю хороший секс, изобретательный, долгий, но этого, скажем так, сеанса мне хватает на неделю. А Милочке это было неинтересно, она любила быстрый секс, простенький, без затей, но зато часто. У нее желание возникало каждые два-три часа. Понимаете разницу?

— Николай Львович, а вас не удивило, что такая привлекательная молодая женщина не может устроить свою жизнь и вынуждена обращаться к профессиональным свахам?

— Нет, ничуть не удивило! Ничуть! Я, знаете ли, пользуюсь услугами «Купидона» уже три года и могу вам сказать, что большинство неустроенных женщин как раз и есть молодые и привлекательные. Уж не знаю, почему так получается, но это факт. Видели бы вы, с какими красотками я встречался по рекомендации «Купидона»! Кинозвезды, фотомодели! А вот поди ж ты... Мужа найти не могут.

— Давайте уточним, — терпеливо сказал Юра, который уже понял, что больше всего на свете Николай Львович Лопатин любит говорить о себе. — Из разговоров с Широковой вы ясно поняли, что она ищет мужа? Или, может быть, она искала партнеров для легких, ни к чему не обязывающих отношений?

— Не могу вам сказать. У нас и разговоров-то практически не было. Один сплошной секс.

— Значит, она ничего вам о себе не рассказывала?

— Ничего.

— И вы не спрашивали?

— Спрашивал. Но не очень настойчиво. Вы же понимаете, всего две встречи и много секса...

Такое настойчивое упоминание обильных сексуальных упражнений, на которые оказался способен Лопатин, заставило Короткова мысленно усмехнуться. Не так уж, видно, силен Николай Львович, больше помечтать горазд. Однако, похоже, что Людмила Широкова и в самом деле мужа себе не искала. Иначе в театр обязательно пошла бы.

* * *

Отправитель второго письма, Сергей Бакланов, оказался полной противоположностью разговорчивому Лопатину. Сутуловатый, высокий, с хмурым лицом, разговаривал он неохотно, и каждое слово приходилось из него буквально клещами вытаскивать. Номер абонентского ящика Людмилы Широковой он тоже получил в «Купидоне», написал ей, оставил свой телефон. Встречались они только один раз, у него дома, и после этого он Милу больше не видел. Она обещала позвонить, но ни разу не позвонила. Более того, Сергей написал ей не меньше десятка писем с просьбой о встрече, красивая и раскованная в постели молодая женщина ему очень понравилась, но ответа так и не дождался. Коротков понял, что этот жених Милу разочаровал, потому она и телефон свой ему не оставила, чтоб не доставал настойчивыми звонками. А письма, приходящие на абонентский ящик, просто-напросто выбрасывала.

Но самым ошеломляющим оказался результат встречи с автором третьего письма, Виктором Дербышевым.

— Я никогда не встречался с этой девушкой, — решительно заявил он. — И никогда ее не видел.

— Но вы пользуетесь услугами агентства «Купидон»? — на всякий случай уточнил Коротков, подумав, что, может быть, произошло недоразумение и он вместо нужного ему Виктора Дербышева нарвался на однофамильца с похожей внешностью.

— Да, я пользуюсь услугами этого агентства.

— Давали ли вам в этом агентстве номер абонентского ящика Людмилы Широковой?

— Нет, не давали. Я никогда не слышал этого имени.

— Вспомните, Виктор Александрович, вспомните как следует. Людмила Широкова, красивая блондинка. Это было совсем недавно, в сентябре.

— Да не было этого, сколько можно повторять! Вы что, русского языка не понимаете?

Коротков молча вытащил из папки копии письма и вложенной в него фотографии, на которой был запечатлен, несомненно, Дербышев собственной персоной.

— Вы писали это письмо?

Дербышев нетерпеливо схватил листок и фотографию, потом поднял на Короткова недоумевающий взгляд.

— Я никогда этого не писал.

— А почерк ваш?

— Почерк? Да... Кажется... Очень похож на мой. Пожалуйста, вы можете проверить...

Он схватил чистый лист бумаги и начал торопливо писать. Да, почерк действительно казался точно таким же. Но это еще экспертиза должна посмотреть, мастера менять и подделывать почерк такие бывают, что вам и не снилось. Может быть, письмо написал и не Дербышев, просто кто-то подделал его почерк. А может быть, письмо написал он сам, а сейчас нарочно меняет стиль написания букв. Все может быть.

— А фотография? — спросил Коротков. — Вы себя на ней узнаете?

— Да, — растерянно кивнул Дербышев. — Это я.

— Ну и что же у нас с вами получается, Виктор Александрович?

— Не знаю... Я ничего не понимаю.

— Вам придется поехать со мной, — вздохнул Коротков.

— Зачем?

— Сами видите, ситуация у нас с вами непонятная складывается. Убили девушку, мы находим адресованное ей письмо, подписанное вашим именем и даже с вложенной в него вашей фотографией, а вы утверждаете, что никогда этого письма не писали. Придется разбираться.

— Но я не могу сейчас ехать с вами! — возмутился Дербышев. — Я занят, я, между прочим, нахожусь на службе, у меня неотложные дела, у меня назначены важные встречи... Я никуда с вами не поеду.

— Я тоже на службе, — устало ответил Коротков, который не мог уже вспомнить, когда в последний раз ел хоть что-нибудь. От голода и усталости начал болеть желудок, надо бы таблетку принять, а лучше — поесть. Да разве тут поешь, с

этими женихами, которых приходится по всей Москве отлавливать. — И у меня тоже важные дела и неотложные встречи со свидетелями, которые могут пролить хотя бы слабый свет на убийство молодой женщины. Поверьте, Виктор Александрович, я с огромным удовольствием пришел бы сейчас домой, поел и лег спать. Неужели вам безразлично, что кто-то воспользовался вашим именем и вашей фотографией с непонятными и, вполне вероятно, преступными целями? Если вам наплевать на смерть молодой женщины, то подумайте хотя бы о себе. Рядом с вами ходит некто, кто в любой момент может нанести вам удар в спину. Не боитесь?

— Ладно, — зло сказал Дербышев, поднимаясь из-за стола и натягивая плащ, — поехали.

* * *

Брачное агентство, а точнее, бюро знакомств «Купидон» располагалось в самом конце проспекта Мира на территории огромного автокомбината, который пришел в упадок и сдавал свои площади в аренду множеству коммерческих структур. Пройти в здание оказалось не так-то просто, внизу сидели двое охранников в форме и на Настино служебное удостоверение никак не отреагировали, потребовав, чтобы за ней непременно спустился кто-нибудь из той фирмы, в которую она пришла. Они были абсолютно убеждены, что женщина с милицейским удостоверением явилась в «Купидон», чтобы найти мужа, а вовсе не по служебным делам, и никакого исключения из правил ради нее не сделали. Настя бесцельно слонялась по просторному холлу, пока наконец за ней не пришли.

«Купидон» занимал всего две комнаты. В одной стоял компьютер и было множество железных картотечных шкафов, а другая, обставленная дешевой, но приличной с виду мягкой мебелью, предназначалась, по всей видимости, для разыгрывания спектакля «Задушевная беседа с целью как можно лучше понять клиента». Женщина, спустившаяся за Настей и проводившая ее в помещение агентства, оказалась одновременно владельцем фирмы и ее единственным сотрудником. Звали ее Тамарой Николаевной, и вид у нее был не очень-то преуспевающий, хотя Настя и понимала, что это может быть лишь видимостью.

— Чем могу быть полезной уголовному розыску? Неужели с кем-то из моих подопечных случилась неприятность?

— И еще какая, Тамара Николаевна. Одна из женщин, пользовавшихся вашими услугами, убита. Поэтому мне хотелось бы узнать о ней все, что можно.

— Понятно, — спокойно ответила владелица агентства. — О ком идет речь?

— Людмила Широкова. Вы, наверное, не помните всех своих клиентов наизусть...

— Верно, но Милу я помню очень хорошо. Ее трудно не запомнить.

— Вот как? Что же в ней такого выдающегося?

— Мое агентство существовало в основном за ее счет, — скупо улыбнулась Тамара Николаевна, — если вам понятно, что я имею в виду.

— Нет, мне непонятно.

— Мила Широкова была самой активной моей подопечной. Вы, может быть, удивлены, что я не ахаю и не охаю, но я всегда ждала, что рано или поздно это случится.

— Что случится?

— То, что случилось с Милой. Я читала о ее убийстве в газете. И в общем-то ждала, что вы придете ко мне. Она была ненасытной, недели не проходило, чтобы она не брала у меня новый адрес. Конечно, мне это было выгодно, ведь за каждого абонента я получаю деньги, но я неоднократно предупреждала ее, что нельзя так часто менять мужчин. До добра это обычно не доводит.

— Значит, вы уверены, что Широкова погибла из-за неразборчивости в связях?

— Конечно, — Тамара Николаевна удивленно взглянула на Настю, — а из-за чего же еще?

— Не знаю. Вы можете дать мне список абонентов, которых вы рекомендовали Широковой, и список тех, кому вы рекомендовали ее?

— Разумеется, все это есть в компьютере. Вас еще что-нибудь интересует?

— Меня интересует все. Все, что вы можете о ней рассказать. С самого начала. Каким образом вы познакомились?

— Самым обыкновенным. Она пришла в агентство.

— Что, прямо вот так, с улицы? Или кто-то порекомендовал ей воспользоваться вашими услугами?

— Не знаю. Она ничего не говорила о рекомендациях. Я постоянно даю рекламу в газетах, и люди ко мне приходят, в этом нет ничего необычного. Для того и существует реклама, чтобы дать знать о себе.

— Понятно. Людмила рассказывала вам о своих проблемах, говорила, что хочет найти мужа, который соответствовал бы определенным стандартам, да?

— И да, и нет. Она, конечно, говорила все это, но я видела, что она, мягко говоря, вводит меня в заблуждение.

— Да что вы?

— Видите ли, я — профессиональный психолог. Не думайте, что если я занимаюсь подбором пар для знакомства, то больше ничего в этой жизни не умею. То есть я хочу сказать, что именно это я как раз и умею делать достаточно профессионально. Если вы посмотрите процент знакомств, закончившихся браком, по разным агентствам, то смею вас уверить, моя фирма окажется далеко впереди всех остальных. Глядя на мою контору, этого не скажешь, верно?

— Пожалуй, — осторожно согласилась Настя. — Вид у вашего офиса действительно не очень презентабельный.

— Все очень просто. Здание автокомбината покупает один крупный банк, так что жить мне в этом помещении осталось от силы два-три месяца. Эта тягомотина с продажей здания и переездом тянется уже почти год, я живу практически на чемоданах, потому и ремонт не делаю, и новую мебель не покупаю.

Тамара Николаевна включила компьютер и начала искать сведения, которые были нужны Насте. Работала она быстро, и было видно, что эта грузноватая и не особенно холеная женщина обращается с электронной техникой легко и привычно.

— Вы разрешите мне позвонить?

— Пожалуйста, — откликнулась владелица бюро знакомств, не отрывая глаз от экрана монитора.

Телефон Гордеева был плотно занят, Настя сделала четыре или пять попыток дозвониться до начальника, но безуспешно. Наконец Тамара Николаевна закончила формировать списки, и из жужжащего принтера стала выползать длинная лента распечатки.

— И все-таки, Тамара Николаевна, почему Людмила пользовалась вашей помощью? Я не могу этого понять. Ведь

она вела весьма активную личную жизнь. Зачем ей нужны были еще и партнеры, которых вы ей подбирали?

Тамара Николаевна отвела глаза, но всего на несколько мгновений.

— Да, вы правы, все было несколько иначе. Меня этот вопрос тоже заинтересовал. И дело тут вовсе не в том, что Мила была молодой и очень красивой, таких клиенток, как она, у меня более чем достаточно. Но у них у всех есть некий дефект характера, понимаете? У кого-то застенчивость, у кого-то замкнутость и неумение знакомиться. Некоторые не могут найти себе мужчину из-за образа жизни, который ведут, например, работают в чисто женском коллективе, много времени тратят на дорогу от дома до работы и поэтому фактически не видят в жизни ничего, кроме служебного помещения, общественного транспорта и родной квартиры. Им и познакомиться-то с мужчиной негде. У всех по-разному. И у Милы была своя причина. Правда, я узнала о ней далеко не сразу.

— И что это за причина?

— Ее избили и ограбили. До этого прискорбного случая она легко и не задумываясь вступала в отношения со всеми, кто ей нравился, знакомилась на улице, в метро — да где угодно. И однажды привела к себе домой случайного партнера, который связал ее, избил, заткнул рот кляпом и вынес из квартиры все деньги и ценности. После этого она и решила прекратить такие знакомства. Испугалась очень. С теми мужчинами, которых я ей рекомендовала, было намного безопаснее, потому что у меня есть их адреса и паспортные данные. А того мерзавца и найти-то невозможно было, она даже имени его не знала. То есть он какое-то имя, конечно, назвал, но ведь наверняка не настоящее. А про фамилию и говорить нечего.

— Тамара Николаевна, неужели все ваши клиенты действительно хотят вступить в брак?

— Чем вызван ваш вопрос?

— Ну, у меня сложилось впечатление, что они в основной своей массе ищут не супруга, а человека для души. Любовника или любовницу, одним словом. Я не права?

В комнате повисло молчание, прерываемое только жужжанием принтера. Потом Тамара Николаевна слегка улыбнулась.

— Вы правы. Но это касается не только моего агентства.

Это повсеместная практика. Как ни странно, есть достаточно большое количество мужчин, которые не могут найти себе подходящих женщин в своем окружении. Можно долго рассуждать о причинах этого явления, но поверьте мне, это именно так. Они хотят строить какие-то романтические отношения, ухаживать, заниматься любовью, это ведь так по-человечески понятно. Далеко не все из них стремятся к браку, но иметь устраивающую их женщину хотят все. Это нормально. Это закон природы. Заметьте себе, процедура знакомства через посредника, то есть в данном случае через меня, подходит для этого как нельзя лучше. Встретились, посмотрели друг на друга, не понравилось — разошлись. И все. Никаких обид и претензий. А попробуй так легко обойтись с женщиной, с которой знакомишься сам, да еще в своем окружении. Есть общие знакомые или ежедневные встречи на работе, и из быстро возникшей связи уже так просто не выберешься. Это психологически совсем другая ситуация, намного более тяжелая и болезненная. Ведь не случайно мы никогда не даем нашим клиентам номера телефонов рекомендуемых партнеров. Это железное правило, абсолютно непреложное. Мы даем только номер абонентского ящика. Хочешь — напиши. Пошли свою фотографию. Если твое письмо и внешность заинтересовали контрагента — он тебе ответит. Тоже письменно и тоже на абонентский номер. Бывает, такая переписка длится месяцами, пока люди не решат, что, пожалуй, можно и встретиться. А бывает, что прерывается на первом же письме. Но мои клиенты гарантированы от того, что человек, который им не подходит, будет обрывать их телефон. Разве при непосредственном знакомстве такое возможно? Там все сразу начинается с телефонного номера или с домашнего адреса, и потом люди не знают, куда деваться от этого.

— Разумно, — согласилась Настя. — Надо ли понимать так, что те мужчины, которых вы рекомендовали Широковой, тоже не стремились к брачным узам?

— Конечно. Зачем же создавать заведомо негодные знакомства? Милочкин номер я давала только тем, кто искал себе подругу, а не жену. Вот, пожалуйста. — Она выдернула из принтера длинную бумажную ленту, которая тут же свернулась в рулон. — Здесь список тех, кому я давала ее

номер, и список тех, чей номер я давала Миле. Еще что-нибудь нужно?

Настя быстро глянула в списки. Они были составлены в алфавитном порядке, и она сразу увидела, что номер Виктора Дербышева был в списке тех, кого рекомендовали Людмиле Широковой для романтического знакомства. И дата стояла: август 1996 года. Неужели Дербышев говорит неправду? Зачем? Должен же был понимать, что все это можно проверить в «Купидоне», и ложь так или иначе обнаружится. Она покрутила рулон и нашла второй список: клиенты, которым давали номер Широковой. Среди них фамилии Дербышева не оказалось.

— Тамара Николаевна, у вас информирование клиентов идет взаимное? Или вы кому-то даете номер абонентского ящика, например, номер той же Широковой, а с самой Широковой это никак не согласовываете?

— Когда как, — пожала плечами профессиональная сваха. — Зависит от пожелания клиента. Например, у меня стоит на учете женщина, которая хотела бы познакомиться с мужчиной, имеющим дачу или вообще живущим за городом. Она любит возиться с садом-огородом и мечтает жить на природе чуть ли не круглый год. Как только появляется клиент-мужчина, соответствующий этому требованию, я даю ему номер ее абонентского ящика, но ее в известность не ставлю, чтобы не будить напрасных надежд. Может быть, он номер возьмет, деньги заплатит, а писать не станет. Так чтобы не ждала зря.

— А с Широковой как было?

— По-разному. Я достаточно часто давала ее номер мужчинам, потому что большинство все-таки хочет, чтобы женщина была молодая и привлекательная. На нее спрос был высокий. И ей не сообщала. Зачем? Получит письмо — сама разберется. Но поскольку Милочка была активной клиенткой, для нее я делала некоторые исключения.

— Например?

— Например, если появлялся мужчина, ну, скажем, особо интересный, то я в первую очередь давала его номер ей. Понимаете?

— Не совсем. Я плохо ориентируюсь в вашей механике.

— Да что ж тут сложного? Обычные законы конкуренции. Кто первый — тот и прав. Кто не успел — тот опоздал. Если я

даю клиенту сразу три номера, то еще большой вопрос, с кем из трех кандидаток он встретится в первую очередь. Поэтому если кто-то из женщин у меня на особом положении, я сначала даю только ее номер, а потом уж, если с ней не складываются отношения, даю номера остальных. А в некоторых случаях, как, например, с Милой, я вообще не даю сразу такому мужчине никаких номеров, чтобы не зависеть от его сиюминутного настроя. А вместо этого даю его номер Милочке. Тут уж я уверена, что она ему непременно напишет. Ну а дальше — как сложится. Теперь понятно?

— Да, теперь более или менее понятно. Вот у вас тут написано, что вы давали Широковой номер некоего Виктора Дербышева. А Дербышеву вы Милу не рекомендовали. Это как раз такой случай?

— Конечно. Давайте-ка посмотрим карточку, чтобы было нагляднее.

Тамара Николаевна выдвинула один из картотечных ящиков, порылась в нем и достала карточку из плотного картона, на которую была приклеена фотография.

— Вот, пожалуйста, взгляните. Красавец мужчина, менеджер фирмы, торгующей недвижимостью. Холост. Состоятелен. Требование только одно — внешняя привлекательность и молодость партнерши. Представляете, сколько дамочек хотело бы познакомиться с ним? Конкуренция была бы бешеная. Поэтому в первую очередь его номер попал именно к Миле. А уж если бы у них не срослось, тогда я рекомендовала бы ему других клиенток. Но ему я ни одного номера не дала бы, пока все мои подопечные, которые у меня находятся на особом положении, не попытали бы своего счастья.

— А кто может оказаться у вас на особом положении? Что для этого нужно?

— Нужно мне понравиться. Что, цинично звучит? Что ж, расценивайте это как вам угодно. Видите, я с вами предельно откровенна. Есть женщины, которым я искренне хочу помочь и потому выделяю из всех остальных. А есть женщины, которые оставляют меня равнодушной. Есть по-настоящему несчастные и неудачливые, а есть просто щучки-потребительницы. Я ведь не механически выполняю свою работу, а стараюсь вникнуть во внутренний мир своих клиентов.

— Дербышев давно является вашим клиентом?

— Нет. Видите, на карточке стоит дата его первого обра-

щения — август этого года. До этого, насколько я знаю, он пользовался услугами других агентств.

— И Широкова была первой, кому вы дали его номер? — уточнила Настя.

— Совершенно верно.

— А потом что? Они встречались?

— Не знаю. Но я честно выдержала паузу, как и обещала Милочке. Две недели я никому не давала его номер, чтобы Мила успела написать ему и получить ответ. Потом, конечно, рекомендовала его другим клиенткам.

— Что ж, Тамара Николаевна, спасибо вам за разъяснения. Можно я еще раз позвоню?

— Конечно, конечно, звоните.

Настя снова набрала номер Гордеева. На этот раз долго не снимали трубку. Наконец она услышала усталый, раздраженный голос начальника.

— Виктор Алексеевич, это я.

— Где тебя носит?

— Я в «Купидоне», по делу Широковой. Мне возвращаться на Петровку или можно ехать домой?

— Езжай немедленно на улицу Шверника к Сергиенко. Ольшанский и Игорь Лесников уже там.

— Что случилось?

— Самоубийство.

Глава 7

Подъезжая на такси к дому, где жила семья Сергиенко, Настя увидела и милицейские машины, и карету «скорой помощи», и старенькие голубые «жигули» следователя Ольшанского. На лестничной площадке перед квартирой было не протолкнуться, любопытствующие соседи атаковали дверь в надежде увидеть или услышать хоть кусочек чужого горя, пусть даже только запах мимолетный его ощутить, чтобы с облегчением вздохнуть потом и перевести дух: не у меня, у других случилось, а у меня все в порядке, меня Бог миловал.

Бесцеремонно растолкав сгрудившихся возле двери соседок, Настя вошла в квартиру и сразу же наткнулась на толстого говорливого пожилого судмедэксперта Айрумяна.

— О, вот и рыбка моя вуалехвостая приплыла, — загудел, как обычно, Айрумян, дружески тыкая Настю локтем в бок, так как руки в специальных перчатках держал на весу.

Настя поняла, что старик Гурген закончил осмотр тела и шествует в ванную «размываться». Она воровато оглянулась и, убедившись, что никто из коллег ее не видит, юркнула в ванную следом за ним.

— Гурген Арташесович, — зашептала она, — ну что там?

— А, от любопытства умираешь, птичка моя пестрокрылая. Открой-ка мне воду, не хочу в перчатках за краны браться. Ну что тебе сказать, попугайчик мой, повесилась наша девушка Люба Сергиенко. На первый взгляд вполне самостоятельно это проделала, следов насилия я не обнаружил поверхностным осмотром. Конечно, надо будет анализы сделать, может, ей препарат какой-нибудь мощный подсунули, после которого и насилие-то не нужно было. Посмотрим. А так пока все чисто. И записочка предсмертная наличествует, все как у больших.

— И что в записке?

— Ничего особенного. Простите, дескать, виновата, больше не могу, сил нет, и все в таком духе. Обычный текст. Там твой приятель Зубов колдует, сходи посмотри на его кислую физиономию. Если ты, кошечка моя пушистая, когда-нибудь найдешь мой хладный труп с признаками насильственной смерти, то знай: это сделал эксперт-криминалист Олег Зубов. Других подозреваемых даже не ищи.

Настя тихонько хмыкнула. Действительно, трудно было представить себе людей более несхожих. Гурген Арташесович, что называется, рта не закрывал, ухитряясь балагурить и шутить постоянно, даже во время осмотра трупа. Никто никогда не видел его в плохом настроении, грустным, подавленным или молчаливым. Что бы в его жизни ни случалось, Айрумян «держал стойку», улыбался и шутил, обильно пересыпая свою речь различными ласковыми и уменьшительными обращениями. Что же касается Олега Зубова, то он был полной противоположностью толстому пожилому армянину, вечно хмурился и ворчал по любому поводу. И если Айрумян кислую мину Олега воспринимал весело и делал из нее повод для постоянных шуток, то Зубов шуточек судебного медика не переносил совершенно, начинал моментально раздражаться и злиться, чем ввергал Гургена Арташесовича в еще

большее веселье. Хорошо еще, что встречаться обоим экспертам приходилось далеко не каждый день.

Выйдя из ванной, Настя быстро подошла к Ольшанскому. Тот сидел на краешке дивана, медленно листая какую-то книжку в глянцевой ярко-красной обложке.

— Добрый вечер, Константин Михайлович.

— А, привет, — рассеянно кивнул следователь. — Тебя тоже дернули?

— Нет, я сама. Была в «Купидоне», разговаривала с владелицей, потом позвонила Гордееву, чтобы доложиться. Он и сказал про Любу. Что здесь произошло?

— Мать пришла с работы и застала такое вот зрелище. Где-то через полчаса отец появился. Жена без сознания на полу лежит, дочь в петле висит. В общем, весело. Мать Любы уже увезли в больницу, там, судя по всему, дело очень неважно. Отец — ничего, держится молодцом. Он сейчас на кухне, с ним ваш Лесников общается. Тело в соседней комнате, там Зубов работает. Я ему все указания дал и решил над душой не стоять.

— Что, принципами поступаетесь? — насмешливо поддела его Настя.

— Никогда, — коротко ответил Константин Михайлович. — Устал я сегодня, ноги гудят, стоять не могу.

— А-а, — сочувственно протянула она.

Всем было давно известно, что следователь Ольшанский разбирается в криминалистике ничуть не хуже любого эксперта. За это его можно было бы уважать, если бы не одно «но»: Константин Михайлович не доверял профессионализму своих коллег, поэтому давал им самые подробнейшие указания и инструкции и все время стоял над душой, следя, чтобы эксперты все делали так, как надо. Такая манера возмущала, злила, приводила экспертов в бешенство. Ни один из них не смог бы сказать, что следователь Ольшанский криминалистики не знает и несет полную чушь, нет, все, что говорил Константин Михайлович, было не просто правильным, оно соответствовало новейшим достижениям науки и передовому практическому опыту. Но эксперты и сами все это знали... Конечно, были среди криминалистов и отъявленные невежды и халтурщики, не имеющие соответствующей подготовки, балбесы и самоучки, были такие, кто ж с этим спорит, но ведь не все же поголовно! Нарвавшись

когда-то несколько раз на дела, проваленные из-за неграмотности экспертов, Ольшанский решил не упускать эту часть расследования из собственных рук и перенес с тех пор строгий надзор за экспертами на все дела без разбора, не обращая внимания на личности. Он с равной бесцеремонностью и безапелляционностью командовал как зелеными сопляками, впервые взявшими в руки криминалистический чемоданчик, так и опытными квалифицированными специалистами, которые делали свою первую экспертизу, когда Костя Ольшанский еще контрольные по арифметике в школе писал. Поэтому Настя Каменская имела все основания удивляться, увидев, что следователь не стоит над душой у эксперта, а мирно посиживает на диванчике, листая книжечку.

— Между прочим, покойная религиозную литературу почитывала, — заметил Ольшанский, показывая Насте яркокрасную обложку, на которой был изображен крест и написано «Новый завет». — Это теперь модно среди молодежи. Странно, что она повесилась. Не должна бы, если религией увлекалась. Христианство не приветствует самоуничтожение.

— Она могла нахвататься по верхам, глубоко не вникать. И вообще, Константин Михайлович, эта книжечка еще ни о чем не свидетельствует. У меня тоже такая есть. Их бесплатно раздают прямо на улицах или по квартирам разносят. Мне, например, домой принесли. А Лешке моему точно такую же в метро дали, только у его экземпляра обложка синяя. Я, кстати, подумала, что иметь такую книгу очень даже неплохо, у нас же религиозная грамотность на нуле, а все мировое искусство как раз на ней построено. Поэтому даже если сам не веруешь, то для общего развития знать и Ветхий завет, и Новый надо непременно. Так что Люба Сергиенко совсем не обязательно была набожной.

— Может быть, — задумчиво покивал следователь, — может быть. На-ка, полистай, я пока Зубова проведаю. Обращай внимание на пометки, сделанные на полях. Очень, скажу я тебе, любопытно.

Он сунул ей красную книгу и вышел в соседнюю комнату. Настя послушно уселась на диване, тут же невольно сморщившись от внезапной боли, пронзившей поясницу. Надуло где-то, что ли? Или опять от неловкого движения что-то ущемилось? Вот черт, как некстати!

Она открыла Новый завет на том месте, где остановился

Ольшанский: Второе соборное послание святого апостола Петра. И тут в глаза ей бросились строки, помеченные желтым маркером.

«5 ...покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность,

6 В рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие,

. 7 В благочестии братолюбие, в братолюбии любовь.

8 Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа;

9 А в ком нет сего, тот слеп, закрыл глаза, забыл об очищении прежних грехов своих».

Напротив этих выделенных маркером строк, на полях, шариковой ручкой было написано: «Я ослепла от ненависти и забыла о том, что и сама грешила. Какое право я имела судить ее?»

Перевернув страницу, Настя снова увидела следы маркера.

«4 Ибо, если Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания;

5 И если не пощадил первого мира, но в восьми душах сохранил семейство Ноя, проповедника правды, когда навел потоп на мир нечестивых;

6 И если города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам,

...9 То конечно знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания...»

И здесь же на полях — надпись от руки: «Он сам знает, кого и за что наказывать. И не мне, глупой и грешной, вмешиваться в это. Я не имела права».

Следующая страница была еще более выразительной. Тем же желтым маркером выделено:

«22 Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи».

А рядом приписано: «После того что я сделала, слово Господа меня не спасет. Я впала в страшный грех, пожелав смерти ближнему, и даже поняв, что натворила, я уже не смогу очиститься. Единственное, что мне остается, — вернуться в

свою блевотину, в свою грязь, и пожелать смерти себе самой. Я знаю, что это — такой же тяжкий грех, как и тот».

— Ну как, впечатляет? — раздался у Насти над ухом высокий тенорок Ольшанского.

Она подняла голову и растерянно посмотрела на него.

— Весьма. Получается, тянет на признание в убийстве Широковой?

— Еще как тянет. Правда, надо посмотреть, чьей рукой сделаны записи на полях. Но в целом все идет к тому, что Широкову убила ее подруга. Мы ведь и без этого ее подозревали, у нее, если ты помнишь, не было алиби на момент убийства Людмилы. А твоя знакомая видела Широкову часа примерно за два до убийства выходящей на станции метро «Академическая», где как раз и живет Сергиенко. Так что все одно к одному.

Настя отдала следователю книгу и попыталась было подняться с дивана, совсем забыв о коварном прострелe в пояснице. И тут же с воплем схватилась за спину и плюхнулась обратно на диван.

— Это еще что? — недовольно нахмурился Ольшанский.

— Это называется прострел, — пробормотала Настя, стараясь поворачиваться как можно аккуратнее и медленнее. — Константин Михайлович, где Айрумян? Не уехал еще?

— Нет, на лестнице с соседями общается. Ты ж его знаешь, старого болтуна, у него и так-то рот не закрывается, а уж после осмотра трупа в него как бес вселяется, до того ему поговорить охота.

— Не кривите душой, гражданин начальничек, — Настя, кряхтя, сумела принять вертикальное положение, — вы после таких заходов Айрумяна по соседям обрастаете массой полезной информации. Нашего деда Гургена сплетники обожают, уж не знаю, чем он их так к себе расположить умеет, но факт остается фактом: ему рассказывают куда больше, чем, например, лично вам. Пойду поклянчу какой-нибудь заморской отравы, а то ведь до дома не доеду. Черт-те что, ни сесть, ни встать.

— Ладно, не ной, отвезу, — буркнул Ольшанский. — Иди на кухню, смени Лесникова, он мне здесь нужен. Пора закругляться, мы тут уже четвертый час возимся.

Настя послушно вышла из комнаты. На кухне Игорь Лесников, высокий и красивый оперативник, имеющий репута-

цию самого серьезного человека в МУРе, беседовал с отцом покойной Любы Сергиенко, вернее, пытался беседовать, потому что крупный, с суровым грубоватым лицом мужчина лет пятидесяти пяти явно плохо понимал смысл задаваемых ему вопросов и так же плохо формулировал ответы. Но это и понятно. Прийти с работы, узнать, что твоя дочь повесилась, а жена при смерти — и после этого сохранять способность здраво мыслить и четко формулировать? Для киносценария, может, и подойдет, но никак не для реальной жизни.

Увидев Настю, Лесников слегка кивнул ей, не прерывая начатой фразы:

— Вы видели, что ваша дочь не пытается устроиться на работу и в то же время делается с каждым днем все более отчужденной. Неужели вас это не насторожило?

— Мы думали — любовь... Знаете, она приехала из Турции уже какая-то... В общем, не такая... И к Стрельникову не поехала. До Турции два года у него жила, домой как в гости забегала... А после Турции все дома сидела... Мы с женой думали, у нее там, за границей, роман случился, она Стрельникову-то своему изменила, вот и переживает, мучается, потому и дома живет, к нему не возвращается... Я настаивал, чтобы она шла работать.

Лесников снова взглянул на Настю и поднялся из-за кухонного стола.

— Виктор Иванович, это Анастасия Павловна, она работает вместе со мной. Поговорите с ней, пожалуйста, а я отлучусь ненадолго.

Сергиенко равнодушно кивнул, словно ему было глубоко безразлично, кто из работников милиции будет с ним разговаривать. Настя собралась было сесть на место Игоря, но вовремя спохватилась, что сделать это будет не так-то просто. Одно дело — стонать и кряхтеть на глазах у следователя, который знает тебя много лет, и совсем другое — на глазах у раздавленного внезапно свалившимся горем человека. Поэтому она просто прислонилась к стене и заняла удобное, насколько это вообще было возможно, устойчивое положение.

— Вы настаивали, чтобы Люба шла работать, — повторила Настя его последнюю фразу. — А что она вам отвечала?

— Что успеет... Ей работа в Турции засчитывается как командировка, то есть без выходных как будто... Ну вот, ей теперь отгулы полагаются... Как при вахтовом методе... А по-

том подружка ее погибла, с которой Любочка в Турцию ездила. Люба очень переживала, прямо почернела вся от горя, все плакала, ночами не спала, не ела ничего... Какая уж тут работа. Господи, ну какое это все имеет значение?! Неужели вы думаете, она с собой покончила от безделья? Какая разница, почему она не работала!

— Никакой, — согласилась Настя. — Просто мне важно понять, что Люба делала целыми днями, о чем думала, куда ходила, с кем разговаривала. Вы должны понимать: то, что она сделала, она сделала не просто так, не под влиянием одного рокового момента. Она долго думала об этом, готовилась к своему страшному шагу. И мне важно знать, о чем именно она думала и почему готовилась к этому.

— Откуда вы знаете?

В глазах Сергиенко появился проблеск осмысленности, словно впервые разговор коснулся чего-то такого, что могло бы быть ему интересным.

— Мы нашли книгу, «Новый завет», с пометками на полях. Если эти пометки делала Люба, то совершенно очевидно, что она долго размышляла над вопросами греха, вины и наказания. О каком грехе идет речь, Виктор Иванович?

— Не знаю.

Но Настя видела, что он лжет. Сергиенко знал. Или по крайней мере догадывался. Как все одинаково в этом мире, подумала она. Стрельников скрывает от следствия любовную переписку своей невесты, чтобы не бросать тень на ее доброе имя. Виктор Иванович Сергиенко знает о своей дочери что-то порочащее, но тоже молчит, чтобы сберечь ее репутацию. Хотя ни Миле Широковой, ни Любе повредить это уже не может, им уже все равно.

— Вы знали подругу вашей дочери Милу Широкову?

— Нет.

Сергиенко произнес это так поспешно, что сразу стало понятно: Милу он знал.

— Но хотя бы слышали о ней от Любы?

— Да, разумеется. Люба говорила, что едет в Турцию вместе с подружкой, с которой училась в колледже, а потом работала.

— А о том, что погибшая подруга — это та самая Мила, вы знали?

— Да, к Любе приходили из милиции, спрашивали о ней.

Нас с женой тоже спрашивали, не приходила ли к нам Мила после возвращения, не передавала ли письма или посылки от Любочки.

Настя заметила, что ответы Виктора Ивановича стали более связными и четкими, и поняла, что ему удалось наконец собраться. Вероятно, что-то в разговоре его напугало или напрягло, и он усилием воли заставил себя сосредоточиться, чтобы не проговориться о чем-то важном, существенном.

— Как ваша дочь отреагировала на гибель близкой подруги?

— Она очень переживала.

— Люба и Мила действительно были близкими подругами?

— Ну... да...

Сергиенко снова «поплыл», Настя, кляня себя в душе, расставила ему простенькую ловушку, в которую он тут же и попался. Стыдно, конечно, ставить психологические эксперименты на человеке в таком состоянии, но что поделать, когда у тебя на руках два трупа и ни малейшего просвета в поисках убийцы. Может быть, действительно Люба Сергиенко убила свою подругу Милу Широкову? Это было бы лучше всего. Быстренько дособрать необходимые доказательства, провести экспертизы и закрыть дело в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

— Как же так, Виктор Иванович, — мягко произнесла она, — Мила была близкой подружкой Любы и ни разу не зашла к вам ни после своего возвращения из Турции, ни после приезда Любы? Поставьте себя на место вашей дочери, и вам сразу станет понятно, почему я так удивляюсь. Вы находитесь в чужой стране, работаете, зарабатываете деньги, и вдруг ваш хороший знакомый говорит вам: я еду в Москву, твоим родным что-нибудь передать? Вам жить за границей еще долго, несколько месяцев, вы скучаете по дому, так неужели вы не воспользуетесь возможностью написать письмо и передать какой-нибудь подарок, какой-нибудь грошовый сувенирчик, просто чтобы сказать любимым и любящим родителям: со мной все в порядке, я вас помню и люблю. Ведь Люба была хорошей дочерью, любящей, правда?

— Да. Она была хорошей девочкой.

— Почему же она не воспользовалась возвращением

Милы, чтобы послать вам письмо и посылочку? Я не жду от вас ответа, потому что вы этого ответа не знаете. Вот вы сказали, что Люба после возвращения из-за границы была вялой, потеряла интерес ко всему, на работу не устраивалась. Допустим, вы не знали точно, что с ней случилось, но разве вас не удивило, что рядом с ней в этот момент не оказалось самой близкой подруги?

— Не знаю... Мы с женой об этом не думали... Знаете, все как-то не так... Мне Стрельников не нравился, он намного старше Любочки, деловой очень, денежный... Не пара она ему. И я просто радовался, что она после Турции вернулась домой, а не к нему. Я надеялся, что их отношения закончились, и радовался, что она живет дома. Вот и все.

— Так, может быть, Мила и не была вовсе близкой подругой вашей дочери?

— Может быть.

— Тогда почему вы говорили, что Люба сильно переживала после ее гибели, настолько сильно, что потеряла сон и аппетит, исхудала и почернела от горя?

— Не знаю. Я не знаю! — Сергиенко повысил голос.

Настя уже точно знала все, что произойдет в ближайшие минуты. Через такие сценарии она проходила множество раз. Человек поддерживает беседу ровно до того момента, пока она не носит угрожающего характера, пока не приближается к опасной черте. Как только эта черта оказывается слишком близко, начинаются истерические выходки, только мотив меняется в зависимости от ситуации. Подозреваемый начинает кричать о своей занятости и о том, что тратит драгоценное рабочее время на глупые разговоры с глупыми сотрудниками глупой милиции. Потерпевшие, чувствующие за собой какую-нибудь вину, напирают на жестокость и бесчеловечность работников милиции, которые в тяжелый, трагический момент лезут со своими расспросами.

— Оставьте меня в покое! Оставьте меня! Мне нужно побыть одному. Неужели вам непонятно? Вы же женщина, у вас должно быть элементарное сострадание... Перестаньте меня мучить...

— Простите.

Настя осторожно оторвала спину от стены и вышла в прихожую. Дверь на лестницу была приоткрыта, и оттуда доносился сочный веселый голос Гургена Арташесовича Айрумя-

на, рассказывавшего не в меру любознательным соседям какие-то забавные случаи из собственной экспертной практики.

— Настасья, — раздался из комнаты негромкий тенорок следователя, — собирайся, закончим на сегодня. Бери деда Гургена и веди его в мою машину, сначала его отвезем, потом тебя.

Она вышла на лестницу и, схватив под руку Айрумяна, потащила его вниз, к выходу.

— А почему не на лифте? — недоумевающе пыхтел старик, тяжело переваливаясь по ступенькам на своих толстеньких коротеньких ножках.

— Так быстрее, — пояснила Настя. — Мы всего-то на третьем этаже, а лифта здесь можно прождать минут десять, этажей-то целых шестнадцать.

— Куда тебе спешить, рыбонька?

— Покурить. Сил больше нет терпеть. Вы лучше поделитесь, что интересного у соседей узнали.

— О, — оживился судмедэксперт, — соседи здесь совершенно замечательные. Слух о том, что «дочка у Сергиенков за границу за длинным рублем подалась», распространился в свое время по всему дому. Посему, как ты, сладкая моя, понимаешь, внимание к девушке после ее возвращения было сильно повышенным. Как одета, что привезла, как ходит, как смотрит, как говорит, ну и так далее. И очень всех их удивляло, что ходит Люба все в тех же юбочках и кофточках, что и до поездки, на иномарке не ездит и вообще никаких признаков особенности в ней не замечалось. Стали, естественно, присматриваться еще внимательнее. Чуть не в рот ей заглядывали, может, у нее зубы платиновые или пломбы из бриллиантов. Ну в чем-то же должно сказываться, что человек полгода за границей проработал. Не за просто же так он там лямку тянул. Короче, живет себе Люба Сергиенко тихой незаметной жизнью, а за ней, оказывается, двадцать восемь пар глаз круглые сутки наблюдают. Так что если тебе, ненаглядная моя сыщица, доброжелательные свидетели нужны, то ты их поищи среди соседей, они тебе все обскажут про покойницу, и куда ходила, и когда ходила, и какие трусики при этом надевала. Я там одну бабку приметил, особо информированную, ты с ней поговори.

— Что за бабка?

Они уже вышли из подъезда на улицу, и Настя с наслаждением закурила, прислонившись к капоту голубых «жигулей» Ольшанского.

— Этажом ниже живет, в аккурат под квартирой Сергиенко. Делать ей нечего, целыми днями в окно таращится, поэтому каждый выход Любы из дому может тебе с подробностями описать. И знаешь, куколка моя целлулоидная, бабка эта, похоже, что-то знает про Любу. Уж больно выражение лица у нее было хитрое и многозначительное. Ты ее потереби, не поленись, чует мое старое сердце, что от бабки этой толк будет. У тебя зонт есть?

— Зонт? — переспросила Настя. — Нету. А зачем?

— Как это зачем? — возмутился Айрумян. — Дождь же идет.

— Да? Надо же, я и не заметила.

— Интересное дело, не заметила она! Ты-то, черепашка моя панцирная, воды не боишься, потому как молодая еще и глупая. А я, если промокну, то непременно простужусь, чего в моем почтенном возрасте и при моей старческой одышке допускать уже нельзя. Так что ты мокни, ежели тебе так нравится, а я пошел обратно в подъезд.

Настя как раз успела докурить сигарету, когда на улице показались Ольшанский, Игорь Лесников и Олег Зубов. Следом за ними санитары вынесли на носилках тело Любы Сергиенко. Последним из подъезда вышел Виктор Иванович. На него было страшно смотреть. Носилки запихнули в машину, хлопнули двери, заурчал двигатель. На милицейской машине уехали Лесников и Зубов, затем тронулись и «жигули» Ольшанского, а Виктор Иванович Сергиенко все стоял на тротуаре, засунув руки в карманы брюк, и смотрел в ту сторону, куда только что увезли мертвое тело его единственной дочери.

* * *

Войдя в свою квартиру, Настя сразу услышала доносящиеся из комнаты голоса. Один голос принадлежал ее мужу Алексею, второй был совсем незнакомым. Она страдальчески поморщилась. После такого тяжелого дня ей, вымокшей под дождем, хотелось принять горячий душ и лечь, и чтобы Лешка растер ей спину специальной лекарственной мазью и завязал теплым шерстяным платком. А теперь, коль в доме

посторонние, придется терпеть, пока гость не уйдет. Она на цыпочках, стараясь не привлекать к себе внимания, прокралась на кухню и закрыла поплотнее ведущую в прихожую дверь. На плите она увидела сковороду с мясом и кастрюлю с тушеными овощами. Видно, Леша приехал уже давно и до прихода своего гостя успел даже ужин приготовить.

Настя сняла крышку со сковородки и собралась было, следуя дурной привычке, схватить отбивную, чтобы съесть ее с куском хлеба прямо так, не разогревая и без гарнира, но внезапно почувствовала отвращение к еде. Еще минуту назад она испытывала острый голод, а сейчас не смогла бы проглотить ни одного кусочка. От усталости, наверное. Она включила электрический чайник, насыпала в чашку растворимый кофе, бросила туда два кусочка сахара и ломтик лимона и уселась за стол, стараясь не стонать от острой боли.

Голоса стали слышнее, и Настя поняла, что муж и его гость вышли из комнаты в прихожую. Еще через пару минут хлопнула входная дверь, и Леша зашел на кухню.

— Привет, — он нагнулся и поцеловал ее в щеку, — почему не ешь? Опять ждешь, чтобы тебе подали на тарелке?

— Не могу, Лешик, — виновато улыбнулась Настя, доставая сигарету. — Кусок в горло не лезет.

Алексей обошел стол, уселся напротив и внимательно посмотрел на жену.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего. Просто день тяжелый...

— Не ври.

— Я не вру.

— Врешь. Я же вижу. Ася, я знаю тебя столько лет, что твои попытки что-то скрыть от меня выглядят наивными и смешными. Ты должна быть голодной просто по определению. Когда ты в последний раз ела?

— Вчера. Сегодня только кофе пила несколько раз.

— Ну вот видишь. Раз не можешь есть, значит, что-то случилось. Давай-ка рассказывай, не трать силы на то, чтобы морочить мне голову.

— Леш, я ненавижу свою работу, — выпалила Настя неожиданно для самой себя.

— Вот это уже серьезный разговор, — одобрительно кивнул муж. — И что тебя так достало сегодня?

— Я ненавижу свою работу, я ненавижу саму себя, я нена-

вижу тех, кто заставляет меня делать то, что я делаю... О Господи, я сама не знаю, что несу. Не слушай меня.

— Почему же, это очень интересно, — улыбнулся Леша. — Во всяком случае, за четырнадцать лет работы в милиции ты говоришь это впервые. Так что стряслось-то, Асенька?

— Молодая женщина покончила с собой. Ее мать пришла с работы, увидела висящую в петле дочь и потеряла сознание. Потом пришел отец, вызвал милицию и «скорую помощь»... Ну представь себе, в каком он был состоянии. А я вынуждена была с ним не просто беседовать, но и пытаться поймать его, уличить во лжи. Его покончившая с собой дочь — преступница, убийца, он знает об этом, а я пытаюсь заставить его сказать мне о том, что его дочь убила свою подругу, а потом, вероятно от ужаса перед содеянным, не вынесла и повесилась. Кто я после этого? Какими словами назвать то, что я делала? Сволочь я? Дрянь бессердечная? Жестокая и безнравственная? Почему я должна это делать, если я понимаю, что это неправильно?

— Тихо, Ася, тихо, — Алексей успокаивающе поднял руку. — Давай по порядку. Зачем ты в самом деле это делала? Тебе кто-то велел? Или ты сама решила, что это необходимо?

— Сама. — Она вздохнула. — Но следователь был с этим согласен. Сначала с отцом покойной работал Игорек Лесников, а когда следователь нашел улики, говорящие о том, что девушка скорее всего виновна в убийстве своей подруги, он послал меня продолжать вместо Игоря. Хотел, чтобы я отца дожала.

— То есть ты хочешь сказать, что следователь, понимая, в каком состоянии находится отец девушки, хотел этим состоянием воспользоваться?

— Да, именно это я и хочу сказать. И пожалуйста, Лешенька, не надо обращаться со мной как с маленькой и подтасовывать факты. Следователь хотел его дожать, но и я этого хотела. Более того, я это делала. Более того, я понимала, что это неприлично и безнравственно — хитростью и уловками заставлять отца давать показания против только что умершей дочери. Это чудовищно, понимаешь? Это гадко. Я все это понимала, но все равно делала. Потому что раскрывать преступления и искать убийц — моя работа. Моя профессиональная обязанность. Дело, за которое государство платит

мне деньги. Не знаю, Лешик, я совсем запуталась и уже ничего не понимаю. Я дура, да?

— Да. Но ты не безнадежна, раз спрашиваешь об этом. Настоящий дурак, классический, никогда не сомневается в своей гениальности. Раз ты сомневаешься, тебя еще можно спасти для общества. Скажи, пожалуйста, что за спешка была, почему необходимо было получить показания отца именно сегодня? А до завтра подождать не могло? Если я правильно понял, девушка, убившая свою подругу, тоже умерла. Так что никуда она не делась бы. Для чего нужно было кидаться на несчастного мужика?

— В том-то и дело. Инстинкт сработал, наверное. Профессиональная деформация, которая велит хватать любую информацию, которая плохо лежит. Когда человек потрясен и не владеет собой, информацию легче из него вытягивать, и все всегда этим пользуются. Более того, выстраивают специально целые комбинации, чтобы вывести человека из состояния душевного равновесия, а потом заставить сказать то, что он так тщательно скрывает. Ты прав, спешки никакой не было, девушка все равно уже умерла, от следствия не скроется и улики не уничтожит. А я все равно вцепилась в ее отца. Вот это и противно.

— Ну что ж, извлекай урок из собственных ошибок. Согласен, ты, наверное, сама себе отвратительна, но в следующий раз ты подумаешь, прежде чем бросаться дожимать человека. Вот и все. Никакой катастрофы не произошло. В будущем ты будешь осмотрительнее. Все, Асенька, прекращаем панихиду по твоей почившей в бозе нравственности. Что сделано — то сделано. Сойдемся на том, что это было неправильно с точки зрения морали, но продиктовано интересами раскрытия тяжкого преступления, поэтому хотя бы в какой-то степени оправданно. Туши сигарету, и будем ужинать.

— Леш, я честное слово не могу. Ну пожалуйста, — взмолилась Настя, — не заставляй меня. Только продукт переведешь.

— Надо, старушка, надо. Ты ведь сама понимаешь, что надо, а капризничаешь. Если ты сейчас не поешь, завтра у тебя будет кружиться голова, это сто раз проверено. Иди мой руки.

Настя стала медленно и неловко подниматься со стула, опираясь одной рукой о стол, а другой держась за спину.

— Это еще что такое? — Алексей тут же вскочил, чтобы помочь ей. — Опять тяжести таскала?

— Нет, честное слово, ничего тяжелого не поднимала. Продуло где-то, наверное.

— Господи, Аська, ну когда ты станешь человеком? — простонал он. — Когда ты научишься не делать то, чего делать нельзя, и делать то, что нужно? Когда ты начнешь следить за тем, чтобы не сидеть на сквозняках, а? Ну сколько раз можно спотыкаться на одном и том же месте? Что ты стоишь, двигай в сторону ванной, ты же руки мыть шла.

— А ты не ругайся на меня, а то я от ужаса забываю, что собиралась делать. Я тебя боюсь.

Настя наконец выпрямилась и пошла в ванную. Намыливая руки, она смотрела на свое отражение в зеркале, висящем над раковиной. Лешка прав, он всегда прав, потому что он намного умнее и рассудительнее ее самой. Можно, наверное, как-то так организовать свою жизнь, чтобы свести возможные неприятности к минимуму. Не поднимать ничего тяжелее трех килограммов, потому что уже лет восемь у нее после травмы болит спина. Не сидеть на сквозняках. Не позволять сыщицкому азарту брать верх над нормальными человеческими чувствами. Можно сосредоточиться и направить все умственные усилия на то, чтобы не наступать дважды на одни и те же грабли. Правда, граблей таких по жизни раскидано великое множество, но есть же люди, которые умеют как-то так напрячься и все эти грабли держать в поле зрения. Неужели она, Настя Каменская, не сможет этого? Да наверняка сможет. Но, с другой стороны, если все интеллектуальные силы бросить на борьбу с граблями, то ни на что другое их уже не останется. Ни на работу, ни на дружбу, ни на любовь, ни на хобби. Ни на что. Смертельная скука. Нельзя даже развлечься тем, чтобы получить в очередной раз по лбу черенком от граблей. Прекрасный писатель Богомил Райнов назвал это «Большой скукой», правда, имел он при этом в виду тихое пребывание в могиле, но жизнь, направленная на борьбу с граблями, по эмоциональной насыщенности мало чем отличается от могильного покоя.

* * *

Алла Стрельникова уже легла, но сна все не было. Сегодня она ночевала одна, как, впрочем, и вчера, и позавчера. Ее любовник уехал по делам бизнеса почти неделю назад, и Алла воспользовалась неожиданной передышкой, чтобы немного отдохнуть от него и выспаться. Она очень дорожила каждым часом сна, потому что была уже в том возрасте, когда недостаток отдыха наутро выступал на лице вялостью кожи, морщинками и отсутствием свежести.

Всегда, когда она оставалась ночью одна, Алла думала о Володе, о своем муже, с которым прожила два десятка лет и вырастила сына. Почему так получилось? Он всегда изменял ей, с самого первого года совместной жизни, она это знала точно, но никогда не ставила перед собой задачу «поймать» его, уличить. Зачем? Он был хорошим мужем и хорошим отцом, приносил в дом деньги и систематически исполнял в постели супружеский долг, кроме того, он был красив, обаятелен и удачлив, и все подруги завидовали ей, Алле Стрельниковой. Почему вдруг на двадцать первом году совместной жизни ей взбрело в голову уличить его в неверности? Глупость какая-то! Для чего она это сделала? Пошла на поводу у собственного гонора, который коварно шепнул ей: «Хватит позволять делать из себя дурочку, тебе уже сорок два, дай ему понять наконец, что ты не ребенок, которому можно безнаказанно вешать лапшу на уши. Дай ему понять, что ты всегда знала про его измены, но молчала, потому что ты умная и хорошо владеешь собой. Пусть он начнет тебя ценить и уважать. После двадцати лет супружества никуда он не денется».

Алла пошла на поводу у коварного внутреннего голоса и, как оказалось, сделала роковую ошибку. Стрельников, правда, предпринял слабую попытку отвертеться, но Алла припёрла его к стенке неопровержимыми доказательствами, и ему ничего не оставалось, как признаться в своем романе с Любой. Но торжествовать победу Алле не пришлось. Признавшись, Стрельников тут же собрал чемодан и ушел. Как оказалось, навсегда. Он был свято уверен, что все двадцать лет жена ничего не знала о его любовных похождениях. Оставаться мужем женщины, которая, как выяснилось, знала практически все, он не мог. А вот если бы она и на этот раз смолчала, никакой Любе не удалось бы разлучить их. Эту

сторону его характера Алла не учла, вероятно, потому, что просто о ней не знала. Не было возможности узнать.

После ухода Владимира Алла побесновалась месяца три-четыре, потом нашла, что все, в сущности, к лучшему. Ей осталась прекрасная квартира и давно обжитая ухоженная дача, она — красивая женщина в самом расцвете, от поклонников отбоя нет. И у нее есть дело, которое она делает и которое ей интересно. Правда, дело это практически неприбыльное, славу оно, конечно, приносит, но, увы, не деньги. Так что с деньгами возникли некоторые проблемы. Но очень скоро они разрешились. Все-таки Стрельников — настоящий мужик в самом лучшем смысле этого слова, не зря Алла прожила с ним два десятка лет и готова была прожить еще столько же. Стрельников — это Стрельников. После первого же робкого намека Аллы на финансовые затруднения он стал регулярно давать ей деньги, причем много и без всяких дополнительных просьб и напоминаний. Какая же она все-таки дура, что спровоцировала разрыв! За Володей она жила как за каменной стеной.

Но ничего, она и любовников себе стала выбирать таких, чтобы не хуже Стрельникова были. Пока ей это удавалось. Правда, непонятно, что будет с деньгами, если Володя вступит в официальный новый брак...

Телефонный звонок заставил ее вздрогнуть и подскочить в постели. Алла нащупала выключатель ночника, зажгла свет и сняла трубку.

— Ну что? — прошелестел в трубке незнакомый и какой-то далекий голос. — Довольна?

— Кто это? — внезапно осипшим голосом спросила Алла, потом откашлялась и повторила уже громче: — Кто это говорит?

— Милочки больше нет. Теперь и Любочки больше нет. Обе сучки, отнявшие у тебя Володю, умерли. Хорошо, правда? Ты ведь к этому стремилась, Алла? Ты этого хотела? Именно это ты видела в своих самых сладких снах. Об этом ты мечтала одинокими ночами, когда твоего мужика не было рядом. Ты всегда любила Володю, ты никогда не переставала его любить, и все это время ты мечтала о том, чтобы он вернулся. А эти сучки молоденькие мешали тебе, они держали его своими цепкими ручонками, своими жадными губами и длинными стройными ногами. Они мешали тебе, и вот те-

перь их нет. Они умерли. Обе. Хорошо, правда? Ты рада, Аллочка? Ну скажи, дорогая моя, ты рада?

— Замолчите! — завопила Алла в трубку. — Что за бред?! Кто это?!

— Это я, Аллочка, это я, дорогая моя.

— Кто — я?

— Твоя живая тень, твое второе «я». С тобой и без тебя мы воедино слиты. Я отражусь в тебе, как в зеркале разбитом, сквозь трещины морщин, о молодость моя...

Гудки отбоя ударили ей в ухо. Алла осторожно положила трубку на рычаг, словно боялась, что та сейчас рассыплется на мелкие пластмассовые кусочки. Сердце гулко ухало где-то в горле, под нейлоновой ночной сорочкой по коже катились крупные капли пота. Она не узнала этот голос, более того, не смогла даже определить, мужчине он принадлежит или женщине. Превозмогая охвативший ее панический ужас, Алла вылезла из-под одеяла, подошла к бару, плеснула в стакан на два пальца чистого джина, поколебавшись, поставила на место бутылку с тоником и выпила неразбавленный напиток залпом. Потом выдернула из розетки телефонный штепсель, быстро нырнула в постель, выключила свет и укрылась одеялом с головой.

Глава 8

Утром Настя проснулась от сильной головной боли. «Этого еще не хватало, — с досадой подумала она. — Вчера — спина, а сегодня и голова вступила. Дальше что будет? Все части тела хором запоют?»

Она осторожно попыталась повернуться в постели и сморщилась от боли в пояснице. Ну что за невезенье! Лешка, конечно, тут же открыл глаза.

— Давай помогу, — сонным голосом проговорил он, — сама ведь не справишься, инвалидка грешная.

У Чистякова накопился огромный опыт борьбы с Настиной больной спиной, посему процедура извлечения жены из постели была проведена быстро, ловко и почти безболезненно. Через несколько секунд Настя была приведена в вертикальное положение без единого стона.

— Теперь куда? — спросил муж.

— Теперь в ванную. Меня надо поставить под душ, но так, чтобы на спину лилась горячая вода, а на голову холодная. Сумеешь?

— Никогда. И не проси. Единственное, что могу посоветовать, это налить в ванну горячую воду, посадить тебя в нее, а на голову положить холодный компресс. Больше никак не получится. Что, голова сильно болит?

— Сильно. Леш, ну почему я такая нескладная, а? Вечно у меня болит что-нибудь... И вообще ничего не получается.

— Ну начинается! — вздохнул Чистяков. — С утра пораньше нытье по своей загубленной жизни. Вчера ты причитала по поводу своего морального падения. А сегодня что?

— А сегодня я причитаю по поводу собственной глупости.

Настя добрела до ванной и с помощью Алексея влезла под душ, подставив ноющую спину под горячие струи воды. Через несколько минут ей удалось окончательно проснуться и даже вполне самостоятельно вылезти из ванны. На кухне она залпом выпила стакан ледяного апельсинового сока и тут же схватилась за чашку с горячим кофе. Это был проверенный и испытанный годами способ привести себя в более или менее нормальное настроение и в почти рабочее состояние.

Она всегда вставала с большим запасом времени, зная, что по утрам бывает вялой и медлительной. Настя Каменская терпеть не могла торопиться, потому что в спешке обязательно ухитрялась сделать что-нибудь не так. Времени до выхода на работу у нее было вполне достаточно, и, закуривая первую в этот день сигарету, она погрузилась в размышления о странном убийстве Людмилы Широковой. В нем все время что-то не увязывалось. Например, Стрельников. Зачем он спрятал переписку Людмилы? Если убийца — Люба Сергиенко, стало быть, его собственная ревность тут совершенно ни при чем. Для чего ему письма? Даже если бы оказалось, что Людмилу убил именно он, все равно непонятно, зачем хранить улики. Никакой логике не поддается.

Теперь Сергиенко. Все, конечно, указывает на нее. И мотив есть, и психическое состояние Любы вполне соответствует ситуации. Тяжелая депрессия с религиозными мотивами греховности и искупления. Но картина самого убийства остается непонятной. Что несла в руках Широкова, оказавшись на городской помойке? Какую тяжесть? Почему высоченные каблуки ее нарядных туфелек так глубоко ушли в землю?

Эксперт Олег Зубов сказал, что на ее одежде обнаружил только тканевые волокна. Это значит, что ни деревянных ящиков, ни тем более металлических Широкова не носила. Может быть, это был камень? Но тогда были бы частицы почвы, пыли или иная грязь. Где можно взять абсолютно стерильный камень? Ответ очевиден: нигде. И вообще, зачем ей таскать камни? Даже если допустить, что каменная глыба без посторонней грязи все-таки была, то где она? Куда девалась? На месте обнаружения трупа Широковой никакого громоздкого предмета, в том числе камня, не было. Его Люба, что ли, с собой унесла? Тоже мне, две спортсменки-тяжелоатлетки, что одна, что другая. Нет, это полный бред. И потом, если Люба там была, то где следы ее обуви? Следы туфелек Широковой есть, а следы убийцы где? Не по воздуху же Люба передвигалась... Чертовщина какая-то.

Волокна ткани. Это может быть шарф или пальто, если свой зеленый шелковый костюм Широкова носила не только в теплое время года, но и в холодное, под пальто. Это может быть что угодно, если костюм висел на вешалке вплотную с другой одеждой или лежал в чемодане. Это могут быть волокна с одежды пассажиров в переполненном транспорте. Если же вспомнить о неустановленном тяжелом предмете, то это может оказаться чем-то завернутым в материю. Ну и что такое было в эту материю завернуто? Зубов клянется и божится, что вес предмета не меньше сорока восьми — пятидесяти килограммов, он десять раз перепроверял и пересчитывал.

— Ася, — донесся до нее голос мужа, который уже успел не только позавтракать, но и полностью одеться и был готов к выходу из дома. — Ты что, уснула?

Настя встрепенулась и помотала головой.

— А что, уже пора?

— Мне — да. Если ты быстро соберешься, я доброшу тебя до центра. Мне сегодня нельзя опаздывать, я на десять утра назначил совещание.

— Сейчас, солнышко.

Она погасила сигарету и стала натягивать джинсы и свитер. Завязывание шнурков на кроссовках превратилось для нее в целую проблему, наклоняться было больно даже из положения сидя, но Леша давно привык к этому, поэтому без лишних слов опустился на колени и помог ей.

В машине они ехали молча. Настя сначала подумала было, что Алексей сердится на нее за что-то, но потом сообразила, что он просто собирается с мыслями перед совещанием. Сама же она снова вернулась к странному убийству Людмилы Широковой и непонятной роли некоего любвеобильного Виктора Дербышева, которому Мила должна была написать письмо и от которого даже ответ получила, но который клянется, что никаких писем от нее не получал, сам ей не писал и вообще в глаза кра̀савицу блондинку не видел. Эксперты быстрого ответа по поводу почерка не обещали, но фотография-то совершенно точно Дербышева, а не его двойника. Привезенный на Петровку, Виктор «под протокол» опознал на снимке себя и свою одежду, а потом приехал вместе со следователем и оперативниками к себе домой и эту одежду предъявил. Не убийство, а сплошные загадки. Настя примерно представляла себе, что нужно делать дальше, если раскручивать эту линию расследования, но вот вопрос: а надо ли? Если Широкову убила ее подруга Сергиенко, то история с письмами никакого отношения к этому не имеет. Или все-таки имеет?

— Леш, — робко сказала она, отрывая мужа от мыслей о предстоящем совещании, — ты письма хранишь или выбрасываешь?

— Какие письма? — удивился Чистяков.

— Ну любые. Которые ты получаешь.

— Асенька, в наш телефонный век письма стали раритетом и непроизводительной тратой времени. Всю деловую переписку я веду через институт, такие письма я, конечно, храню. Там нужные адреса, имена, даты. А личных я уже давно не получаю. С чего такой вопрос?

— Так, ни с чего, — вздохнула она. — Буду дальше думать.

Выйдя из машины на Комсомольской площади, Настя спустилась в метро и поехала на работу.

* * *

Найти адрес Надежды Цукановой оказалось довольно просто, потому что Лариса Томчак смогла точно указать год ее рождения. Правда, была опасность, что Цуканова за двадцать семь лет могла и фамилию сменить, но, к счастью, она этого, по-видимому, не сделала. Во всяком случае, в адрес-

ном столе Ларисе дали восемь адресов, по которым в Москве проживали женщины подходящего возраста с именем «Цуканова Надежда Романовна».

Первые четыре попытки были неудачными. Лариса ездила по указанным адресам, спрашивала Надежду Романовну, объясняя, что разыскивает свою однокурсницу. Случалось, что дверь ей никто не открывал, и тогда приходилось приезжать еще раз или два. Случалось, что дверь ей открывали, но Надежды Романовны не было дома, и тогда Лариса просто просила показать ей фотографию. На уговоры, объяснения и преодоление естественного недоверия и подозрительности уходили время и силы, но она не сдавалась. Ей очень хотелось выяснить, кто же в ту давнюю новогоднюю ночь воспользовался беспомощным состоянием опьяневшей и беспробудно спящей девушки. И еще больше ей хотелось, чтобы этим человеком оказался Владимир Стрельников.

Когда она явилась по пятому из указанных в списке адресов, дверь ей открыл рослый худощавый юноша лет восемнадцати-девятнадцати, до такой степени похожий на ТУ девушку в белом свитере, что у Ларисы мгновенно пропали все сомнения.

— Здравствуйте, — вежливо сказал он, внимательно глядя на незнакомую женщину через очки с толстыми стеклами. — Вам кого?

— Мне нужна Надежда Романовна.

— А вы кто?

— Мы с ней когда-то учились в одном институте. Скоро исполняется двадцать пять лет с тех пор, как мы закончили институт, и вот мы решили организовать встречу выпускников...

Лариса внезапно осеклась под пристальным взглядом юноши.

— Мама умерла, — коротко сказал он.

Лариса неловко переминалась у двери, не зная, что делать дальше. Удача была так близко... Умерла. Надо, наверное, как-то отреагировать на это известие.

— Прости. Я не знала. Когда это случилось?

— Не так давно. Меньше года назад.

— Она болела?

— Нет.

— Несчастный случай?

— Нет. Мама отравилась. Она не хотела жить. Встречу выпускников вам придется проводить без нее.

— Мне очень жаль, — пробормотала Лариса растерянно, отступая от двери.

Дверь закрылась, послышались удаляющиеся шаги. Она медленно пошла к лифту, но передумала, спустилась на один лестничный марш и прислонилась к узкому грязному подоконнику. Между подоконником и батареей отопления была засунута банка из-под растворимого кофе, до середины заполненная окурками. Вероятно, это было постоянное место для курения у тех жильцов, кому не разрешали дымить в квартирах.

Лариса вытащила сигарету, щелкнула зажигалкой. Как глупо все получилось. И перед парнишкой неудобно. Явилась приглашать его мать на встречу выпускников! Ему, наверное, неприятно и тяжело объясняться с посторонними людьми...

Да, но мальчик к той давней истории отношения не имеет, слишком молоденький. Если Надя Цуканова тогда все же решилась рожать, то ребенку должно быть двадцать шесть лет, никак не меньше, а этому очкарику с внимательными глазками уж точно не больше двадцати. Интересно, мальчика Цуканова родила в браке или нет? И если в браке, то почему фамилию не сменила? Или меняла, а после развода снова взяла девичью. В конце концов, никакого значения это не имеет. Но неужели придется отказаться от задуманного? Потратить столько времени на поиски — и отступить? Жалко.

Лариса решительно погасила сигарету и снова поднялась к квартире Цукановой. На этот раз дверь долго не открывали, но наконец замок щелкнул.

— Это снова вы? — Голос у сына Надежды Романовны был не очень-то приветливым.

— Извини, пожалуйста, но мне очень нужно поговорить с тобой. Можно мне войти?

— Проходите, — хмуро сказал он. — Обувь можно не снимать, у нас завтра генеральная уборка, все равно полы мыть будем.

У нас уборка. Интересно, с кем мальчик живет? С отцом? Или со старшим ребенком Цукановой? А может, он уже женат.

Лариса сняла плащ и вслед за юношей прошла в большую

комнату, где повсюду были разложены книги и тетради. Она поняла, что парень занимался. Наверное, в институте учится, решила она. Лариса плохо представляла себе, с чего начать и как повести разговор, чтобы узнать то, что ее интересует. Но начинать надо было, деваться некуда, раз уж пришла.

— Знаешь, я как-то растерялась, узнав, что Нади больше нет. Даже соображаю плохо. Ты один живешь?

— С сестрой.

— Она младше тебя?

— Старше. Ей уже двадцать шесть. Вы что, хотели мне опеку предложить? Так не надо, я совершеннолетний. И вообще, мы отлично справляемся вдвоем.

— Неужели двадцать шесть? — деланно удивилась Лариса. — Я не знала, что Надя так рано вышла замуж. Из наших однокурсников никто этого не знал. Надо же.

— Она не была замужем.

— Как, совсем не была? — Теперь уже Лариса удивилась по-настоящему. — А твой отец? Или у вас с сестрой общий отец?

— Нет, отцы разные, но мама с ними не расписывалась. Так о чем вы хотели поговорить?

— Может быть, тебе это покажется странным... Я хотела поговорить с тобой об отце твоей сестры. Собственно, я надеялась поговорить о нем с Надей. Я же не знала о том, что случилось.

— А что о нем говорить? Мы его и в глаза-то никогда не видели. А вы правда с мамой вместе учились?

— Правда, — не моргнув глазом солгала Лариса.

— Тогда вы должны его знать.

— Конечно, если он был с нашего курса. Как его звали?

— Не знаю, — парень пожал плечами. — Мама не сказала.

— Как же так? Почему не сказала?

— Не знаю. Не сказала — и все. Я спрашивал, и сестра тоже спрашивала, но мама не говорила.

— Ну хорошо, отчество же у твоей сестры есть. Как ее зовут?

— Наталья Александровна.

Александровна. Не Владимировна и, слава Богу, не Вячеславовна. Но это еще ничего не значит. При отсутствии мужа имя отца в свидетельстве о рождении указывается какое угодно, на усмотрение матери.

— Вы знаете какого-нибудь Александра, который ухаживал за мамой на втором курсе?

— Видишь ли, — осторожно сказала Лариса, — Александр — имя очень распространенное. На нашем курсе их было не меньше двадцати, а может, и больше. Я не знаю, с кем тогда встречалась твоя мама, мы учились в разных группах. Но я бы очень хотела узнать, кто он.

— Зачем?

— Он должен знать, что Нади больше нет и что у него взрослая дочь. Понимаешь, мне кажется, что он должен вам помогать, ведь он отец твоей сестры.

— Ничего он не должен, — огрызнулся юноша. — Он не мог не знать, что мама беременна. Раз не женился на ней и не помогал — значит, не хотел. Мама даже разговоры всякие о нем пресекала. Наверное, подонок какой-нибудь.

— Послушай, — спохватилась Лариса, — ведь мы с тобой даже не познакомились. Меня зовут Ларисой Михайловной. А тебя?

— Виктором.

— Так вот, Виктор, поверь моему опыту, никогда нельзя судить о ситуации, если знаешь о ней не все. Все знала только твоя мама и отец твоей сестры Наташи. Мало ли как у них складывались отношения. Вполне возможно, что твоя мама по каким-то причинам вообще скрыла от него, что беременна и хочет родить ребенка. И он до сих пор ничего не знает. Я считаю, что он должен обязательно узнать и о том, что твоя мама умерла, и о том, что у него есть дочь Наташа.

— Да почему вы так уверены, что он не знает? — вспылил Виктор. — А я вот думаю, что он все прекрасно знал и бросил маму беременную, поэтому она и слышать о нем не хотела. Подонок он, вот что я вам скажу.

— А вдруг нет? — тихо спросила Лариса. — Пожалуйста, припомни, что твоя мама о нем рассказывала. Хоть мелочь какую-нибудь, хоть полслова.

Виктор молчал, отвернувшись к окну. Потом медленно встал, подошел к книжным полкам и достал толстый альбом с фотографиями.

— Вот. — Он протянул Ларисе снимок, точно такой же, как лежал у нее в сумочке: две девушки что-то увлеченно обсуждают, а трое юношей строят смешные рожицы. — Это кто-то из них.

— Откуда ты знаешь? Мама говорила?

— Да, однажды мельком обронила пару слов. Мы вместе разбирали фотографии, хотели папе показать, какая она была в детстве. Мама тогда долго смотрела на этот снимок, губу закусила чуть не до крови. Папа заметил и спросил, в чем дело. Она ответила, мол, ни в чем. И продолжали дальше альбом листать. А потом я вышел на кухню и услышал, как папа спрашивает ее: «Надя, а кто это на фотографии? Почему ты так разволновалась?» Мама говорит: «Один из них — Наташин отец».

— И все? Больше ничего не сказала?

— Я больше ничего не слышал. Не прислушивался. Они там еще долго что-то обсуждали, папа даже голос повышал, сердился, но я не понял, из-за чего.

Значит, с отцом Виктора Надежда Романовна все-таки это обсуждала. Что ж, уже хорошо. Понятно, что детям она об этом рассказывать не стала. Да и какая мать стала бы признаваться детям в таком? А вот мужу или любовнику — другое дело. Отца этого мальчика надо быстренько найти.

— А где твой отец, Виктор? Он с вами не живет?

Юноша как-то странно дернул плечами, словно судорога пробежала по его мускулистому худощавому телу.

— Послушайте, Лариса Михайловна, вам не кажется, что вы как-то излишне любопытны?

— Извини, — торопливо сказала Лариса. — Я не думала, что тебе и об этом неприятно говорить. Ты не должен на меня злиться, Виктор, я ведь совсем не знаю, что и как происходило в вашей семье, поэтому могу ненароком сказать или спросить что-нибудь такое, что тебе не понравится. Я просто подумала, что если Надя говорила с твоим папой о Наташином отце, то могла и имя его назвать. Ведь могла?

— Ну, могла, — неохотно согласился Виктор. — И дальше что?

— Я хочу встретиться с твоим папой, — твердо произнесла Лариса. — Как мне его найти?

— Но я все равно не понимаю, — упрямо мотнул головой паренек, — что вам так дался этот Александр, который маму беременную бросил? У меня лично нет ни малейшего желания с ним встречаться. И совсем мне не нужно, чтобы он знал про маму и про Наташу. Чего вы лезете в нашу жизнь?

— Витя, я уже объясняла тебе, что все может быть вовсе

не так примитивно, как ты себе представляешь. Каждый человек сам принимает свои решения, это его право. Но точно так же каждый человек должен принимать решения на основе полной информации. И он имеет право эту информацию получить. Если отец Наташи не хотел знать ни твою маму, ни собственного ребенка, то нужно всегда допускать, что это результат не его подлости и низости, а неполноты информации, которой он располагал.

— Вы философ? — недобро усмехнулся Виктор.

«Нет, я врач», — чуть было не вырвалось у Ларисы, но она вовремя прикусила язык. Как она может быть врачом, если якобы училась с Цукановой в одном институте? Институт-то был не медицинский, а технический, инженерный.

— Нет, я не философ. Но мой муж — врач, — солгала она. — И именно поэтому я очень хорошо понимаю, что диагноз, поставленный на основе неполно собранного анамнеза, может иметь фатальные последствия для больного. Тебе понятно то, что я сказала?

— Вполне. Я уже большой мальчик. И между прочим, учусь на философском факультете. Почему вы принимаете эту историю так близко к сердцу?

— Не знаю. Наверное, потому, что я очень хорошо относилась к твоей маме. А может быть, характер у меня такой. Так как мне разыскать твоего отца?

— Понятия не имею. Он ушел от нас, и больше я о нем ничего не слышал.

— Когда ушел? После того, как Нади не стало? Бросил вас с сестрой совсем одних?

— Не преувеличивайте, Наташа уже совсем взрослая, да и я не ребенок. Но ушел он раньше, еще до того, как мама...

Он внезапно побелел и замолк. И Лариса догадалась, что произошло.

— Твоя мама не смогла пережить разрыв с ним, да? — тихо спросила она.

Виктор молча кивнул.

— Но на похороны он приходил?

— Нет.

— Как же так? Неужели он не захотел проститься с Надей?

— Ему не сообщали.

— Почему?

— Ни к чему это. Он маму бросил. Она из-за него умерла. Незачем ему было приходить на похороны. Мы с Наташей так решили.

— Витя, это жестоко, — покачала головой Лариса. — Миллионы мужчин расстаются со своими женами и матерями своих детей. Расстаются по разным причинам. И крайне редко это приводит к тому, что женщина погибает. В любом случае это решение самой женщины, а не того мужчины, который ее оставил. Никогда нельзя его винить в смерти брошенной женщины. Какое право вы с сестрой имели лишить твоего отца возможности попрощаться с вашей мамой? Почему вы так стремитесь все за всех решать? Ты вспомни самого себя в детстве. Вспомни, как тебя злило, что взрослые навязывают тебе готовые решения и диктуют, что тебе есть, как одеваться и когда ложиться спать. Ты считал, что вполне можешь сам принимать решения. Почему же теперь ты отказываешь в этом праве другим людям? Ты не хочешь, чтобы я разыскала отца Наташи. Ты не позвал своего отца на похороны мамы. Почему ты считаешь себя вправе распоряжаться жизнями других?

— Я не распоряжаюсь, — огрызнулся Виктор. — Просто не считаю нужным делать то, что мне делать неприятно. Я не хотел видеть отца на маминых похоронах, потому и не сообщил ему о том, что случилось. Хотя я-то ладно, он все-таки мне родной отец. А для Наташи это было бы в десять раз тяжелее. Ей-то он вообще никто, а из-за него у нас мамы не стало. Я не хотел, чтобы ей было еще больнее. Видеть его не могу! И не хочу! Если бы он нас не бросил, мама была бы жива.

Лариса видела, что парень вот-вот сорвется, он и так уже держится из последних сил. Она была врачом-психиатром с приличным стажем, умела разговорить человека, расположить его к себе, заставить рассказывать о неприятном или тяжелом, но точно так же она всегда чувствовала, когда пора прекращать копание в тягостных воспоминаниях, потому что душевные силы пациента уже на исходе.

— Ну хорошо, — сказала она, вставая с неудобного, слишком низкого кресла, — если ты не знаешь, где искать твоего отца, то скажи мне по крайней мере его имя и фамилию, я попробую сама его найти.

— Не скажу. Не надо его искать.

— Почему?

— Потому что вы начнете укорять его, говорить о том, что он бросил нас на произвол судьбы и не помогает, я знаю, вы обязательно скажете ему что-нибудь в этом роде, чтобы его разжалобить. И он может заявиться сюда.

— И что в этом плохого?

— Я не хочу. И Наташа не хочет. Он не должен переступать порог нашего дома. Он не имеет права на это. Я его ненавижу. Все, Лариса Михайловна, уходите, пожалуйста. Больше я вам ничего не скажу. Я и так потратил на вас много времени, мне заниматься нужно...

Голос Виктора становился все более громким и звенящим, и Лариса поняла, что действительно пора уходить. Вежливое равнодушие быстро перерастало во враждебность, тут и до эксцессов недалеко. Она торопливо надела плащ и покинула квартиру Цукановых, бормоча какие-то ненужные извинения и успокаивающие слова.

Выйдя на улицу, Лариса не спеша побрела к трамвайной остановке, прикидывая план дальнейших действий. Можно, конечно, попытаться поговорить со старшей дочерью покойной Надежды Романовны, возможно, она окажется более покладистой, чем ее нервный братец-философ. Но это все равно не даст нужного результата, ибо Наташа тоже наверняка не знает настоящее имя своего отца. Александровна! На снимке, которым заинтересовался отец Виктора, не было ни одного человека с таким именем. А Надежда сказала, что один из них — отец Наташи. Единственный, кто может знать и кому Цуканова могла сказать правду, — это отец Виктора. Конечно, Наташа, как и ее брат, знает, где его искать. Но вот вопрос: скажет ли. Ведь интерес к сожителю Надежды Романовны надо как-то объяснять. Что Лариса может сказать Наташе? «Я хочу найти этого человека, чтобы спросить у него, кто был твоим отцом». Если Наташа нормальный человек, она в ответ пошлет Ларису вполне конкретно, далеко и надолго. И разумеется, ничего ей не скажет. С какой это стати какая-то чужая тетка, которую Наташа в первый раз в жизни видит, интересуется тем, что касается только одной Наташи и больше никого?

Нет, не Наташу Цуканову надо разыскивать, а соседку-сплетницу. Вот она-то уж знает все. И даже больше, чем все.

* * *

Следуя совету разговорчивого медэксперта Айрумяна, Юра Коротков и Игорь Лесников взялись за старушек из дома, где жила Люба Сергиенко. То, что они узнали, ошеломило их и в то же время заставило сомневаться во всем, что казалось им точно установленным еще вчера.

Сначала выяснилось, что Люба после возвращения из-за границы не только регулярно посещала церковь, но и сблизилась с одной пренеприятнейшей особой по имени Алевтина, которая тоже вокруг храма отиралась. Две старушки-соседки, дружно ходившие в церковь почти каждый день, в один голос заявили, что в Алевтине дурной дух живет и что ничего хорошего людям от нее не бывает. Однако подробности рассказывать отказались, испуганно крестясь и озираясь по сторонам.

Найти Алевтину тоже оказалось делом несложным, она действительно частенько бывала в церкви и много времени проводила на кладбище, вокруг этой церкви расположенном. Это была мрачная худая женщина с горящими глазами и злыми тонкими губами. К работникам милиции она отнеслась до крайности агрессивно и вызывающим тоном твердила, что разговаривать ей с властями не о чем, что церковь в нашей стране отделена от государства и никаких общих интересов у нее с оперативниками быть не может. Однако услышав о смерти Любы Сергиенко, сразу осеклась и умолкла. Со стороны казалось, что она пытается решить для себя какой-то вопрос, и пока не решит его — ни слова больше не проронит. Юра и Игорь бились с ней часа два, пока Алевтина не смягчилась и не соизволила снова открыть рот.

— Ладно, скажу... Она черной магией интересовалась. Хотела на кого-то порчу напустить.

— На кого?

— Да будто бы на женщину какую-то, не то подружку ейную, не то родственницу.

— И как, напустила? — очень серьезно поинтересовался Лесников.

— Да вроде, — неохотно призналась Алевтина. — Уж не знаю, как там чего у нее вышло, а только больно смурная она вдруг сделалась. С самого-то начала она еще ничего была, плакала, конечно, все время, но видно было, что злоба ее

точит. А коль злоба точит, значит, человек живет. Душа его живет, шевелится, болит.

— Значит, первое время Люба плакала и злилась, — тут же подхватил Коротков, чтобы повернуть разговор в нужное русло и не дать мрачной собеседнице отвлечься на посторонние рассуждения. — А потом что?

— А потом душа ее, видать, умерла, — констатировала Алевтина и опять умолкла.

— Из чего это вы такой вывод сделали?

— Она плакать перестала. И злиться перестала. В церковь каждый Божий день ходила, но все равно видно было, что у ней пусто внутри.

— Как это — пусто внутри? Вы уж сделайте одолжение, объясните нам поподробнее, а то мы понимаем плохо, — попросил Коротков.

Алевтина вздохнула, поерзала на жесткой скамейке, устраиваясь поудобнее. Она сидела на своей постоянной лавочке неподалеку от храма, среди могил. Уже давно это было как бы ее местом, и все, кому надо, всегда могли ее здесь найти, не сегодня — так завтра. Все так привыкли к этому, что никому и в голову не приходило интересоваться, а где, собственно, живет Алевтина и есть ли у нее адрес. Зачем? Адрес нужен, когда человека надобно найти. А Алевтину чего искать? Вот она, сидит между могилками. Ах, не сидит? Ну так, стало быть, завтра придет, даже и не сомневайтесь, придет непременно, а может, и не завтра даже, а сегодня, через часок появится. Она завсегда здесь, куда ей деваться.

— Что ж тут объяснять... Когда душа умирает, тут и объяснять больше нечего. Ничего ее изнутри не гложет, не бередит. Не болит, одним словом. А душа — она так устроена, что непременно болеть должна. За то ли, за другое ли, за третье, но должна всегда болеть. Когда она болит, человек ее чувствует, и от этой боли поступки разные совершает. К примеру, если душа из-за денег болит, так человек старается их или заработать, или украсть. Если из-за мужа любимого ревность грызет, то женщина старается или к себе его приворожить, или соперницу извести, или еще что-нибудь придумает, полюбовника завести может, чтобы отвлечься, чтобы душевную боль приглушить. А когда душа не болит, то человек ее и не чувствует, а стало быть, и не делает ничего. А что есть чело-

век, который ничего не чувствует и ничего не делает? Покойник и есть. Поняли теперь?

— Поняли, — кивнул Лесников. — Значит, вам показалось, что в какой-то момент душа у Любы болеть перестала?

— Ну да.

— А не припомните, какой это был момент? Хотя бы приблизительно.

— Приблизительно... Недели две назад, может.

— Вы не говорили с ней об этом?

— Говорила, а как же. Мне-то сразу в глаза бросилось, что она не такая, как раньше. Я и спросила ее, дескать, что с тобой, кровиночка, не обидел ли кто.

— А она что?

— А она головой качает и говорит: «Сама я себя обидела». Тут меня вроде как догадка осенила, я же знала, что она ворожбой занялась, и говорю ей: «Никак заговор помог?» А она кивает. «Помог, — говорит, — заговор, спасибо тебе, Алевтина».

— За что же спасибо? — удивился Коротков. — Разве вы помогали ей ворожить?

— Сохрани Господь!

Алевтина испуганно отмахнулась и осенила себя широким крестом.

— Никогда я этим богопротивным делом не занималась.

— Тогда за что спасибо?

— За совет. Она как познакомилась со мной, так и начала спрашивать, не знаю ли я, кто может порчу наслать. Я и сказала ей, что ежели у нее душа болит, так надо не порчу на разлучницу насылать, а себя от порчи лечить. И присоветовала ей, к кому пойти, чтобы тяжесть с души снять.

— К кому вы ее послали?

— Да к Павлу, к кому ж еще! Он человек богоугодный, а за других не поручусь.

— Фамилия у Павла есть или адрес?

Алевтина снова поджала тоненькие губки, но адрес все-таки дала.

— Давайте вернемся к Любе, — попросил Лесников. — Вы сказали, что направили ее к богоугодному человеку Павлу, который должен был снять с Любы порчу и помочь ей перестать ненавидеть разлучницу. Так?

— Так, милый, так, — закивала Алевтина.

— Потом в какой-то момент, примерно недели две назад, вы заметили, что Люба стала значительно спокойнее, и решили, что Павел ей помог и порчу снял. Сама Люба это тоже подтвердила. Правильно?

— Правильно, я так тебе и говорила.

— Так почему же вы решили, что ее душа умерла? Ведь если богоугодный человек Павел снял с Любы порчу и успокоил ее, то Любе должно было стать лучше, а не хуже. А по вашим словам выходит, что ей стало хуже, что она чуть ли не в живую покойницу превратилась. Как же так?

— Вот чего не знаю — того не знаю, — Алевтина снова стала мрачной и закрытой. — Я тебе рассказываю, как дело было и чего я своими глазами видела. А за Павла я не ответчица. Мало чего он ей там наворожил...

Выйдя с кладбища, оперативники некоторое время шли молча, потом не сговариваясь свернули в переулок и зашли в небольшое полутемное кафе. Взяв по гамбургеру и по пластиковому стаканчику жидкого невкусного кофе, они устроились за столиком в самом углу полупустого зала.

— Как тебе эта бабка? — спросил Коротков, откусив горячий, но слишком перченый гамбургер.

— Врет она все, — пожал плечами Лесников.

— Думаешь?

— Невооруженным глазом видно. Бабка наверняка является штатной сводницей между несчастными женщинами и колдунами-проходимцами. Расчет правильный и практически безошибочный. Откуда при существовавшем десятки лет атеистическом воспитании возьмутся вдруг женщины, которые ни с того ни с сего делаются набожными? Процентов на семьдесят, а то и на все восемьдесят, это женщины, которые не в состоянии справиться с личными проблемами и идут в церковь от безвыходности. Я не имею в виду, конечно, глубоко религиозных старушек, я сейчас говорю о женщинах от двадцати до пятидесяти пяти, о тех, кто вырос и прожил жизнь в убеждении, что Бога нет. Поверь, Юрок, таких, которые не несут в себе злобы и отчаяния, в церкви единицы. Есть такие, конечно, которые сами изнутри светятся от доброты и чистоты, но я повторяю, это единицы. Основная масса женщин детородного возраста приходит в церковь как к психотерапевту. Им нужна помощь, и тетка Алевтина тут

как тут. Снятие порчи, ворожба, заговоры и все такое. Она этим прохиндеям бесперебойно поставляет клиентуру.

— Слушай, Игорь, а ты совсем в эту ворожбу не веришь? На все сто процентов?

— Юрок, не морочь мне голову, — улыбнулся Лесников. — Какая разница, верю я или нет? Я вполне допускаю, что кто-то из этих колдунов кое-что может, но наверняка не все. А несчастные бабы ходят ко всем. И деньги за услуги тоже все берут. Когда богоугодного Павла навещать пойдем? Сегодня?

— Сегодня, — вздохнул Коротков. — Вот поедим и пойдем.

* * *

Богоугодный человек Павел оказался громилой почти двухметрового роста с окладистой каштановой бородой, длинными, до плеч, густыми волосами и зычным басом. Он, вероятно, был неплохим психологом, потому что сразу понял, что двое мужиков, позвонивших в его дверь, пришли с чем угодно, только не с личной бедой. Поэтому вовремя удержался и не начал валять дурака прямо от порога, как он обычно делал, разыгрывая перед доверчивыми дурочками мага и волшебника. Правда, одет он был все-таки не очень удачно, в расчете именно на доверчивых дурочек: длинный белый балахон, скрывающий фигуру до самых щиколоток, множество браслетов на мощных волосатых руках, металлический обруч, охватывающий голову от лба до затылка.

— Павел Васильевич Леваков? — спросил Юра.

— Он самый, — широко улыбнулся богоугодный человек. — Чем могу служить?

— Мы из уголовного розыска. Нам нужно задать вам несколько вопросов...

Квартира у богоугодного колдуна была маленькой, темной и грязной, но зато на каждом шагу в глаза бросались атрибуты магии: свечи, чучела змей и огромных пауков, маленькие восковые фигурки, сухие ветки разных деревьев и склянки причудливой формы из разноцветного стекла. Беседа с Леваковым не затянулась. У него была хорошо продуманная база для разговоров с правоохранительными органами, судя по всему, разговоры эти уже имели место в про-

шлом, и не один раз, опыт у него имелся, поэтому он и не пытался замкнуться в себе, не отказывался отвечать на вопросы и тем самым сэкономил сыщикам время. Бояться ему, вполне современному и более чем циничному молодому человеку, было совершенно нечего.

— Люди приходят ко мне как к психотерапевту, хотя я всегда предупреждаю их, что не являюсь врачом и не имею медицинского образования. Но у меня, — тут он смущенно улыбнулся и развел руками, — как-то так получается помогать людям... От природы дар, наверное, но мне действительно удается облегчить их страдания.

Так, на незаконное врачевание Леваков уже не тянул. Неглупо. Интересно, сам додумался или проконсультировал кто?

— Вам, вероятно, известен широко применяемый в медицине прием лечения при помощи плацебо. Больному говорят, что вводят ему сильный препарат, который поможет, к примеру, удерживаться от приема алкоголя, а на самом деле дают ему обычный аспирин или анальгин или еще что-нибудь такое же простенькое и безвредное. Больной уверен, что принял сильнодействующий препарат, который обязательно ему поможет, происходит самовнушение, а результат просто потрясающий. Я действую точно так же. Когда ко мне приходит женщина и просит наслать порчу на ее соседку или знакомую, я прекрасно отдаю себе отчет, что моей клиентке нужно всего лишь осознание того, что у этой самой соседки все плохо. Я хочу, чтобы вы поняли разницу: неважно, как на самом деле идут дела у пресловутой соседки, важно, что по этому поводу думает моя клиентка. Знаете, очень часто бывает, что у объекта ненависти жизнь на самом деле — хуже некуда, а моя клиентка ненавидит этот объект и полагает, что та украла у нее счастье. Разубеждать и уговаривать бессмысленно. Я произвожу ряд манипуляций, которые воспринимаются клиентками как ворожба, и говорю: «Отныне твою соседку будет точить болезнь, и ты часто будешь видеть ее бледной и с синяками под глазами, особенно по вечерам. Счастье покинет ее, она начнет часто плакать, и глаза ее будут постоянно красны от слез. Любовь оставит ее, и хотя она изо всех сил будет делать вид, что у нее все в порядке, знай, что это притворство. Ее разлюбили. И даже если ее не бросили, она все равно живет рядом с мужчиной, который ее не

любит». И все в таком же духе в зависимости от причин ненависти клиента к объекту. Вот и все.

— Неужели помогает? — удивился Коротков.

— О, еще как! Ненависть слепа, как, впрочем, и любовь. Вообще все сильные эмоции слепы и глухи. Тут можно внушить все что угодно. Все дело в том, к какому типу принадлежит человек. Есть люди, которые склонны причину всего искать в себе. Таким я не помощник, им нужен хороший, квалифицированный психоаналитик. Но таких меньшинство. Большинство же людей, особенно женщины, склонны причины своих несчастий и вообще всех неудач искать не в себе, а в других. В происках врагов, например. В злом умысле. Им бессмысленно объяснять, что нужно в первую очередь заглянуть внутрь себя. Но эти люди нуждаются в помощи, и я им помогаю. Они хотят верить, что источник бед находится как бы снаружи и приносит им несчастья, хотя их вины тут никакой нет. И как бы я ни старался, они свою вину все равно не признают. Им надо винить кого-то, и я путем несложных манипуляций заставляю их поверить, что этот кто-то уже наказан. У него все плохо, и с каждым днем все хуже и хуже, поэтому можно перестать его ненавидеть. И клиент успокаивается. Ненависть уходит, а порой даже уступает место сочувствию. Случается, что между клиентом и объектом ворожбы даже дружба завязывается.

Да, этому тридцатилетнему бугаю определенно нечего бояться милиции. Он не делает абсолютно ничего противозаконного. А то, что деньги берет с клиентов, так с этим пусть налоговая полиция разбирается. Не исключено, что у него и тут все в порядке.

— Павел Васильевич, среди ваших клиентов была Любовь Сергиенко?

— Вы мне фамилии не называйте, я их не спрашиваю, и потому не знаю. Какая у нее была беда?

— Подруга у нее любовника увела, пока сама Люба была за границей, деньги зарабатывала.

— А, да, была, была. Славная такая девушка, светловолосая, возле верхней губы родинка, да?

— Да, это она. Вы пытались ей помочь?

— Разумеется, она же пришла за помощью.

— Расскажите, как все это происходило...

* * *

...Глаза у хорошенькой светловолосой девушки были опухшими и покрасневшими. Павел сразу понял, что в последние дни она часто и подолгу плакала.

— Заходи, милая, — сказал он, распахивая перед ней дверь и начиная свой обычный спектакль, — неси ко мне свою беду, неси, не бойся.

Беда у девушки по имени Люба была самой обычной и самой распространенной: любимый бросил. По частоте встречаемости эта беда стояла на первом месте, на втором — пьющие мужья, на третьем — проблемные дети. Единственное, что отличало Любу от подавляющего большинства клиенток Павла, это отсутствие стремления вернуть себе неверного возлюбленного.

— Я скажу тебе, как приворожить его, как заставить снова посмотреть в твою сторону, — начал было Павел.

Но Люба прервала его.

— Не надо. Я не хочу, чтобы он возвращался. Он мне больше не нужен.

— Тогда зачем ты пришла? Чего хочешь, милая?

— Я хочу, чтобы она умерла.

Она сказала это тихо и сквозь зубы, уставившись глазами в пол. Павел поежился. Конечно, такие слова он слышал не впервые, и обычно ему удавалось направить отрицательные эмоции клиента в несколько иное русло, в результате чего человек уже не желал смерти своему ближнему, а ограничивался пожеланиями болезней, потом соглашался всего лишь на семейные и служебные неурядицы, а уж заставить его поверить в то, что такие неурядицы случаются, было делом вполне возможным. Но с этой девушкой, он это сразу понял, все будет непросто. Судя по всему — и по тихому голосу, и по вялой мимике, и по заторможенным движениям — она долго обдумывала свое отношение к сопернице и желает ей смерти не под влиянием мимолетных эмоций. Может быть, она даже боролась с собой, пытаясь взять себя в руки и простить ее.

— Зачем тебе ее смерть? Разве в твоей жизни что-то изменится, когда ее не станет? Ты сама сказала, что любовника возвращать не хочешь.

— Не хочу. Но и она не должна жить. Я слишком много

из-за нее вытерпела. Унижения, голод, нищету. Теперь еще вот это... Пусть она умрет.

Павел понял, что случай сложный, но зато есть реальная возможность вытянуть из девушки много денег. Надо только заморочить ей голову тем, что нужный ей результат достигается постепенно, ежедневными магическими сеансами на протяжении длительного времени. Чем дольше процесс, тем больше шансов, что Люба все-таки одумается и согласится на более мягкие меры наказания разлучницы. А каждый сеанс — это деньги. И еще один прием, которому научил Павла когда-то знакомый дерматовенеролог. Надо постоянно твердить пациенту, что результат будет достигнут только при неукоснительном проведении лечебных процедур строго по графику, по дням, часам и минутам. В противном случае успех не гарантируется. Ну где вы найдете человека, который в состоянии на протяжении шести-восьми месяцев принимать лекарство или мазать больное место мазью каждый день и строго по часам? Нет такого человека. Обязательно будет пропускать, то ли забудет, то ли поедет куда-нибудь, где нет возможности провести процедуру вовремя, то ли еще что. А потому никаких претензий врачу, если результата лечения нет. Павел взял прием на вооружение и постоянно внушал своим клиенткам, что результат будет только в том случае, если производить магические манипуляции в течение, к примеру, семи суток каждые пятьдесят четыре минуты. Понятное дело, что выполнить условие могли только сумасшедшие фанатички, а такие попадались не так уж часто.

Любе он тоже сказал, что знает, как заставить разлучницу умереть, но дело это долгое и требует терпения и кропотливости. Люба была на все согласна и обещала все указания выполнять в точности. Павел придумал для нее длинную и сложную процедуру, которую надо было производить непременно поздно вечером и непременно на кладбище, на могиле кого-то из умерших родственников разлучницы.

Говорил он, сливая жидкости из разных склянок в одну и записывая на листочке весь ход им же самим изобретенной процедуры.

— В первый день возьмешь семь капель состава, смочишь в них сосновую ветку и подожжешь. Пока она будет гореть, произнесешь заклинание, вот текст. Только его нельзя чи-

тать по бумажке, его надо выучить наизусть и говорить страстно и от всего сердца, иначе ничего не выйдет, покойник тебя не услышит. В первый день надо проделать это два раза, один раз — пока еще светло, второй раз — ближе к полуночи, когда стемнеет, но смотри, чтобы полночь не пробила. После того как пробьет двенадцать, будет считаться уже следующий день, и тогда ворожба не поможет. Запомнила?

— Запомнила, — послушно кивнула Люба, которая слушала Павла внимательно и напряженно.

— На второй день пойдешь к могиле ровно без двадцати двенадцать дня и возьмешь три капли состава. Потом вернешься без двадцати двенадцать ночи и возьмешь шесть капель. Ветки на второй день должны быть от липы...

Он придумывал все новые и новые детали, стараясь сделать магические манипуляции заведомо невыполнимыми. Предупредил, что такая процедура рассчитана только на первые пять дней, а потом Любе снова придется прийти, и он скажет ей, что и как надо делать в следующие пять дней. За новую плату, разумеется. Наконец девушка ушла, оставив в шкатулке у входа пять бумажек по сто тысяч рублей. А спустя три дня она снова пришла и протянула Павлу пять бумажек, на этот раз не по сто тысяч рублей, а по сто долларов.

— Что это? — не понял он. — Ты же мне в тот раз заплатила.

— В тот раз я платила за совет. А сегодня — за результат.

Павел похолодел. Он всегда верил только в самовнушение, но никогда даже мысли не допускал о том, что его ворожба и заговоры могут сделать что-то реальное.

— Ты перестала ненавидеть? — осторожно спросил он. — Твоя душа успокоилась и очистилась от зла? Я рад за тебя, милая. Убери деньги, ты уже достаточно заплатила мне в прошлый раз. Твое счастье и спокойствие — лучшая награда для меня.

— Мне больше некого ненавидеть, — ровным, лишенным интонаций голосом сказала Люба. — Она умерла. Умерла на помойке, как пес, возвращающийся к своей блевотине, как вымытая свинья, которая снова лезет в грязь. Ваши советы помогли, ее бабка позвала ее к себе.

Она исчезла прежде, чем Павел сумел справиться с изум-

лением. Когда он пришел в себя, пять бумажек по сто долларов валялись у него под ногами, а Любы не было. Только внизу, в подъезде, хлопнула дверь...

Глава 9

После визита к Павлу Левакову установить местонахождение Любы Сергиенко во время убийства Людмилы Широковой уже не представляло никакой сложности. Конечно, это требовало терпения и времени, но интеллектуального труда не составляло. Павел припомнил, что на этот день ей было предписано посетить кладбище дважды. Перед вторым посещением, которое должно было состояться незадолго до полуночи, Любе следовало не меньше трех часов ходить по лесу или по парку, где нет машин и вообще мало продуктов технического прогресса, и читать молитвы, чтобы очиститься. Потом нужно было найти место и не меньше шестидесяти минут просидеть неподвижно, не шевелясь и не произнося ни слова, обратив свой взор внутрь себя и стараясь через это прикоснуться к космическим глубинам. Только этим можно будет добиться того, что покойные родственники разлучницы услышат Любину просьбу. С теми, кто предварительно не очистился, они и разговаривать не станут. Очистившись, Люба должна была идти на кладбище, но обязательно пешком. Вообще Павел предупреждал ее, что ворожба несовместима с техническим прогрессом, поэтому если хочешь достичь каких-либо результатов при помощи магии, нужно избегать всего, что связано со сложной техникой. Не пользоваться лифтами, не ездить на городском транспорте, не включать электробытовые приборы.

Кладбище, где была похоронена бабушка Людмилы Широковой, находилось в полутора часах ходьбы от улицы Шверника, где жила Люба Сергиенко. Итого, если Павел Леваков не лгал и если Люба в точности выполняла его указания, ей на проведение магического мероприятия нужно было не меньше семи часов. Три часа ходить и читать молитвы, еще час сидеть и погружаться в себя, потом полтора часа идти до кладбища и столько же обратно — еще три часа. И сколько-то времени провести на самом кладбище. При этом подойти к могиле и «вступить в контакт» с бабушкой

Широковой Люба должна была до наступления полуночи. Выходило, что уйти из дома она должна была в тот день не позже шести часов вечера. До девяти гулять, бормоча молитвы, с девяти до десяти — сидеть неподвижно на какой-нибудь тихой укромной лавочке, а с десяти до половины двенадцатого идти пешком на кладбище. Вот так примерно. Теперь нужно было найти свидетелей, которые подтвердили бы этот длинный маршрут, и можно было с чистой совестью снимать с наложившей на себя руки Любы Сергиенко обвинения в убийстве.

Подняли протокол допроса Любы, в котором зафиксированы ее ответы по поводу местонахождения в предполагаемый период убийства Широковой. Может быть, в ее ответах не все является ложью. Ведь говорила же она, что гуляла, и даже конкретные места и улицы указывала. Правда, она утверждала, что ушла из дома около восьми вечера и вернулась около полуночи, тогда как по всему выходило, что уйти она должна была около шести и вернуться около часа ночи. Но это уже не столь важно. Конечно, Люба вынуждена была солгать, потому что даже четырехчасовая прогулка вызвала у следователя недоверие и кучу вопросов, а уж если бы она стала рассказывать, что гуляла по улицам целых семь часов, не имея определенной цели и ни с кем при этом не встречаясь, мало кто поверил бы ей. И у нее не осталось бы иного выхода, кроме как признаться в походах на кладбище с целью наворожить Людмиле скорую и мучительную смерть. Будь Людмила жива, в таком признании не было бы ничего особенного, ну, может быть, стыд был бы и неловкость, но в целом никакого криминала. Но ведь она умерла. И не просто умерла — убита. И признаться в том, что желала ей смерти, все равно что признаться в этом убийстве. Понятно, что свои походы в церковь, к богоугодному колдуну Павлу и на кладбище Любе Сергиенко приходилось скрывать.

— А если все это только камуфляж? — устало спросила Настя.

Два дня было потрачено на то, чтобы попытаться найти людей, которые видели Любу Сергиенко во время этого длинного семичасового похода. Спустя два дня выяснилось, что найти очевидцев, которые могли бы подтвердить алиби Любы в полном объеме, никак не удается. Любопытствующая старушка припомнила, что Люба действительно ушла из

дома где-то минут через пятнадцать после окончания очередной серии «Милого врага», который идет по Московскому телеканалу, начинается без десяти пять вечера и длится примерно сорок пять минут. Старушка серию посмотрела, вскипятила чайник и уселась с чашкой чаю у окошка на втором этаже. Бдила, стало быть. И нашлись пацаны лет по семнадцать, которые развлекались ночными посиделками на кладбище в обществе бутылки дешевого вина, сами себя на храбрость проверяли. Они тоже видели молодую женщину, которая что-то жгла возле одной из могил на шестьдесят четвертом участке, то есть как раз там, где похоронена бабушка Людмилы Широковой. Оперативник Миша Доценко провел вечер в зелёном массиве между Загородным шоссе и Серпуховским валом, где, по словам Любы, она гуляла в тот вечер, и опросил всех собачников, которые там появились. Двое из них вспомнили странную девушку, которая сидела на скамейке абсолютно неподвижно, как каменное изваяние, ни разу не шелохнувшись за все время, что они выгуливали своих питомцев. И было это действительно в промежутке между девятью и десятью вечера. Один из них, владелец симпатичного бородатого миттельшнауцера, даже заявил, что обратил внимание на девушку, потому что и днем раньше, то есть в воскресенье, она точно так же неподвижно сидела на той же самой скамейке, и выражение лица у нее было какое-то... Одним словом, будто не в себе она. Словно всех близких разом похоронила.

Таким образом, три точки длинного маршрута были более или менее подтверждены, но все равно оставались сомнения относительно того, где была Сергиенко с шести до девяти вечера и в промежутке между лавочкой в зеленом массиве и кладбищем. При умелой организации в первом или во втором интервале вполне можно было совершить убийство. Так, во всяком случае, считала Настя Каменская.

— Если это действительно она убила Людмилу, а в церковь и к Левакову ходила, чтобы отвести от себя подозрения? — говорила она Короткову. — Да, желала смерти бывшей подруге, но ведь дело-то понятное, ревность, злость, отчаяние... Чего не натворишь с больной головы. Вы же не думаете, граждане милиционеры, что это я Милу своей ворожбой кладбищенской извела.

— Да, граждане милиционеры действительно так не дума-

ют, — уныло подтвердил Коротков. — Чего делать-то будем, Ася? Совсем мы в этом деле увязли, и никакого просвета. Тебе чутье что-нибудь подсказывает?

— Молчит, как воды в рот набрало, — призналась она. — Но история с письмами мне тоже покоя не дает. Что-то в ней нечисто, Юра. С одной стороны, совершенно непонятно, откуда взялось письмо Дербышева и почему он отрицает, что писал его. С другой стороны, мне непонятно, зачем Стрельников его хранил. И его, и два других письма.

— А что эксперты? Ты им звонила сегодня?

— Я их боюсь, — Настя зябко поежилась. — Они на меня уже кричат. Я и так два последних дня им по десять раз звонила.

— Ой-ой-ой, кто бы говорил, — насмешливо протянул Коротков. — Кого ты испугаешься, тот дня не проживет. Предлагаю бартер. Ты наливаешь мне чашку живительного черного напитка под названием «кофе», а я за это позвоню в лабораторию и приму удар на себя.

— Годится.

Настя включила кипятильник и достала из тумбочки две чашки.

— Юр, ты не думай, мне кофе не жалко, я тебя нежно люблю и готова по пять раз в день поить, но мне все-таки интересно.

— Что тебе интересно?

— Почему ты всегда что-нибудь стреляешь или клянчишь? То кофе, то сигареты, то сахар. Тебе что, чужой кусок слаще? Я же прекрасно знаю, что ты не жадина и не жлоб, ты последнюю рубашку с себя снимешь и отдашь, если кому-то из нас понадобится. И потом, ты денег никогда не просишь. Сам даешь в долг сколько угодно, но никогда не одалживаешь для себя. Значит, дело точно не в любви к халяве. Так в чем же?

Коротков задумчиво усмехнулся, запустив пятерню в густые давно не стриженные волосы.

— А черт его знает, Аська. Я и сам порой удивляюсь. Ведь у меня в столе точно такая же банка кофе сейчас стоит, вчера как раз купил, и чайник есть электрический, и сахар, и чашки. Но у тебя вкуснее, что ли... Нет, не так. Я вот сейчас прикинул и понял, что если бы мне пришлось самому себе кофе сделать у тебя в кабинете, я бы тоже не стал. Наверное, для

меня важно не то, что чужое, а то, что из чужих рук дают. Вроде как ухаживают за мной, понимаешь?

— Понимаю. Откуда это у тебя? Неужели дома так скверно?

— Угу. Ты бы видела, с каким лицом Лялька мне еду дает — удавиться можно. Словно тягостную обязанность выполняет. Надоел я ей хуже горькой редьки, я же понимаю. Но деваться некуда. Выгнать меня — у нее совести не хватает, квартира-то наша общая, кооперативная еще, другого жилья у меня нет. А разменивать ее невозможно, она такая маленькая, что кроме двух комнат в коммуналке из нее ничего не выменяешь. Я-то готов в коммуналку переезжать, ради Бога, пожалуйста, а ей что делать? Теща еще долго пролежит в своем параличе, ей отдельная комната нужна, а в одной комнатухе Лялька с ней и с сынишкой с ума сойдет. Я уж и так стараюсь поменьше дома бывать, чтобы не отсвечивать, в одной комнате теща, в другой — жена с сыном, и вроде ничего. А когда я заявляюсь, становится по-настоящему тесно. Не протиснуться. Так и живем в атмосфере всеобщей ненависти. Лялька мне всю плешь проела, чтобы я бросил ментовку и шел юристом на фирму или в охрану куда-нибудь. Надеется, что я стану бешеные бабки заколачивать и смогу купить квартиру, тогда она наконец сможет выгнать меня к чертовой матери.

— Уйди сам, — предложила Настя, — зачем же ты ее мучаешь.

— Куда уйти? — с тоской спросил Коротков. — Ты знаешь, сколько стоит квартиру снимать? Самое маленькое — двести долларов в месяц. А жить на что, если вся моя зарплата со всеми надбавками и процентами за выслугу лет — триста долларов. И вообще...

— Что — вообще?

— Не могу я сам уйти. Пацан маленький еще, да и теща больная. Получается, что я как крыса с корабля бегу. Ну как я Ляльку одну оставлю с ребенком и парализованной тещей? Если она сама так решит — тогда другое дело. А я не могу.

— Все с тобой ясно, Юрасик. Любви тебе не хватает и заботы. Ладно, ты притащи мне бакалейные запасы из своего кабинета, я буду тебя поить и кормить, если для тебя так принципиально важно, чтобы тебе подавали на блюдечке и при этом нежно улыбались. А Люся что себе думает? Вашему

роману уже четыре года, если я не обсчиталась. Пора и о будущем подумать.

— Она ничего не думает, она двух сыновей растит, мужа обихаживает. Докторскую диссертацию собралась писать. Ей не к спеху. Она все равно от мужа не уйдет, пока сыновья не вырастут. Да и жить тоже непонятно где... Правильно Булгаков сказал, мы — ничего ребята, только квартирный вопрос нас испортил. Ладно, что мы все о грустном? Давай-ка наливай живительный коричневый напиток, и поговорим лучше о Стрельникове.

— А что о нем говорить, пока экспертиза не готова? Между прочим, ты мне что обещал?

— Позвонить.

— Вот и звони.

Юра потянулся к телефону, но оказалось, что в лаборатории никто не отвечает. Он набрал номер еще раз, но с тем же результатом.

— Куда они все подевались? — с недоумением проворчал он, вешая трубку.

Настя глянула на часы и фыркнула.

— Десятый час, счастье мое ненаглядное! Все приличные эксперты давно поужинали и сидят перед телевизором. Я знаю, ты специально завел со мной душещипательный разговор, чтобы я отвлеклась и забыла про твое обещание. Ты сам экспертов боишься не меньше меня. Все, допивай кофе и пошли по домам.

* * *

Утром выяснилось, что заключение экспертов готово, но было оно таким, что ясности в деле отнюдь не прибавилось. Письмо, адресованное Людмиле Широковой и подписанное именем «Виктор Дербышев», было исполнено не тем человеком, чей почерк представлен на образцах номер один и два. Другими словами, писал это письмо не Дербышев. Однако это был ответ лишь на первый вопрос, поставленный следователем перед экспертами. Ответ же на второй вопрос заводил следствие в тупик: на письме обнаружены отпечатки пальцев Дербышева. Причем отпечатки совсем свежие. Дело в том, что Виктор где-то в середине августа сильно порезал средний палец на правой руке. Порезал бритвой, поэтому

шрам был тонким, но длинным и очень заметным. И отпечаток пальца с этим самым шрамом красовался на письме, которого он не писал. Точно такой же отпечаток и точно такой же шрам, как на сравнительных образцах, взятых у Дербышева на Петровке.

Константин Михайлович Ольшанский велел немедленно доставить Дербышева в прокуратуру. Виктора выдернули прямо с каких-то переговоров, вызвав тем самым бурю возмущения не только с его стороны, но и со стороны руководства фирмы.

— Виктор Александрович, время интеллигентного и мягкого разговора прошло, — начал Ольшанский сухо, уткнувшись глазами в бумаги и не поднимая головы. — Давайте раз и навсегда проясним ситуацию с вашей перепиской. Я хочу сразу предупредить вас: пока мы не расставим все точки над i, я вас не отпущу. Вы можете возмущаться, кричать и топать ногами, но чтобы вам зря энергию не расходовать, скажу заранее: у меня очень большой стаж следственной работы, в моем кабинете так часто и так громко кричали, топали ногами и били кулаком по столу, а также высказывали различные угрозы, что у меня выработался стойкий иммунитет. Я на все это не реагирую. Это будет непроизводительной тратой сил и времени с вашей стороны.

Дербышев молчал, набычившись и всем своим видом демонстрируя негодование.

— Что ж, я надеюсь, вы поняли меня правильно. Приступим, Виктор Александрович. Вот заключение экспертов, ознакомьтесь, пожалуйста. В нем сказано, что на письме, отправленном на номер абонентского ящика Людмилы Широковой, обнаружены отпечатки ваших пальцев. При этом сам текст письма выполнен совершенно точно не вами. Вы можете как-нибудь это объяснить?

— Нет, не могу, — бросил Дербышев сквозь зубы. — И не пытайтесь переложить на меня вашу работу. Я не обязан оправдываться, это вы должны доказать, что я виновен.

— Вы правы, вы не обязаны доказывать, что невиновны. Но вы имеете право получить возможность оправдаться. Вот эту возможность я вам и даю. Так что, Виктор Александрович, будут у вас хоть какие-то объяснения этому более чем странному факту?

— Нет.

— Ну что ж, тогда мне придется рассуждать вслух. Итак, объяснение первое: вы получили письмо с фотографией от красивой блондинки, решили ей ответить, но по каким-то причинам попросили написать текст письма кого-то третьего. Причем написать так, чтобы почерк был максимально похож на ваш собственный. Таким образом, мы имеем письмо, написанное не вами, но с отпечатками ваших пальцев. Годится?

— Глупость какая-то! — презрительно фыркнул Дербышев. — Зачем мне просить кого-то писать письмо вместо меня, да еще и моим почерком?

— Действительно, глупость, — спокойно согласился Ольшанский. — Попробуем другой вариант. Кто-то хотел встретиться с Широковой, выдав себя за вас.

— Тоже чушь, — отмахнулся Дербышев. — Если этот человек хотел выдать себя за меня, он послал бы ей свою фотографию, а не мою.

— И снова вы правы. Теперь давайте подумаем вместе, откуда мог появиться листок с вашими отпечаткам пальцев?

— Да откуда угодно! — вспылил Дербышев. — Любой мог взять на моем столе чистый лист бумаги, к которому я уже прикасался.

— А что, бумага, на которой написано письмо, точно такая же, как та, которой вы пользуетесь в офисе? — невинно осведомился следователь.

Дербышев умолк и задумался. На этот раз на его лице уже не было злости и раздражения, и Ольшанский понял, что Виктор включился в работу. Виновен он или нет, но он теперь будет думать и рассуждать, приводить аргументы и возражения, а это всегда хорошо как для установления невиновности, так и для подлавливания виновного.

— Я, честно признаться, не обратил внимания, — наконец произнес Дербышев. — Можно взглянуть на письмо?

— Пожалуйста. — Следователь протянул ему оригинал письма, найденного на даче у Томчаков.

Виктор повертел его в руках, потом открыл портфель и достал оттуда папку с бумагами.

— Вот, — сказал он, листая вложенные в папку документы, — получается, что в нашем офисе такая бумага есть. Смотрите, вот документ, а вот еще один — они выполнены на точно такой же бумаге.

— А другие документы? Они на другой бумаге?

— Да. Она тоже белая, того же формата, но более плотная.

— А какую бумагу вы обычно используете?

— Ну, вообще-то какую дадут, такую и используем. — Дербышев впервые за время беседы слегка улыбнулся.

— Меня такой ответ не устраивает, — холодно произнес Ольшанский, сделав вид, что не заметил перемену в настроении допрашиваемого.

— Видите ли, для ксерокса и для лазерного принтера нужна хорошая белая бумага, а для обычного принтера годится любая. Поэтому фирма закупает и дорогую бумагу, и подешевле. Можно, конечно, покупать только дорогую, но раз матричные принтеры печатают и на дешевой, то лучше сэкономить. Бумага, на которой написано письмо, годится только для матричного принтера, она тонкая и сероватая, видите? Это дешевый сорт. И точно на такой же напечатаны вот эти два документа. Посмотрите, по шрифту видно, что они печатались на матричном принтере.

— Какой принтер стоит на вашем рабочем столе?

— У меня их два, матричный и лазерный.

— А зачем вам два? — удивился Ольшанский.

— Да все в целях той же экономии. Окончательный вариант документа делается на лазерном принтере, на хорошей бумаге, красивыми шрифтами. Но пока окончательный вариант подготовишь, приходится столько раз все согласовывать, пересогласовывать, переделывать, менять! Все эти предварительные варианты я печатаю на обычном принтере и на дешевой бумаге. Да и не только я, все сотрудники фирмы так работают.

— И что, у каждого на столе по два принтера стоит? — не скрыл сомнений Ольшанский.

— Что вы, это дорогое удовольствие. У нас на всю контору только три лазерных принтера: один у секретаря и еще два — у тех сотрудников, которые умеют его правильно использовать.

— А вы, стало быть, умеете?

— Стало быть, да, — сдержанно подтвердил Дербышев. — Я не улавливаю, при чем тут ваша ирония.

— При бумаге, — пожал плечами Ольшанский. — Я хочу понять, кто из ваших сотрудников пользуется бумагой только одного сорта, а кому дают оба, и дорогой, и дешевый. Я так

понимаю, что бумагу обоих сортов получают только те, у кого стоят по два принтера. Верно?

— Не знаю, я как-то внимания не обращал... Но мне действительно дают и ту, и другую. И потом, Константин Михайлович, не надо сводить все к формальностям. Сотрудники фирмы — люди не бедные, и если кому-то из нас нужна бумага, мы идем и покупаем ее. Разумеется, сначала мы звоним секретарю и говорим, что у нас бумага кончилась. В пяти случаях из десяти она через полчаса приносит новую пачку. А в остальных пяти случаях мы слышим в ответ, что склад закрыт, что бумагу еще не купили или еще что-нибудь в этом же роде. Тогда мы просто даем секретарю деньги и посылаем в ближайший магазин за бумагой. Вот и все. Так что у кого какая бумага на столе — это долго разбираться.

— Хорошо, мне придется изъять у вас документы, выполненные на дешевой бумаге.

— Для чего?

— Я отправлю их на экспертизу. Хочу узнать, написано ли письмо на такой же бумаге.

— Но содержание этих документов является коммерческой тайной...

— Мне очень жаль, Виктор Александрович. Документы мне придется у вас изъять. Если вы не хотите, чтобы у вас были неприятности по коммерческой линии, возьмите ручку и зачеркните все, что не предназначено для посторонних глаз. Можете взять пузырек с чернилами и залить весь текст. Меня интересует только качество бумаги.

— И чего вы добьетесь своей экспертизой? — Дербышев снова начал нервничать. Вероятно, его способности отвлечься от эмоций и сосредоточиться на деле хватало ненадолго. — Зачем огород городить?

— Виктор Александрович, возьмите себя в руки и посмотрите правде в глаза. Ситуация, в которую вы попали, является более чем неприятной. И меня удивляет ваше упорное нежелание хоть как-то ее прояснить. Объяснить вашу позицию можно только одним способом.

— Каким же?

— Признать, что вы виновны. Уж не знаю в чем, в убийстве ли Людмилы Широковой или в чем другом, но виновны. Вы прекрасно знаете, как появилось на свет это странное

письмо, но пытаетесь скрыть от меня правду. Устраивает вас такое объяснение?

— Но послушайте, я вам сто раз говорил, что никакого письма никакой Широковой я не писал и не мог писать, потому что знать ее не знаю и никаких писем от нее не получал! Что вы мне голову морочите бумагой какой-то, принтерами, экспертизами! Я сто раз говорил...

— А я сто раз слышал, — вполне миролюбиво откликнулся Ольшанский. — И столько же раз удивлялся вашей слепоте. Вы же сами прекрасно видите, что я не лгу, не обманываю вас, не запугиваю. Вот письмо. Посмотрите на него. Оно существует, его можно потрогать, прочесть. Это не плод моего воспаленного воображения. Поймите же, Виктор Александрович, оно существует, и сколько бы вы ни кричали о том, что вы его не писали, оно не исчезнет, не перестанет существовать. Оно есть. Потому что кто-то его изготовил. Кто-то написал его. И даже вложил в него вашу фотографию. У вас есть такая фотография?

— Нет.

— Ну вот видите. Значит, этот человек не только позаботился о том, чтобы на бумаге были отпечатки ваших пальцев и чтобы почерк был как две капли воды похож на ваш, он еще и не поленился, выследил вас и сфотографировал. Это очень неглупый и очень предусмотрительный человек. И он ходит где-то рядом с вами. Ведь если он смог взять с вашего стола бумагу, к которой вы прикасались, то он подходил к вам очень близко. Вплотную подходил. Дышал вам в затылок. Неужели вам не страшно, Виктор Александрович? У меня ведь только два выхода: либо считать вас преступником, либо признать, что вам угрожает опасность. Вы какой вариант предпочитаете?

— Но я не понимаю... — пробормотал Дербышев. — Чушь какая-то. Кому понадобилось это делать? Нет, я не понимаю.

— А что, у вас врагов нет? — вздернул брови Ольшанский. — Так-таки ни одного врага? Простите, не верю. У человека, который занимается торговлей недвижимостью, обязательно есть враги. Или по крайней мере недоброжелатели. Это законы экономики.

— Все равно я не понимаю... Да, конечно, найдутся люди, у которых из-за моего вмешательства сорвались выгодные сделки, но это случается сплошь и рядом. Чтобы из-за этого

заварить такую кашу... Нет, в голове не укладывается. По-моему, вы передергиваете, Константин Михайлович.

— Возможно, возможно. — Следователь пожевал губами, потом вынул из стола чистый бланк и начал его заполнять. — Я выношу постановление о вашем задержании. Результаты экспертизы, с которыми я вас ознакомил, дают основания подозревать вас в причастности к убийству Людмилы Широковой. Вас задерживают пока на трое суток, а там видно будет.

— Вы что...

От неожиданности у Дербышева пропал голос, и ему пришлось откашляться, прежде чем продолжать.

— Вы с ума сошли? Как это вы меня задерживаете? С какой стати?

— Виктор Александрович, я вам только что объяснял все подробно и на хорошем русском языке. Если вы не понимаете, то вам придется подумать об этом самостоятельно. Времени у вас будет достаточно. Да, и еще одно. Фирма у вас, как вы сами сказали, не бедная, поэтому если через трое суток я приму решение взять вас под стражу и прокурор с этим решением согласится, ваша фирма может походатайствовать перед судом об освобождении вас под залог. Залог будет большим, но риэлтеры, я думаю, потянут.

— Вы ответите за это беззаконие.

— Естественно, — кивнул Ольшанский, не отрываясь от бланка. — У вас плохая память, Виктор Александрович. Я же предупреждал вас, что у меня стойкий иммунитет на всякого рода угрозы, я их слишком много выслушал за свою жизнь. И необоснованных задержаний в моей практике было достаточно, мы же тоже люди и имеем право на ошибку. Смею вас уверить, такие ошибки случаются часто, и никого за это не увольняют и даже выговор не объявляют. Так что если ваше задержание в конце концов окажется ошибкой, мне за это ничего не будет. Ровным счетом ничего. На то оно и задержание, чтобы в течение трех суток проверить подозрения, которые вполне могут оказаться и необоснованными.

Ольшанский снял телефонную трубку и вызвал конвой, который должен был препроводить задержанного из здания Московской городской прокуратуры на Петровку.

* * *

— Костя пошел вразнос, — сообщил Юра Коротков, заглядывая в Настин кабинет. — Он задержал Дербышева.

— Да ты что?

Настя от изумления даже карандаш выронила.

— Век воли не видать, — побожился Коротков. — Его только что доставили.

— С ума сойти! На Костю как-то не похоже. Ты же знаешь, он не любитель резких телодвижений. И с арестом никогда не торопится.

— Ну, видно, этот Дербышев чем-то его достал, — сделал вывод Юра. — Скажу тебе больше, он, похоже, и на Стрельникова зуб точит. После обнаружения писем на даче Томчака Костя допрашивает Стрельникова каждый день, а тот ему упорно твердит, что в глаза этих писем не видел и на даче у друга не прятал.

— Да кто ж ему позволит Стрельникова задерживать! Правая рука председателя Госкомвуза, его в обиду не дадут. И вообще, за что?

— Костя найдет, за что, было бы желание. Но я так думаю, что это из-за писем. Мотив-то для убийства вполне подходящий. И не исключено, что Стрельников вступил в сговор со своей бывшей любовницей Сергиенко. Мотив есть у обоих, а в такой ситуации прошлыми конфликтами можно пренебречь.

— Да ладно тебе, — Настя недоверчиво глянула на Короткова. — Ты сам-то веришь в то, что несешь?

— Не-а, не верю. Так, воздух сотрясаю. Все, Ася, я помчался, а ты позвони Ольшанскому, вдруг он чего интересного расскажет.

Но Ольшанский позвонил сам, едва за Коротковым закрылась дверь. Голос его был недовольным и усталым.

— Эксперты не обнаружили на письмах ни одного отпечатка Стрельникова, — сообщил он.

— А пальцы Широковой?

— Полно. Что скажешь?

— Ничего, сами все знаете. Прятать письма на даче у друга можно и в перчатках. Но в первый раз найти их в сумке любовницы или в тумбочке и прикоснуться к ним можно только голыми руками. Вы видели когда-нибудь человека,

который любую незнакомую вещь берет, предварительно надев перчатки?

— Не видел.

— И я не видела. Пальцы Стрельникова должны быть обязательно. Или следы затираний. Есть следы?

— Нет. Все отпечатки, которые обнаружены на письмах, конвертах и внешнем пакете, четкие. Смазанности, конечно, есть, но это нормально, без них вообще не бывает. Когда их нет, это даже подозрительно.

— Ну вот, значит, Стрельников этих писем не брал в руки.

— Интересно ты рассуждаешь! А кто же их спрятал на даче у Томчаков?

— А черт его знает. Может быть, тот, кто написал Широковой письмо от имени Дербышева?

— Ты сама-то понимаешь, что говоришь? — фыркнул Ольшанский, и по его голосу Настя поняла, что следователь даже слегка развеселился. — Предположим, человек, написавший письмо от имени Дербышева, хотел убить Широкову и подставить Дербышева. Я это допускаю. Человек, который нашел переписку Широковой и спрятал ее на даче Томчаков, явно хотел подставить Стрельникова. Я готов поверить в этот бред, если ты мне объяснишь, как этот тип может хотеть подставить их обоих. Что между ними общего? Они даже не знакомы. Они никогда друг о друге не слышали и никогда не встречались. У них нет и не может быть общих интересов и точек соприкосновения. Иными словами, у них нет и не может быть общего врага.

— Вы уверены?

— Да ни в чем я не уверен! Все, Анастасия, считай, что это тебе мое задание. Найди мне этого общего врага. А Короткову скажи, пусть побеседует с Дербышевым и выяснит, где и когда его сфотографировали. Попробуем хоть фотографа этого найти.

* * *

Ларисой Томчак овладел охотничий азарт. Она даже не подозревала, занявшись поисками Надежды Цукановой, что увлечется до такой степени. Внутренний голос говорил ей, что надо остановиться, что она затеяла глупое и никому не нуж-

ное дело, которое не принесет в итоге ничего, кроме боли, грязи и разочарования. Но остановиться она уже не могла.

Идея, связанная с поисками хорошо информированной соседки, показалась Ларисе с первого взгляда правильной и легко осуществимой, но на деле оказалось, что все совсем не так. Чтобы найти такую соседку, надо ходить по квартирам, а кто в наше неспокойное и наполненное взаимными подозрениями время захочет обсуждать чужую беду с незнакомым человеком? Не стоять же целыми днями на лестнице возле квартиры Цукановой в ожидании подходящего знакомства. Так что с этой привлекательной идеей Ларисе пришлось распроститься.

Поразмышляв некоторое время, она решила прибегнуть к помощи милиции. В самом деле, если Надежда Цуканова покончила с собой, то милиция должна была хотя бы на первом этапе с этим разбираться. И Лариса отправилась в ближайшее к дому Цукановой отделение милиции.

Участкового инспектора она прождала несколько часов, ей сказали, что старший лейтенант Барулин «ушел на территорию», а прием населения он осуществляет с пяти до семи. К пяти часам возле комнаты, где должен был появиться участковый, стали собираться посетители, в основном пожилые люди, а также женщины с опухшими несчастными лицами. Лариса хорошо знала эти лица, к ней, врачу-психиатру, на прием тоже приходили такие вот женщины, у одних были пьющие мужья, у других — неуправляемые дети. Она мысленно порадовалась тому, что никуда не ушла в ожидании начала приема, сидела здесь давно и потому оказалась в этой тоскливой очереди первой.

Участковый Барулин пришел около половины шестого. Это был совсем молоденький милиционер, невысокий, худенький, с каким-то очень детским выражением лица.

— Кто первый? — бросил он на ходу. — Проходите. Кузьмичева, я вам сколько раз говорил, чтобы вы ко мне не ходили! Ваш сын под следствием, я вам ничем помочь уже не могу.

Лариса торопливо поднялась и зашла следом за ним в тесную неуютную комнатенку с давно не мытыми окнами и отваливающейся штукатуркой на стенах. Барулин на ходу расстегнул китель и уселся за стол.

— Слушаю вас внимательно, — сказал он, не глядя на Ларису.

— Я... — Она растерялась, так как не заготовила первую фразу. — Я по поводу Цукановой Надежды Романовны. Она умерла в прошлом году, отравилась.

— Да, помню, — кивнул участковый. — И что вы хотите?

— Вы простите, что я отнимаю у вас время, — заторопилась Лариса, — но я только вчера узнала о ее смерти. Мы были подругами, когда учились в институте, потом много лет не виделись, не общались... И вот... Вы не можете мне сказать, что произошло? Я разговаривала с ее сыном, с Виктором, но мне неловко было расспрашивать, это для него такая травма. Я знаю, что отец Виктора оставил их и никак не помогает. Я хотела бы найти его и поговорить. Это же ненормально, что дети остались одни, без поддержки взрослых.

— Ну, не надо преувеличивать, дети уже достаточно большие. Старшая дочь работает, сын учится в университете, у них все в порядке. Я не думаю, что вам удастся разжалобить этого прохвоста.

— Прохвоста? Значит, вы знаете о нем что-то такое... Кто он? Скажите мне, пожалуйста.

— Да ничего такого особенного я о нем не знаю. Жалоб на него никогда не было, в том смысле, что он не пил и жену с детьми не бил. Семья вообще была благополучная, я у них и был-то всего два раза. В первый раз — когда принял участок и обходил квартиры, знакомился. А уж во второй раз пришел, когда все случилось. Оказалось, этот тип с Цукановой не был расписан, а прожил с ней почти двадцать лет, представляете? И сына вырастили вместе. Мальчишка-то был уверен, что его отец является законным мужем матери. Да и дочка тоже так думала. А он, оказывается, все двадцать лет жил там на птичьих правах и погуливал потихоньку на сторону. И в один прекрасный день заявил, что нашел себе новую жену. Через брачное агентство, представляете? Вот прохвост. В уме не укладывается: жить с бабой, растить общего ребенка и искать себе что-то получше через брачное агентство. Вот вы можете себе такое представить?

— Не могу, — честно призналась Лариса. — Так он что, женился?

— Вот уж не знаю, — развел руками участковый. — Не мое это дело. Когда Цуканова руки на себя наложила, я его,

конечно, разыскал. Сами понимаете, парню, Вите-то, всего восемнадцать было, возраст сложный, я боялся, как бы он от такого удара вразнос не пошел. Молодое дело глупое, мог начать пить или наркотики употреблять. Я его отцу и говорю, мол, поддержите сына, не оставляйте сейчас одного, он в вас нуждается. Поживите с ними, пока они в себя не придут от пережитого. Я ж не знал, что Цуканова как раз из-за него отравилась и сын его после этого на порог не пустит. Ну, он мне и объяснил, что уж в ком, в ком, а в нем сын меньше всего нуждается. Пока мать еще жива была, Витя даже к телефону не подходил, когда он звонил. Представляете, он даже на похороны не пришел. Детей не хотел травмировать.

— А дети знали, что вы с ним разговаривали?

— Нет, я им не сказал. Зачем? Если они знать его не хотят... Так что я думаю, вам нет смысла его искать. Даже если он и засовестится и захочет помогать сыну, дети его помощи не примут.

— Откуда вы знаете? Вы сами сказали, что после смерти Надежды Романовны с ними не общались. Может быть, они изменили свое отношение. Все-таки почти год прошел, мало ли как их жизнь сложилась.

— Вас, простите, как зовут?

— Лариса Михайловна.

— Так вот, Лариса Михайловна, я, между прочим, не на грядке вырос и участковым работаю не первый день. И если вы думаете, что я своего дела не знаю или делаю его плохо, так вы сильно ошибаетесь. — Голос у Барулина стал злым, и Лариса испугалась, что своей бестактностью испортила так хорошо начавшийся разговор. — Дергать людей по пустякам не в моих правилах, если они ко мне не обращаются, то и незачем мне к ним ходить. А наблюдать за людьми — это уже совсем другая песня. У меня в каждом доме есть жильцы, которые все про всех знают. И если бы с Витей Цукановым было что-то не так, я бы первый об этом узнал.

— Ну что вы, — извиняющимся тоном сказала Лариса, — вы не обижайтесь на меня, товарищ старший лейтенант, я вовсе не это имела в виду. Конечно, я уверена, что если бы Виктор попал в группу риска, это от вас не укрылось бы, но я ведь о другом говорю. О том, что, может быть, он перестал сердиться на своего отца, простил его и готов принять его помощь.

— А я вам говорю, что нет, не простил он его, — Барулин повысил голос. — И даже говорить о нем не хочет.

Лариса поняла, что эту информацию Барулин как раз и получил от кого-то из соседей, кто общается с Цукановыми. Она постаралась вложить в голос как можно больше мольбы.

— Но все-таки дайте мне возможность попробовать, очень вас прошу. Вы совершенно правы, юноши всегда страдают без отца, рядом с ними обязательно должен быть мужчина. Я попробую убедить Виктора, заставить его изменить свое мнение. Скажите мне, кто его отец.

— Ладно.

Участковый со вздохом поднялся и подошел к сейфу. Вытащив затрепанную толстую тетрадку, он начал лениво листать ее в поисках нужной записи.

— Вот. Дербышев Виктор Александрович, улица Тухачевского, дом двадцать три, корпус два, квартира тридцать девять. Только без толку все это, можете мне поверить. Хотя, конечно, если вы сына с отцом помирите, мне как участковому спокойнее будет.

— Спасибо вам, — горячо поблагодарила Лариса, записав адрес.

— Не на чем. До свидания. Скажите там, пусть следующий заходит.

Она вышла из отделения милиции окрыленная. Значит, Дербышев Виктор Александрович. Теперь надо придумать, как с ним познакомиться, да так, чтобы он проникся к ней доверием и рассказал, кто же двадцать семь лет назад изнасиловал Надю Цуканову. Задача, конечно, не из простых. Но она справится. Ведь смогла же она разыскать Надежду, смогла выяснить, с кем она прожила двадцать лет. И все остальное сможет.

Глава 10

Томчак по-прежнему обитал на даче, и сейчас Ларису это вполне устраивало. Во всяком случае, ей не нужно было никому объяснять свои длительные отлучки сначала для поисков Цукановой, а теперь для знакомства с Виктором Дербышевым. Найдя его дом и проведя один долгий вечер на лестнице между этажами, она увидела человека, который бросил Надежду Цуканову после двадцати лет совместной

жизни. Хорош, что и говорить, фактурный мужик, и одет дорого. Правда, домой он явился не один, а с дамой, посему момент знакомства пришлось отложить на неопределенное время.

На следующий день был выходной, и Лариса с утра пораньше уже заняла свой пост неподалеку от подъезда, не выходя из машины. Она так и не придумала, как же ей познакомиться с Дербышевым, и решила сначала понаблюдать за ним, узнать хоть что-нибудь о его распорядке и привычках. Дербышев вышел из дома около одиннадцати утра вместе с той же дамой, с которой пришел вчера, сел в свой «мерседес» и поехал в сторону центра. Лариса двинулась за ними.

Дама вышла из машины возле Белорусского вокзала, а Дербышев поехал дальше. Доехав до почтамта, он припарковал машину и прошел в ту часть здания, где располагались абонентские ящики. Лариса поспешила следом за ним, но близко подходить не рискнула. Она видела, как Виктор открыл один из ящиков, забрал почту и направился к выходу. Отвернувшись, чтобы не столкнуться с ним лицом к лицу, она подождала, пока он выйдет, и подошла к ячейкам. Вот здесь он стоял и открывал третью справа дверцу. Лариса посмотрела на номер, и в этот момент ее осенила догадка. Конечно же, он по-прежнему пользуется услугами бюро знакомств. А коль так, то этим нужно воспользоваться. Это самый приемлемый повод для знакомства и самый безобидный, да и для Дербышева привычный.

Лариса решила, что сегодня больше следить за ним не будет. Вместо этого она поехала домой и принялась за письмо. Письмо должно быть таким, чтобы наверняка вызвать у него интерес и желание продолжить знакомство. Как же сделать так, чтобы не промахнуться?

Она задумалась. Мужчина, который знакомится с женщинами при помощи бюро знакомств... Почему? Красивый мужик, хорошо одет, ездит на «мерседесе». Такие жен не ищут через бюро, у них и без того отбоя нет от претенденток. Да и с любовницами проблем не должно быть. В чем же причина? В чем ключ?

Лариса улыбнулась. Все ясно, он терпеть не может объяснений и сложностей. Ему нужна женщина, которая отвечала бы его запросам, но с которой можно легко порвать, без риска увязнуть в выяснениях отношений и в назойливых

звонках. Встретились, поговорили, позанимались любовью два или три раза — и до свидания. Никаких претензий, просто не подошли друг другу. А главное — никаких поводов для ревности. Наличие одной любовницы не исключает появления следующей, ведь в агентстве его номер дают многим дамочкам, и нет причин отказываться от встреч с ними. Не любит господин Дербышев постоянства, быстро ему подруги надоедают. А может быть, тут и сексуальные проблемы имеют место. С новой партнершей все хорошо получается, а как только он к ней привыкает, так полное фиаско. Такая патология тоже встречается.

Она быстро набросала первый вариант письма. Потом выпила кофе, полежала десять минут на диване, закрыв глаза и положив на веки марлевые тампоны, смоченные в настое ромашки пополам с чаем. Через полчаса, взглянув на текст, поняла, что в нем не все так, как надо, и быстро внесла исправления. На всякий случай решила дать письму «вылежаться» еще какое-то время, сходила в магазин за продуктами, приготовила себе диетический обед. В последнее время у Ларисы появилась склонность к полноте, совсем небольшая склонность, но меры нужно принимать своевременно, и она моментально села на жесткую диету, чтобы сохранить узкую талию и стройные бедра. После обеда письмо было окончательно отшлифовано. Лариса в конце указала свой домашний телефон. Она понимала, что лучше было бы указать номер абонентского ящика, но такого номера у нее не было. Можно, конечно, абонировать ящик, никаких проблем, но тогда Дербышев, если вообще заинтересуется ею, будет писать ответное письмо, а это еще больше затянет время. Нет уж, лучше телефон, так быстрее. Вложив в конверт свою самую удачную фотографию, Лариса заклеила его, вышла из дома, села в машину и поехала на почтамт. Если опустить письмо прямо на почтамте, оно окажется в ящике Дербышева уже завтра.

* * *

Доставленный из камеры Виктор Дербышев долго разглядывал свою фотографию.

— Мне трудно сообразить, где это было, — наконец произнес он. — Но определенно не на работе. Я никогда не прихожу в офис в джинсах и джемпере.

— А куда вы ходите в джинсах?

— Ну, в баню, например. За город езжу. Дома в них хожу. В магазин. Я не знаю, где меня сфотографировали в таком виде.

— А вы посмотрите на антураж, — попросил Коротков. — Сбоку явно виден угол каменного дома, причем не высокого, максимум этажа три. И деревья вокруг. Вы в какие бани ходите?

— В Сандуны.

— Да, это точно не они. А за город? У вас дача?

— Нет, дачи нет. За город я езжу заниматься верховой ездой.

— Куда именно?

— На восьмидесятый километр по Киевской дороге. Там есть такой клуб... — Дербышев запнулся, потом вызывающе глянул на Короткова. — Элитный. В этом клубе занимаются видные политики и бизнесмены. Я надеюсь, вы не собираетесь их беспокоить своими расспросами?

— Собираюсь, — кивнул Юрий. — А почему бы и нет?

— Но послушайте... Мало того, что меня заперли в камеру без всяких к тому оснований, вы еще и репутацию мне испортить хотите? Пройдет три дня, и ваш следователь с позором придет ко мне извиняться, потому что я ни в чем не виноват и к вашей убитой блондинке отношения не имею. Хорошо еще, если в моей фирме к вашим следственным ошибкам отнесутся с пониманием и не выгонят меня. Но если вы начнете распространять слухи о моей виновности в среде людей, чьим мнением я дорожу, я подам на вашу контору в суд за нанесение морального ущерба. Имейте это в виду.

— Поимею, — усмехнулся Коротков. — А кстати, вам ничего не говорит фамилия Стрельников?

— Стрельников? — удивленно переспросил Виктор.

— Да, Стрельников Владимир Алексеевич.

— А он кто?

— До недавнего времени был президентом Фонда развития и поддержки гуманитарного образования. Слышали о таком?

— Нет, никогда.

— А вообще про Фонд слышали?

— Нет. Я работаю в другой сфере, с проблемами гуманитарного образования не соприкасаюсь.

— Значит так, Виктор Александрович, я отправляюсь в ваш элитный клуб любителей конного спорта, а вы, пока суд да дело, подумайте над тем, не могла ли ваша жизнь где-нибудь пересечься с господином Стрельниковым. Договорились?

— Послушайте, перестаньте играть в демократию, — вспылил Дербышев. — Не надо делать вид, что вы можете о чем-то со мной договориться полюбовно. Вы держите меня в кутузке, я полностью в вашей власти, и сейчас у вас есть все возможности издеваться надо мной и унижать меня. Сейчас вы мне приказываете, и не думайте, что я этого не понимаю. Не старайтесь меня задобрить и представить дело так, будто меня лишили свободы в моих же интересах. Я все равно буду жаловаться на ваш произвол и подам на вас всех в суд. Все инстанции пройду, но добьюсь, чтобы вас и вашего следователя Ольшанского уволили с работы. Не пытайтесь сделать из меня своего союзника, ничего у вас не выйдет. Я перетерплю эти три дня, а когда меня выпустят отсюда, мы еще посмотрим, кто из нас прав, а кто виноват.

— Ладно, посмотрим, — вздохнул Коротков. — Но вы все-таки подумайте насчет Стрельникова. Это особенно важно в том случае, если вы действительно ни в чем не виноваты.

— Вам еще придется извиняться передо мной, — с ненавистью выдохнул Дербышев.

— Извинюсь, — кивнул оперативник, нажимая кнопку, чтобы вызвать милиционера, который должен препроводить задержанного обратно в камеру. — Мне не впервой. Да, и чтобы мне проще было искать вашего таинственного фотографа, попрошу вас назвать мне имена людей, которые бывают на тренировках одновременно с вами.

— А если я откажусь? — Дербышев гордо вздернул подбородок.

— Тогда мне придется опрашивать поголовно всех членов клуба. Это займет больше времени, и за три дня я, боюсь, не управлюсь. Согласитесь, будет куда лучше, если через три дня мы сможем доказать, что вашу фотографию сделал злоумышленник, и даже успеем найти его и выяснить, с какой

целью он все это затеял. Тогда вас выпустят с чистой совестью. А иначе может встать вопрос о вашем аресте. Пока мы точно не установим, что вы не состояли в переписке с убитой женщиной, мы будем вынуждены вас подозревать. Расклад понятен?

— Записывайте, — процедил сквозь зубы Дербышев и начал диктовать фамилии.

* * *

Конноспортивный клуб с романтическим названием «Пегас» был благоустроенным и, судя по всему, очень дорогим. К нему со стороны Киевского шоссе вела хорошая асфальтированная дорога, которую не стали бы делать ради привычных к колдобинам «жигулей» и «москвичей». Сразу видно, что любители верховой езды прибывают сюда не иначе как на иномарках.

Забора никакого Коротков не увидел, но при подъезде к клубу прямо на обочине стоял джип, вокруг которого не торопясь прогуливались два дюжих молодца с автоматами наперевес и в камуфляжной форме. Они внимательно прочитали все, что было написано в служебном удостоверении старшего оперуполномоченного уголовного розыска майора Короткова Юрия Викторовича, и, не говоря ни слова, сделали знак «проезжай». Это Короткову понравилось. Значит, здесь нет никаких секретов, которые следует оберегать от посторонних глаз, а просто соблюдаются обычные меры безопасности. Что ж, дело понятное, если в этом клубе бывают известные политики и крупные бизнесмены, как утверждал Дербышев.

Администратора клуба Коротков нашел довольно быстро. Это был упитанный шустрый молодой человек, ужасно деловой и ужасно занятой. В его кабинете беспрестанно звонили телефоны, и разговор с Юрием больше напоминал пунктир, где на долю оперативника приходилась маленькая жалкая точка, а на долю всех остальных желающих пообщаться с администратором — большое жирное тире. Наконец терпение у Короткова лопнуло. Улучив момент, он снял трубки с телефонных аппаратов, положил их на стол среди множества бумаг и решительно сказал:

— Мне нужно ровно три минуты спокойного делового

разговора. Потом я вас оставлю наедине с вашими телефонами.

Администратор вытащил огромный нежно-голубой платок и отер лицо, на котором обильно высыпали капельки пота. В кабинете было жарко, работал обогреватель, а форточку, судя по всему, здесь открывать было не принято.

— Да, слушаю вас внимательно. Вы что-то хотели спросить насчет Дербышева?

— И насчет Дербышева тоже. Взгляните на эту фотографию. Это территория клуба?

Администратор бросил на снимок короткий взгляд и тут же кивнул.

— Да, это здание оздоровительного комплекса. Там у нас баня, бассейн и тренажерный зал.

— Мне нужно поговорить с работниками, которые там постоянно находятся. Я прошу вас позвонить туда и предупредить, что я сейчас к ним подойду и что они должны будут отвечать на мои вопросы.

— Хорошо. — Администратор потянулся к телефонной трубке, лежащей на столе. — Что еще?

— Больше ничего.

— Как ничего? И это все?

— Пока все. А чего бы вы хотели?

— Боже мой, как неудобно получилось... Вы столько времени сидите здесь, и все ради нескольких слов. Что ж вы сразу не сказали?

— У меня не было возможности. Я не смог соперничать с вашими телефонами. Вы мне объясните, как пройти к оздоровительному комплексу.

— Да, конечно, — засуетился администратор. — Сначала прямо до аллеи... Впрочем, нет, это сложно, вы заблудитесь, я сейчас вызову кого-нибудь, чтобы вас проводили. Ай-яй-яй, как неловко вышло...

Он нажал кнопку селектора.

— Вадик, подойди ко мне в кабинет. Да, прямо сейчас.

Выражение лица у администратора клуба было таким виноватым, что Короткову стало смешно.

— Простите, а что все-таки с Дербышевым? Что-то не в порядке? Вы, наверное, понимаете, чем вызван мой интерес. В нашем клубе занимаются очень уважаемые люди, и мы не можем допустить...

— Не волнуйтесь, репутация клуба пока не пострадает. Я только хочу выяснить, при каких обстоятельствах была сделана эта фотография.

— Боже мой, но можно же спросить у самого Дербышева! Нет, вы что-то от меня скрываете.

— Работа такая, — усмехнулся Коротков. — Мы всегда что-нибудь скрываем. Но вам отвечу честно: у нас есть подозрения, что эту фотографию сделали без ведома Виктора Александровича. И не с самыми лучшими намерениями. Поэтому я и хочу выяснить, кто и когда это сделал.

— Вы думаете, это сделал кто-то из членов клуба? — перепугался администратор.

— Может быть, и так. Возможно, снимок сделал кто-то из ваших работников. А может быть, это вообще был кто-то посторонний. Ведь угодья, на которых ваши гости развлекаются верховой ездой, практически не контролируются.

— Да, вы правы, территория огромная.

В дверь осторожно постучали.

— Заходи, Вадик, — крикнул администратор.

Через минуту Коротков в сопровождении подтянутого спортивного Вадика шагал по обсаженной березами аллее в сторону оздоровительного комплекса.

* * *

Алла Сергеевна Стрельникова была, бесспорно, женщиной сильной. Она прекрасно владела собой, была достаточно хладнокровна и мужественна. Но у нее была одна слабость. Всего одна, но она по сути своей стоила всех сильных сторон ее натуры вместе взятых. Алла Сергеевна обожала своего сына. Обожала слепо, теряя рассудительность и остатки здравого смысла, не говоря уж об элементарной объективности. Саше Стрельникову было двадцать лет, и он в буквальном смысле слова из матери веревки вил, причем совершенно беззастенчиво.

Вскоре после разрыва с мужем Алла Сергеевна была поставлена перед необходимостью отселить взрослого сына. Она вела довольно активную личную жизнь, да и Саша не отставал от нее. Друзья, вечеринки, девушки — все это плохо сочеталось с необходимостью жить в одной квартире с матерью. Алла Стрельникова была дамой небедной, и денег, зара-

ботанных на Доме моделей, которым она руководила много лет, хватило на покупку квартиры для сына. Правда, именно хватило. То есть впритык. Этой покупкой Алла полностью опустошила свой банковский счет. А сын требовал денег постоянно, и отказать ему мать не могла. Поэтому те суммы, которые ей давал Стрельников, были как нельзя более кстати. Проблема, однако, состояла в том, что Алла не могла признаться мужу, зачем нужны эти деньги. Ей приходилось лгать и изворачиваться, придумывая то ремонт квартиры или машины, то необходимость дорогостоящего лечения, то пластическую операцию для сохранения моложавой и элегантной внешности, то какой-нибудь ужасно перспективный контракт, требующий предоплаты.

Правда же состояла в том, что сын Саша стал азартным игроком, причем играл он всюду, где только можно было: в казино, на бегах, в карты и даже во всевозможные лотереи, покупая, разумеется, не по одному билетику и даже не по десять. Все, что он выигрывал, шло на развлечения, но выигрывал он, по законам жанра и статистики, намного меньше, чем проигрывал. Алла Сергеевна отчетливо представляла себе, что будет, если муж узнает об этом. И допустить этого не могла. Так же отчетливо она представляла себе, что случится, если Владимир перестанет давать деньги. А это вполне могло произойти, если он в один прекрасный день оформит развод и вступит во второй брак. Сын ведь играть не перестанет, трезвомыслия Аллы Сергеевны все-таки хватало на то, чтобы осознать: игроки не исправляются. Эта болезнь поражает человека навсегда. И если не будет тех сумм, которые дает Стрельников, Саша начнет добывать деньги другим путем. Она слишком хорошо знала своего сына, чтобы не тешить себя надеждой на то, что он начнет работать и зарабатывать на свои нужды самостоятельно. Сын обязательно ввяжется во что-нибудь криминальное, а там и до тюрьмы рукой подать. Но тюрьма-то ладно, это еще можно будет пережить, гораздо хуже, если он влезет в долги, и долги эти выколачивать из него будут тем способом, который в последние годы стал весьма распространенным. За невозвращенные долги теперь убивают, причем делают это легко и просто. Другим должникам в назидание.

Сегодня ненаглядный сынок Сашенька снова явился за материальным вспомоществованием. И снова Алла Сергеев-

на сделала робкую, хотя и изначально бесперспективную попытку воздействовать на него.

— Остановись, сынок, — умоляюще сказала она. — Пойми, это не может продолжаться вечно. Отцовский карман — не бездонный колодец. Я уже не знаю, что ему говорить, на что деньги просить.

— Ну, мамуля, — жалостливо пропел Саша, — ну что ты в самом-то деле! Все же было так хорошо, а ты хочешь все испортить.

— Сыночек, ты хотя бы подумай о том, что он может и не дать денег. Ну какое право я имею требовать? Он с нами не живет уже два года, ты совершеннолетний, и он ничего нам с тобой не должен. Он может жениться, и ему придется содержать новую жену, может быть, даже ребенка, а не нас.

— К чему это все, мать? — подозрительно спросил он. — Ты о чем меня предупреждаешь, я не понял.

— Иди работать, зарабатывай сам на свои нужды.

— Ну, мам, ну дай еще пожить нормально, а? Успею я еще наработаться, вся жизнь впереди. Я тебе обещаю, я скоро возьмусь за ум, честное слово. А сейчас мне нужны деньги. И не пугай меня тем, что отец женится.

— Почему? И я не пугаю тебя вовсе, а просто предупреждаю о том, что так может случиться.

— Да перестань ты! — фыркнул Саша. — После того что случилось с его бабами, он теперь сто раз подумает, прежде чем новую телку заведет. Никуда он от нас с тобой не денется. Ну, мамуля, давай в темпе, кинь капусты на карман сыну, и я помчался. Я уже и так опаздываю.

Алла почувствовала, как горло перехватывает от тягостных мыслей. Да, уж если кто и не хотел ее развода со Стрельниковым, так это в первую очередь Саша. Уж не приложил ли он руку к тому, что произошло? Нет, нет, нет! Гнать эти страшные мысли, гнать прочь, не может ее мальчик, ее сыночек сделать такое. Даже подумать о таком он не может. Да, он разгильдяй, игрок, но в сущности он хороший мальчик, добрый, никому зла не пожелает.

Она выдвинула ящик в мебельной стенке и вытащила оттуда пачку купюр.

— Возьми. Только, сынок... Я не знаю, когда у меня теперь будут деньги. Ты уж постарайся их не сразу тратить.

— Ладно, мамуля. Спасибо.

Саша быстро чмокнул ее в щеку и выскочил из квартиры. Вприпрыжку спустившись по лестнице, он выбежал на улицу и нырнул в ожидавшую его машину. Сидевшая за рулем девушка вопросительно посмотрела на него.

— Ну как?

— Порядок, зайка. Капусту раздобыл, можно ехать.

— Отлично, — обрадовалась девушка. — Живем и не горюем. Куда едем?

Саша на мгновение задумался, потом губы его растянулись в плотоядной улыбке.

— Сначала ко мне, выпьем по чуть-чуть в честь удачно проведенной операции, потом поедем ужинать, а вечером — как обычно. Я чувствую, мне сегодня повезет. Я чувствую.

Девушка молча кивнула и завела двигатель.

* * *

Ночью Ларису Томчак разбудил телефонный звонок. Не включая свет, она нащупала трубку.

— Алло, — сонно проговорила она.

Молчание. Даже дыхания не слышно.

— Я слушаю, — повторила она громче.

Снова молчание. Ей стало не по себе. Торопливо положив трубку на рычаг, она отвернулась к стене и закуталась поплотнее в одеяло.

Новый звонок раздался примерно через час. На этот раз Лариса отчетливо слышала в трубке чье-то дыхание. Она испугалась, что что-то случилось с мужем, и ей пытаются позвонить из-за города, а там всегда была плохая связь...

— Алло! — почти закричала она. — Слава! Слава, это ты?

Но ответа так и не дождалась. Из трубки доносились какие-то шумы, ей даже послышались отдаленные голоса и смех. Но ничего внятного она так и не услышала.

Остаток ночи она провела без сна, а с утра снова начались звонки. За тот час, что она провела дома, собираясь на работу, молчаливый абонент звонил ей четыре раза. Стоя на пороге квартиры и уже держа в руках ключи, Лариса поняла, что выбита из колеи. Руки дрожали, ноги были ватными.

Она с трудом высидела шесть часов на приеме больных, борясь с желанием закричать: «Оставьте меня в покое! Я схожу

с ума! Я не меньше вас нуждаюсь в помощи! А вы ко мне лезете со своими глупостями». Отпустив последнего пациента, она торопливо оделась и выскочила из поликлиники. Сев в машину, Лариса вдруг поняла, что боится ехать. Ей показалось, что она забыла все правила движения и теперь непременно попадет в аварию. Просидев в машине минут пятнадцать и так и не сумев справиться с собой, она с досадой решила ехать домой на городском транспорте. Ничего, сегодня она вполне обойдется без машины, а завтра у нее вечерний прием. Сюда она приедет на метро, а обратно — на машине. К тому времени это странное состояние обязательно пройдет. Она полночи не спала, звонки ее нервировали, поэтому ей как врачу вполне понятно, что садиться за руль нежелательно. А здесь охраняемая стоянка, так что с ее автомобилем ничего не случится.

Заперев машину, Лариса пошла к метро. Поездка ее отвлекла. Оказалось, она так давно не ездила на метро, что совсем не представляет, сколько разных интересных магазинчиков теперь обосновались в подземных переходах. В них можно купить хорошую косметику, кондитерские изделия, сувениры, технику и даже отдать фотопленки на проявку и печать. Можно без проблем приобрести что-нибудь для чтения в дороге — любые газеты и множество книг продавались здесь же. Купив журнал «Лиза», Лариса спустилась на эскалаторе к платформам. Нервозность понемногу утихала, хотя она как опытный психиатр понимала, что находится не в лучшей форме: на платформе она не стала вставать у края, как делала это всю жизнь, а отошла к стене и прислонилась к ней. Откуда-то из глубин подсознания выполз страх, что рядом может оказаться пьяный или сумасшедший, который столкнет ее на рельсы перед приближающимся поездом. Она знала, что такие немотивированные страхи — первый признак взвинченных нервов.

* * *

Придя домой, Лариса первым делом проверила автоответчик. И к своему удивлению, услышала приятный мужской голос:

— Здравствуйте, Лариса. Это Виктор Дербышев. Я получил ваше письмо с фотографией и очень хочу с вами встре-

титься. К сожалению, не смог застать вас дома. Я буду ждать вас сегодня от восьми до половины девятого вечера у выхода из метро «Академическая». Если вы не сможете прийти сегодня и я не сумею еще раз дозвониться до вас, то буду ждать завтра в это же время в том же месте. Всего вам доброго.

Отлично! Настроение у Ларисы сразу поднялось, она даже забыла о недавней нервозности и о непонятных телефонных звонках. Сейчас только половина четвертого, до свидания с Дербышевым еще уйма времени, и надо сделать все, чтобы вечером выглядеть как можно лучше.

Лариса подошла к зеркалу в ванной и придирчиво осмотрела свое лицо. Да, тревожная ночь не прошла бесследно, лицо усталое, под глазами обозначились морщины, да и цвет кожи мог бы быть получше. Надо постараться поспать хотя бы пару часов, потом сделать специальную швейцарскую маску, после которой кожа выглядит гладкой, фарфоровой, нежной. Эффект, правда, длится недолго, всего несколько часов, но этого для вечернего свидания вполне достаточно. Такая маска как раз и рассчитана на тот случай, когда вечером нужно хорошо выглядеть.

Приняв теплый душ, она легла в постель и постаралась расслабиться. Уснуть ей не удалось, возбуждение, вызванное испугом и напряжением, не ослабевало, но все-таки за два часа она сумела немного отдохнуть и когда встала, то собственное отражение в зеркале ее порадовало. Глаза стали ясными, кожа порозовела. А когда еще через два часа Лариса Томчак выходила из дома, выглядела она по меньшей мере лет на восемь моложе, чем была на самом деле. Глаза ее сияли, губы готовы были раздвинуться в обаятельной улыбке, ноги в изящных закрытых туфлях, казалось, порхали над тротуаром. Выходя из подъезда, она пожалела о том, что оставила машину возле поликлиники и теперь ей снова придется ехать на метро, но она быстро утешила себя мыслью о том, что Дербышев наверняка приедет на своем «мерседесе», так что возвращение домой поздно вечером не превратится в проблему.

Возле выхода из метро на станции «Академическая» она Дербышева не увидела, хотя было уже четверть девятого. Лариса отошла в сторонку и остановилась, размышляя, ждать ли ей до половины девятого или гордо развернуться и уйти.

Пожалуй, гордость тут ни при чем, решила она, она же не в любовницы к нему собирается и уж тем более не в жены. Ей нужно познакомиться с ним и осторожно выяснить, не знает ли он, кто был отцом Наташи Цукановой, а ради этого можно и подождать, и даже не до половины девятого, а гораздо дольше. Потому что если окажется, что это Стрельников изнасиловал когда-то беспомощную пьяную девчонку, то она раз и навсегда избавит своего мужа и себя саму от этой мужской дружбы, которая многие годы стоит у нее поперек дороги, не давая свободно вздохнуть.

— Лариса? — услышала она совсем рядом чей-то голос.

Прежде чем обернуться, она успела подумать, что голос этот совсем не похож на тот, который был записан на автоответчике. Неужели кто-то из знакомых? Теперь Славке обязательно расскажут. Неудачно.

Она осторожно повернулась и увидела молодого человека, немного странного на вид, но в целом очень симпатичного. То, что он, несомненно, принадлежит к сексуальным меньшинствам, было ясно ей с первого же взгляда, к ней на прием и таких приводили. Почему-то несмотря на множество публикаций и активную разъяснительную работу, большинство продолжает считать нетрадиционную сексуальную ориентацию признаком психического заболевания. Парень, стоящий рядом с ней, был рослым и широкоплечим, в узких брючках из тонкой дорогой кожи, облепляющих скульптурно-мускулистые ноги. Волосы стянуты сзади в хвост, брови выщипаны в изящную ровную дугу, все лицо покрыто толстым слоем жидкой пудры, правда, очень качественной, которая в глаза не бросается при первом же взгляде, тем более в сумерках, зато позволяет скрыть грубоватость мужской кожи, даже гладко выбритой. Наметанным взглядом Лариса заметила следы карандаша для губ. Нет, мальчик явно не трансвестит, он не стремится выглядеть женщиной. Он просто хочет нравиться своим партнерам. И что же ему надо, интересно знать? Бывший пациент? Тогда откуда такая фамильярность? Для пациентов она всегда была Ларисой Михайловной.

— Лариса? — снова повторил забавный молодой человек, вглядываясь в ее лицо.

— Что вам угодно? — вполне нейтрально ответила она.

— Простите, вы ждете Виктора Дербышева?

— Да.

— Слава Богу, я успел! — улыбнулся молодой человек. — Я так боялся, что вы не стали ждать до половины девятого и уехали. Меня прислал Виктор. Видите ли, у него внезапно изменилась ситуация, переговоры, на которых он должен присутствовать, затягиваются, и уйти с них он никак не может. Вот он и послал меня встретить вас и проводить к нему домой, а он подъедет, как только освободится. Он и фотографию вашу мне дал, чтобы мне легче было вас найти.

Лариса кивнула. Что ж, Виктор Дербышев оказался человеком обязательным, это уже хорошо. Только что за странная фраза насчет «проводить к нему домой»? Ближайшая к дому Дербышева станция метро — «Октябрьское поле», а вовсе не «Академическая», где она, Лариса, в данный момент находится. Если Виктор с самого начала собирался приглашать ее домой, то зачем назначил встречу в этой части города? Но спрашивать об этом нельзя, ведь если номер абонентского ящика она получила в брачном агентстве, то узнать домашний адрес не могла ни при каких условиях.

— Хорошо, идемте. Или мы едем?

— Нет, идем. Это совсем рядом, на соседней улице. Кстати, меня зовут Алик.

— Очень приятно. Мое имя вы, кажется, знаете.

Лариса плохо понимала, о чем можно разговаривать с этим Аликом, ведь знакомиться с ним она вовсе не собиралась. Но, с другой стороны, он оказал любезность Виктору, примчался встретить ее, так что хранить ледяное молчание тоже как-то неправильно.

— Вы работаете вместе с Виктором? — вежливо спросила она.

— Нет, мы с ним просто друзья.

Молодой человек поймал быстрый взгляд, который кинула на него Лариса, и легко рассмеялся. Смех у него был звонким, как и голос.

— Знаю, знаю, о чем вы подумали! Нет, мы действительно друзья, без всякой двусмысленности. Да вы не бойтесь, Лариса, с тех пор как за это отменили статью, мы вообще перестали это скрывать. Да, я такой, и счастлив этим. Можно даже сказать, я этим горжусь. В моей жизни много друзей и много любви, а ведь не каждый нормально ориентированный

мужчина может этим похвастаться. Согласны? Вот хоть Виктора возьмите. Вы, конечно, еще совсем не знаете его, но поверьте мне, он — один из самых невезучих в любви людей. Прямо рок какой-то над ним висит. Ну не везет человеку — и все тут. И красивый, и деньги есть, и здоровье — а вынужден прибегать к услугам брачного агентства. Вот ведь парадокс!

Возле палатки, торгующей овощами и фруктами, Алик остановился.

— Виктор просил кое-что купить, — извиняющимся голосом пояснил он. — Он-то был уверен, что освободится сегодня часов в семь, а то и раньше, и все успеет подготовить, чтобы принять у себя гостью. А эти переговоры все планы ему сломали.

Он купил крупный желтоватый виноград, несколько плодов манго, гроздь бананов и ослепительно оранжевые апельсины. Лариса с одобрением отмечала эти приготовления. Видно, Дербышев — приличный мужик, не скупится на то, чтобы сделать свидание приятным, даже если оно окажется первым и единственным. Мелькнула предательская мысль о том, что, может быть, таким необычным способом у нее завяжется внебрачный роман. Конечно, все это делается совершенно с другой целью, но кто знает...

Идти действительно оказалось недалеко. Минут через десять они подошли к многоэтажному кирпичному дому и поднялись на третий этаж. Алик достал из кармана ключи и отпер дверь.

— Прошу вас, проходите, — пригласил он. — Виктор просил извиниться, если что не так, он здесь не был около двух недель.

— Разве он здесь не живет? — удивилась Лариса.

— Сейчас — нет, но это временно. Дело в том, что у него есть еще одна квартира, там сейчас делают ремонт, и Виктору приходится пока жить там, чтобы следить за ходом работы. Вы же понимаете, разве можно рабочих оставлять без присмотра? Они такого наремонтируют, что потом стен не досчитаешься.

Лариса с облегчением вздохнула. Вот, значит, в чем дело. Теперь все встало на свои места. Может быть, та женщина, с которой он на днях приходил домой, вовсе не любовница его, а просто какая-нибудь родственница, которая помогает

убирать, мыть, выносить мусор. Когда идет ремонт, такой работы всегда много.

Она цепким взглядом окинула квартиру. Неплохо, совсем неплохо. Ухоженное жилье, всюду чувствуется аккуратность и вкус. Алик предложил ей пройти в комнату и устраиваться поудобнее, а сам отправился хозяйничать на кухню. Лариса уселась на мягкий, обитый велюром диван и попыталась сосредоточиться. Все-таки задача перед ней стоит не самая простая: втереться в доверие к человеку и заставить его говорить о своей покойной жене. Ну пусть не о жене, расписаны-то они не были, но ведь столько лет прожито вместе!

На стене, напротив дивана, висела большая, вставленная в рамку фотография Дербышева: он и еще какой-то мужчина стоят рядом, одетые в костюмы для верховой езды, и держат под уздцы лошадей. Впрочем, определение «какой-то мужчина» было явно надуманным, это лицо Лариса прекрасно знала, оно мелькало на телевизионном экране почти каждый день. Известный политик, депутат Государственной думы. Да, ничего себе знакомства у Виктора Александровича.

Скинув туфли и забравшись на диван с ногами, Лариса Томчак снова вернулась мыслями к тому, ради чего затеяла всю эту историю с письмом и знакомством: к Стрельникову. Даже если окажется, что отец Наташи Цукановой — не он, то, может быть, он стоял рядом? Видел, знал, что происходит, и не защитил несчастную девчонку, которую банально подпоили на новогодней студенческой вечеринке. Господи, самое главное, чтобы виновником не оказался Томчак. В любом другом случае она свернет шею этому обаятельному деспоту, этому эгоистичному тирану, виновнику стольких пролитых ею слез. Она снова стала вспоминать...

...Была прекрасная летняя суббота, солнечная и теплая. Они давно уже планировали эту поездку на дачу вместе с друзьями. В том и был смысл, чтобы непременно ехать вместе. Предполагалось, что товарищ Славы поможет ему сделать кое-какую работу по ремонту дома, требующую совместных мужских усилий и специальных навыков, которых у Славы как раз не было, а у его товарища были. Поездка несколько раз откладывалась, потому что очень трудно было подгадать так, чтобы оба мужчины были свободны. Наконец, выбрали день. У жены приятеля на субботу падал день рождения, и было решено ехать на дачу часов в двенадцать дня, быстро

сделать необходимые ремонтные работы, а дамы в это время приготовят стол, после чего можно будет с чистой совестью начинать праздновать до вечера следующего дня. Идея понравилась, и к ее воплощению обе семьи готовились всю неделю.

В субботу около одиннадцати утра позвонил Стрельников.

— Надо срочно подготовить устав Фонда развития и поддержки гуманитарного образования, — сказал он голосом, не терпящим возражений. — Сколько времени тебе понадобится?

— Как срочно это нужно? — уточнил Томчак.

— Сегодня вечером документ должен лежать на столе у заместителя премьера. Возьми ручку и запиши, какие моменты должны быть отражены...

Минут двадцать Стрельников диктовал по телефону свои требования к документу.

— Когда будет готово?

Томчак посмотрел на часы. Было пять минут двенадцатого.

— Часам к трем, — вздохнул он безнадежно.

— К трем я пришлю машину, чтобы забрали документ.

Лариса стояла рядом, молча слушая весь разговор.

— Ты с ума сошел? — тихо спросила она. — Мы же в двенадцать выезжаем из дома.

— Ларочка, ну что я могу сделать? Он мой начальник, и я должен выполнять его поручения. Вы поезжайте без меня, отдыхайте на природе. Я быстро сделаю этот устав и примчусь к вам. Давай позвоним ребятам, попросим, чтобы они заехали за тобой и взяли в свою машину. Тогда мне не придется ехать к вам на электричке, и в четыре часа мы уже будем все вместе.

Он позвонил друзьям, но те решили проявить солидарность и не захотели ехать на дачу без него.

— Подумаешь, выедем не в двенадцать, а в три, — спокойно заявили они. — Зато вместе.

Томчак кинулся к компьютеру и принялся за работу. Примерно через час снова позвонил Стрельников, он, оказывается, забыл еще какие-то пункты. К половине третьего документ был готов. Томчаку уже приходилось делать уставы, все эти файлы были у него в компьютере, и он смог брать

из них и перетаскивать в новый устав целые куски. В три часа звонка от Стрельникова насчет машины не было. В четыре — тоже. Его рабочий телефон не отвечал, а по домашнему отвечала Люба и растерянно говорила, что понятия не имеет, где Володя. Сотового телефона у него в то время еще не было, и что теперь делать, Томчак не понимал совершенно. Друзья проявляли достойное похвалы благородство, нервозности не выказывали и спокойно отшучивались в ответ на извинения Вячеслава:

— Да ладно, Слав, не бери в голову, ну через час поедем, подумаешь, большое дело. Зато праздновать слаще будет.

Но проходил час, потом еще один, а Стрельников так и не звонил. Наконец Лариса не выдержала.

— Ты хотя бы понимаешь, что происходит?! — заорала она. — Мы человеку день рождения испортили. У нее праздник, а она с самого утра сидит на чемоданах, ждет, когда твой ненаглядный Стрельников соизволит тебя отпустить из своих цепких лап. Они нам одолжение сделали, согласились ехать на нашу дачу, чтобы помочь тебе с ремонтом, хотя им куда интереснее было бы провести праздничный день совсем по-другому. Они бы гостей позвали или сами куда-нибудь сходили. А у них даже отпраздновать дома нечем, они же не готовились, думали, что проведут выходные с нами за городом.

— Лара, — с тоской твердил Томчак, — ну что я теперь могу сделать? Володька сказал, что вечером документ должен лежать на столе у ответственного чиновника. Я не могу его подвести. Он на меня положился. Ну как я могу сейчас бросить все и уехать?

— Да ты на часы посмотри, исполнительный ты мой! Уже восьмой час! Какой ответственный чиновник? Какой документ? Все уже водку пьют по баням да по ресторанам, один ты как идиот веришь в сказки, которые тебе вешает на уши твой Стрельников! Господи, Славочка, — она заплакала, — ну сколько же это может продолжаться? Почему он все время ставит тебя в положение, когда ты вынужден оправдываться перед другими? Ну ладно — я. Я твоя жена и все снесу. Но дело же касается других людей, наших друзей, которых мы привязали, которым испортили праздник. Если ему так срочно нужен этот проклятый устав, то почему бы ему не сесть и

не написать его самому? Не умеет? Ума не хватает? Или ему интереснее в это время где-то развлекаться?

— Лара, пожалуйста...

— Да что я, ты не меня уговаривай, а ребят. Могу себе представить, что они сейчас говорят о нас с тобой, сидя в своей квартире рядом с уложенными сумками.

Около девяти вечера Томчак наконец нашел в себе силы в очередной раз позвонить товарищу. Голос у того был сухим и напряженным.

— Ребята, вы простите, что так получилось... Мы вам праздник испортили, — пробормотал Томчак.

— Да уж, — неожиданно резко ответил приятель. — Моя красавица уже второй час рыдает в спальне, не знаю, как ее успокоить. Веселый день рождения вы ей устроили. Спасибо вам, век не забудем.

И швырнул трубку.

Больше в тот вечер Лариса с мужем не разговаривала. Они молчали до полуночи, потом улеглись спать. А Стрельников так и не позвонил. Ни в этот день, ни на следующий, в воскресенье.

В понедельник, придя на работу в институт, Томчак твердо решил отношения с Владимиром не выяснять и ничего у него не спрашивать. Он считал это для себя унизительным. Около десяти утра забибикал телефон прямой связи с ректором.

— Не разбудил? — послышался в трубке веселый голос Стрельникова.

— Нет, — сдержанно ответил Томчак, не отреагировав на привычную Володину шутку, которая всегда казалась ему дурацкой, но никогда не раздражала.

— Где документ? Я долго буду его ждать?

Томчак, в соответствии с принятым решением, ничего колкого не ответил, только коротко бросил:

— Сейчас принесу.

Через минуту он был в кабинете ректора. Стрельников бегло проглядел двадцатистраничный документ и кивнул.

— Так, сюда нужно добавить еще...

Томчак молча записывал в блокнот, никак не комментируя происходящее.

— Кажется, все, — подвел черту Стрельников. — Давай

быстренько переделай, чтобы в течение часа документ был у меня.

Так же молча Томчак вышел из кабинета.

Он был не из тех людей, которые, сталкиваясь с невыполнимым заданием, заявляют об этом. Он был из тех, кто быстро принимает меры к тому, чтобы задание стало выполнимым.

В его компьютере, стоящем на столе в служебном кабинете, сделанного в субботу устава не было, ведь он работал дома. О том, чтобы записать текст на дискету и принести с собой, он как-то не подумал, уж слишком зол он был и на Стрельникова, и на ни в чем не повинный устав. Вносить необходимые поправки и дополнения в текст и отдавать его машинистке перепечатывать заново — времени нет. Напечатать двадцать страниц — это работы не на один час. Значит, надо срочно ехать домой, сбрасывать текст на дискету, везти на работу и заканчивать документ здесь. А служебную машину Томчак с самого утра отпустил в автосервис менять подкрылки...

Он проявил чудеса настойчивости и оперативности, уговорив кого-то из сотрудников института отвезти его домой и обратно на личной машине. Он успел сделать новый вариант устава Фонда. Ровно через час с папкой в руках он входил в приемную ректора института.

— А Владимир Алексеевич уехал, — сообщила Томчаку секретарь Наталья Семеновна. — Его сегодня уже не будет.

Вячеслав Петрович посмотрел на часы. Прошел ровно час, минута в минуту. Неужели он не успел сделать документ вовремя, и Володе пришлось ехать с пустыми руками?

— Давно он уехал? — спросил Томчак дрогнувшим голосом.

— Давно, минут сорок назад. Он поехал в аэропорт встречать ректора Новосибирского университета. Потом повезет его в гостиницу, потом обедать... Ну сами понимаете. Так что Владимир Алексеевич будет только завтра.

Вечером у него болело сердце, да так, что ему казалось, будто он умирает, Лариса металась по квартире в поисках лекарств, потом вызывали «неотложку».

— Господи, как я его ненавижу, — шептала сквозь зубы Лариса, наблюдая за тем, как жидкость из шприца перелива-

ется в вену на руке ее любимого мужа. — Как я его ненавижу... Когда-нибудь я его убью...

...На кухне забавный женоподобный Алик гремел посудой, в комнате было тепло и уютно, и Ларисе вдруг стало удивительно хорошо в этой чужой квартире. Ей предстоит приятный вечер в обществе красивого элегантного мужчины, который будет за ней ухаживать, говорить комплименты, угощать шампанским. Давно ей не приходилось флиртовать, и она с удовольствием думала о предстоящей встрече.

— Лариса, налить вам что-нибудь выпить?

— Да, будьте добры, — откликнулась она, — что-нибудь легкое.

Она не хотела пить, но знала, что от вина делается необыкновенно хорошенькой, глаза начинают сверкать, а щеки покрываются нежным и очень красивым румянцем, который делает ее значительно моложе. Лариса почувствовала, что одна нога затекла, и стала менять позу, чтобы сесть поудобнее. Пришлось опереться одной рукой о диванную подушку, но рука соскользнула по гладкому велюру, и пальцы Ларисы оказались глубоко между диванными подушками. Кончиками пальцев она почувствовала что-то твердое. Нащупав предмет, вытащила его. Это был серебряный Купидон с луком и стрелой. «Надо же, — с улыбкой подумала она, — кто-то из подружек Дербышева потерял. Симпатичная вещица, необычная. Я таких и не видела. Хотя нет, видела. Точно помню, видела именно такого».

Лариса повертела серебряную фигурку в пальцах и вдруг заметила на обратной стороне гравировку. В комнате царил полумрак, верхний свет не горел, а мягкого освещения от торшера и бра было недостаточно, чтобы разглядеть тонкие крошечные буквы. Она поднесла фигурку к самым глазам и помертвела. «Миле от Володи с любовью». Да, конечно, она видела такого Купидончика на этой похотливой сучке Миле, когда Стрельников явился с ней на сорокапятилетие Гены Леонтьева. «Значит, она была здесь, — подумала Лариса. — Вот почему следователь так упорно спрашивал, не знаем ли мы, что могла делать Мила у метро «Академическая». Я-то, идиотка, думала, она с Любашей встречалась. Любочка, дурочка наивная, к колдунам каким-то ходить начала, я ее видела случайно возле кладбища поздно ночью и поняла, что по совету этих шарлатанов она ходит против Милы воро-

жить. Я была уверена, что это Любочка ее... Ворожила, ворожила, а потом поняла, что все без толку, да и пригласила Милу встретиться, погулять, поговорить. Терпение у нее лопнуло, и взяла она все дело в собственные руки. Что же теперь выходит? Любочка ее не убивала? А кто же тогда? Почему серебряный Купидон оказался в этой квартире, на этом диване? Что Мила здесь делала? Впрочем, вопрос совершенно идиотский. То же, что и я здесь делаю. Только я пришла к Дербышеву по личному делу, а Мила — по сексуальному. Потаскухой была, потаскухой и сдохла. Остановись, Лариса! О чем ты думаешь? Если Милу убили в тот вечер, когда она побывала в этой квартире, то тебе нужно уносить отсюда ноги, и как можно быстрее. И никогда больше сюда не возвращаться. Уходить и немедленно бежать в милицию, отнести им кулон и все рассказать. Черт с ней, с репутацией, придется, конечно, признаваться и рассказывать, как я здесь оказалась, но это лучше, чем повторить путь Милы...»

На пороге комнаты возник Алик в своих облегающих брючках из тонкой шелковистой кожи и красивой блузе из кремового шелка с широкими свободными рукавами.

— Пожалуйста, Лариса. — Он протянул ей небольшой подносик, на котором стоял бокал с белым вином. — Это немецкое рейнское. Или вы предпочитаете красные вина?

— Нет-нет, — торопливо откликнулась Лариса и потянулась за бокалом.

Быстренько выпить и уйти, сославшись на внезапную головную боль. Или, еще лучше, позвонить куда-нибудь, а потом сказать, что возникла необходимость срочно ехать по делу. Соврать, что мать тяжело заболела. Она выпила вино в три больших глотка, поставила бокал на журнальный столик и, незаметным жестом сунув серебряную фигурку в карман юбки, поднялась с дивана.

— Мне нужно позвонить, — решительно сказала она. — Где у вас телефон?

Но Алик повел себя совершенно неожиданно.

— Позвонить? — переспросил он. — А куда?

— Мне нужно позвонить по делу, — терпеливо повторила Лариса, еще ничего не чувствуя.

— По какому делу?

Сердце ее ухнуло куда-то вниз. Ну вот, началось. Она не успела. Дура она, решила, что все дело в Дербышеве. А ока-

залось, что все дело в этом сладкоречивом педерасте Алике. Дербышев тут вообще ни при чем. Алик заманивает сюда баб, которые клюют на завидного жениха Дербышева, и убивает их. Он — маньяк. Он — сумасшедший. Боже мой, как же она сразу не распознала психотика! Она, врач с многолетним стажем, попалась, как последняя идиотка! Он не даст ей позвонить, потому что боится, что она назовет адрес, где находится, и позовет на помощь. Надо было спокойно выпить вино, дождаться, пока он уйдет обратно на кухню, тихонько выползти в прихожую и рвануть из квартиры что есть сил. Даже если бы он погнался за ней по лестнице, было бы уже проще. Можно было бы кричать... А теперь что? Она выдала себя, заставила маньяка почувствовать что-то, насторожиться.

— Моя мама с утра неважно себя чувствовала, — Лариса старалась говорить как можно спокойнее, — и мне нужно ей позвонить, справиться, как она. Она уже совсем старенькая, я все время за нее волнуюсь.

Договаривая фразу, она почувствовала внезапное головокружение и острую слабость. «Он мне что-то подмешал в вино... Господи, как все просто. Я еще на что-то надеялась, рассчитывала, как буду убегать, спасаться, а на самом деле мне уже не на что было рассчитывать. Я уже выпила отраву...»

Лариса покачнулась, сильные мускулистые руки подхватили ее и понесли на диван. Сознание ее меркло, но не быстро. Она уже не могла самостоятельно двигаться и говорить, но все слышала и понимала. Лицо с точеными чертами, тонкими бровями и покрытой тоном кожей приблизилось к ней вплотную. Она даже чувствовала дыхание Алика, которое почему-то оказалось свежим, чистым и сладким.

— Вот так, моя милая, — шелестел у нее над ухом голос. — Сейчас ты умрешь. Это прекрасно. Ты сама поймешь, как это прекрасно. Если бы не я, тебе никогда не удалось бы умереть такой прекрасной смертью. Ты бы прожила долгую жизнь, наполненную страданиями и болезнями, и умирала бы в боли, судорогах и зловонии. А теперь ты умрешь молодой, красивой и без всяких мучений. Ты не думай, что смерть отвратительна. Я дам тебе то, чего, может быть, не даст никто на свете, кроме меня. Я покажу тебе, что смерть бывает прекрасной. Я дам тебе возможность увидеть ее светлый лик. Не

страшный и морщинистый лик старухи с косой, а светлый лик избавления от суеты, лик вечного покоя. Твоя подружка Людмила не захотела увидеть светлый лик, она была глупой, безмозглой тварью, потому и умерла как глупая безмозглая тварь. Мне пришлось ее задушить. Ей было очень страшно. А тебе? Тебе ведь не страшно, правда? Тебе хорошо, ты уже почти ничего не чувствуешь, ты засыпаешь; ты уходишь... Смотри на меня, смотри мне в глаза до последнего мгновения, я провожу тебя до самых ворот, я буду с тобой до конца.

Голос делался все тише и тише, и Лариса понимала, что умирает. Каждая секунда приближала ее к смерти, каждая секунда казалась ей шагом, который ее заставляют делать против собственной воли. Вот еще шаг, и еще, и еще... Темные глаза Алика были совсем близко, и затухающим сознанием Лариса исступленно цеплялась за эти глаза. Пока она их видит — она жива. Пока она их видит — она не умерла. Нельзя сдаваться, надо бороться изо всех сил, может быть, он дал ей в вине не яд, а просто какой-то препарат с очень сильным, но кратковременным действием. Не сдаваться, терпеть, может быть, сейчас все пройдет. Сейчас кончится пик действия препарата, и ей сразу станет лучше...

Но Лариса напрасно надеялась. В вине был яд.

Глава 11

На место обнаружения тела Ларисы Томчак выехали в том же составе: следователь Ольшанский, эксперт-криминалист Олег Зубов, судебно-медицинский эксперт Гурген Арташесович Айрумян. Из представителей уголовного розыска — двое оперативников из округа, от Петровки — Каменская и Коротков. Конечно, в нормальной жизни так не бывает, и если по одному и тому же уголовному делу появляется уже третье мертвое тело, то, как правило, эксперты, медики и следователи на место происшествия выезжают разные. Кто под рукой есть свободный, тот и едет. Но сегодня Константин Михайлович Ольшанский проявил чудеса настойчивости и оборотистости и, услышав про труп женщины с документами на имя Ларисы Михайловны Томчак, сделал все возможное и невозможное, чтобы собрать бригаду.

— Мне надоели эти брачно-любовные тела без признаков

жизни! — орал он в телефонную трубку. — Если мы будем на каждый эпизод в рамках одного и того же дела посылать разных людей, то никогда ничего путного не сделаем! Вы что, хотите, чтобы этот сумасшедший пол-Москвы угробил?

Тут Ольшанский, конечно, передергивал. У него не было ни малейших оснований считать, что смерти Людмилы Широковой, Любови Сергиенко и Ларисы Томчак — дело рук кровавого маньяка. Первое убийство и последовавшее за ним самоубийство были понятными и логичными по своим мотивам, другое дело, что сам механизм убийства Широковой оставался пока неясным, но маньяк-то тут при чем? Что же касается Ларисы Томчак, то версии строить рано, пока место происшествия и сам труп не осмотрены. Возможно, никакой связи с предыдущими смертями вовсе и нет.

Константин Михайлович обладал недюжинной следственной интуицией, которая являлась плодом многолетней работы, и иногда совершал действия, целесообразность которых не смог бы доказать никому, даже самому себе. Просто он так чувствовал. Но бывало такое не часто. В большинстве случаев Ольшанский являл собой яркий пример приверженности здравому смыслу, логике и последовательности рассуждений. С точки зрения логики и здравого смысла никаким маньяком в деле Широковой — Сергиенко и не пахло. Одна девушка некрасиво обошлась со второй девушкой, нагрела ее в смысле денег, а потом и соблазнила любовника. Вторая девушка, поплакав, пошла к колдуну-магу и попыталась наслать порчу на первую. Потом, когда первую девушку, знаменитую своей страстью к сексуальным забавам и неразборчивостью в контактах, кто-то убил, еще немного поплакала, поняла, что поступила неправильно, желая смерти ближнему, и покончила с собой. Ну и где тут место для маньяка, скажите пожалуйста? Ему при таком раскладе и вклиниться-то негде. Но тем не менее, разговаривая с разными начальниками, Ольшанский делал упор именно на маньяка, потому что твердо знал: под бытовое убийство, совершенное из мести или ревности, требуемых людей не дадут, будут подсовывать кого попало. А под маньяка дадут. Следователю очень хотелось развязаться с этим делом побыстрее, потому что было ему неуютно. Дербышев сидит в камере, сегодня вечером его надо выпускать. Если даже допустить, что Широкову убил именно он, стало быть, смерть Ларисы Томчак ко

всему этому отношения не имеет. Не мог Дербышев ее убить, сидючи в изоляторе. А если оба убийства связаны, то, стало быть, Виктор Александрович к ним не причастен. Или причастен? А тут еще звонки эти от трех или четырех депутатов Госдумы. «Мы готовы поручиться за Виктора Александровича... Это честнейший человек... Что вы себе позволяете... Это произвол чистой воды... Вы за это ответите...» И так далее. Не то чтобы Ольшанский побаивался представителей власти, он уже давно перестал бояться кого бы то ни было, потому что хорошо представлял себе кадровую ситуацию в правоохранительных органах. Для того чтобы следователя выгнали с работы, нужно, чтобы он совершил уголовное преступление. Вот так, не меньше. За все остальное его никто и пальцем не тронет. Работать-то некому, людей не хватает. А что до выговоров и взбучек, то по нынешним временам они тоже большой опасности не представляют. Это раньше, в благословенные времена застоя, можно было при наличии трех выговоров вылететь из очереди на квартиру или на машину или схлопотать понижение в должности. Теперь людей интересуют в основном деньги, а почести — уже во вторую очередь, посему и понижение в должности мало кого испугает: разница в окладах столь незначительна, что и говорить не о чем. На разницу в зарплате старшего следователя и просто следователя можно купить бутылку хорошего джина. Очередь на квартиру давно превратилась в фикцию, государственное строительство сунуло голову под крыло и сделало вид, что его никогда не было. Очередь на машину потеряла смысл: машин сейчас в автосалонах навалом, иди и покупай любую, хоть «запорожец», хоть «крайслер». Так что неприятностей по службе Ольшанский не больно-то боялся, он был человеком закаленным. А вот само дело его отчего-то смущало. Что-то в нем было... Даже словами не опишешь. И чувствовал себя Константин Михайлович неуютно и тревожно. Может быть, и впрямь ему маньяк здесь почудился?

Тело Ларисы Томчак было обнаружено в проходе под аркой неподалеку от места, где она жила, буквально метрах в ста от дома. Никаких признаков насилия поверхностным осмотром обнаружено не было. Такое впечатление, что женщина шла себе куда-то, внезапно почувствовала недомогание и слабость и прилегла. Арка была сквозная, по ней ходили люди и ездили машины. Обнаружил мертвую женщину человек,

который без четверти пять утра вышел из дому, чтобы успеть на электричку, отправлявшуюся в пять часов сорок две минуты с Павелецкого вокзала. Разумеется, чья-то смерть и чей-то труп — это не повод, чтобы отменять запланированные поездки. Во всяком случае, в наше время. Быстренько позвонив в службу «02» и сообщив о трупе, жизнерадостный мужчина продолжил путь на вокзал. Метро еще не работало, и часть пути ему предстояло пройти пешком. Без пяти пять служба «02» приняла сообщение о женщине, которая почему-то лежит под аркой и не шевелится. Ночь была тяжелая, в нескольких местах одновременно происходили «стрелки», закончившиеся не полюбовным соглашением, а кровавыми разборками, и сразу же послать опергруппу к месту, где лежит и почему-то не двигается какая-то женщина, возможности не оказалось. Правда, сообщение было передано в службу «03», и примерно через час по указанному адресу приехала «скорая». Врач констатировал смерть и благополучно отбыл. А что еще он должен был сделать? Если на улице лежит труп и никто не знает, как он тут появился, трогать его нельзя, за это можно от милиционеров по рогам получить. Стоять и охранять? Интересно вы рассуждаете. Люди вон часами «неотложку» дождаться не могут, а я тут должен ваши трупы стеречь. Нет уж, дорогие мои, давайте-ка сами. Одним словом, когда появились свободные машины, бензин у всех был на исходе. Пока решали вопросы с транспортом и горючим, на Петровку явился Юра Коротков, который в связи с тяжелой внутрисемейной обстановкой старался уйти из дома как можно раньше и на работе бывал обычно уже в восьмом часу утра. Зайдя в дежурную часть ГУВД, чтобы поприветствовать своего приятеля Васю Кудина, в минувшие сутки взявшего город под отеческое крыло, жесткий контроль и неусыпную опеку, Юра, как обычно, сунул нос в сводку. Сообщение о трупе женщины было одним из последних. Рядом другой рукой было приписано: «По сообщению врача «Скорой помощи» Дюкова В.К., у женщины в сумке документы на имя Томчак Ларисы Михайловны, проживает: улица....» Этого оказалось достаточным, чтобы майор Коротков, перепрыгивая через три ступени, влетел на пятый этаж и кинулся звонить Ольшанскому домой. После чего следователь, отправив Юру немедленно к месту обнаружения трупа, включился в процесс собирания бригады в нужном ему составе. Когда

Коротков прибыл на место, то, что открылось его взору, его не порадовало. Из дежурной части ГУВД сообщение было передано на территорию, и сотрудники из окружного управления, конечно, приехали, но тоже совсем недавно. К тому времени народ уже интенсивно сновал через арку туда и обратно, все было затоптано, а вокруг тела стояла плотная толпа любопытствующих. Правда, сразу же удалось выяснить, что около полуночи тела здесь еще не было, это совершенно точно, вон Верка со своим кобелем каждый вечер гуляет чуть не до часу ночи, кобель-то здоровенный, злой, его не то что детишки, а и взрослые боятся, вот она и гуляет, когда на дворе уж нет никого, и вчера гуляла, так она никого тут не видала. Нашлись и другие жильцы, которые или поздно возвращались, или гуляли с собаками, и по их словам выходило, что по крайней мере до половины первого ночи тела здесь не было. Стало быть, оно появилось где-то между часом ночи и половиной пятого утра.

Судебно-медицинский эксперт Айрумян первым делом определил давность наступления смерти. Получалось, что Томчак умерла задолго до того, как была привезена сюда и выброшена под аркой. Смерть наступила, по прикидкам эксперта, около одиннадцати часов назад, то есть примерно в десять вечера. Айрумян еще не закончил осматривать тело, поэтому все остальные пока томились в неведении о причинах смерти.

— Смотри, — шепнула Настя Короткову, дергая его за рукав и отводя в сторонку, — как все похоже на убийство Широковой. Нарядно одетая женщина обнаружена мертвой. Обе жертвы знают друг друга и имеют массу общих знакомых.

— Ты не совсем права, мать, — покачал головой Коротков. — Я вчера поздно приехал и не стал тебе звонить, но все не так уж гладко.

— Что-то нашел?

— Что-то. Именно что-то. То есть совсем непонятно что. Короче, Ася, высокопоставленные лошадники и прислуживающие им сотрудники клуба припомнили, что видели в конце лета странного молодого человека, который фотографировал на территории клуба. Он представился фотографом нового журнала, который рассчитан на «новых русских» и их скучающих от домашнего сидения жен. Журнал якобы на-

столько новый, что еще ни один номер не вышел, поэтому ничего удивительного, что его никто не читал и вообще в глаза не видел. Разумеется, никто не узрел ничего плохого в том, чтобы дать парню возможность сделать несколько фотографий с пейзажами, лошадьми, наездниками, тренерами, денниками и оздоровительным центром. Поскольку фотографа видели многие, то нашлись и такие, кто запомнил название журнала, от которого он якобы работал. Я потратил день на поиски, но теперь могу сказать тебе точно: такого журнала нет и никто о нем никогда не слышал. Даже о проектах разговора не было.

— Ясно. А почему ты сказал, что молодой человек был странный?

— Это не я сказал, это сотрудники клуба так его оценили. Чего-то он им не показался.

— В каком смысле?

— Асенька, они сами не могли мне членораздельно объяснить, что в нем странного. Только один или два человека отметили, что он производил впечатление гомика. Здоровенный такой, мускулистый, а что-то женственное в нем. Я, конечно, вцепился в них мертвой хваткой. Оказалось, им одежда его не понравилась. Брюки, дескать, слишком обтягивающие, а рубаха слишком нежная и вся в складочку, как в кино или в балете. Волосы длинные, но так сейчас многие ходят. Так что если фотографию Дербышева делал действительно этот тип, то нам нужно искать связь между Дербышевым, Широковой и Томчак. Где-то они все пересеклись. Но где?

— Будем искать, — вздохнула Настя. — Теперь, по крайней мере, понятно, куда дальше двигаться. У меня, между прочим, есть еще один вариант. Я последние дни тоже без дела не сидела и узнала одну любопытную деталь. У Стрельникова есть, как тебе известно, сынок Саша. Так вот этот Саша страсть как не хотел бы, чтобы его папа развелся и женился во второй раз. Саша у нас игрок, причем абсолютно безмозглый. Его интеллекта хватает только на то, чтобы тянуть из матери деньги, которые им регулярно дает Стрельников. Не будет Стрельников официально мужем Аллы Сергеевны, не будет и денежек. Так что убрать опасную для него Милочку Широкову сынок Сашенька вполне мог, мотив есть. Другой вопрос, почему убита Томчак. Кстати, пока не-

понятно, убита она или просто умерла от сердечного приступа...

Она не успела договорить, когда до них донесся голос эксперта Зубова:

— Эй, але! Настасья, иди-ка сюда.

Стоя на коленях на подстеленной газетке, Зубов вертел в руках маленькую серебряную фигурку.

— На, полюбуйся. — Он протянул фигурку Короткову.

— Что это?

— Нашел в кармане юбки. Да ты не ангелочка разглядывай, ты на надпись посмотри на обратной стороне.

Настя вырвала серебряного Купидона из рук Короткова и впилась глазами в тонкие изящные буквы: «Миле от Володи с любовью».

— Вот это номер, — пробормотала она. — Как эта подвеска попала к Ларисе?

— Одно из двух, — пожал плечами Юра. — Или Лариса Михайловна собственноручно задушила несчастную Широкову и по каким-то причинам забрала подвеску себе...

— Или их обеих убил один и тот же человек, — подхватила Настя. — И каким-то образом незадолго до смерти Лариса нашла фигурку и спрятала ее в карман. Но что могло ее привести к убийце? Откуда они знакомы?

— Что в лоб, что по лбу, — удрученно констатировал Коротков. — Все равно ничего не получается. Только одно точно установлено: Ларису убил не Дербышев.

К ним подошел Ольшанский и протянул связку ключей, извлеченных из сумочки Ларисы.

— Нечего время зря терять, топайте пока на квартиру Томчаков, посмотрите, может, там что есть. Только аккуратно, ничего не трогайте и не передвигайте. Мы здесь закончим и тоже туда переместимся. А фигурку давай сюда, у меня целее будет.

Отдав серебряного Купидона следователю, Настя и Юра Коротков пошли домой к Томчакам.

— Муж-то ее где? — вяло поинтересовался Юра. — Все еще на даче?

— Похоже, — кивнула Настя. — Во всяком случае, рано утром дома никто к телефону не подходил, я звонила. Там автоответчик включен. Ты знаешь, куда идти?

— А то. Я у них два раза был, и с Томчаком беседовал, и с Ларисой. Вон тот дом, первый после перекрестка.

Они поднялись в квартиру и долго стояли на пороге, внимательно осматривая пол в прихожей. Если бы им довелось увидеть какие-нибудь выраженные следы, они не стали бы заходить, дождались эксперта. Но никаких следов видно не было. Возле порога лежит мохнатый темно-коричневый коврик, стоя на котором полагалось снимать грязную обувь и уже дальше идти в тапочках или босиком. Тапочки побольше — вероятно, Вячеслава Петровича, — и поменьше, принадлежащие хозяйке, аккуратно стояли рядышком возле коврика. Нет, определенно Лариса Михайловна была спокойна, уходя из дома. Покидала квартиру она явно не в спешке и не в волнении. Кругом царил идеальный порядок, на полированной поверхности мебели не было ни пылинки.

— Пошли проверим автоответчик, — сказала Настя, снимая кроссовки и ступая на цыпочках. — По нему должно быть понятно, когда она ушла из дома.

На дисплее автоответчика светились цифры «04», и это означало, что после ухода Ларисы из дома ей оставили сообщение четыре человека. Настя нажала кнопку «new messages».

«Лариса Михайловна, это мать Геры Золотовского. Он опять стал беспокойным, я хотела проконсультироваться с вами, может быть, не надо пока давать то лекарство, которые вы ему недавно выписали. Я перезвоню вам завтра с утра».

«Ларочка, это Аня. Мой Геннадий сказал, что Слава должен в ближайшее время вернуться в Москву. Если это так, мы хотим пригласить вас в субботу на обед. Позвони мне и скажи, как ты на это смотришь. Целую».

«Ляленька, почему тебя так поздно нет дома? — раздался из автоответчика старческий скрипучий голос. — Уже одиннадцать часов, и я волнуюсь. Позвони мне обязательно, когда вернешься, я глаз не сомкну, пока не услышу твой голос».

«Вячеслав Петрович, вас беспокоят из уголовного розыска. Если вы дома, снимите, пожалуйста, трубку. Это касается вашей жены». Настя узнала свой голос и невольно усмехнулась. Он казался ей совсем не таким, каким слышался, когда

она разговаривала. Вероятно, черепная коробка резонирует и искажает восприятие звука.

После каждой записи электронный голос сообщал время, когда поступил звонок. Первый, от матери некоего Геры Золотовского, был без двадцати девять вечера. Настя вспомнила дело трехлетней давности об убийстве алкоголички и проститутки Вики Ереминой. Там тоже разгадка важных фактов была связана с автоответчиком, но в то время электронные голоса еще не сообщали день и час поступления сообщения, и ей тогда пришлось потратить много усилий на то, чтобы установить точное время некоторых звонков. Говорят, технический прогресс здорово помогает преступникам заметать следы и уходить от ответственности. Но и сыщикам он помогает. Вот, например, как сейчас.

Автоответчик пискнул три раза, после чего на дисплее засветились цифры «00». Настя озадаченно посмотрела на аппарат. Как же так? Почему «00»? На тех автоответчиках, которые она видела раньше, после прослушивания сообщения снова высвечивалось количество записанных звонков. Оно менялось на «00» только тогда, когда запись стирали при помощи кнопки «erase». Пока не сотрешь, запись сохраняется, как и показания индикатора количества звонков. А здесь что же? Запись автоматически уничтожается после первого прослушивания? Нет, этого не может быть. Это очевидная глупость. Мало ли какие сведения тебе передают? Может быть, адрес, имя или номер телефона, и если у тебя в этот момент нет под рукой ручки и ты не успел записать, то что? Все? С приветом?

— Юр! — крикнула она Короткову, который осматривал вторую комнату. — Иди сюда, пожалуйста. Я не справляюсь.

Коротков вышел из спальни, держа в руках пепельницу с одним окурком.

— Мадам изволили днем отдыхать, — заявил он. — Лежали на кровати, укрывшись пледом, и курили. Потом спали до половины шестого.

— Будильник? — догадалась Настя.

— Он самый.

— Почему ты уверен, что она не встает по утрам в половине шестого? Проверял?

— Не то чтобы проверял, но считал. Отсюда до поликлиники, где она работает, полчаса на машине. Собаки у Томча-

ков нет, стало быть, необходимость в утренних обязательных прогулках отпадает. Зачем Ларисе Михайловне вставать в такую бешеную рань?

— Тогда конечно. Либо она именно вчера по каким-то причинам должна была встать очень рано, либо ты прав, и она ложилась днем отдыхать, поставив будильник на половину шестого. Но это значит, что у нее были вполне определенные планы на вечер, иначе она спала бы себе без всякого будильника в полное свое удовольствие. Ей нужно было не проспать и не опоздать.

— Угу. Так ты зачем меня звала-то? — спохватился Коротков. — С чем ты тут не справляешься?

— У меня техническая тупость, Юрик. Я не могу справиться с этим автоответчиком. Он мне дал прослушать четыре сообщения и теперь показывает на счетчике два нуля. Это же неправильно.

— Почему? Нормально, — пожал плечами Юра. — Что тебя не устраивает, я не понимаю.

— А если я хочу их еще раз прослушать?

— Ну и слушай. Подними крышку, там есть другая кнопка.

Настя торопливо подцепила ногтем крышку и заглянула под нее. Так и есть, маленькая кнопочка с надписью «all messages», что в переводе на русский означает «все сообщения». Теперь понятно. Та, первая, кнопка прокручивает только новые сообщения, и после первого прослушивания они попадают в общий накопитель.

Настя приготовила блокнот и ручку и нажала кнопку. Первая же запись показала, что на пленке накопились сообщения по меньшей мере за неделю, но она решила проявить терпение и прослушать все. Мало ли что интересного она услышит...

Звонки от матери Ларисы, от пациентов, от Анны Леонтьевой и Аллы Стрельниковой, звонки, адресованные Вячеславу Томчаку... И вдруг:

— Здравствуйте, Лариса. Это Виктор Дербышев. Я получил ваше письмо с фотографией и очень хочу с вами встретиться. К сожалению, не смог застать вас дома. Я буду ждать вас сегодня от восьми до половины девятого вечера у выхода из метро «Академическая». Если вы не сможете прийти се-

годня и я не сумею еще раз дозвониться до вас, то буду ждать завтра в это же время в том же месте. Всего вам доброго.

Настя замерла, не в силах справиться с изумлением. Она не беседовала с Виктором Дербышевым и потому не могла бы утверждать, что это его голос, но ведь Дербышев задержан. Он в камере. А звонок поступил вчера около двух часов дня. Это как же понимать?

У нее за спиной возник Коротков, примчавшийся из кухни, которую осматривал, закончив работу в спальне.

— Что я слышу? — удивленно переспросил он. — Какой такой Дербышев? Когда это он ей звонил? И вообще, голос не его, могу поручиться. Я с ним каждый день часа по три разговариваю.

— Это не он, Юрик, — тихо сказала Настя. — Это убийца. Тот, который украл в офисе бумагу с пальцами Дербышева. Тот, который сделал фотографию и ловко подделал почерк Виктора. Он от имени Дербышева пригласил Милу Широкову на свидание и убил ее. И в точности то же самое проделал с Ларисой. Только не письмо ей послал, а позвонил. Если я пойму, почему одной из них он написал письмо, а другой позвонил, я пойму, в чем тут фокус.

— Но почему он так глупо поступил? Виктор Дербышев задержан. Зачем же преступник действует от его имени? Ведь можно легко проколоться. Как же он об этом не подумал?

— Он об этом не знал. Значит, это совершенно точно человек не из близкого окружения Дербышева. У него на фирме о задержании знают все поголовно.

— И соседи в доме знают, — подхватил Коротков. — Он просил меня, чтобы я поехал к нему домой, взял его любимую кошку и отдал кому-нибудь из соседей на то время, что его не будет, чтобы кормили. Выходит, убийца — человек не из ближайшего окружения Дербышева, но доступ к нему в офис все-таки имеет, раз бумагу прихватил. При этом Дербышев не знает его в лицо. Или у него есть сообщник.

— Ты имеешь в виду фотографа? — уточнила Настя. — Полагаешь, если убийца делал фотографии сам, то Дербышев должен был его узнать?

— Ну да. А если Дербышев его видел и не узнал, значит, либо он не знаком с убийцей, либо фотограф был просто третьим лицом. Либо Дербышев вообще не видел фотографа.

Это вполне может быть, между прочим. Ты вспомни фотографию. По ней четко видно, что Дербышев не позирует, он даже не смотрит в сторону объектива. А снят в полный рост и с расстояния метров в пять. Если фотограф стоял за деревьями или кустами, то Виктор мог его просто не заметить.

— Юр, ты можешь себе представить ситуацию, при которой Дербышев не был бы лично знаком с убийцей? Этот неизвестный человек планомерно подводит его под «вышак», а тот даже не догадывается, зачем и почему? Мы с тобой совсем недавно через это уже проходили. Помнишь дело о еврейских мальчиках? Черкасов тоже клялся и божился, что никому никогда не делал зла и врагов у него никогда не было. Меня сейчас больше интересует, откуда Лариса Томчак знает Дербышева и зачем она написала ему письмо, да еще фотографию свою вложила. Ты в разговорах с ней упоминал его фамилию?

— Нет, зачем? — Юра пожал плечами. — При обыске на даче у Томчака, когда мы письма нашли, конечно, фамилия Дербышева фигурировала, но не назойливо. А сам Томчак был так потрясен, что вряд ли вообще запомнил какие-то детали. И потом, там упоминались только имя и фамилия, ни отчества, ни домашнего адреса. Если бы Лариса Михайловна захотела разыскать абстрактного Виктора Дербышева, без отчества, адреса, года и места рождения, то она так быстро этого не сделала бы, можешь мне поверить.

— Ладно, поверю. Между прочим, дело Черкасова, раз уж мы с тобой о нем вспомнили, учит нас, что нужно очень тщательно копаться в биографиях подозреваемых. Там всегда можно отыскать что-нибудь интересное и полезное для дела. Возьмем, например, жену Стрельникова.

— А что жена Стрельникова? Чем тебе не показалась милейшая Алла Сергеевна?

Их дискуссия была прервана требовательным звонком в дверь. На пороге стоял следователь Ольшанский, за его спиной маячил Олег Зубов, еще более хмурый, чем был с утра, когда его выдернули на труп Ларисы Томчак прямо из постели, где он честно вылеживал бюллетень по случаю острой респираторной вирусной инфекции. Это было еще одной особенностью эксперта: при малейшем недомогании он немедленно брал больничный, проводил в обнимку с ним в постели ровно один день, после чего выходил на работу и всем

и каждому со страдальческим видом сообщал, что он тяжело болеет, но работы столько, что приходится пахать не разгибаясь, и вообще все кругом гады и несознательные эгоисты, нормально поболеть человеку не дают, он вынужден ходить на работу, а ему так плохо, так плохо... Работу свою Олег Зубов обожал и ни за что на свете не согласился бы болеть дольше одного дня, но ему совершенно необходимо было, чтобы окружающие отчетливо понимали, какую огромную жертву он приносит на алтарь раскрытия и расследования преступлений. Все должны понимать, как ему плохо, как он страдает, но мужественно выполняет свой долг. Все должны понимать, что он делает огромное одолжение, продолжая ходить на работу, хотя ему впору было бы лечь и умереть. Откуда взялись такие особенности характера у Олега, никто не знал, но, поскольку он работал на Петровке больше десяти лет, все привыкли и принимали его хмурое нытье как должное и неизбежное.

— Ну, что у вас тут? — с ходу вопросил Ольшанский, как будто был убежден, что в квартире Томчаков наверняка имеется разгадка двух смертей, надо только быть глазастым и ее найти.

— Кое-что есть, — ответил Коротков осторожно. — Ларисе Михайловне вчера около двух часов дня звонил некий мужчина, представился Виктором Дербышевым...

— Кем-кем? — перебил следователь. — Кем он представился?

— Виктором Дербышевым. Вероятно, этот человек не знал, что Дербышев задержан и находится у нас. Лариса Михайловна тоже этого не знала и потому поверила. Голос совершенно не похож, но Лариса опять-таки могла и не знать голоса настоящего Дербышева. Она написала ему письмо и вложила в него свою фотографию. И вчера некий человек под видом Дербышева позвонил ей, сообщил, что получил письмо, и назначил ей встречу возле станции метро «Академическая» с восьми до половины девятого вечера. Лариса Михайловна, придя вчера с работы, прилегла отдохнуть, вероятно, перед встречей с этим мужчиной, а в начале восьмого ушла. Машину свою она оставила вчера возле поликлиники, где работает, так что до «Академической» добиралась либо на метро, либо на такси.

— «Академическая», — пробормотал Ольшанский. —

Снова «Академическая». И Широкова туда ездила в день, когда ее убили. Можно подумать, что и ее мнимый Дербышев туда на свидание заманил. Черт знает что. Совсем я запутался.

Через некоторое время он отпустил Настю и Юрия и остался в квартире вдвоем с Зубовым. Это означало, что Ольшанский сядет на краешек стула посреди большой комнаты и будет долго молча думать, а Олег должен быть рядом, чтобы моментально кидаться проверять разные идеи, которые будут приходить в голову неугомонному следователю. Например: «Посмотри посуду на кухне. Чем недавно пользовались и что недавно мыли?» Или: «Посмотри в ванной. Какие полотенца влажные? Мокрое ли мыло? Когда в последний раз пользовались бритвой?» Никогда нельзя было угадать, что придет в голову следователю Ольшанскому, и Олегу Зубову ничего не оставалось, как терпеливо ждать указаний.

* * *

— Так что там насчет Аллы Сергеевны Стрельниковой? — спросил Коротков, садясь вместе с Настей в свою старенькую раздолбанную московскими дорогами и тяжелой жизнью машину.

— Скорее насчет ее сына. Ты можешь меня презирать, Юрик, но я не смогла справиться с чувством глубокого недоверия к Владимиру Алексеевичу Стрельникову, поэтому все сведения о нем собирала окольным путем. В частности, через Анну Леонтьеву, которая дружна с Аллой Сергеевной и недолюбливает самого Стрельникова. И через ее мужа Геннадия Федоровича Леонтьева, который обожает Стрельникова и равнодушен к Алле Сергеевне. Из сопоставления того, что я от них узнала, выясняется такая картинка: Алла Сергеевна систематически тянет деньги из Стрельникова на мнимые нужды, каковых на самом деле у нее нет. Геннадий Федорович с пеной у рта мне доказывает, какой его друг благородный и порядочный, и даже, уйдя от жены и находясь фактически в разводе с ней, давал за это время несколько раз большие суммы на дорогостоящие пластические и косметические операции, потом оплачивал Алле евроремонт в квартире и дважды — ремонт машины. Еще два раза давал деньги на то, чтобы она съездила отдохнуть за границу и ни в чем

там себе не отказывала. А жена Геннадия Федоровича Леонтьева Анна, не зная о моей беседе с ее мужем, смотрит на меня ясными глазками и рассказывает, какая Аллочка изумительная красавица, выглядит лет на тридцать, хотя у нее уже взрослый сын, и это без всяких косметических и пластических операций, все от природы. Аллочка такая труженица, света белого не видит, днями и ночами пропадает в своем Доме моделей, даже в отпуск не ездит никуда, кроме дачи, чтобы можно было в любой момент вернуться в город, на работу. У нее до такой степени нет времени ни на что, кроме работы, что она даже ремонт в квартире сделать не может. Я, Юрочка, готова допустить, что преданная и любящая подруга не станет рассказывать посторонним о том, при помощи каких усилий удается Алле Стрельниковой сохранять молодость и красоту. Но насчет ремонта она не врет. С Аллой разговаривал Миша Доценко, причем не один раз, он был у нее дома. Никаким евроремонтом там и не пахнет. И машину Аллы Сергеевны Миша посмотрел тихонечко по моей просьбе. Никакого дорогостоящего ремонта там не было. Машина 1992 года выпуска, в авариях не была, и даже такая технически тупая особа, как я, понимает, что дополнительных денег в нее не вложено ни копейки, кроме, может быть, сигнализации. Так вот теперь спрашивается в задачке, куда Аллочка Сергеевна девает эти деньги? Правильно, отдает сыну Сашеньке, который на них тешит свою азартную психику. И Сашеньке без этих дотаций будет совсем худо, то есть скучно жить на этом свете. Зато у Сашеньки есть подружка Наташенька, девушка экстра-класса, ездит на собственном автомобиле, более чем прилично зарабатывает, так как знает бухгалтерию, компьютер и два иностранных языка и работает в крупной фирме. Наташенька у нас тоже страстный игрок, причем даже еще более страстный, чем Сашенька, так, во всяком случае, уверяют завсегдатаи тех мест, где они регулярно играют. Ты куда меня везешь?

— На работу. Разве мы не на работу едем? — удивился Коротков.

— Да ну тебя, Юрик, я тебе рассказываю историю, соловьем разливаюсь, крыльями машу во все стороны, а ты меня не слушаешь. Я для кого стараюсь-то? Для себя, что ли?

— Я тебя слушаю очень внимательно.

— А если внимательно, тогда ты должен понимать, что не

на работу мы с тобой едем, а совсем в другое место. Во-первых, надо узнать, нет ли у фирмы, где работает наша подружка Наташенька, деловых контактов с фирмой, где работает Дербышев. Во-вторых, надо узнать, не продавала ли владелица брачного агентства «Купидон» конфиденциальную информацию о Людмиле Широковой, и если продавала, то какую и кому. И в-третьих, надо узнать, встречались ли когда-нибудь Людмила Широкова и Лариса Томчак с сыном Стрельниковых. Иными словами, знают ли они его в лицо.

— Я что-то не улавливаю ход твоих мыслей, — нахмурился Коротков. — Конечно, я тебе, мать, полностью доверяю, и если ты говоришь, что это все надо узнать, мы поедем и узнаем, но мне, честно признаться, не совсем понятно, и вообще есть хочется.

— Давай поедим где-нибудь, — охотно согласилась Настя. — Я сама уже умираю без кофе, засыпаю на ходу. А что касается хода мыслей, то он примитивно прост. Великовозрастный оболтус Сашенька Стрельников не на шутку испугался, что цепкая щучка Милочка Широкова захомутает его родного папеньку всерьез и надолго. Предыдущая папочкина пассия Люба была существом абсолютно непритязательным и потому полностью безопасным. Люба любила папу Володю всей душой и на его деньги не претендовала, ей нужно было только, чтобы папа был рядом. А Милочка — это совсем другое дело. И факт венчания в церкви продемонстрировал это всем совершенно недвусмысленно. Вот тут-то Сашенька с Наташенькой и понимают, что их азартным развлечениям приходит конец. Наташенька-то еще ничего, она девушка самостоятельная, ей на свою игру хватает, а Сашеньку она содержать не собирается, не такое он сокровище, чтобы тратить на него свои денежки. Значит, что? Правильно, противную хищницу Милочку надо убрать с дороги. За Милочкой устанавливается наблюдение, в ходе которого легко и быстро выясняется, что она посещает милейшую Тамару Николаевну, владелицу бюро знакомств. Или брачного агентства, если тебе так больше нравится. Тамаре Николаевне дается подарочек в виде конвертика с хрустящими зелеными бумажками и взамен получается информация о том, кому Милочка в ближайшее время напишет письмо с предложением познакомиться. Дальше все еще проще. Тамара дает им координаты Дербышева и номер его абонентского ящика, Сашенька с

Наташенькой вскрывают ящик, я пробовала, это совсем несложно. Знаешь, как это делается? Обхохочешься. Никто никогда не поставит на триста ящиков триста разных замков. Замков обычно бывает пять-шесть разновидностей, покупают по пятьдесят штук каждого вида и ставят на ящики. Это еще на заводе-изготовителе делают. Чтобы подобрать ключ к конкретному ящику, а не взламывать его, надо абонировать с десяток ящиков, получить от них ключи, один из них обязательно подойдет. Сашенька с Наташенькой подбирают ключ к ящику Дербышева, благо номер-то им Тамара Николаевна сказала, и ждут, когда туда упадет письмо от потаскушки Милочки. Письмо упало. Они его забрали и ушли. Таким образом, сам Дербышев действительно письма от Широковой не получал и фотографии ее не видел. И уж тем более не писал ей в ответ. Потом, а может быть, и раньше, Наташенька якобы по служебной надобности оказывается в офисе у Дербышева и ворует там немножечко чистой писчей бумаги для обычного принтера. Предварительно убеждается в том, что Дербышев за эти листы хватался руками, то есть оставил на них отпечатки своих пальцев. Там же ей удается раздобыть документ, выполненный Дербышевым от руки, этот документ им послужит образцом для копирования почерка. А Сашенька где-то примерно в это же время едет следом за Дербышевым в конно-спортивный клуб, прикидывается фотографом и делает снимки. Ему же нужно что-то послать Широковой в ответном письме. И это не может быть фотографией любого красивого мужчины, это должен быть снимок именно Дербышева, потому что у Тамары Николаевны в регистрационной карточке есть его фотография, и Мила ее видела. Ну а дальше все понятно. Детки пишут письмо Миле от имени Дербышева, назначают ей свидание на «Академической», а когда она приходит, заманивают на помойку на окраине города и убивают. Я только не могу понять, как они ее туда заманили. И какую тяжесть Мила несла в руках.

— Тебя послушать, так все остальное тебе понятно, — недоверчиво фыркнул Коротков. — О, вот приличное место, давай сюда зайдем. Здесь, кажется, еда не отравленная.

Он остановил машину перед невзрачного вида заведением. Внутри было сумрачно и тихо, пахло жареными беляшами и плохим кофе. Настя не была привередой, поэтому просто села в уголке, откинулась назад и прикрыла глаза. Она

очень устала, день начался так давно, что, кажется, тянется уже третьи сутки, а без чашки крепкого кофе каждые два часа она чувствует себя совсем разбитой.

— Тебе что принести? — спросил Юра.

— Все равно, — пробормотала она, не открывая глаз, — только чтобы кофе был крепкий.

Через несколько минут перед ней стояла большая чашка хорошего крепкого кофе и тарелка с бутербродами. Настя сделала глоток и удивленно глянула на Короткова.

— Откуда в этой дыре такой кофе? Можно подумать, что его сварили в домашних условиях лично для директора.

— Обижаешь, мать, — засмеялся Юра, — я тебя абы куда не поведу, мне еще жить хочется. Я хожу только туда, где есть гарантия уйти живым, в смысле не отравившимся. А гарантию такую может дать только личное знакомство с владельцем. Усвоила?

— Ты — мелкий взяточник, — беззлобно сказала она. — Но все равно спасибо.

— Спасибом не отделаешься. Объясни лучше мне, если ты такая умная, зачем Саша Стрельников корчит из себя педераста, носит облегающие кожаные брючки и сорочки со складочками и кружевами. Ты же сказала, что у него есть девушка, значит, он не гомосексуалист. Так зачем маскарад?

— А чтобы его никто не запомнил. Средство маскировки.

— Здравствуйте! Именно что его и запомнили, потому что он косил под голубого. Он же всем в глаза бросался своей необычностью.

— Ну правильно. И кроме этой необычности, кто что запомнил? Брючки кожаные, сорочка в оборочку, волосы длинные. Брючки и сорочку снял — и нет их. Парик снял — и нет волос. А лицо кто-нибудь запомнил? Голос? Манеры? Вот в том-то и дело. Это же азы криминалистики: запоминается в первую очередь крупное и яркое. Прическа, одежда. А нос и глаза — в самую последнюю очередь. Ты помнишь, какого цвета глаза у нашего с тобой начальника?

— У Колобка-то? Голубые.

— Точно?

— Абсолютно. Небесно-голубые. Можем поспорить на что хочешь.

— Не буду я с тобой спорить, Юрик, потому что у Колоб-

ка глаза рыже-зеленые. Я специально смотрела, когда в один прекрасный день поняла, что не помню, какие они.

— Да иди ты!

Коротков отложил на тарелку надкусанный бутерброд и уставился на Настю в полном изумлении.

— Не может быть. Ты меня разыгрываешь. У него глаза голубые.

— Нет, дружочек, рыже-зеленые. А ведь ты с ним сколько лет работаешь?

— Тринадцать, — удрученно признался Юра. — Да, уела ты меня. Но и я сейчас тебя уедать буду. Ладно, предположим, насчет Людмилы Широковой ты меня убедила, я готов согласиться, что все было так, как ты рассказываешь. А что случилось с Ларисой Томчак? Ее-то они зачем убили? Стрельников же не собирался на ней жениться. И потом, зачем они письма подбросили на дачу Томчаку? Какой в этом смысл?

— А никакого. Подстраховывались. По их гениальному замыслу обвинить в убийстве Широковой должны были Дербышева. Дербышев для них случайная жертва. Просто именно он был в этот период рекомендован Людмиле, именно ему она написала. На его месте мог оказаться кто угодно. Но на всякий случай следовало создать папочке миллион неприятностей в связи со смертью Милы, чтобы уж надолго отбить у него охоту к матримониальным поползновениям. И еще один важный момент, самый, может быть, важный. Чтобы подозрение пало на Дербышева, нужно, чтобы милиция нашла его письмо Миле. Если любовная переписка Широковой окажется в руках Стрельникова, то можно быть уверенным, что он ее уничтожит. И никто никогда никакого Дербышева не вычислит и будут искать другого убийцу. Не дай Бог, и Сашеньку с Наташенькой уличат. Другой вопрос, где они взяли эти письма. Может быть, они были в сумочке у Милы. Может быть, они были дома у Стрельникова, куда Саша, вполне естественно, имеет свободный доступ. Но это мы выясним у них самих, важно то, что письма нужно было довести до сведения милиции и желательно привязать к самому Стрельникову. А тут папочка, как нарочно, едет на дачу к дяде Славе Томчаку. Зачем он туда едет — вопрос десятый, но о том, что папа там был, милиция рано или поздно узнает. А не узнает сама, так можно будет ей помочь, подсказать, если надо.

Письма найдут, припишут Стрельникову ревность, начнут таскать. Разумеется, папочка Милу не убивал и сможет это доказать, но кровушки у него попьют — мало не покажется. Пусть знает, как за молодыми девками-то ударять.

— Хорошо, допустим, я готов принять твою версию. А Лариса? Она-то в этой истории каким боком?

— Может быть, она стала о чем-то догадываться. Она могла прекрасно знать истинную ситуацию с Аллой и Сашей и догадалась, что Саша приложил руку к смерти Милы. И написала письмо на абонентский ящик Дербышева, чтобы посмотреть, что получится.

— Нет, Ася, что-то ты не то говоришь, — поморщился Коротков. — Тут у тебя совсем концы с концами не сходятся. Как это она написала письмо? Почему? Откуда вообще ей стала известна фамилия Дербышева и номер его абонентского ящика?

— Не знаю, Юрочка. — Настя болезненно поморщилась и потерла пальцами лоб. Коварная головная боль все-таки подстерегла ее и набросилась из-за угла. — Я ничего не знаю. В этом деле множество дыр, которые нам с тобой еще латать и латать. Поехали, благословясь, к Тамаре Николаевне. Начнем с нее, чтобы не спугнуть голубков Сашеньку с Наташенькой.

Глава 12

Владелица брачного агентства «Купидон» Тамара Николаевна узнала Настю сразу, а на Короткова глянула вопросительно и недоуменно.

— У вас еще какие-то вопросы ко мне?

— Да, — кивнул Коротков. — И прежде чем мы начнем их задавать, я хотел бы сказать несколько слов.

Сегодня Тамара Николаевна выглядела куда импозантнее, чем в тот раз, когда к ней приходила Настя. Маникюр на руках был свежим, и прическа тоже выдавала недавнее посещение парикмахерской. Седина была аккуратно закрашена, а волосы уложены с элегантной небрежностью. Да и костюм на ней был дорогим. Теперь при взгляде на нее никто не усомнился бы в том, что дела ее фирмы идут хорошо.

— Тамара Николаевна, вы являетесь владельцем фирмы и

вольны строить свою работу так, как вам хочется. Информация, которой вы по роду своей деятельности располагаете, не является государственной тайной и на нее не распространяется запрет на разглашение. Я прав?

— Да, разумеется, — согласилась владелица «Купидона». — И что в связи с этим?

— Если вдруг окажется, что вы пользуетесь этой информацией не только в прямых интересах ваших клиентов, никто не сможет утверждать, что в этом есть нечто предосудительное. Это ваша информация, и вы можете делать с ней все что хотите. Даже продавать за деньги.

— Я вас не понимаю, — вскинула брови Тамара. — С чего вы взяли, что я продаю ее за деньги? Собственно, вся моя работа и состоит в том, чтобы продавать за деньги информацию одним лицам, нуждающимся в знакомстве, о других таких же лицах. О какой еще продаже может идти речь? Да, я и не скрывала с самого начала, что для некоторых клиентов я создаю более льготный режим, но, как вы справедливо заметили, это мое право. И никто его пока не оспаривал.

— Несомненно. Но если вдруг, я подчеркиваю — вдруг, окажется, что вы давали эту информацию не только вашим клиентам, никто не скажет, что вы не имели права этого делать. И никто не станет грозить вам за это пальчиком. А теперь вопрос: вы кому-нибудь говорили о том, что дали Людмиле Широковой координаты Виктора Дербышева?

— Говорила. — Тамара повернулась к Насте. — Я же вам говорила об этом, помните?

— Помню, — ответила Настя. — А еще кому?

Тамара Николаевна задумалась, потом решительно ответила:

— Больше никому. Во всяком случае, я об этом не помню.

— А если постараться? Повторяю, Тамара Николаевна, это ваше право, и никто не станет вас за это осуждать. Вспомните, пожалуйста.

— Нет. — Она медленно покачала головой. — Я такого не помню.

— Тогда я спрошу более конкретно. Не приходили ли к вам молодой человек по имени Александр или молодая женщина по имени Наташа и не просили ли вас дать им информацию о том, кому в ближайшее время Мила Широкова на-

пишет письмо с предложением познакомиться. Это случилось, вероятно, в конце августа — начале сентября.

— Совершенно точно — нет, — сразу ответила Тамара. — Я не смогла бы такое забыть.

— А если бы это случилось, вы бы дали информацию?

Тамара Николаевна встала с диванчика, сделала несколько шагов к окну, постояла задумчиво.

— Не знаю, — наконец сказала она. — Может быть, и дала бы.

— От чего это зависит?

— От цели, для которой нужна такая информация. Конечно, в первую очередь я подумала бы о том, не причинит ли это вред моим клиентам. Но если бы меня убедили в том, что ничего плохого из этого не получится и цель достаточно ясна, то, вполне вероятно, я дала бы информацию.

— Разумеется, не бесплатно? — уточнил Коротков.

— Молодой человек, — невозмутимо откликнулась Тамара, — мы с вами не в благотворительной организации живем. Сегодня бесплатно никто ничего не делает.

— Понятно, — кивнул Юра. — А вообще такие случаи бывали? Не с Широковой, а с кем-нибудь другим?

— Пока нет, — едва заметно улыбнулась владелица бюро. — Были случаи похожие, но это не совсем то, о чем вы спрашиваете.

— Например? — насторожилась Настя. — Что значит «похожие случаи»?

— Например, дама встречается с рекомендованным мной кавалером, он производит на нее неизгладимое впечатление, она очень хочет продолжить знакомство, а кавалер активности не проявляет, не звонит и, судя по всему, дамой не заинтересовался. Клиентка в истерике, ей кажется, что она встретила мужчину своей жизни, и она хочет знать, чем не устроила кавалера. Может быть, у нее есть шанс устранить недостаток. И она приходит ко мне с вопросом: с кем еще встречался этот мужчина? Особенно ее волнует вопрос о женщинах, которых я ему рекомендовала и с которыми он встречался длительное время. Какие они? Как выглядят? Чем занимаются? Какое у них образование и материальное положение? Вот с этим они ко мне обращаются, такие случаи бывали.

— И что же, вы им даете информацию?

— А почему нет? — ответила Тамара Николевна вопросом

на вопрос. — Если я хочу, чтобы люди нашли друг друга или хотя бы просто понравились друг другу, я должна им по мере возможности помогать. Конечно, я расскажу такой клиентке все, что знаю. Как знать, может быть, действительно она сможет что-то исправить в себе и привлечь внимание того мужчины, который так взволновал ее душу. Кстати, в моей практике дважды случалось такое. Первое знакомство результатов не дало, но потом дама, внимательно присмотревшись к более удачливым соперницам, кое-что кардинально изменила в себе и предприняла еще одну попытку. В результате мужчина от нее без ума и делает предложение.

— Вы в подобных ситуациях даете клиенту полную информацию? Я имею в виду имя, адрес?

— Нет, что вы. В этом просто нет необходимости. Я даю возможность взглянуть на фотографию и рассказываю о человеке все, что знаю. Ведь клиентку интересует именно это, а не имя и адрес. Она же не слежку собирается устраивать и не скандал неверному возлюбленному.

— Значит, вы точно помните, что никакой мужчина не приходил к вам и не просил рассказать об очередном знакомстве Людмилы Широковой? Может быть, это был неудачливый поклонник, который встретился с ней один раз и влюбился по уши, а она уклонялась от продолжения знакомства. Нет? Не было такого?

— Не было. Я не стала бы скрывать, можете мне поверить. Во-первых, Милу убили, и все это очень серьезно. А во-вторых, я вам уже сказала, что не вижу в подобной передаче информации ничего плохого. И вы, по-моему, с этим полностью согласны.

Настя и Коротков встали и стали застегивать куртки.

— Что ж, спасибо, Тамара Николаевна, — со вздохом произнес Коротков. — Простите, что отняли у вас время.

Тамара царственно кивнула в ответ и снисходительно улыбнулась.

* * *

— Ничего не понимаю, — расстроенно сказала Настя, садясь в машину. — Ведь должно же было получиться. Должно было.

— Ладно, не переживай, — успокоил ее Коротков. —

Может, Тамара твоя все врет. Она продала информацию Стрельникову и его подружке.

— Она не врет, — покачала головой Настя. — Ты же не зря столько времени потратил на то, чтобы убедить ее, что она может ничего не скрывать. И потом, она действительно считает, что имеет право продавать информацию, в этом нет ничего предосудительного. Как же они вышли на Дербышева? Откуда узнали номер его абонентского ящика? Кто им сказал, что именно в ящике Дербышева надо искать письмо от Широковой? Чертовщина какая-то, честное слово!

— Ася, не зависай, — посоветовал Юрий. — Нам надо было проверить три вещи. Остались еще две. Если по двум другим мы попадем «в цвет», то можно считать третью, которая первая, установленной. Подумаешь, не призналась эта сводница! Большое дело! Мы и без ее признания все узнаем. В конце концов, эти голубки нам сами все расскажут, когда мы их прижмем. Куда теперь едем?

— К Стрельникову. Попробуем выяснить, была ли Мила Широкова знакома с его сыном. А насчет того, была ли с ним знакома Лариса Томчак, я попрошу выяснить Ольшанского. Он все равно будет сегодня допрашивать ее мужа, его, наверное, уже с дачи доставили.

* * *

Время неумолимо двигалось, день близился к концу, а ясности в странном деле о трупах, связанных с брачным агентством «Купидон», становилось все меньше. Во-первых, Владимир Алексеевич Стрельников твердо стоял на том, что его сына Сашу Мила Широкова никогда не видела.

— Я не сторонник разводить избыточную семейственность, — сухо ответил он, когда к нему явились Коротков с Настей.

— Какую, простите, семейственность? — не понял Коротков.

— Избыточную.

Стрельников снисходительно усмехнулся и пояснил:

— Есть люди, которым нравится знакомить друг с другом всех своих друзей, родственников и даже случайных знакомых. Они создают вокруг себя сообщество взаимно знакомых людей и варятся в этом чане, теша себя иллюзией о том, что

вот какие они всеми любимые и как много народу всегда рядом. Есть даже такие, которые знакомят бывших и новых жен или любовниц и радуются тому, что дамы нормально общаются, не выцарапывают друг другу глаза и вообще вроде бы даже подружились. Вот это я и называю избыточной семейственностью.

— И сами так не поступаете?

— Никогда.

— Почему? Разве плохо, когда все ваши знакомые знают друг друга и дружат? По-моему, людям должно нравиться, когда вокруг них существует такое сообщество.

— Мне — нет, — отрезал Стрельников. — Я слишком хорошо знаю, что из этого получается. Во всяком случае, знакомить своего сына со своей любовницей я не стал.

— Это относится только к Широковой? Или Люба Сергиенко тоже не была с ним знакома?

— Не совсем так... С Любой мы долго жили вместе, и когда сын звонил мне, случалось, что к телефону подходила она. Но это было всего несколько раз, Саша редко мне звонит, крайне редко.

— Отчего же? — удивилась Настя. — У вас конфликт?

— Нет, отнюдь. Я сам звоню ему почти каждый день. Так что в его звонках нет необходимости. Только если уж что-то очень срочное. Но, повторяю, кроме нескольких кратких бесед по телефону, никакого общения между Любой и Сашей не было. Во всяком случае, я об их более тесном знакомстве не знаю.

— А с Милой? — напомнил Коротков, возвращаясь к главному.

— С Милой — тем более. Некоторое время назад у Саши появилась новая девушка, он увлекся, ему стало не до меня. Он и раньше-то звонил крайне редко, а теперь и вовсе перестал. Насколько я знаю, за то время, что в моей квартире жила Мила, Саша мне ни разу не звонил сам. Я, собственно, не понял, к чему эти вопросы. Почему вы интересуетесь фактом знакомства моего сына с Милой?

— Я объясню, — пообещал Юрий. — Но попозже. А сейчас скажите, пожалуйста, семья Томчаков знает Сашу?

— Естественно. С самого рождения. Как же может быть

иначе, если мы со Славой Томчаком дружим с первого курса института.

— Значит, Лариса Михайловна тоже его знала?

— Ну конечно. — Стрельников начал раздражаться, причем очень явно. — После того как Лара закончила медицинский и стала врачом, мы все проблемы с болезнями решали через нее. Когда Саша в семь лет упал с дерева и заработал легкое сотрясение мозга, Лара сказала, что будет сама его наблюдать, потому что такие травмы, даже легкие, могут с возрастом давать осложнения, особенно в период полового созревания. С тех пор она осматривала Сашу не реже двух раз в год на протяжении многих лет. Слава Богу, обошлось без последствий. Лара уверяла, что он абсолютно здоров.

Вернувшись на Петровку, Настя позвонила следователю Ольшанскому. Он, со слов уже допрошенного Томчака, повторил ей то же самое. Получалось, что не узнать Сашу Стрельникова Лариса не могла, в каком бы гриме он ни был. Получалось... то есть опять ничего не получалось. Милу Широкову юный игрок убить мог, а Ларису Томчак — нет. И нужно было начинать все сначала.

— Константин Михайлович, что с Дербышевым-то делать? — уныло спросила Настя следователя. — Его выпускать надо, срок истекает. А у меня никаких идей. Еще утром их было полно, а сейчас все лопнули с оглушительным треском.

— Плохо. Огорчаешь ты меня, Каменская, — очень серьезно ответил тот. — Давай, что ли, попробуем старый испытанный способ всеобщего штурма. Вдруг да поможет.

— Это как?

— А просто. Сажайте Дербышева в спецмашину и везите сюда, ко мне. И вызывайте сюда же на восемь вечера всех остальных — Стрельникова, Леонтьева с женой и Томчака. А к девяти вечера доставьте юную парочку — Сашу Стрельникова и его подружку. Ты, кстати, у нее на фирме побывала?

— Побывала, — вздохнула Настя. — Там тоже все расплывчато, ни два ни полтора. Наталья Загребина на прекрасном счету, квалифицированный и дисциплинированный сотрудник, ни в чем подозрительном не замечена. Прямых контактов с фирмой, где работает Дербышев, у ее организации нет, в том смысле, что они не ведут общих дел. Но это, разумеется, не исключает, что Загребина могла явиться на

работу к Дербышеву. Повод найти несложно, поскольку обе фирмы так или иначе связаны с недвижимостью. И еще одна деталь. Загребина, по сведениям нашего адресного бюро, в Москве не прописана, хотя на работе все дружно утверждают, что она коренная москвичка.

— Где сейчас эта сладкая парочка?

— По последним сведениям, дома у Стрельникова-младшего. Мы на это направление бросили Селуянова, он утверждает, что Загребина обычно до пяти часов находится на службе, потом садится в свой сверкающий автомобиль и едет встречаться с Сашей. Как правило, часов до десяти вечера они или находятся в его квартире, или куда-нибудь ездят вместе, а потом отправляются туда, где можно во что-нибудь поиграть. Селуянов, например, выяснил, что в течение последней недели их дважды видели там, где играют в карты покрупному, и трижды в казино.

— Что еще рассказывает твой глазастый Селуянов?

— Что Сашенька Стрельников носит длинные волосы и имеет щуплое телосложение. И это меня убило окончательно. Длинные волосы — это, конечно, хорошо, в этом случае он вполне тянет на роль неизвестного фотографа, которого видели в конноспортивном клубе. А вот то, что он физически не особо развит, говорит о том, что либо у него был подельник, либо он вообще к убийствам не причастен. Вы помните, на теле Широковой не было следов борьбы. Разве слабенький щупленький юноша смог бы задушить ее так ловко и быстро, чтобы не было необходимости с ней бороться? Он должен был оставить на ее теле синяки и царапины, а их не было. И еще одно. В местах обнаружения трупов Широковой и Томчак не было следов волочения. Если дамы умерли не там, где мы их нашли, их должны были привезти на машине и выбросить. Но взрослая женщина — это же не пустая пачка из-под сигарет, Константин Михайлович, ее невозможно скомкать и просто выкинуть в окно автомобиля. Ее надо засунуть в машину и потом вытащить оттуда. Физически неразвитый человек намучается, пока сделает это. Во-первых, на теле и одежде жертвы обязательно останутся следы от таких упражнений, причем очень заметные и характерные, а их нет. И на земле будут следы волочения. А их тоже нет.

— Стало быть, Стрельников действовал вдвоем с Загребиной. Что тебе не нравится в этом варианте?

— Мне не нравится то, что Лариса Томчак прекрасно знала Сашу Стрельникова. В том числе и знала его голос. Значит, от имени Дербышева ей звонил не он. И на свидание к метро «Академическая» приходил тоже не он. В деле есть еще один мужчина. Похоже, именно он стоит за спиной азартных деток Сашеньки и Наташеньки. Мы сейчас в темпе собираем сведения о Загребиной, может быть, это ее любовник или родственник, хитрый и жестокий тип, который все это и придумал. Только ей-Богу, я не могу понять, зачем он все это делает.

— Мстит Стрельникову за что-нибудь? — предположил следователь.

— Может быть, — согласилась Настя. — Но как он смог привязать ситуацию к Дербышеву? Это самое слабое звено. Из-за него у нас все не состыковывается.

— Значит, я прав, без общего штурма не обойтись, — констатировал Ольшанский. — Соберем их всех вместе в моем кабинете и будем держать до тех пор, пока не выясним, какие между ними существуют тайные связи и взаимные конфликты.

— Как скажете.

Настя положила трубку и уставилась невидящими глазами в окно. Замысел Ольшанского ей не нравился. Совсем не нравился. Но спорить со следователем она не стала просто в силу того, что не могла предложить ничего более продуктивного. Да, такой прием, как «общий штурм», существовал издавна и был хорошо известен, но для его применения надо иметь особый характер. Когда в одной комнате собираются люди с прямо противоположными интересами, люди, которым есть что скрывать и которые не хотят, чтобы истина вышла наружу, велика опасность возникновения скандала с криками, хватанием друг друга за грудки, взаимными оскорблениями, слезами, истериками и даже сердечными приступами. И следователь, собравший в своем кабинете такую компанию, должен быть опытным режиссером, умеющим чувствовать аудиторию, и всю вместе, и каждого участника в отдельности, и дирижировать оркестром так, чтобы в финале вместо чистого завершающего аккорда не получилась какофония. Может быть, Константин Михайлович все это и умел.

А вдруг нет? Вдруг из запланированного им на вечер сборища не выйдет ничего, кроме суматошных разборок и невнятных выкриков? А ведь «штурм» — это такое мероприятие, после которого, как говорится, хода назад уже нет. Все участники собрались вместе и друг на друга посмотрели, всем им была выдана определенная информация, и если спектакль не удается, на быстром и успешном завершении следствия можно ставить большой жирный крест. Больше от этих людей уже ничего не добьешься.

За окном стало совсем темно. Настя стряхнула с себя оцепенение и поплелась в кабинет к своему начальнику полковнику Гордееву.

— Ты Костю не знаешь, — заявил Гордеев в ответ на ее сомнения. — У него в кабинете не поскандалишь, он эти номера быстро пресекает. Сама-то поедешь представление смотреть?

— Куда ж я денусь, тем более что Ольшанский велел. Но душа у меня не лежит к этому, честное слово, Виктор Алексеевич. Не люблю я...

— Ладно, ладно, — перебил ее полковник, — при себе оставь. Всем известно, чего ты любишь и чего не любишь. Твоя бы воля, ты бы вообще всю жизнь в тихом уголке просидела в обнимку со своими бумажками и цифирками и строила бы козни из-за угла. Так не бывает, Настасья, иногда приходится и в открытую играть. Конечно, конфликтную ситуацию со множеством участников не каждый выдержит, это верно. Ты — не выдержишь. А Костя — он другой. Плевать он хотел на чужие эмоции.

Настя вернулась к себе, признавая, что Гордеев, наверное, прав. Есть люди, которые «цепляют» эмоциональный настрой собеседника, как вирус гриппа во время эпидемии. Они мгновенно заражаются чужой нервозностью, и их бывает легко втянуть в скандальное выяснение отношений на повышенных тонах. Правда, надо отдать таким людям должное, они и положительные эмоции «цепляют», потому-то и обладают способностью искренне и горячо радоваться за других. Есть и другие люди, которые тоже остро реагируют на разгорающийся в их присутствии конфликт, но при этом не начинают нервничать вместе со всеми, а просто отгораживаются, замыкаются в себе, уходят в свою раковину и уже не в состоянии сделать ничего толкового. По-видимому, следователь

Ольшанский не принадлежал ни к первой категории, ни ко второй. Он умел подняться над ситуацией, с любопытством взирая на копошащихся внизу скандалистов, извлекая пользу из каждого сказанного ими слова и вовремя покрикивая на них, заставляя замолчать или направляя разговор в другое, нужное ему русло. Хорошо, если так.

* * *

Неунывающий шутник и балагур Николай Селуянов нес вахту возле дома, где находилась квартира Стрельникова-младшего. Юноша вместе со своей подружкой Натальей Загребиной явился час назад, и Николай приготовился к долгому, часов до десяти вечера, ожиданию. Он наблюдал за парочкой со вчерашнего дня и не переставал удивляться ее... как бы это помягче выразиться... негармоничности, что ли. Длинноволосый хлюпик Сашенька, нигде не работающий, денег не зарабатывающий и вообще не имеющий в активе ничего, кроме собственной хаты, и рослая красавица, хорошо оплачиваемый референт солидной фирмы, раскатывающая на сверкающей иномарке. Что между ними может быть общего? Только неуемная страсть к азартным играм?

Из машины Селуянову хорошо был виден и подъезд дома, и открытое окно квартиры Александра Стрельникова. Он расслабленно откинулся на сиденье и уже приготовился было в очередной раз закурить, когда увидел неторопливо бредущих в его сторону троих молодых людей, лица которых были ему хорошо знакомы. Неприметные куртки из плащевки, темные брюки, деланно тяжеловатая, как бы ленивая походка. Николай вышел из машины и нырнул в ближайший подъезд, убедившись предварительно, что троица в куртках его заметила. Через пару минут они уже стояли рядом с ним в подъезде.

— Вы никак на подмогу? — скептически осведомился Коля.

— Да вроде, — неторопливо отозвался один из них. — Как там наши детки в клетке?

— Воркуют, надо думать. Время у них еще есть до начала вечерних буржуинских игрищ. Так вы чего, ребята, правда на смену?

— Не совсем. Велено их к двадцати одному доставить в

горпрокуратуру. Вот постережем их часиков до восьми, да и двинем.

— С чего это? — изумился Селуянов. — Случилось что-нибудь? С утра вроде задержание не планировали: На них же нет ничего, никакой фактуры. Или уже есть?

— А это и не задержание будет, а вежливый привод. Ольшанский с ними разговоры разговаривать желает, но не раньше двадцати одного ноль-ноль. Поговорят и разойдутся.

— Может быть, — философски добавил другой оперативник. — А может быть, после разговора и задержание состоится.

— А почему к девяти вечера? — настырно допытывался Селуянов. — Почему не сейчас? Чего он тянет-то? Нет, ребята, вы что-то знаете, а мне не говорите. Свинство это с вашей стороны.

— Да брось, Колька, — махнул рукой первый оперативник. — Ольшанский к восьми часам каких-то других фигурантов собирает, за ними Коротков и Доценко отправились. Их же пока всех найдешь, да пока привезешь... В общем, морока. Он с ними часок помается, а там и детки в аккурат подоспеют.

— Ну тогда ладно, — успокоился Коля. — Я вам нужен?

— Обойдемся своими силами, — хмыкнул третий, до сих пор хранивший молчание. — Нет, ты, конечно, можешь поучаствовать, если есть желание.

— Мне надо одну вещь проверить. Я сейчас быстренько смотаюсь кое-куда, а к восьми вернусь. Идет?

— Давай, двигай. Если не вернешься, мы без тебя пойдем. Четвертый этаж, квартира семьдесят шесть, точно? В лицо мы их знаем, так что если они куда соберутся, мы их не пропустим.

Пожав руки коллегам, Селуянов сел в машину и отправился проверять «одну вещь», которая недавно пришла ему в голову и последние несколько часов прямо-таки покоя не давала.

* * *

В кабинете следователя Ольшанского было тихо и душно. Для такой небольшой комнаты народу собралось явно многовато, а открыть окно Константин Михайлович не решался — стояла холодная погода с сильным ветром и до-

ждем. Сам хозяин кабинета восседал за своим рабочим столом, а вокруг длинного приставного стола сидели Вячеслав Петрович Томчак, Владимир Алексеевич Стрельников, Геннадий Федорович Леонтьев с супругой и Виктор Александрович Дербышев. Настя заняла стоящее в уголке старенькое продавленное кресло и оттуда с любопытством наблюдала за развитием событий. Развития, впрочем, никакого не было. С момента начала «спектакля» прошло уже минут сорок, а дело не двигалось. Сорок минут назад Константин Михайлович объявил:

— Уважаемые господа! Расследуя дела об убийстве вашей, Владимир Алексеевич, приятельницы, — за этим последовал кивок в сторону Стрельникова, — и вашей, Вячеслав Петрович, супруги, мы столкнулись с тем, что в этих преступлениях замешан некто, действующий под именем господина Дербышева. Я повторяю: некий человек, прикрываясь именем Виктора Александровича Дербышева, принимал участие в убийствах Людмилы Широковой и Ларисы Томчак. Кто этот человек — я не знаю. И я хочу, чтобы на этот вопрос мне ответили вы.

Некоторое время в кабинете царило ошеломленное молчание. Первой пришла в себя Анна Леонтьева.

— Что значит «прикрываясь именем»? — спросила она. — Вы хотите сказать, что сам вот этот вот... гражданин... он ни при чем? Вы абсолютно уверены в его невиновности?

— Теперь — абсолютно, — твердо произнес Ольшанский. — Могу вам сказать, что с самого начала подозрения в его адрес были очень сильны, настолько сильны, что мы даже задержали его и трое суток продержали в камере. Именно в течение этих трех суток погибла жена Вячеслава Петровича, и нам стало известно, что за несколько часов до ее смерти ей звонил человек, который представился Виктором Дербышевым. Сами понимаете, при таких условиях Виктор Александрович не может быть лично причастен к убийству. Поэтому я попрошу вас как следует подумать и сказать мне, где, когда и в связи с чем ваши пути могли пересечься.

— Да я его в первый раз вижу, — раздраженно откликнулся Геннадий Леонтьев.

— Мы никогда не встречались, — тут же поддакнул Стрельников.

— Нет, — покачал головой Томчак. — Я его не видел раньше. Не представляю... Это какая-то ошибка.

— Ну хорошо, — миролюбиво сказал следователь. — А вы что скажете, Виктор Александрович? Вот перед вами сидят четыре человека. У одного из них погибла подруга, у другого — жена. У третьего пока ничего не случилось, но все они дружны более двадцати лет, учились в институте в одной группе, затем вместе работали. В известном смысле можно утверждать, что они — одно целое. И в вашем окружении есть человек, который где-то с ними пересекся. Более того, это человек, настроенный к вам явно недоброжелательно, потому что хочет спихнуть на вас вину за два убийства. Не хочу показаться вам пессимистом, но если сегодня мы с вами совместными усилиями не разберемся в проблеме и разойдемся ни с чем, то завтра беда может прийти в дом супругов Леонтьевых. И подозрения скорее всего снова будут лежать на вас, Виктор Александрович.

— Бред какой-то, — выдохнул Стрельников. — Ничего не понимаю. Да с чего вы взяли, что между нами может быть хоть что-то общее?

— Давайте не будем открывать дискуссию по поводу обоснованности моих предположений, — холодно произнес Ольшанский. — Я задал вам всем вопрос и буду ждать ответа до тех пор, пока не получу его. И прошу вас забыть о мифическом пределе, который якобы наступит в двадцать три часа. Законы запрещают допрашивать людей в ночное время, но я пренебрегу законом, если это нужно для предотвращения очередного убийства. Вам понятна моя позиция? Никто из вас отсюда не выйдет, пока вы не назовете мне факт, связавший вас всех.

Сидящая в уголке Настя усмехнулась про себя. Мир должен перевернуться, чтобы Константин Михайлович Ольшанский собрался грубо нарушить закон. Скорее всего он и не собирается держать этих людей в здании прокуратуры всю ночь напролет, он уверен, что все разъяснится гораздо быстрее. Однако прошло уже сорок минут, а ничего пока не прояснилось. После первого шока четверо мужчин и дама начали, довольно, впрочем, вяло, перечислять основные вехи своих биографий. Ольшанский умело руководил процессом обсуждения, то и дело вставляя:

— А куда вы ездили отдыхать?

— В каких больницах лежали?

— С какими попутчиками знакомились в поездах и самолетах?

— С кем знакомились в гостях, на банкетах, на юбилеях?

Настя внимательно слушала все, что говорилось в кабинете, и думала о том, что не зря, наверное, существует теория, согласно которой между любыми двумя людьми на нашей планете существует связь длиной максимум в пять звеньев. Это казалось невероятным, но взятые наугад примеры почти всегда это подтверждали. Настина мать, профессор Каменская, несколько лет работала в одном из крупнейших университетов Швеции. Ректор этого университета был лично знаком с премьер-министром, а тот, в свою очередь, с президентом США. Таким образом, между самой Настей и Биллом Клинтоном оказалось всего три звена.

В ходе обсуждения выяснялось, что пути троих друзей и Виктора Дербышева частенько подходили вплотную друг к другу. Настолько вплотную, что между ними оставалось буквально одно звено. Но все-таки оставалось. Они действительно никогда раньше не встречались. И общих врагов у них не было.

— Что ж, перейдем к врагам индивидуальным, — заявил Ольшанский. — Начнем с вас, Виктор Александрович. А вас, господа, прошу быть предельно внимательными к каждому названному имени.

Врагов у Дербышева не оказалось. Он, конечно, пытался назвать какие-то фамилии, но после того, как он указывал причину конфликта с данным человеком, становилось понятным, что это «типичное не то».

— А ваш сын? — снова встрял следователь. — Насколько мне известно, отношения у вас более чем напряженные.

— Ну при чем тут мой сын? — вспыхнул Дербышев. — Я с ним не общаюсь.

— Вот именно, — кивнул Ольшанский. — Вероятно, он на вас очень сердит, раз слышать о вас не хочет.

— Вы что, полагаете, что Витя... да нет, это чушь! Витя не хочет обо мне слышать, но какое отношение он имеет к этим господам?

— Действительно, никакого, — вздохнул Константин Михайлович. — Анастасия Павловна, что скажете?

— Вы правы, — согласилась Настя. — Сын Виктора Александровича никогда не был знаком ни с Широковой, ни с Ларисой Михайловной. Ему не за что было их убивать.

— Вот именно, — горячо подхватил Дербышев. — Оставьте мальчика в покое.

— Ладно, оставим. А его сестра? Не могла она затаить на вас злобу? Все-таки ее мать покончила с собой после того, как вы ее бросили.

— Прекратите копаться в чужом грязном белье! Как вам не стыдно? Да, я расстался с ее матерью, ну и что? Тысячи мужчин уходят от своих жен, и ничего катастрофического от этого не случается. Если хотите знать, я и ушел от нее потому, что Надя была крайне неуравновешенной, склонной к депрессиям и частым перепадам настроения. Вообще странно, что я столько лет это выносил. Но и моему терпению пришел конец. Кстати, Наташа прекрасно это понимала. Витя меня, конечно, не простил, а Наташа — взрослый разумный человек, и мы с ней поддерживаем отношения до сих пор. Ей тоже тяжело было с матерью, и когда мы с Надей расстались, Наташа сказала, что даже завидует мне. Если бы у нее была возможность, она бы тоже ушла, но мать есть мать.

— Вы хотите сказать, что с Наташей вы продолжаете общаться?

— Конечно. Она постоянно звонит мне, мы часто встречаемся. Поймите, мы столько лет прожили бок о бок, что между нами сложились нормальные теплые отношения. Витя еще ребенок, он подвержен юношескому максимализму, а Наташа взрослее и намного мудрее. Она и помощь от меня принимает, но тайком, чтобы Витя не знал.

— Вот, значит, как, — задумчиво произнес Ольшанский.

Настя с интересом наблюдала за происходящим. Все то, что сейчас говорил Дербышев, они уже и без того знали, поскольку, проверяя Витю Дербышева, естественно, проводили разведопрос его старшей сестры. Она отзывалась о Витином отце спокойно и доброжелательно, во всяком случае, сотрудник, который с ней встречался, вынес из разговора с ней именно такое впечатление. На его мнение Настя вполне полагалась, это был достаточно опытный оперативник «с территории», который работал на подхвате, выполняя разовые поручения по проверке Дербышева-старшего, пока тот томился в камере.

Она взглянула на часы. Без трех минут девять. Сейчас должны доставить сына Стрельникова вместе с его нигде не прописанной подружкой Загребиной. То-то радости будет у Владимира Алексеевича...

* * *

. Селуянов гнал машину во всю мочь, надеясь успеть в прокуратуру раньше, чем туда привезут парочку азартных игроков. Так и есть! Он чувствовал, чувствовал, что тут не ладно! И что бы ему, дураку, раньше-то сообразить да проверить?

Дорога была мокрой, и ехать приходилось не так быстро. Коля понимал, что времени у него совсем мало. Ему очень не хотелось звонить Ольшанскому из автомата, такие сведения надо сообщать с глазу на глаз, вызвав следователя из кабинета, но, похоже, выхода не было. К девяти вечера он в прокуратуру уже не успевал. Может, все-таки попробовать прорваться?

Николай принял решение. Впереди два противных перекрестка и переезд через Большой Каменный мост, на которых есть шанс застрять в пробке. Он посмотрит, как там обстановка, и если не проскочит сразу же, тогда будет искать автомат. Метров за двести до первого из коварных перекрестков Селуянов увидел, что дорога достаточно свободна, машины идут на зеленый сигнал светофора, и увеличил скорость в надежде успеть проехать до того, как загорится красный свет. И он успел бы, если бы асфальт не был таким мокрым...

* * *

Ровно в двадцать один ноль-ноль в дверь кабинета Ольшанского постучали.

— Разрешите заводить, Константин Михайлович?

— Давайте.

Дверь распахнулась, и в сопровождении трех оперативников в кабинет вошли Александр Стрельников и его подружка. Настя видела их впервые. Юноша действительно был хлипким и невысоким, с длинными волосами, перехваченными кожаной повязкой-банданой. Наталья Загребина была на полголовы выше ростом, в мешковатых джинсах и свобод-

ном свитере до колен, полностью скрывавшем очертания фигуры

— Саша?! — воскликнул Стрельников-старший.

— Наташа? — почти прошептал Дербышев.

И в этот момент Настя все поняла. Но было уже поздно. Нельзя было устраивать эту встречу! Что же теперь делать? Хода назад нет, они уже увидели друг друга. Ольшанский молча обводил глазами присутствующих, и по его напряженному лицу Настя видела, что он тоже начал догадываться. Значит, истинной жертвой всего, что происходило, должен был стать Виктор Дербышев, а вовсе не Стрельников. Мила Широкова была только средством достижения цели, случайно попавшим под руку убийце. Но почему Загребина? Ведь ее фамилия Цуканова...

— Ну что, козлы, — раздался грубый насмешливый голос молодой женщины, — собрались в кучку? Может, заодно и обсудим, кто из вас изнасиловал мою мать?

Настя перехватила ошеломленный взгляд одного из оперативников и быстро кивнула. Ситуация явно выходила из-под контроля, можно было ожидать чего угодно вплоть до рукоприкладства и сердечных приступов. Пусть ребята постоят у двери на всякий случай.

— Продолжим, — произнес следователь, быстро вновь обретший хладнокровие. — Наталья Александровна, Александр Владимирович, прошу садиться. Вон на те стульчики, пожалуйста. Вы, я так полагаю, знакомы, представлять вас не нужно.

Саша Стрельников послушно уселся на стул, указанный Ольшанским, Наталья же продолжала стоять, переводя злобно-насмешливый взгляд со Стрельникова-старшего на Томчака и Леонтьева.

— Наталья Александровна, — терпеливо повторил Ольшанский, — сядьте, будьте любезны.

— Постою, — небрежно бросила она.

Короткий взгляд, брошенный следователем в сторону стоящих у двери оперативников, был достаточно красноречивым. Один из оперативников сделал шаг в сторону Загребиной и аккуратно взял за плечо, подталкивая к свободному стулу. И в ту же секунду отлетел в сторону, как назойливый щенок. При этом Насте показалось, что Загребина даже не

пошевелилась, настолько легким и незаметным было сделанное ею движение. Еще одна догадка мелькнула в голове, и Настя опустила глаза, разглядывая обувь молодой женщины. Так и есть, ножка маленькая, аккуратная, при росте в сто семьдесят пять сантиметров размер обуви обычно бывает чуть побольше. Впрочем, считается, что маленькая нога — признак аристократизма. Теперь понятно, что произошло в том месте, где нашли задушенную Широкову. То-то Настя маялась, пытаясь понять, какую такую тяжесть несла в руках Мила...

— Наталья Александровна, — все так же спокойно продолжал следователь, словно ничего особенного не произошло, — в этом кабинете все делают то, что я приказываю. Если вы собираетесь выяснять отношения с присутствующими, я буду это только приветствовать, но при этом вы все-таки должны сесть. В противном случае мне придется встать, поскольку вы как-никак дама. Я уже не молод и сегодня устал. Прошу вас, не создавайте мне неудобства. Сядьте.

Как ни странно, Загребина послушалась и села, но выражение лица у нее при этом было все такое же злорадно-насмешливое.

Один из оперативников подошел к столу следователя и молча положил перед ним два паспорта. Ольшанский открыл их и быстро перелистал.

— Наталья Александровна, почему по месту вашей работы вас знают под фамилией Загребина? В паспорте у вас указана совсем другая фамилия. Кстати, и в местах, где вы изволите столь азартно развлекаться в вечернее время, вас тоже знают как Загребину. Это как же понимать?

— Я вышла замуж, — равнодушно сообщила Наталья.

— И где ваш муж, позвольте спросить?

— Понятия не имею. Мы почти сразу же развелись.

— Значит, паспорт вы не поменяли, а на работе показали свидетельство о браке, в котором написано, что вы берете фамилию мужа?

— Ну да.

— Как же, Наташа... — раздался голос Дербышева. — Ты вышла замуж? Когда? Почему ты мне ничего не сказала? И вообще, почему тебя привезли сюда?

— Ой, да заткнись ты, — бросила она. — Тебя не спросила.

Томчак, Стрельников и Леонтьев хранили молчание. Вид у них был такой, словно они увидели привидение. И снова Анна Леонтьева первой пришла в себя.

— Позвольте, что означает эта фраза насчет изнасилования? — возмущенно спросила она. — Кто такая ваша мать?

— Мать Натальи Александровны звали Надеждой Романовной Цукановой, — ответил следователь. — Вам это имя что-нибудь говорит?

— Впервые слышу, — мгновенно откликнулась Анна.

Эти слова повисли в зловещей тишине. По лицам ее мужа и двоих его друзей было понятно, что уж они-то это имя точно слышат не впервые. И тут Настя поняла, в какую жуткую ситуацию они все попали. Если Надежду Цуканову действительно изнасиловал кто-то из троих друзей-сокурсников... То ведь это вполне может быть Стрельников. А вдруг Наталья — его дочь? Выходит, его законнорожденный сынок спал с собственной незаконнорожденной сестричкой? И это станет сейчас предметом публичного обсуждения, да еще в присутствии самих Стрельниковых, старшего и младшего. А если в изнасиловании виновен Леонтьев? Здесь ведь сидит его жена. Ой, елки-палки...

Ольшанский сориентировался быстро.

— Анна Георгиевна, мне придется попросить вас выйти и подождать в коридоре. Игорь, уведите, пожалуйста, младшего Стрельникова. Я вас вызову, когда будет нужно.

— Я никуда не уйду, — заявила Леонтьева. — Я хочу знать, что это за грязный поклеп, который эта наглая девица пытается возвести на моего мужа и его друзей.

— Анна Георгиевна, — повысил голос следователь, — не заставляйте меня повторять то, что я уже говорил. В этом кабинете исполняются мои приказания, а не ваши пожелания. Прошу извинить.

Анна вышла, гордо подняв голову и нарочито громко стуча высокими каблуками модных осенних сапог. Следом за ней оперативник вывел Сашу Стрельникова.

— Ну что ж, господа хорошие, — негромко сказал Ольшанский, — теперь, судя по всему, у нас начинается тот разговор, ради которого я вас всех сюда пригласил. Начнем.

Глава 13

О том, что Виктор изменяет матери, Наташа знала давно, задолго до того, как Дербышев ушел из их семьи. Она была нахальной, любопытной и дурно воспитанной девчонкой и никогда не гнушалась тем, чтобы залезть в чужой карман или чужую сумку. Не с целью кражи, Боже упаси, она никогда не брала чужого. Ей было интересно. Наташа Цуканова обожала чужие секреты и самым любимым ее занятием было подсматривать и подслушивать, а также при возможности читать чужие письма. Ей было семнадцать, когда она впервые обнаружила в карманах Дербышева бумажку с именем и адресом какой-то женщины. Разумеется, она не смогла удержаться, чтобы не поехать и не проследить за ней, за этой бабенкой, чей адрес носит в кармане муж матери. И увидела, что «бабенка» встречается с Виктором. С тех пор любовные похождения «отчима» стали предметом ее пристального и неусыпного внимания.

Свою мать Наташа любила безумно, поэтому ничего ей не говорила. Но с каждой новой приятельницей Дербышева ненависть в ее душе росла и крепла. Надо же, мама так любит этого ублюдка, даже сына назвала в его честь, а он... Сволочь. Подонок. В один прекрасный момент количество, как и следует из законов философии, перешло в качество, и ненависть из сжигающего душу чувства переросла в руководство к действию. Общие контуры замысла созрели быстро, и Наташа Цуканова занялась бодибилдингом. От природы данные у нее были очень хорошими, и через год она обросла такой мускулатурой, которой можно было только позавидовать.

Она была очень способной девушкой, без труда закончила институт, освоила экономику, программирование и два иностранных языка. Хорошо оплачиваемую престижную работу ей удалось найти легко. Но свои интеллектуальные способности Наташа делила между учебой (впоследствии работой) и вынашиванием плана сживания ненавистного Дербышева со свету. Она придумывала множество вариантов, но от исполнения ее удерживало только одно: мать. Мама так любит его. Она без него не сможет жить.

Так и оказалось. Очередное увлечение «этого козла», как про себя называла его Наташа, привело к разрыву с Надеждой. Мать, и без того неуравновешенная и склонная к дли-

тельным депрессиям, совсем сдала. Она по-прежнему ходила на работу и заботилась о детях, но в ней потух тот огонек, который некоторые называют желанием жить. Надежда перестала следить за собой, часами могла сидеть, уставившись в одну точку и не реагируя на присутствие сына и дочери, подолгу тихонько плакала. А потом случилось то, что случилось. Жизнь без Дербышева оказалась для нее невыносимой.

Теперь руки у Наташи были развязаны. Она не торопилась. Ведь она ждала столько лет. Пусть месть будет медленной и мучительно-сладкой. Пока она обдумывала очередной вариант, связанный в том числе и с новой любовницей Дербышева, ради которой он бросил мать, ситуация изменилась. Виктор и с этой женщиной расстался. Теперь у него не было более или менее постоянных подруг, он их менял так часто, что Наташа не успевала подстроиться. Все это время она старательно изображала приветливость и дружелюбие по отношению к Виктору, чтобы иметь возможность с ним общаться и «держать руку на пульсе».

Наконец она придумала, как и что нужно делать. Подобрала ключ к его абонентскому ящику и стала внимательно следить за поступающей корреспонденцией, выискивая наиболее подходящую кандидатуру для первого захода. Заходов, по замыслу Наташи Цукановой, должно быть несколько. Чтобы уж наверняка, и желательно под высшую меру. Идею принять облик гомосексуалиста ей подсказал один детективный роман. В нем молодая женщина при совершении преступления переодевалась в мужскую одежду, а свидетели, видевшие ее, говорили, что «парень был какой-то странный, вроде гомик». Именно это натолкнуло книжного следователя на мысль о том, что это был не парень-гомосексуалист, а переодетая женщина. Наташа творчески переработала интересную находку. Женщину, выдающую себя за обычного мужчину, разоблачить легко. Женщину с развитой мускулатурой и перевязанной специальным бандажом грудью, прикидывающуюся гомосексуалистом, разоблачить куда труднее. Гладкую женскую кожу невозможно спутать с кожей мужчины, даже если он только что побрился. Наложить на лицо толстый слой крем-пудры, выдавая себя за гомосексуалиста, — и все будут думать, что под пудрой сизая от бритья кожа. Мужская, а не женская. И свободная сорочка с гофрированными складочками, скрывающая очертания фигуры и

небольшую от природы грудь, окажется вполне к месту. И женственность движений никого не удивит. И манерный писклявый голос покажется вполне естественным. Да, чем дольше она раздумывала, тем больше уверялась в том, что под обликом женственного мужчины спрятаться легче всего.

Она регулярно отслеживала дамочек, посылающих письма Дербышеву. Забирала из его ящика корреспонденцию, ездила по адресам, выслеживала женщин, желающих познакомиться с Виктором, наводила о них справки. Но все они не подходили для ее замысла, и Наташа возвращала письма на место. Ей хотелось найти настоящую развратную стерву, идущую на поводу у своей похоти и ищущую легких развлечений. Такую же, как сам Дербышев. А ей попадались приличные интеллигентные дамы с несложившейся личной жизнью. При всей своей жестокости у нее на таких рука не поднималась. Ведь она знала, что должна будет убить.

Наконец ей в руки попало письмо Людмилы Широковой. Выслеживая ее, Наташа увидела рядом с Широковой человека, лицо которого показалось ей знакомым. Красивый, хорошо одетый мужчина лет сорока пяти — сорока семи. Через несколько минут она вспомнила, где видела его. На фотографии. На той самой фотографии, из-за которой мама однажды чуть не поссорилась с Дербышевым. Наташа всегда подслушивала, в этом удовольствии она себе отказать не могла, потому и знала, что один из тех, кто запечатлен на этой фотографии, — ее отец. Она несколько раз пыталась выяснить у матери, кто же был ее отцом, но мать реагировала на вопрос болезненно, замыкалась в себе, начинала плакать, и у Наташи сердце разрывалось от жалости к ней. Любопытство было очень сильным, но любовь к матери оказалась сильнее, и Наташа не сочла возможным быть настойчивой. А потом, во время бурного объяснения мамы и Дербышева, она узнала, как все произошло. Узнала, но виду не подала. Просто приняла к сведению и запомнила. И с тех пор часто, когда никого дома не было, доставала альбом и подолгу всматривалась в снимок. Кто-то из них — ее отец. Но кто? Кто?

И вот он, один из тех, рядом с сучкой, которая пользуется услугами бюро знакомств и ворует чужих мужей. Дрянь. Похотливая гадина. И этот красавчик такой же, наверное. Надо же, столько лет прошло, а он почти не изменился, просто удивительно. Сама Наташа никогда бы не поверила, что

можно узнать незнакомого человека по фотографии, сделанной четверть века назад. Но сомнений нет, это совершенно точно он.

Конечно, сначала Наташа сомневалась. Она отнюдь не была легковерной и ничего не делала наобум. Еще какое-то время было потрачено на сбор сведений об этом мужчине и на слежку за ним. Он встречался со многими людьми, в том числе и с теми, которые здорово смахивали на сильно постаревших парней с той самой фотографии. Еще одно усилие — и Наташа узнала, в каком институте они учились. Оказалось, в том самом, в котором когда-то училась ее покойная мать и который вынуждена была бросить в связи с беременностью и родами. Теперь сомнений больше не оставалось. Это они, козлы вонючие. Один из них воспользовался беспомощным состоянием ее мамы, а остальные помогали. Покрывали его. А может, они все вместе..? Подонки.

Что ж, все складывается успешно. Разбираясь с Дербышевым, можно заодно и с ними разобраться. Удача сама в руки идет. Грех не воспользоваться.

Кто же из троих? Наташа оформила на работе отпуск и целиком ушла в изучение неожиданно сложившейся ситуации. Рано облысевший, с лицом, покрытым преждевременными морщинами, Геннадий Леонтьев, суетливый, вечно где-то подрабатывающий. Сутуловатый тихий интеллигент Вячеслав Томчак, судя по всему, под пятой у активной властной жены. И невероятно красивый, энергичный, удачливый Владимир Стрельников. Если уж она вынуждена признать, что кто-то из них является ее отцом, то пусть это будет Стрельников. Разве сама она не такая? Красивая, энергичная, удачливая. Настоящая дочь своего отца. Впрочем, кто знает...

Ей быстро удалось выяснить, что Стрельников ушел от жены и что у него есть сыночек — та еще оторва. План мести приобретал все более отчетливые очертания. С одной стороны, похотливую сучку Милу убьет Дербышев. Но с другой стороны, почему бы не приплести к этому и родного сынка Стрельникова? Красиво получится. Не один — так другой. И жену брошенную, Аллу Сергеевну, вырастившую такого изумительного придурка-сына, сюда же приложим. Всем достанется. Все получат по заслугам. Наташа Цуканова сама не замечала, что постепенно звереет. Из расчетливой мститель-

ницы, сводящей счеты с конкретным человеком по конкретному поводу, она превращалась в смертельный ураган, сметающий на своем пути все и всех подряд.

Познакомиться с Сашей Стрельниковым и изобразить из себя азартную особу было несложно. Двадцатилетний пацан, считающий, что жизнь должна складывать подарки прямо к его кривым ногам, даже не усомнился в том, что может быть интересен такой женщине, как Наташа. Ну и что, что она старше? Ну и что, что много зарабатывает и ездит на собственной тачке? У них есть общие интересы. Игра. Но одно Наташа помнила твердо: она может оказаться дочерью Стрельникова, поэтому спать с его сыном она не может. Не должна ни при каких обстоятельствах. И ей удавалось вполне успешно морочить парню голову, не доводя дело до постели. «Мы с тобой одной породы, — говорила она ему, — мы оба страстные игроки. Игра — наша любовь, первая, единственная и последняя. Это связывает нас сильнее, чем секс». Короче, в таком примерно духе. Саша был глуповат и легко купился на необычность отношений. В самом деле, разве он — рядовой человек? Нет. И Наташа не рядовая женщина. Поэтому и отношения между ними не могут быть такими, как у всех.

Она сняла квартиру неподалеку от станции метро «Академическая», привела ее в пристойный вид, ехидно думая о том, что делает это на деньги, которые дает Дербышев. Потом поехала в клуб, где Виктор занимался конным спортом. Ей нужна была фотография, происхождение которой Виктор не смог бы объяснить, в противном случае он бы заявил, что снимок делала его падчерица, или сын, или даже Надежда. Происхождение фотографий никак не должно быть связано с семьей, в которой Виктор прожил два десятка лет. Кроме того, фотография должна быть достаточно впечатляющей, чтобы заинтересовать будущую жертву. Снимки, сделанные в элитном клубе, подходили для этой цели наилучшим образом.

Наташа продолжала, мило улыбаясь, встречаться с Виктором, и получить чистую бумагу с отпечатками его пальцев и образцы почерка ни малейшего труда не составляло. Она приступила к выполнению задуманного.

Все прошло как нельзя лучше. Похотливая дура Милочка клюнула на фотографию роскошного самца и примчалась на свидание. Тот факт, что занятый на затянувшихся перегово-

рах Дербышев прислал приятеля, который должен развлечь даму до прихода хозяина, удивления у нее не вызвал, и она без тени сомнения отправилась на квартиру в сопровождении забавного гомосексуалиста Алика. Вот только пить, зараза, не захотела. Наташа-то рассчитывала ее отравить, а не получилось. Пришлось действовать удавкой, но это было легко. Мускулы у нее были железными, а сучка-Милочка нападения не ожидала.

Ночью, когда весь дом спал, Наташа подхватила мертвое тело на руки и без малейших усилий вынесла на улицу, к своей машине. С багажником решила не возиться, пристроила труп в такой позе, чтобы казалось, будто женщина задремала, и вывезла за Кольцевую дорогу, на свалку. И только там сообразила, что на ногах у нее кроссовки с рельефной подошвой. Нехорошо, не продумала она этот момент, следы ведь останутся. Решение пришло легко. Сняв с убитой женщины туфли на каблуках, Наташа без труда всунула в них ноги, размер подходил. Снова подхватила тело на руки, отнесла метров за пятьдесят и аккуратно положила на землю. Сняла туфли, надела их на ноги Широковой и в одних носках, ступая на цыпочках, вернулась к машине. Вот и все, ничего страшного, только пару заноз получила.

В квартиру Стрельникова она приходила трижды, воспользовавшись ключами, найденными в сумочке Широковой. Эти ночные визиты, как и звонки его жене Алле Сергеевне, доставляли Наташе неизъяснимое удовольствие. Она однажды даже пришла к Стрельникову днем, когда его не было дома, порылась в вещах Милы и нашла письма от ее любовников. Тогда появилась мысль навести подозрения и на самого Стрельникова. Убийство из ревности. А что? Чем плохо? Накануне похорон он отправился на дачу к своему дружку Томчаку, и через три дня Наташа, улучив момент, когда Вячеслав Петрович уехал в Москву на похороны, подсунула пакет с письмами в дом, забравшись внутрь через незакрытое окно. Пусть дрожат от страха, пусть мучаются неизвестностью. Пусть им будет плохо. Пусть. Когда-то плохо было ее матери. Теперь их очередь.

Она продолжала выискивать следующую жертву среди корреспонденток Дербышева. И тут ей попалась жена Томчака. Лариса Михайловна. Очень интересно. Разве не так звали

какую-то настырную тетку, которая приходила к ним домой и приставала к Витюше с расспросами?

Наташа почувствовала неладное. Зачем Лариса Томчак лезет к Дербышеву? Уж не догадалась ли? Впрочем, какая разница. Ее надо убрать, чтобы не путалась под ногами.

С Ларисой все получилось проще, чем с Милой. Она согласилась выпить бокал вина и этим решила свою судьбу. Наташа использовала препарат, который в нужных дозах резко понижает давление и быстро приводит к остановке сердца. Единственная загвоздка состояла в том, что Лариса в письме указала свой домашний телефон, а не номер абонентского ящика. Ей нельзя было написать ответное письмо, можно было только позвонить. Наташа сделала несколько пробных звонков в ночное и утреннее время, чтобы убедиться, что Лариса в квартире одна. Она знала по опыту, что в случае настойчивых «безответных» звонков женщина обязательно попросит мужа снять трубку. Лариса все время отвечала сама. Это успокоило Наташу. Если бы муж оказался дома, интерес Ларисы к любвеобильному холостяку выглядел бы крайне подозрительно. А коль мужа нет, так, может быть, дамочка решила поразвлечься? Вполне правдоподобно. Муж весь в переживаниях торчит за городом, в Москве почти не появляется, чего ж красивой бабе зазря пропадать. Днем Наташа за пятьдесят тысяч рублей наняла какого-то мужика, который без долгих уговоров согласился позвонить и оставить сообщение на автоответчике. Текст сообщения она предварительно написала и сунула бумажку в руки любителя легкого заработка. Все дальнейшее прошло гладко.

Она была уверена в своей неуязвимости. Если подозрение падет на Дербышева, никто не станет таскать сына Стрельникова и тем более его подружку. Если же будут подозревать Сашу, остро нуждающегося в деньгах папеньки, или даже самого Стрельникова, узнавшего о блядском поведении Милы, то это никаким боком не коснется бывшей семьи Дербышева. Оба конца никогда не сойдутся. Кто такая Наталья Загребина? Да никто. И к преступлениям никакого отношения не имеет. Зачем ей убивать Широкову и Томчак? Нет причины.

И вообще кому придет в голову рассматривать смерть Милы и Ларисы как дело рук одного и того же человека? С Милой понятно, там все указывает на Дербышева, ну в крайнем

случае — на Стрельникова или на его сына. А Лариса-то тут каким боком? Она же умная женщина, к тому же замужем. Она обязательно сотрет с автоответчика сообщение от мнимого Дербышева, чтобы муж случайно не услышал. И все. Никаких следов. Куда ходила? К кому? Зачем? Никто не узнает.

* * *

Настя лежала рядом с мужем, слушая его ровное дыхание. Леша давно уснул, а она все перебирала в памяти события сегодняшнего вечера.

... Наталья Цуканова прекрасно владела собой. Ни тени смущения, ни грамма неловкости. Ни страха, ни отчаяния. А ведь ее уличили в совершении двух убийств. Поразительное хладнокровие. Неужели ей безразлична перспектива оказаться за решеткой? Она даже не отпиралась, с легкой улыбкой рассказывая о своих действиях. Потом Настя поняла, что эта женщина так глубоко погрузилась в собственную ненависть, что не способна ни на какие другие чувства. Эти другие чувства придут позже, может быть, через несколько дней, проведенных в камере под арестом. Тогда она вынуждена будет понять, что ТА жизнь, в которой она ненавидела и мстила, закончилась, и началась ДРУГАЯ жизнь, совсем непохожая на прежнюю. У нее ничего не получилось. Дербышев на свободе. Стрельников, Томчак и Леонтьев на свободе. Пострадали три женщины, которые, в сущности, ничего плохого Наталье не сделали и мстить которым было не за что. Двоих она убила сама, третья, Люба Сергиенко, покончила с собой, но она осталась бы жива, если бы не погибла Мила. Наталья Цуканова решала собственные проблемы, попутно разрушая жизнь незнакомых ей людей. Нужно время, чтобы она это осознала. Тогда придет и страх, и ужас, и отчаяние. А пока она еще храбрится, играет в суперженщину, пытается показать, какие все кругом ничтожные и мелкие по сравнению с ней. Такие ничтожные и мелкие, что перед ними и признаться в убийстве можно. Конечно, признаваться она начала не сразу. Но Константин Михайлович Ольшанский ее дожал. И серебряной подвеской-Купидоном, и тем, что нашлись свидетели, которые видели, как Широкова незадолго до смерти выходила на станции «Академическая», и другими

мелочами. А когда Настя из своего угла бросила реплику о том, что Наталья надевала туфли Людмилы Широковой, тогда уж Цуканову словно прорвало. Небрежно откинувшись на спинку стула, она стала рассказывать и о том, как звонила Алле Стрельниковой, и о том, как приходила по ночам к ее мужу. Рассказывала она долго и с удовольствием. И только в самом конце заявила:

— Ну что ж, господа, я вас достаточно развлекла. Срок в колонии мне обеспечен. Теперь и вы доставьте мне удовольствие. Признавайтесь, козлы паршивые, кто из вас мой отец?

Трое мужчин замерли, как кролики, загипнотизированные взглядом удава. Сцену можно было бы прервать, не доводя до мучительного завершения, но следователь, по-видимому, не считал нужным этого делать. Он молчал, бесшумно постукивая карандашом по папке с бумагами и поглядывая на присутствующих через толстые стекла очков. Молчание затягивалось, и никто не решался прервать его.

— Я полагаю, Наталья Александровна имеет право получить ответ на свой вопрос, — произнес Ольшанский. — Об ответственности за изнасилование ее матери речь не идет и идти не может, поскольку Надежда Романовна в свое время приняла решение не заявлять о случившемся. Без ее заявления никто ничего предпринимать не может. Да и давность, сами понимаете. Речь идет о чисто человеческих вещах. Наталья Александровна будет арестована, затем предана суду, и не исключено, что ей предстоит отбывать наказание в местах лишения свободы. По-моему, ее желание получить ответ на вопрос, который мучил ее столько лет, вполне понятно и должно быть удовлетворено. Вы — мужчины. Так поступите же по-мужски.

Снова пауза. На этот раз комната словно наполнилась электрическими разрядами.

— Я, — сказал Владимир Алексеевич Стрельников. — Это я.

* * *

Рано утром Настю разбудил телефонный звонок.

— Аська, у нас ЧП, — послышался в трубке взволнованный голос Юры Короткова. — Коля попал вчера в аварию.

— Жив?! — закричала Настя, сбрасывая с себя одеяло,

словно готовясь немедленно куда-то бежать и спасать Селуянова.

— Жив, жив, успокойся. Состояние средней тяжести. Переломов много, но жизненно важные органы не задеты. В дежурную часть еще вчера из Склифа звонили. Гордееву сообщили, но он решил до утра нас не дергать, наши нервы поберечь.

— К нему пускают?

— Нас — пустят, — уверенно пообещал Юра. — Прорвемся. С нашей сумасшедшей работой у нас весь институт Склифосовского в приятелях ходит. За тобой заехать?

— Ага. Я буду готова через полчаса.

— Все, еду.

Утренний час «пик» еще не начался, и им удалось даже на разваливающейся машине Короткова доехать до института Склифосовского довольно быстро. У Юры действительно было здесь множество знакомых, и это позволило им попасть в палату к Селуянову в неурочное время. Несчастный Коля лежал весь в гипсе, но при виде друзей начал улыбаться и дурашливо подмигивать. Ничто не могло лишить его природного оптимизма.

— Ты что это, Колян? — начал вместо приветствия Коротков. — Ты ж на весь МУР славишься своей безаварийной ездой. Как же так?

— Ребята, мы все дураки, и я самый главный. Собственно, именно это я и торопился вам сообщить, пока вы не запихнули в один кабинет дочь Цукановой и всех остальных фигурантов. И как мы ухитрились так бездарно провести проверку? Убить нас всех мало.

— Это точно, — согласилась Настя. — Бывает проруха и на нас. Мы боялись спугнуть Загребину, поэтому не трогали ее и документы не проверяли. По адресному крутанули — в Москве не прописана. Можно было в фирме, где она работает, запросить ее паспортные данные, но, повторяю, спугнуть боялись.

— Добоялись, — хмыкнул Селуянов. — Ну как вчера прошло? Не катастрофа?

— Тяжело, — призналась Настя. — Все время на грани фола. Просто удивительно, как они все выдержали и не сорвались. Мне несколько раз казалось, что вот-вот мордобой начнется. Девица-то в выражениях не стеснялась, всю прав-

ду-матку в глаза резала. По-моему, она от этого какой-то особый кайф ловила. Дербышев чуть не умер от ужаса. Он ведь был уверен, что Наталья к нему хорошо относится, с пониманием. Каково ему было узнать, что она столько лет за ним следила и втихую вынашивала план, как с ним разделаться, да покруче, чтобы, значит, мало не показалось. А уж Широкову она крыла вообще чуть не матом. Но Костя, конечно, гигант. Все время держал ситуацию под контролем, ни на секунду из рук не выпустил. Я его еще сильнее зауважала после вчерашнего.

В палату заглянула сестричка — знакомая Короткова.

— Граждане сыщики, — зашептала она, — мотайте отсюда, завотделением идет.

— Уже бежим, — отозвался Коротков. — Коль, тебе чего принести? Мы вечером придем, когда всех будут пускать.

— Пожрать и почитать, — быстро ответил Селуянов. — И побольше. И Валюшке позвоните, а то она небось меня потеряла.

Настя и Юра вышли из больницы и отправились на Петровку. Начинался новый рабочий день, в котором будут новые преступления, новые трупы и новые убийцы и уже не останется места для эмоций и переживаний.

* * *

Владимир Алексеевич Стрельников ехал на работу, когда заверещал лежащий на пассажирском сиденье телефон сотовой связи.

— Володя, это я, — услышал он голос Геннадия Леонтьева.

— Да, Гена, доброе утро, — ответил Стрельников, не отрывая глаз от дороги.

— Володя, я... Не знаю даже, как сказать... Спасибо тебе.

— Не за что.

— Нет, есть за что. Ты меня спас. Ты взял на себя мою вину. Зачем ты это сделал? Мы со Славкой молчали, и ты бы промолчал. Зачем ты сказал?

— Так было надо, Гена, неужели ты не понимаешь? Славке уже все равно, потому что Лары больше нет. Я тоже фактически в разводе. Если бы мы все промолчали, твоя Анюта до самой смерти мучилась бы подозрениями, что это именно ты тогда... Ну, словом, все понятно. Кто-то из нас должен был

взять вину на себя, либо Слава, либо я. Слава промолчал, поэтому пришлось мне. Поверь мне, так лучше.

— Да, так лучше. Но лучше для меня. А для тебя? Ведь ты не делал этого, это сделал я, а все будут думать, что это ты Надежду... Володя, что я могу тебе сказать, кроме «спасибо»? Таких слов еще не придумали, чтобы выразить, что ты для меня сделал.

— Перестань, пожалуйста. Мы же друзья. А для чего еще нужны друзья, как не для того, чтобы помогать? Все, Гена, закончим на этом. Вечером созвонимся.

Стрельников отключил связь и положил трубку на сиденье. Да, если история получит огласку, нового назначения ему не видать. Ну и черт с ним. Зато Гена с Анной сохранят свой брак. У них девочка растет, Алиса, отличная девчонка, и дай им всем Бог счастья в крепкой семье и на долгие годы. Гена Леонтьев — его друг. А друзьям надо помогать.

Сентябрь — декабрь 1996 г.

Имя потерпевшего: никто

Повесть

«...В России ежегодно бесследно исчезают десятки тысяч одиноких пожилых людей, вся «вина» которых заключается только в том, что они являются единоличными собственниками квартир. По далеко не полным данным, на конец марта текущего (1996-го) года более 3,5 тысячи москвичей не появились на новом месте жительства по законно оформленным обменным ордерам. В С.-Петербурге аналогичная цифра приближается к полутора тысячам человек. Люди просто канули в небытие...»

«Аргументы и факты», 1996, № 31.

Мы в ответе за тех, кого приручаем...

Антуан де Сент-Экзюпери

Глава 1

Глаза у Ирочки Миловановой были испуганными. Это выражение испуга появилось в них месяц назад и с тех пор не исчезало. Именно месяц назад ее родственница и близкая подруга Татьяна заявила, что будет переезжать в Москву. Работа и привычный образ жизни — это, конечно, прекрасно, но и совесть надо иметь. В Москве живет муж Татьяны, и они очень друг без друга скучают. Да и вообще...

— Ну что «вообще»? Что «вообще»? — кричала Ира, чуть не плача. — Как же я без тебя? Ты обо мне подумала? Что я буду делать, когда ты уедешь?

Вопрос, конечно, был не в том, что Ире после отъезда Татьяны будет нечем заняться и она начнет маяться от скуки и безделья. Хотя и в этом тоже. Когда-то родной брат Ирины Миловановой был первым мужем Татьяны Образцовой. Потом они развелись, и супруг вознамерился отбыть в Кана-

ду на постоянное место жительства. Однако для новой жизни на процветающем Западе нужны были деньги, и много. Раздобыть их можно было только одним способом: продав трехкомнатную квартиру в центре Петербурга. При этом имелось в виду, что после продажи квартиры муж уедет, а Татьяна вернется жить к своему пожилому отцу, чего ей, положа руку на сердце, делать совсем не хотелось. За квартиру в центре города деньги можно было выручить очень приличные. Половину, правда, пришлось бы отдать Татьяне, поскольку квартира эта приобреталась после регистрации брака и, таким образом, считалась совместно нажитым имуществом. Тогда и было принято решение, которое в тот момент казалось странным, но тем не менее всех устраивало. Трехкомнатную квартиру не трогать, а вместо нее продать очень хорошую и недавно отремонтированную квартиру Ирочки. Ира переезжает к Татьяне и живет с ней вместе. В большой трехкомнатной квартире им тесно не будет, с точки зрения психологического комфорта дамы прекрасно уживутся, поскольку знакомы и дружны много лет, а со временем Татьяна купит для свояченицы новую квартиру, не хуже прежней. При этом глагол «купить» подразумевал, что Ира будет вести домашнее хозяйство и вообще полностью возьмет на себя быт, поскольку у Татьяны на это нет ни сил, ни времени. В освобождающееся же таким образом время Татьяна будет интенсивно писать детективы, а гонорары откладывать на приобретение квартиры для родственницы. Зависимость здесь была самая прямая: не будь рядом с Татьяной сестры ее бывшего мужа, она не смогла бы выкраивать время на написание книг, стало быть, возможность зарабатывать литературным трудом непосредственно связана с присутствием Ирочки и ее активной хозяйственно-экономической деятельностью.

Рискованное решение вскоре себя оправдало. Если раньше Татьяна могла позволить себе сочинять детективные повести только во время отпуска, то с переездом к ней Ирочки Миловановой у нее стало высвобождаться время и по выходным, а иногда и по вечерам. Из подающего надежды молодого автора Татьяна Образцова, выпускающая свои произведения под псевдонимом Татьяна Томилина, быстро вырвалась сначала в пятерку, а потом и в тройку лучших детективистов России. Так, по крайней мере, утверждали всевозможные

рейтинги. Да и получаемые ею гонорары сей факт не опровергали.

До заветной суммы, позволяющей вполне предметно мечтать о новой квартире, евроремонте и красивой мебели, оставалось совсем немного. И вдруг Татьяна заявляет, что собирается переезжать к мужу в Москву.

— Что ж ты расстраиваешься, — смеялась она в ответ на Ирочкины причитания, — тебе же остается шикарная хата в центре города. И с покупкой новой квартиры возиться не надо, и мебель есть, и ремонт можно пока не делать. Живи в этих хоромах и радуйся. Устраивай свою личную жизнь.

— Чему мне радоваться? — всхлипывала Ира. — Рядом с тобой я при деле была все время, я по утрам просыпалась и понимала, как и что мне нужно сегодня сделать. Главное — я каждую минуту понимала, зачем я все это делаю, ради чего. У меня цель была. А теперь что?

— Ну Ирусенька, — укоризненно качала головой Татьяна, — это все равно случилось бы рано или поздно. Я скопила бы денег на твою квартиру, ты переехала бы и стала жить одна. Мы же не можем с тобой жить вместе до старости.

— Почему? — каждый раз на этом месте Ира задавала один и тот же вопрос. Этот разговор повторялся на протяжении месяца почти ежедневно, и всякий раз, когда он доходил до этого места, Ира спрашивала: «Почему?!» — и смотрела на Татьяну заплаканными больными глазами. — Почему мы не можем жить вместе всегда? Я что, мешаю тебе?

— Ира, пойми, ты — молодая женщина, ты должна жить собственной жизнью, а не моей. И построить свою собственную семью, состоящую из мужа и детей, а не из меня и моих книжек.

— Ну пожалуйста, Таня, возьми меня с собой, — просила Ира. — Не бросай меня...

У Татьяны сердце разрывалось. Она чувствовала и свою вину в том, что так случилось. Когда шесть лет назад Ира переехала к ней, никто не думал о том, во что все это может вылиться. Зато все видели явные и даже тайные преимущества такого решения. Татьяна не лишается жилплощади, более того, приобретает домохозяйку-экономку, на которую можно полностью полагаться и которая освободит ей время для творчества, а бывший супруг получает деньги, позволяющие ему открыть собственное дело в Канаде. Все были довольны.

И никто в тот момент не подумал о том, а что же будет, когда ситуация переменится. Вскоре после переезда к Татьяне Ирочка закончила институт, но ни одного дня по специальности не работала, полностью посвятив себя служению талантливой родственнице. Дни ее были целиком заполнены заботами и хлопотами. Она виртуозно научилась устраивать жизнь Татьяны таким образом, чтобы та не тратила впустую и не отрывала от литературной деятельности ни одной лишней минуты и даже секунды. Например, если Татьяна говорила, что ей пора посетить косметический кабинет, Ирочка самолично отправлялась к их постоянному косметологу, придирчиво изучала журнал предварительной записи, выискивая такое время посещения, которое удобно для Татьяны и гарантированно будет соблюдено. Ни в коем случае не вечер: за день случается столько всяких неожиданностей, что маленькие задержки с приемом посетительниц к вечеру выливаются минут в тридцать-сорок, которые Татьяне придется ждать сверх назначенного времени. Ни в коем случае не суббота: если Татьяне не нужно будет ехать на работу, то день должен быть целиком посвящен творчеству. Лучше всего — утро буднего дня. Пусть Татьяне придется встать на полтора часа раньше, все равно она это время потратит на сон, а не на то, чтобы сочинять очередной опус. Выбрав время, Ира начинала выяснять, есть ли в данный момент у этого косметолога нужные кремы и маски, исправна ли аппаратура, которую используют для чисток и массажей, и хорошо ли себя чувствует сама дама-косметолог, нет ли признаков начинающейся простуды или еще какой хвори. А то не дай Бог она привезет Татьяну сюда в несусветную рань, а окажется, что приема нет, косметолог заболел. Или аппаратура сломалась. Или нет того крема, который наилучшим образом подходит для Татьяниной кожи. И так далее. То же самое происходило с посещением парикмахерской, портнихи, маникюрши, а также магазина, если Татьяна собиралась покупать обувь, костюм или пальто. Ира предварительно ездила по магазинам сама, смотрела, есть ли достаточно хороший выбор того, что может заинтересовать ее родственницу, выясняла, не случится ли в ближайшее время санитарный день или переучет и ожидается ли поступление новых интересных моделей, и только потом везла туда Татьяну. Надо отдать девушке

должное, при такой организации Татьяна ни разу не уехала из магазина без покупки.

Да, все это было чудесно. Кроме одного: Ирочка приобрела профессию дуэньи-наперсницы-компаньонки-экономки-поварихи, но профессия эта спросом не пользуется. А то, чему ее учили в институте, она благополучно забыла, поскольку за все годы, прошедшие после окончания вуза, ни разу эти знания не использовала. Пока она жила с Татьяной, проблема заработка для нее как бы не существовала, ведь родственница взяла ее на полное иждивение и даже в отпуск возила, на море. А что теперь? Как жить после того, как Татьяна уедет в Москву? На что жить? Где и кем работать? Профессии-то в руках нет. Снова начинать учебу?

Было время, когда Ирочке очень хотелось выйти замуж, и она мечтала о том, как Таня скопит денег и купит ей новую квартиру, и в этой новой квартире Ира будет жить с любимым мужем и растить любимых детей. Татьяна постоянно твердила ей о том, что не нужно это мероприятие откладывать, что если есть, за кого выходить, то нужно делать это немедленно, потому что потом может оказаться поздно. «Квартира большая, — говорила она, — все поместимся, тесно не будет. Если он тебе нравится, выходи за него быстро. Развестись всегда сможешь». Сама Татьяна поступала именно так, и в данный момент находилась уже в третьем по счету браке. Но Ирочка проявляла какую-то необъяснимую нерешительность, встречалась с нравившимися ей мужчинами, расставалась с ними, но замуж все не выходила. И только однажды сказала: «Я не хочу приводить в нашу квартиру чужого мужика и постоянно беспокоиться о том, чтобы он, не приведи Господь, не начал жить на твои деньги. Ведь мы же не сможем разделить хозяйство, правда?» Татьяна сердилась, называла Ирочку всяческими ласковыми по форме, но бранными по сути словами, но ничего изменить не смогла. И вот теперь двадцативосьмилетняя Ира без мужа, без профессии и без работы смотрела на нее огромными, полными слез глазами и спрашивала:

— Почему? Ну почему мы не можем всегда жить вместе?

В такие минуты Татьяне ужасно хотелось махнуть на все рукой и сказать:

«Конечно, Ириша, мы будем жить вместе, как и прежде. Ни о чем не беспокойся, в нашей жизни ничего не изменит-

ся. А Стасов — что ж, Стасов взрослый человек, поживет как-нибудь без меня, ведь ты мне гораздо ближе и роднее, чем он. Его я знаю всего полтора года, а тебя — почти десять лет».

В самом деле, как сделать выбор? У нее есть два горячо любимых человека — Ирочка и муж. И в чью же пользу принимать решение? Можно было бы пойти по пути наименьшего сопротивления и объединить их в одной семье. Продать трехкомнатную квартиру в Питере и однокомнатную квартиру Стасова в Москве, и этих денег вместе с той суммой, которая уже отложена на квартиру для Ирочки, вполне хватит на то, чтобы купить одно приличное просторное жилье, отремонтировать его по собственному вкусу и обставить пристойной мебелью. И жить всем вместе. Стасов и Татьяна будут работать, Ирочка по-прежнему возьмется за хозяйство, и все будут довольны. Но Татьяна Образцова понимала, что это будет неправильно. Одно дело — добровольно согласиться на то, чтобы в течение нескольких лет позаниматься ведением хозяйства Татьяны, потому что таким образом можно помочь родному брату и его бывшей жене, и совсем другое — пожизненно уйти в домработницы. Без всяких перспектив на личную карьеру, на интересную жизнь. Вообще на что бы то ни было. Ирка еще молодая и глупая, ей нравится жить так, как она живет сейчас, и потому она даже не думает о том, что будет послезавтра. Сейчас она, хорошенькая стройная брюнетка, нравится мужчинам, у нее постоянно какой-нибудь роман, и встречаться с поклонниками она свободно может у себя дома, причем даже не выгадывая время, когда Татьяна на работе. Места в квартире действительно много, и никто никому не мешает. Она хорошо одета, ездит на Татьяниной машине, ни в чем не нуждается и испытывает постоянно чувство глубокого и всеобщего комфорта. Особенно когда приходят журналисты или телевизионщики брать у Татьяны интервью, а та обязательно представляет им Ирочку и объясняет, что только благодаря этой темноволосой изящной красавице популярная писательница Татьяна Томилина имеет возможность ваять свои бестселлеры. Ирочка мило улыбается, журналисты в восторге — «какой необычный сюжет!». А потом — фотографии в журналах или крупный план в телевизионной передаче. И звонки от знакомых и родственников: «Я тебя видела, ты прекрасно выглядела, ты стала знамени-

тостью...» Материальный достаток, активная личная жизнь и греющие душу успехи Татьяны на литературной стезе — все это создавало Ирочке Миловановой существование, которое ее более чем устраивало. Она, как и все молодые, не могла и не хотела думать о том, а что же будет через десять лет. Она не вечно будет красивой стройной брюнеткой. И достаток закончится в тот самый день, когда она сможет купить себе квартиру и съедет от Татьяны. И успехи Татьянины уже не будут иметь к ней прямого отношения.

Татьяна неоднократно советовала ей начать работать, пусть на полставки, пусть даже на четверть ставки, пусть с почасовой оплатой, но работать, чтобы не терять профессиональные навыки. Но Иру это отчего-то не вдохновляло, быть домоправительницей известной писательницы ей нравилось куда больше, а Татьяна должной настойчивости не проявляла. Им обеим казалось, что время расставания наступит еще очень не скоро. А там видно будет...

И вот это время настало. И стало видно, что все очень не просто. Теперь Татьяна корила себя за легкомыслие, за то, что не сумела настоять на своем и не заставила Иру идти работать, а также за то, что никогда не считала возможным вмешиваться в ее личную жизнь. Лучше было бы проявить бестактность и вмешаться, но заставить ее вовремя выйти замуж и родить ребенка. Тогда она не смотрела бы сейчас на Татьяну этими перепуганными глазами и не спрашивала бы:

— Как же я без тебя? Что я буду делать, когда ты уедешь?

* * *

Начальство Татьяну, естественно, не поддержало. Да и немудрено, работать-то некому, а уж когда такие специалисты, как Образцова, уходят, тогда вообще пиши пропало. Разговор с полковником Исаковым у Татьяны вышел тяжелый и оставил неприятный осадок.

— Как у вас все просто получается! — возмущался полковник. — Решили, видите ли, в Москву переезжать. А работать кто будет?

— Я не понимаю, — чуть удивленно сказала Татьяна. — Вы что, не отпускаете меня?

— Конечно, не отпускаю. С какой это стати, скажите пожалуйста, я должен вас отпускать? Ну объясните же мне, с

чего это вы решили, будто я вас отпущу. И не подумаю. Будете работать, как раньше.

— Григорий Павлович, но я вышла замуж. И я хочу жить вместе со своим мужем. По-моему, это нормальное желание, и законом не запрещено. Вы не можете меня удерживать в Петербурге.

— Почему это не могу? Могу. Очень даже могу. Кто сказал, что супруги должны проживать по месту жительства мужа, а не жены? Пусть ваш муж переезжает сюда, если вы непременно хотите жить вместе. Он у вас, говорят, бывший работник милиции?

— Да, верно.

— Ну вот, и ему здесь работа найдется. Так что не валяйте дурака, уважаемая следователь Образцова, идите и работайте.

— Но Григорий Павлович... Это несправедливо. Отпустите меня.

— И не подумаю. Вы офицер, извольте выполнять приказы. Идите и работайте.

Такого Татьяна не ожидала. Она, конечно, предполагала, что ее решение уйти с работы в Петербургском УВД не встретит грома аплодисментов, но не думала, что получит прямой, быстрый и хамский по форме отказ. Она готовилась выслушать упреки, сожаления, да что угодно, но никак не отказ.

Поразмыслив над ситуацией, Татьяна поняла, что придется искать обходные пути. Одним из таких путей было обращение к одному из заместителей начальника управления, с которым она когда-то вместе училась на юридическом факультете. Идти к нему не хотелось ужасно. Когда-то, курсе на втором или на третьем, у Татьяны был с ним пламенный, но скоротечный роман, который оставил в ее душе почему-то неприятные воспоминания, хотя ничего плохого между ними, в сущности, не произошло. Но встречаться с этим человеком Татьяна избегала, чего нельзя было сказать о нем. Игорь Величко при каждом удобном случае подходил к Татьяне Образцовой перекинуться парой слов. И теперь, когда она пришла к нему, Величко очень обрадовался, велел секретарше принести чаю с печеньем, внимательно выслушал Татьяну и долго хохотал.

— Тань, ну ты как с луны свалилась! Ты что, ни разу не переходила с места на место?

— Нет. Я только в должности росла. А почему ты спросил?

— Да потому что он разыгрывает типовую комбинацию. Все через это проходят. Никто не может заставить Гришу отпустить тебя. Никто, кроме министра. Для этого ты должна написать рапорт на имя министра внутренних дел с просьбой разрешить тебе перевод из Питера в Москву в связи со вступлением в брак с жителем столицы. И министр, если захочет, наложит на твой рапорт резолюцию: «Разрешить». Обрати внимание: если захочет. А если не захочет, то может написать, например, так: «На усмотрение начальника УВД СПб». И это будет означать, что, как генерал решит, так и будет. И тут весь вопрос в том, у кого более короткие ходы к нашему генералу, у Гриши или у тебя. А может быть и третий вариант. Министр просто делает вид, что твоего рапорта не существует. Конечно, самому министру на тебя глубоко наплевать, ты ему никто, он тебя и знать не знает, но ведь у него есть референты и помощники, и рапорт вполне может затеряться у них в столе или случайно оказаться не в той папке. Все зависит от того, кто и о чем их попросит. Так что на самом деле ты полностью сейчас во власти своего начальника Григория Павловича Исакова. Однако Гриша понимает, что у тебя, может, и нет ходов к министру, а у твоего мужа — еще неизвестно. Может, и есть. Может, даже очень короткие эти ходы. Так что отпускать тебя все равно рано или поздно придется. Если он не даст согласия на перевод сейчас, ты начнешь писать рапорта и прошения и все равно добьешься разрешения.

— Но если все так, как ты говоришь, то почему он меня сам не отпускает?

— Да потому что никто ничего просто так не делает, — терпеливо объяснил ей Величко.

— Он взятку, что ли, вымогает?

— Балда ты, Образцова, хоть и умная. На кой ему твоя взятка? Он хочет, чтобы ты пошла к вышестоящему начальству жаловаться на него. Ведь ты же пошла, правильно? Пошла. Ну и вот, потом начальство звонит ему и спрашивает, мол, Григорий Павлович, что там у вас с Образцовой? А то что-то жалуется она на вас. Гриша им и говорит, что работать некому, что нагрузка на одного следователя чуть не по пятьдесят дел одновременно, и, что он будет делать, если еще и Образцова уйдет, вообще непонятно. То есть вся питерская преступность вырастет моментом в десять с половиной раз и

захлестнет весь город, если принять такое безответственное решение и Образцову отпустить. Тань, ты пойми, это все игры, в которые играют все поголовно. Просто удивительно, что ты как-то ухитрилась в этом не участвовать. Цель всего этого только одна: раз ты уходишь, то нужно заставить тебя сделать как можно больше грязной работы, от которой все отказываются. Например, закончить следствие по делу, которое вели по очереди шесть или семь следователей, растеряв по дороге половину бумаг и почти все доказательства. Всунуть такое дело никому не удается, потому что если приказать, то это будет не завершение следствия, а просто очередной, восьмой следователь, который внесет в имеющийся бардак и свою скромную лепту, а до суда дело все равно не доведет. Или, к примеру, дело, которое просто страшно доводить до конца, потому как жить еще хочется. Добровольно и добросовестно за такое дерьмо никто не возьмется. Если прикажут — они повозятся для видимости месяц-другой и сунут папку с делом в шкаф. Пользы никакой, спасибо еще, если не навредят. Дело дохлое, бесперспективное, и заставить следователя довести его до суда практически невозможно, если следователь в этом сам лично не заинтересован. Вот на таких, как ты, которые хотят, чтобы их отпустили или еще какое одолжение им сделали, эти дела и сваливают. Дескать, сделаешь — и можешь быть свободен. Давайте, Татьяна Григорьевна, искать консенсус, теперь это модно. Мы вам идем навстречу, хотя и не обязаны, так уж и вы нам навстречу пойдите. Не бросайте дело на полдороге, доведите до ума. Понятно, Танюха?

— Понятно, — кивнула она. — И что мне теперь делать в свете регламента ваших игрищ? Ждать, пока Гриша меня вызовет, или самой идти и предлагать свои услуги?

— Подожди пару дней. Я ему позвоню, скажу, что ты ко мне приходила, потом он тебя вызовет и начнет рассказывать, как он не хотел тебя отпускать и как я ему говорил неприятные слова. Он, конечно, в полном праве тебя не отпустить, но раз ты такая стерва и ходишь по начальственным кабинетам, то ему проще разрешить тебе перевод, чем объясняться с руководством, которому ты рассказываешь про Гришу всякие гадости. Ты в этот момент начнешь чувствовать себя ужасно виноватой, и, чтобы ты могла искупить свою вину перед Гришей, тебе будет предложено поработать над

некоторыми делами, с которыми никто не может и не хочет справляться. Закончишь — и уматывай в свою столицу.

— Красиво, — Татьяна скупо улыбнулась. — Методика отработана до совершенства. Только я ведь никаких гадостей про Гришу тебе не говорила. Так что ему упрекнуть меня будет не в чем. Этот фокус не пройдет.

— Пройдет, — Величко встал из-за стола и подошел к Татьяне поближе. Теперь он стоял совсем рядом, нависая над ней, — еще как пройдет. Он передаст тебе слова, которые ты якобы говорила мне, и ты никогда в жизни не докажешь, что ты их не говорила. Танечка, дорогая моя, не думай, что следственная работа — это одно, а жизнь — это нечто другое. Это все одно и то же. Ты же в следственной работе такой прием используешь чуть ли не каждый день, правда?

— Правда.

— И он срабатывает. Так почему ты думаешь, что он не сработает в повседневной жизни? Прием рассчитан на человеческую психологию, и в этом смысле он универсален. Для того чтобы все получилось, нужно только знать правила игры и строго их соблюдать. Я эти правила знаю, и Гриша их знает, поэтому у него все получится. Он вызовет тебя и скажет, что я ему звонил. Ты приходила ко мне жаловаться на то, что Гриша тебя не отпускает, и рассказывала о том, что Гриша — гад последний и сволочь, пьет на работе, берет взятки и регулярно трахает на рабочем столе начальника секретариата Свету, или как там у вас ее зовут. И я ему, конечно же, об этом доложил. После такого он не считает возможным удерживать тебя во вверенной ему службе, ему не нужны сотрудники-подлецы, которые готовы оболгать начальника во имя собственных интересов, лучше пусть у него не будет никаких следователей, чем такие. Здесь, заметь себе, хитрость номер раз. Он отпускает тебя не потому, что сверху попросили или приказали, а потому, что ты оказалась последней дрянью и теперь он сам не хочет, чтобы ты у него работала.

— А я скажу ему, что ничего подобного не говорила.

— Правильно. А он тебя спросит в ответ, почему он должен верить тебе, а не мне? Я-то ему сказал, что ты его грязью поливала. И здесь у него хитрость номер два.

— А ты действительно ему это скажешь?

— Да нет, конечно, — рассмеялся Величко. — Зачем? Правилами игры это не предусмотрено. Я скажу ему, что ты у

меня была и высказывала недовольство Гришей в связи с тем, что он не отпускает тебя и не дает разрешения на перевод в Москву. Остальное он сам придумает. Есть только один способ доказать, что ты в действительности ничего плохого мне про Гришу не говорила: устроить нам очную ставку. То есть собрать нас в одном кабинете и спросить меня в его присутствии, говорила ли ты мне про него гадости. Но ведь я на такую встречу никогда не соглашусь. Я-то правила игры знаю. Поэтому ты вынуждена будешь считать, что у Гриши есть все основания на тебя обижаться. Да, я, твой давний приятель Игорь Величко, оказался дураком и сволочью, оклеветал тебя в глазах твоего начальника Гриши Исакова, но убедить Гришу ты в этом не можешь, поэтому тебе придется смириться с тем, что он теперь плохо о тебе думает. Ну а остальное уже плавно вытекает из этого.

Татьяна помолчала некоторое время, с любопытством разглядывая лоснящееся довольством крупное лицо Игоря Величко.

— Слушай, у вас в аппарате все такие суки? — внезапно спросила она.

— Конечно, — весело подтвердил Величко. — Если бы мы тут не были суками, как бы мы вами руководили, интересно знать? Ладно, нечего мне мораль читать, сам не маленький. Скажи-ка лучше, запрос на твое личное дело уже послали?

— Пока нет. Зачем людей напрягать, если согласие моего начальства не получено? Как только Гриша скажет, что отпускает меня, я сразу же позвоню мужу, и на следующий день запрос пойдет в Питер.

— Ты держи это на контроле, — посоветовал Игорь. — Предупреди девочек в секретариате, чтобы дали тебе знать, как только запрос придет.

— Зачем? — удивилась Татьяна. — Что это изменит?

— О, дорогая моя, тут все что угодно может случиться. Например, запрос потеряется. Ты ждешь неделю, другую, месяц, два, три, а никто тебя не вызывает. Ты уверена, что запрос давно получен и дело ушло в Москву для ознакомления, а на самом деле никто его и не думал в Москву посылать, потому что в отдел кадров запрос не поступал. На тебя грузят самые черные дела, в том числе и опасные для жизни, ты работаешь, полагая, что все это вот-вот кончится, а ничего еще даже и не начиналось. Допустим, дело отошлют в

Москву, там его посмотрят, скажут, что ты им подходишь, и направят сюда запрос на откомандирование. Но запрос-то тоже может не дойти. И никто тебя в Москву не откомандирует. Так что бди, глаз с секретариата не спускай, а еще лучше — договорись с мужем, пусть он все запросы из Москвы, и на личное дело, и на откомандирование, берет в собственные руки и везет сюда лично. И ты лично будешь приносить их в секретариат на регистрацию и относить в кадры. Поняла? Только так у тебя есть шанс выбраться отсюда хотя бы месяца через два. А иначе прождешь два года.

— Спасибо за науку, — грустно сказала Татьяна. — Знаешь, Игорь, меня давно уже считают хорошим следователем, но я, вероятно, сильно оторвалась от жизни. Я имею в виду жизнь той системы, в которой мы с тобой работаем. Я здорово умею играть в эти самые игры с прокуратурой, с судами и адвокатами, но я никогда не предполагала, что между «своими» в рамках одной системы тоже играют. Как-то не приходилось мне решать свои личные проблемы через руководство.

— Ну-ну, не сгущай краски-то, — Величко отечески похлопал ее по плечу. — Ты уж прямо монстров каких-то из нас делаешь. Все люди, все человеки, все нормальные. Кстати, если будет совсем туго, сделай финт ушами. Увольняйся из органов, снимай погоны, переезжай в Москву и восстанавливайся. Так многие делают, если начальство не отпускает. На гражданку тебя не имеют права не отпустить, по закону не полагается. Ты не думала о таком варианте?

— Думала, — призналась Татьяна. — Но при восстановлении нужно будет проходить медкомиссию, а я ее не пройду.

— Почему ты думаешь?

— Я специально ходила к врачам, консультировалась. Они сказали, что у меня шансов нет. Лишний вес, а от него все проблемы. Сердце, одышка и так далее. Короче, этот вариант не пройдет.

— Ну что ж, тогда жди, когда Гриша тебе дохлых дел навешает полные руки. Ничего, Танюха, не бойся, прорвешься. Ты же умница, тебе никакие дохлые дела не страшны.

Прогноз, выданный Игорем Величко, оказался точным до малейших деталей. Через три дня Татьяну вызвал Григорий Павлович Исаков и голосом, полным сдерживаемого страдания, объяснил, какая она тварь неблагодарная и что после

всего, что произошло, он не может ее удерживать здесь. Пусть уходит на все четыре стороны, но сначала...

Так и получилось, что в декабре, за три недели до Нового, 1997 года, следователь Татьяна Образцова приняла к производству несколько дел — одно другого гаже. В основном это были дела, давно «запоротые», по которым своевременно не было сделано самое необходимое, и теперь предстояла нудная рутинная, но требующая недюжинной изобретательности работа по восстановлению того, что еще можно было восстановить, и по равноценной замене того, что восстановить уже нельзя. И только одно из девяти принятых ею дел было еще относительно свежим, всего месячной давности. Но тоже, судя по всему, радости не сулило. Татьяна решила начать с него.

* * *

Он сидел в переполненной сырой вонючей камере уже месяц. И ничего не понимал. Кроме одного: он должен выдержать. Он должен постараться не сесть на полную катушку, но это — задача номер два. Второстепенная задача. Существенная, конечно, но не самая главная. А самая главная задача, задача номер один, это не предать человека, который ему доверился. Иначе он не сможет чувствовать себя мужчиной.

Его давно уже не вызывали на допрос. Вообще события развивались как-то неравномерно. Сначала арестовали прямо на улице, заломили руки, избили, кинули в камеру и начали допрашивать по шесть-семь часов подряд. При этом даже не спрашивали, как убил и почему убил, им и без его ответов было все понятно. Спрашивали о другом, о том, чего он не понимал, как ни старался, как ни напрягал мозги. Потом оставили в покое, несколько дней не трогали. Он уж было воодушевился, расценил это как добрый знак, думал, поверили ему и сейчас собирают документы, чтобы его оправдать и отпустить. Не тут-то было! Оправдать, отпустить... Как же, размечтался. Снова стали вызывать, но теперь уже к другим. Те, новые менты, оказались понятливыми и, видно, прониклись к нему сочувствием. Кое-что они сделали для него, если не врут, конечно, но потом опять все заглохло. И еще несколько

дней — тишина. Непонятно, что происходит. Он ничего не понимает.

В камере ему плохо, само собой, но терпеть можно. Он ведь не из интеллигентов, не хлюпик, и послать может, и обрезать, и на место поставить, даром, что ли, всю жизнь на улице провел, нравы и обычаи хорошо знает. Всю жизнь, кроме последних двух лет...

. «— ... Да что вы нашли в этой музыке? Бестолковая она какая-то, ни смысла, ни ритма. Выключите.

— А ты не там ищешь смысл и ритм. Ты глаза закрой да представь мысленно рисунок, как будто он из звуков состоит. Ты вот пишешь слева направо, и звуки на клавиатуре так же расположены, слева — низкие, справа — высокие. Идет музыка от высоких звуков к низким, а ты представляй линию, которую рисуют справа налево. Понял? Так и следи за музыкой. Не мелодию слушай, а рисунок представляй. Тогда и поймешь...

И он действительно понял. Не сразу, это верно, неделю, помнится, тогда мучился, пока мозги настроил как надо, чтобы выполнять то, что велено. А потом вдруг у него получилось. Зазвучала музыка, а перед глазами рисунок стал появляться, да затейливый такой, изящный, с завитками, даже симметричный. В какой-то момент ему женский профиль почудился, а потом и фигура целиком в длинном одеянии. А дальше случилось и вовсе невероятное. К нему глюки пришли. Прямо вот так, наяву, без таблеток, без ничего. Он к тому времени уже год как не употреблял совсем. Пришли глюки, да чудные такие, совсем непохожие на те, которые раньше бывали, когда он ширялся да покуривал. Вроде как бы фигура эта в длинном одеянии — это Пресвятая Богородица, а перед ней на земле лежит Иисус, снятый с креста. Земля голая, каменистая, сухая. Неприветливая какая-то. Он помнил, что, когда был маленьким еще и ездил с родителями в деревню, его постоянно тянуло лечь на землю. Трава была сочная, зеленая, мягкая, и сама земля была мягкой и пахла как-то особенно, будто призывала его к себе. Он до сих пор этот запах помнит. А там, в глюке этом, земля была такая, что и лечь на нее не хотелось. Вроде враждебная. И казалось, что распятому Иисусу на ней лежать больно и неудобно. И неожиданно пришло осознание того, что не он, Сергей Суриков, так думает, а это сама Дева Мария так чувствует. Смот-

рит на сына своего мертвого и переживает, что ему неудобно лежать.

Когда он очнулся, музыки уже не было. Заснул, что ли? Вот чудеса-то.

— Что это было? — спросил он тогда.

— Ты научился слушать и понимать.

— И это может случиться еще раз? — Ему очень хотелось, чтобы это повторилось. Было немного страшно, но его в тот момент переполнял восторг.

— Теперь так будет всегда. Ты научился, и твое умение всегда будет с тобой. Оно уже не исчезнет.

— Как называется музыка?

— Это Бах. Чакона...»

* * *

К первой встрече с подследственным Суриковым Татьяна Образцова готовилась долго, потому что никак не могла разобраться в материалах дела. Такое впечатление, что Суриков неоднократно менял показания, пытаясь выгородить себя, но позиция следствия была какой-то вялой. Хочешь оправдываться — ради Бога, мы тебе мешать не станем. Не хочешь оправдываться — твое дело, мы тебя топить не будем. В официальных документах и отчетах это называлось «отсутствие активной наступательной позиции следствия». При допросах Сергея Сурикова, как следовало из имеющихся в деле протоколов, много внимания уделялось вопросу о сообщниках. И ни одного толкового ответа от арестованного получить не удалось. Причем, что любопытно, от него вообще не удалось добиться ни одного толкового ответа, он ведь не признался даже в том убийстве, по обвинению в котором, собственно, и был арестован.

На рассвете 7 ноября 1996 года гражданка Бахметьева Софья Илларионовна, 1910 года рождения, была обнаружена соседями убитой в собственной квартире. Череп восьмидесятишестилетней старухи был проломлен валяющимся здесь же топором. Топор, как водится, не был принесен откуда-то преступником, а принадлежал самой Бахметьевой. По свидетельству соседей, топор этот постоянно находился в кладовке еще с тех времен, когда не было центрального отопления и печки топили дровами. В том, что топор — тот самый, бахме-

тьевский, никто не сомневался, вон и инициалы на рукоятке, Б.Б., что означает «Борис Бахметьев», покойный брат Софьи Илларионовны.

Те же соседи, не дожидаясь вопросов со стороны приехавших работников милиции, сообщили, что у старухи Бахметьевой живет квартирант, молодой и весьма подозрительный. Суриков Сергей. Вроде как старуха Софья Илларионовна пустила его к себе жить с условием, что он будет за ней ухаживать, а она ему за это квартиру отпишет.

Ситуация была распространенной, великое множество одиноких стариков попадалось на удочку таких «ухаживальщиков», подписывали им генеральную доверенность на право распоряжаться всем имуществом, в том числе, естественно, и квартирой, а потом оказывались выброшенными на улицу. И хорошо еще, если на улицу. А то ведь многие оказывались сразу в морге. А многие — и вовсе неизвестно где. Пропадали без вести. Обладатель же генеральной доверенности спокойно продавал квартиру или обменивал. Посему наличие у убитой старой женщины квартиранта автоматически вело к его задержанию. Версия об убийстве на почве приватизации квартиры проверялась в первую очередь, поэтому квартиранта нашли бы и арестовали, даже если бы оказалось, что он в момент убийства находился в командировке в Новой Зеландии. Не сам убил — значит, подельники есть, но то, что имел место групповой сговор, несомненно.

Сергея Сурикова тут же объявили в розыск и через два часа задержали. Похоже, он и не собирался никуда прятаться, задержания не ожидал, потому сопротивления не оказывал. Более того, у него на момент убийства квартирной хозяйки даже алиби не было, не позаботился придумать. И вообще он производил впечатление умственно неполноценного. Дурачок какой-то. Защитить себя толком не может. И наличие группового сговора отрицает.

Татьяна понимала, в чем тут фокус. Махинации с приватизацией квартир, принадлежащих одиноким престарелым людям, расцветали в Питере пышным цветом. Было ясно, что занимаются этим хорошо организованные группы, и группы эти понемногу выявлялись работниками правоохранительных органов. И вот совсем недавно откуда-то просочилась информация, что есть в городе и совсем особая группа. То есть такая особая, что вам, ментам придурочным, в

жизни на нее не выйти, потому как вы ни за что не догадаетесь, как она действует. Больше никаких деталей узнать не удалось, но сам факт заставил милиционеров, что называется, встать на дыбы. Как это так — «ни за что не догадаетесь»? Что же мы, глупее преступников, что ли? Теперь по каждому подходящему и даже не очень подходящему случаю следователи и оперативники пытались нащупать следы этой таинственной группы, которая непонятно каким способом выманивает у одиноких стариков квартиры. Поэтому и в дурачка Сурикова они вцепились, хотя должны были, по идее, понимать, что явно криминальный труп с рубленой раной головы не может быть связан с хитрой и замаскированной группой преступников. На то они и есть хитрые и замаскированные, чтобы не вязаться с явным криминалом. Но Сурикова все равно трясли на предмет наличия сообщников. А он ничего путного сказать не мог.

Татьяна снова и снова перечитывала материалы уголовного дела, возбужденного по факту убийства гражданки Бахметьевой С.И. Протоколы допросов соседей Бахметьевой: с кем общался Суриков, с кем вы его видели, кто к нему приходил? Ответы совершенно однотипные: ни с кем и никто. За два года ни один человек, живущий в доме, не видел, чтобы к Сергею Сурикову хоть кто-нибудь приходил. Каждое утро он уходил на работу, около семи-восьми вечера возвращался. Иногда водил бабку Софью в поликлинику. Ходил в магазин за продуктами и иными какими покупками. Но всегда один. Попытка подобраться к группе с этой стороны не удалась. Еще протоколы, на этот раз допросы людей, работавших вместе с Суриковым в универсаме «Балтийский». Спокойный, дисциплинированный, дружелюбный, контактный. Никто о нем ничего плохого сказать не может. На работу не опаздывает, раньше времени не уходит. Да, только вот болел часто. Слабый он, сердце больное. Бывает, привалится к стене, белый весь, и стонет. Пару раз ему «скорую» вызывали, а так обычно-то он таблеточку пососет и оклемается. Конечно, не надо бы ему с такой хворью грузчиком работать, но на другую работу устроиться сложнее, у него образования нет, даже среднюю школу не окончил. Нет, никто к нему на работу не приходил и не звонил. И он никому не звонил, кроме хозяйки своей. Имя у нее чудное такое, вот-вот, именно, Софья Илларионовна, он ей по нескольку раз в день звонил,

спрашивал, как она себя чувствует, чем занимается, не скучает ли, надо ли что-нибудь покупать по дороге с работы. Он о ней очень заботился. Однажды у нее рука начала отниматься, так он тут у нас всех на уши поставил, мол, нет ли у кого знакомого невропатолога, только самого лучшего. Нашли ему хорошего врача, он машину у нас попросил, привез его к своей бабке, потом оформил неделю за свой счет и сидел с ней, ни на шаг не отходил. А когда вышел снова на работу, сказал, что у бабки мог случиться инсульт, но он вовремя спохватился, и врач опытный оказался, в общем, отвели они беду. Радовался как ребенок. С того времени он начал звонить домой буквально каждый час. Говорил, дескать, врач тот его предупредил, что самое главное — ничего не запускать. Как чуть что — моментально принимать меры. Вот он и звонил каждый час Софье-то своей, спрашивал, не немеют ли руки, не кружится ли голова. Бдил, одним словом.

Протокола допроса врача-невропатолога в деле не было, вероятно, с точки зрения поиска таинственной группы он никакого интереса для следователя, занимавшегося этим делом, не представлял.

Вообще все дело было рыхлым и шатким. Прямых улик против Сурикова не было. Но и в его пользу мало что говорило. Сам Сергей не мог внятно объяснить, где он был в момент убийства своей хозяйки Бахметьевой, но и соседи его в это время в доме не видели. И с корыстным мотивом не все понятно, генеральной доверенности на право распоряжаться имуществом Софьи Илларионовны у Сурикова не было. Более того, такая доверенность была оформлена на совершенно другого человека, который, по-видимому, к убийству старушки отношения не имел и не мог иметь. Тогда зачем Сурикову было убивать ее? Но, с другой стороны, кто же еще, кроме него самого, мог убить ее так, чтобы соседи не слышали ни криков, ни шума борьбы, ни прихода посторонних? Только Суриков. Поэтому надо на него давить, пока он не признается и тем самым не подскажет, где и какие доказательства его виновности следует искать. Вот, к примеру, окровавленная одежда. Должна она быть, если ты убиваешь человека ударом топора по затылку? Должна. Ну пусть не море крови, а мелкие частицы-то должны обязательно в разные стороны полететь и попасть на одежду преступника. На той одежде, в которой Суриков был задержан, следов не ока-

залось. Но если убийца — он, то где-то эта одежда лежит, своего светлого часа дожидается. Вот пусть и покажет, где она.

Татьяна задумчиво листала протоколы, справки, запросы и думала о том, что дело действительно какое-то... не сказать, чтобы дурацкое, скорее нелепое. Генеральная доверенность оформлена полгода назад на имя Зои Николаевны Гольдич, два месяца назад получены обменные ордера, поскольку Бахметьева, как выяснилось, хотела переехать из этой квартиры в другую, но у нее не было ни сил, ни знания юридических реалий, чтобы заниматься обменом самой. Таким образом, на протяжении целого месяца, предшествовавшего смерти, Софья Илларионовна уже не была владелицей двухкомнатной квартиры на улице Салтыкова-Щедрина, прямо рядом со станцией метро «Чернышевская». Владели этой квартирой совсем другие люди, а Софье Бахметьевой принадлежала крошечная квартирка в «хрущобе», расположенной у черта на рогах, рядом с Волковым кладбищем, в Купчино, куда метро не ходит и ходить в ближайшие двадцать лет вряд ли будет и выбраться откуда можно только на трамвае, который ходит один раз в сорок минут и влезть в который практически невозможно по причине его ужасающей переполненности. Как утверждают и Гольдич, и Суриков, и новые владельцы квартиры, все было оформлено, но с переездом по обоюдному согласию решили подождать до весны. Смысла в убийстве Бахметьевой не было никакого. Суриков, между тем, находился под арестом, и никаких других подозреваемых рядом не высвечивалось.

Татьяна глянула на часы. Сейчас приведут подследственного. Она быстро встала из-за стола, подошла к шкафу и открыла дверцу, чтобы посмотреть на себя в укрепленное с внутренней стороны зеркало. Нормально. Не слишком злая, но и не слишком добрая женщина-следователь, не старая, но и не девчонка. Не женщина-вамп, но и не синий чулок. Так, нечто среднее. Для первого допроса как раз то, что нужно.

Глава 2

— Как вы себя чувствуете? — начала Татьяна обязательный ритуал, который непременно надо соблюдать при допросах, а то случается, подследственные потом жаловаться начинают, что их допрашивали, когда они были чуть ли не

при смерти и от плохого самочувствия ничего не соображали. И цена показаниям, данным во время такого допроса, соответственно, полгроша в базарный день. — Что-нибудь болит, беспокоит?

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Суриков. — Я хорошо себя чувствую.

— Тогда приступим. Моя фамилия Образцова, зовут меня Татьяной Григорьевной, я следователь и буду теперь вести ваше дело.

— Опять, — усмехнулся Суриков. — Не надоело вам?

— Что должно было надоесть? — Татьяна внимательно посмотрела на него.

— Да вся эта канитель. Один следователь, другой, третий. Что вы меня футболите друг к другу? Не знаете, что со мной делать? Так отпустите на все четыре стороны, и с плеч долой.

Перед Татьяной сидел невысокий молодой человек лет двадцати двух — двадцати трех с наглой ухмылкой на лице, обнажающей плохие зубы. Непохоже, чтобы месяц, проведенный в тесной камере с полутора десятком борзых урок, сделал этого Сурикова покладистым или хотя бы забитым. Видно, он вполне адаптировался.

— Кстати, — невозмутимо сказала она, — вопрос, который вы задали, действительно интересный. Почему дело до сих пор не закончено, как вы думаете? До меня им занимались два других следователя. Вы что, не могли найти с ними общий язык?

— Почему? — Суриков пожал плечами. — Я с ними очень хорошо разговаривал, вежливо, на все вопросы отвечал чистосердечно и искренне. Не знаю, что им не понравилось. Вам нужно крайнего найти, чтобы дело сшить, а я для этого лучше всех подхожу, потому и не даете мне покоя, все выискиваете, как бы это меня половчее упечь. Я-то — вот он, перед вами, уже и в камере сижу, так что никаких хлопот, а другого еще найти надо. Вы давайте, начинайте допрос, нечего ко мне с обратной стороны подъезжать.

Понятно, подумала Татьяна, тактика ясна. Я, граждане следователи, ни при чем, но ежели вы мне не верите, то это ваша глубоко личная проблема, и в решении этой проблемы я вам не помощник. Все равно выпустите рано или поздно, а и не выпустите, так здесь, в камере, срок все одно идет, опять же на зоне меньше торчать придется. На зоне-то плохо, куда

хуже, чем в предвариловке, это всем известно, даже первоходкам. Приблатненный юноша, хотя, судя по ответам на всяческие запросы, срок ни разу не мотал и даже не арестовывался. Задерживался — да, бывало, на трое суток вместе с группой, потом отпускали. Неоднократно попадал вместе с дружками, когда чистили очередной притон, но Сергея Сурикова всегда отпускали. Ни разу он не оказался во время облавы в наркотическом опьянении и ни разу при нем не обнаружили ни грамма дури, ни таблеточки, ни косячка. Хитрый, что ли? Предусмотрительный? Или...

Татьяна даже слегка вздрогнула, настолько забавной показалась ей пришедшая внезапно в голову мысль. А что, если проверить?

— Мне вас по имени-отчеству называть или можно просто по имени? — осведомилась она.

— Можно по имени, — великодушно разрешил Суриков, — вы же ненамного старше меня.

Ах, хитер, ах, хитер, паскудник, комплименты решил говорить! Татьяна старше его на целых тринадцать лет, и, учитывая ее комплекцию, никто не рискнул бы сказать, что в служебной обстановке она выглядит моложе.

— Ошибаетесь, Сергей Леонидович, я намного старше вас, поэтому не будем играть в панибратство. Скажите, а ваш покровитель знает о том, что вы уже месяц находитесь у нас? Что-то от него ни слуху ни духу. Обычно в таких случаях уже через день-два мы человека выпускаем, а за вас никто не хлопочет. Или вы соскочили?

Дурашливая ухмылка мгновенно исчезла с лица подследственного, теперь на Татьяну смотрели не глаза, а два кусочка ледяного металла.

— Я не соскочил, это он соскочил, — процедил Суриков. — Бросил меня на произвол судьбы, как сука последняя, я вообще безо всего остался, без жилья, без денег. Думал сначала, что он умер, все не мог поверить, что можно вот так человека использовать, как вокзальную шлюху, а потом выбросить за ненадобностью.

— А он, выходит, не умер?

— Прям, умрет он, как же, — фыркнул Суриков. — От него дождешься. Такие не дохнут, такие дольше всех живут. Я как увидел его живым-здоровым, так и кинулся как к род-

ному, мол, возьми под крыло. А он... — Суриков махнул рукой. — Татьяна Григорьевна, сигареткой не угостите?

— Берите. — Она выдвинула ящик стола и достала пачку сигарет и спички. — Так что он сделал, когда вы к нему обратились? Сказал, что не знает вас?

— Ну! А как вы догадались?

Теперь на лице у Сурикова был неподдельное любопытство. Как она догадалась? Да проще простого. Тот работник милиции, на связи у которого состоял член молодежной полукриминальной группировки Сережа Суриков, бросил свою низкооплачиваемую государственную службу, и Сережа стал ему без надобности. Более того, в его новом бизнесе ему совсем не нужно, чтобы около него отирался такой тип, как Сережа, с детства имевший дело с наркотой, угонами машин и прочими подростково-юношескими глупостями. Не особенно умный, хитроватый, малообразованный и не совсем здоровый, к тому же точно знающий, что половину, а то и больше наркотиков, обнаруженных при облавах, этот милиционер клал в собственный карман. На черта ему сдался этот Сережа? Когда пресловутый милиционер вел линию борьбы с наркотиками, у него был Сережа, которого всегда заблаговременно предупреждали о готовящейся облаве, потому он в эти дни не употреблял и даже в карман не клал, чтобы прицепиться было не к чему. Сам Сережа привычным наркоманом не был, зависимость от наркотиков у него не сформировалась, это видно Татьяне невооруженным глазом. Человек, который на месяц отлучен от привычного зелья, ведет себя не так, да и выглядит совсем по-другому.

— Догадаться несложно, — чуть улыбнулась она. — Это, к сожалению, часто встречается. Я хочу сказать, в последние годы, когда люди стали уходить из милиции в бизнес. Такие, как вы, им больше не нужны, и они безжалостно вас бросают. Давно это случилось?

— Два года назад. Может, чуть больше. Я возьму еще сигаретку?

— Конечно. Может быть, вам не стоит курить одну за одной? Все-таки у вас сердце слабое. Или документы врут?

— Не, не врут, все точно. Но курить очень хочется.

— Ну смотрите. А вы подписку ему давали?

— О неразглашении-то? Давал, а как же. Я с ним и раньше дело имел, лет с четырнадцати, он мне в обмен на инфор-

мацию деньжат подбрасывал. А как мне восемнадцать стукнуло, так сразу подписку с меня взял.

— И вы вот так спокойно мне все это рассказываете? А как же подписка?

— Ну интересно! А что подписка? Подписка — она на простых людей рассчитана, на граждан с улицы. Им я никогда ничего и не рассказывал, мне, Татьяна Григорьевна, еще жить хочется. Я ж понимаю, что со мной сделают, если хоть одна живая душа узнает, что я ссучился. А вы-то и без меня все знаете, у вас самой небось таких подписантов штук двадцать, не меньше. Как вы их по-научному-то называете? Агенты-резиденты?

— Есть еще доверенные лица, — добавила Татьяна. — Но тут вы запутались, Сергей Леонидович, я следователь, а не оперативник. Агентура — это у оперативников. А я вот с бумажками все больше вожусь. Давайте-ка вернемся к тому времени, когда ваш покровитель вас подцепил. Чем вы тогда занимались?

— А ничем.

— Совсем ничем?

— Совсем. Перебивался случайными заработками.

— А жили где?

— Нигде.

— Как это — нигде?

— Вот так. Нигде. Отец помер от пьянства, мать квартиру быстренько продала и к новому хахалю свалила, они эти деньги вместе до сих пор, наверное, пропивают. Я потому и школу бросил еще в девятом классе. Жить негде, спать негде, мотался по подвалам да по случайным знакомым. Лучше всего было, конечно, к притону какому-нибудь присосаться, у него хоть адрес постоянный есть, пока не накроют, конечно. Вот тут меня дядя Петя и зацепил.

Значит, дядя Петя. Уже что-то. При необходимости его можно разыскать, сотрудник, ведущий линию наркотиков, по имени Петр, уволился из органов в девяносто четвертом году. Вполне реально.

— И дальше что?

— Ну ничего. Как очередную облаву провели, всех, кого нужно, повылавливали, меня через пару дней выпустили, и я стал ждать, когда мне дядя Петя сигнал подаст. Он обычно советы мне давал, где пожить пристроиться или хотя бы

переночевать несколько дней. Иногда в общежитие какое-нибудь меня приладит, и так далее. А тут смотрю — тишина. Неделя, вторая, хорошо еще — лето было, так я то на лавочке посплю, то вообще на земле. А его все нет и нет. У меня, сами понимаете, проблемы назревают, я ж жил как все, денег не зарабатывал, в долг брал, потом наркотой отдавал. Наркоту-то мне дядя Петя подбрасывал после каждой облавы, так что я обычно с долгами рассчитывался. А тут у меня долгу долларов на семьсот, я два месяца за счет одного кореша пил, ел, гулял, жил в долг и был уверен, что отдам. И — ничего. Кореш наезжать начинает, угрозы там всякие, и так далее. А я от ночевок на улице заболел, вы же знаете, у нас воздух сырой. Почки застудил, ноги болят — видно, ревматизм, сверху — бронхит, лекарства купить не на что. Короче говоря, не жизнь — а одно сплошное большое удовольствие. Сердце начало прихватывать по два раза в день. Один раз меня какая-то сердобольная тетка пожалела и целый патрончик валидола дала. Просто подарила. И нитроглицерина упаковку отстегнула. Только благодаря этому и не сдох под кустом. Так и жил, пока к Софье Илларионовне не попал.

— А как вы к ней попали?

— Обыкновенно. Валялся на лавочке с приступом. Старушонка какая-то подходит, приличная такая, и начинает меня жалеть. Я-то уже в норму приходить начал, валидол рассосал, и вдруг такая слабость меня одолела — прямо жуть. Расплакался я на груди у этой старушонки. Жить мне, говорю, негде, и болезнь меня точит неизлечимая, и сам я весь с головы до ног никому не нужный. А она меня слушала-слушала, да и говорит: «Ты посиди здесь, сынок, я минут через десять вернусь». Ушла, вернулась и повела меня к Софье. Вот, говорит, сынок, твой шанс, может быть, в этой жизни единственный. Ты сильно болеешь, нельзя тебе на улице оставаться в таком состоянии. Софья Илларионовна тебя подлечит, а там посмотрите, как будет. Только я в тот момент не верил, что она может меня вылечить.

— Почему же?

Татьяне с каждой минутой становилось все интереснее. Неужели Суриков и другим следователям все это рассказывал? Что это, красивая байка, романтическая и сентиментальная, на сочинение которых так щедры бывают уголовники, или действительная история? Если верить показаниям

работников универсама «Балтийский», то это вполне может оказаться правдой. Постоянные звонки домой, чтобы справиться о самочувствии Бахметьевой, поиски самого лучшего врача... Но, с другой стороны, эта трогательная сказочка както не вяжется с образом полуграмотного глуповатого паренька с дурацкой ухмылкой на лице.

— Почему вам не верилось, что Бахметьева сможет вас вылечить?

— Ой, да вы бы видели ее! — Суриков судорожно сделал последнюю затяжку и раздавил окурок в пепельнице. — Старушка божий одуванчик, маленькая, худенькая, в платочке, без зубов, на носу очечки, знаете, кругленькие такие, какие в тридцатые годы носили. Сама совсем беспомощная, какое уж там лечение.

Очечки, какие в тридцатые годы носили. Откуда ж ты, Сережа Суриков, семьдесят четвертого года рождения, знаешь, какие очки тогда носили? Для любого другого человека ответить на этот вопрос было бы просто: мол, кино смотрел, книжки читал. Но такой парень, как Суриков, фильмов про тридцатые годы наверняка не смотрел. Ведь где такие фильмы можно теперь увидеть? Только по телевизору. Да и кто их смотрит? Кто угодно, только не молодежь, это уж точно. Разве похож Суриков на мальчика, который будет сидеть на уютном диване перед телевизором и с упоением смотреть старое кино? Нет, непохож. Совсем непохож.

— И что же было дальше? — тихо спросила Татьяна.

* * *

У него не было сил ни удивляться, ни сопротивляться. Ему было очень плохо, сердце колотилось как бешеное, да и температура была, наверное, под сорок. Поэтому Сергей послушно позволил уложить себя в постель. Кровать была старая, пружинная, с никелированными набалдашниками. Сережа таких и не видел никогда. Несмотря на озноб, ему стало так хорошо, что он мгновенно уснул в этой чистой постели, под теплым одеялом. Он проспал, похоже, несколько дней. Правда, он часто просыпался, с удивлением обнаруживал, что чувствует себя намного лучше, и через три минуты снова проваливался в сон. И каждый раз, открывая глаза, он видел перед собой морщинистое старушечье лицо в круглых старо-

модных очках и с проваливающимися в беззубый рот губами. Лицо было добрым и одновременно очень серьезным.

Наконец он отработал весь скопившийся «недосып» и проснулся окончательно, испытывая острый голод. Старушка по-прежнему была рядом, и Сергей понял, к своему ужасу, что не помнит ее имени. Та бабка, которая привела его сюда, как-то ведь назвала хозяйку, но он был тогда в таком состоянии, что почти ничего не слышал и не понимал.

— Вы кто? — без обиняков спросил он.

— Меня зовут Софья Илларионовна. Я тебя выхаживаю, — сообщила старушка спокойно и деловито.

— Давно?

— Шестой день пошел. Очень ты себя запустил, много в тебе всякой хвори. Но ты не беспокойся, все, что еще можно для тебя сделать, я сделаю. Тебя как зовут?

— Сережей.

— Ну вот и славно, — почему-то обрадовалась старушка. — Стало быть, Сережей. Очень хорошо. Есть небось хочешь?

— Очень, — признался Сергей.

— Сейчас принесу.

— Да не надо, — он откинул одеяло и попытался встать с кровати, — я сам.

— Куда сам? — насмешливо сказала Софья. — Ты ж два метра не дойдешь, свалишься. Не веришь — попробуй, только имей в виду, если на пол упадешь, так и останешься лежать, мне тебя не поднять, силы не те.

Он упрямо предпринял попытку встать, но тут же понял, что старушка права. Какие там два метра, он и одного шагу не сделает. Ничего себе болезнь его прихватила! Счастье, что жалостливая бабка подвернулась на его пути, а то так и валялся бы на холодной земле или на асфальте. А может, уже и не на асфальте, а в холодильнике морга.

Софья Илларионовна принесла из кухни протертый овощной суп и накормила его с ложки. Сережа и здесь пытался проявить самостоятельность, очень уж неудобно ему стало перед старой женщиной, но Софья, видно, не привыкла никого убеждать словами, а действовала через практический пример. Она молча дала ему ложку, и Сережа тут же убедился, что не может донести суп до рта. Рука дрожала, и

ложка все норовила выпасть прямо на белоснежный пододеяльник.

Покончив с супом, она так же ловко и умело накормила его молочной рисовой кашей со сливочным маслом. Этот вкус напомнил Сереже детство, и он снова чуть не расплакался.

— Ты не стесняйся, — сказала Софья, заметив, что его глаза налились слезами, — это от болезни. Человек, когда тяжело болеет, становится душевно слабым, часто плачет. Это не стыдно. Окрепнешь, поправишься — и все пройдет.

— Вы — доктор? — догадался Суриков.

— Да нет, сынок, не доктор. Но болезнь могу вывести любую, кроме самых неизлечимых. Рак, например, не могу вылечить. И СПИД не могу.

Несмотря на слабость, Сергей расхохотался.

— СПИД? Откуда ж вы про СПИД-то знаете?

— Оттуда, откуда и все, — мирно улыбнулась старушка. — Ты ведь тоже СПИДом не болел, а знаешь про него. Газеты читаю, телевизор смотрю. Да и видела спидушных этих. Приводили ко мне как-то, просили помочь, если смогу. Я не смогла.

— Как же вы лечите, если не доктор? Колдуете, что ли?

— Зачем? В народной медицине от всех болезней средства есть, надо только их знать. Я знаю, потому и лечить умею.

— Откуда вы их знаете?

— Жизнь так сложилась. И не хотела бы, да пришлось.

Больше она в тот раз ничего не сказала. Через несколько дней Софья Илларионовна разрешила Сергею не только вставать, но и ходить минут по пятнадцать. Как только представилась возможность, он обошел всю квартиру и поразился царящим здесь убожеству и нищете. Бахметьева жила очень бедно, мебель кругом стояла старая, разваливающаяся, стол на кухне был покрыт клеенкой до того протертой и прожженной в разных местах, что она казалась кружевной. Сережа даже испытал нечто вроде стыда за то, что свалился на голову человеку, живущему так скромно. Она, наверное, едва-едва себя прокормить может, а тут еще он со своими болячками.

Еще через две недели регулярного питья каких-то отваров, которые готовила для него Софья Илларионовна, Сергей Суриков полностью восстановился. Пора было уходить из гостеприимного дома. А уходить не хотелось. Здесь было

тепло, чисто и надежно. Он все искал слова, чтобы завести с Софьей разговор о своем уходе. Но она начала первой.

— Думаешь уходить? — спросила она как-то, налив в старые чашки с щербатыми краями горячий чай.

— Надо, наверное, — неуверенно ответил Сергей. — Что ж я у вас тут нахлебником...

— А что, не хочется уходить?

— Не хочется, — внезапно признался он, сам того не ожидая.

Еще минуту назад он не был в этом уверен. Он был молод, всего двадцать лет, привычен к вольной жизни без всяких ограничений, без родительского контроля и без слова «надо». Ему просто не может нравиться жизнь с чужой нищей старухой, которой восемьдесят четыре года и которая сама нуждается в уходе.

— Это правильно, — кивнула Бахметьева. — Раз не хочется уходить, значит, ты стал взрослым. Кончилось твое дурное детство и твоя шальная юность, Сереженька, все, конец.

— Я что-то не понял. Это вы о чем?

— О том, что только молодой дурак хочет быть от всех независимым и рвется к самостоятельности и одиночеству. Чем человек старше и мудрее, тем яснее он понимает, что смысл жизни только в том, чтобы быть кому-то нужным. Только в этом. Понял, сынок?

— Нет, — признался Сергей.

Он тогда действительно не понял. Мысль оказалась для него слишком сложной. Зато в голову пришла другая мысль: как это может быть, чтобы слова такой старой бабки были для него слишком сложными? Он что, совсем полный идиот? Такой идиот, что уже не в состоянии понять то, что говорит ему старая безграмотная женщина? Нет, не может такого быть, это болезнь, наверное, сказывается. Может быть, от тяжелых болезней человек не только душой, но и мозгами слабеет.

— Ну ладно, раз не понял, значит, рано тебе еще об этом думать. Твоя душа, значит, быстрее умнеет, чем голова. Ты душой-то правильно чувствуешь, уходить не хочешь, а голова пока еще не поспевает, не справляется. Ну и ладно, потом догонит. Что ж, Сереженька, раз ты хочешь остаться, тогда нам с тобой поговорить нужно. Серьезно поговорить. В первый и в последний раз. Разговор будет тяжелый, поэтому мы один раз через это пройдем и больше возвращаться к нему не

будем. Потому как если мы с тобой друг друга правильно поймем, то нам и нужды не будет к этому еще раз возвращаться. А ежели придется снова об этом заговорить, значит, не получилась у нас совместная жизнь, и ты в ту же минуту отсюда уйдешь. Уговор ясен?

Сережа молча кивнул, с недоумением и даже испугом глядя на маленькую сухонькую старушку. Он никак не ожидал, что она начнет ставить ему какие-то условия, да еще так жестко формулировать.

— Ты наркотики давно употребляешь? — неожиданно спросила Софья Илларионовна.

— А... — Сережа аж поперхнулся. — С чего вы взяли, что я употребляю? Никогда я...

— Плохо, сынок. Такой серьезный разговор у нас с тобой, а ты его с вранья начинаешь. Я ж по тебе вижу, что ты употреблял. Ты не наркоман, нет, тебя за то время, что ты у меня пролежал, не ломало. Но есть признаки, по которым я точно вижу: употреблял, и давно, с детства еще. Я понимаю, я старая и слабая, у тебя велик соблазн меня обмануть. Тебя трудно в этом упрекать, вы все, молодые, этим грешите. Старый — что малый, это вам так с детства внушили, а вы и поверили, дурачки. Старики кажутся вам глупыми, их и обмануть не грех. Так вот чтобы у тебя такого соблазна больше не возникало, я тебе скажу кое-что. Я двадцать лет провела в Сибири, в лагерях и на поселении. Двадцать лет. Столько, сколько ты на свете живешь. Зубы рано потеряла, да и волосы тоже. Но столько я за эти двадцать лет увидела и узнала, что меня теперь обмануть очень трудно. Меня может обмануть только близкий человек, человек, которого я очень сильно люблю и потому закрываю глаза на все и верю ему. А больше никому не удастся, и тебе в том числе, запомни это.

— А за что вас в Сибирь, Софья Илларионовна?

— Ну как за что? — Она усмехнулась, одним глотком допила остывший чай и со стуком поставила чашку на стол. — За то же, за что и всех. Мужа признали врагом народа и расстреляли, а меня как жену врага народа — на двадцать лет. Хорошо еще, сына сумела спасти, ему тогда полгодика всего было. Да мне самой-то было двадцать пять всего. Ушла из дома под конвоем молодой красавицей, а вернулась через двадцать лет больной старухой. Вот так, сынок. Но это я не к тому, чтобы ты меня жалел, я ни в чьей жалости не нуждаюсь, а

к тому, чтобы ты понял, сколько разных болезней и горестей я за свою жизнь навидалась. Сибиряки — народ крепкий, цивилизацией не испорчены тогда еще были, все секреты целебных трав, ягод и листьев из поколения в поколение передавали. В тех местах и ламаистов много было, бурятов, у них тоже свои секреты есть. Всему научилась. И про наркотики там узнала. Так что когда в следующий раз врать мне соберешься, подумай как следует. Еще раз на вранье поймаю — расстанемся.

Сережа понимал ее через слово. Он, например, так и не понял, за что же ей присудили двадцать лет лагерей, и почему расстреляли мужа, и почему надо было спасать сына. В школе он учился кое-как, а к тому времени, когда проходили историю двадцатого века, уже не жил дома, отирался по чердакам и подвалам. Его ведь даже и не искал никто, ни мать, ни учителя. Учителя были счастливы, что такой «проблемный ребенок» наконец свалился с их телеги, а мать вообще ничем не интересовалась, кроме выпивки и опохмелки, мозги все пропила еще до Сережиного рождения. Так что слова Софьи Илларионовны в большей своей части оставались для него загадкой. Кто такие ламаисты? Кто такие буряты? Что у них там за секреты такие особые могут быть? Каких таких горестей и болезней Бахметьева навидалась в тех лагерях? И что это за лагеря? Такие, как сейчас, куда направляют после суда для отбытия наказания? Или какие-то другие? Сережа Суриков мало что знал из области уголовной юстиции, но поскольку всю жизнь крутился в криминальных компаниях, у членов которых обязательно кто-то сидел, родственники или знакомые, то ему было понятно, что женщины по двадцать лет в нынешних лагерях не сидят. А как же тогда Софья? Врет, что ли?

— Уговоримся мы с тобой, сынок, так, — продолжала между тем старуха. — Ты можешь остаться жить со мной. Квартирантом. Плату за комнату я с тебя брать не буду, но за это ты будешь за мной ухаживать. В магазин ходить, в квартире убирать, белье в прачечную носить, я все-таки уже очень старая, мне это тяжело. Поручения мои будешь выполнять. Хозяйство вести будем раздельно, мне твои деньги не нужны, у меня пенсия есть, мне хватает. Квартплату, электричество и телефон оплачиваем пополам. Если хочешь, я из твоих продуктов буду тебе готовить. Но за все это ты должен

выполнять мои требования. Первое: пойдешь работать. Работать будешь недалеко отсюда, чтобы я могла прийти проверить, не обманываешь ли ты меня. Второе: никаких наркотиков. Категорически, раз и навсегда. Третье: никого ко мне не приводить. Сам можешь гулять, где захочешь, и ночевать, где захочешь, хоть неделю домой не являйся, но здесь чтоб ни одного постороннего не было даже близко. Если уживемся мы с тобой, оставлю тебе эту квартиру, дарственную оформим или еще как, после моей смерти будешь здесь хозяйничать. Но если замечу, что ты мою смерть торопишь, приблизить хочешь, — имей в виду, ничего у тебя не выйдет. Я бумагу напишу, что, если умру не своей смертью, виноват Сергей Суриков, его первого хватайте. Напишу и в надежном месте оставлю. Так что лучше и не затевайся с этими глупостями.

И снова Сережа не очень отчетливо понимал, о чем она толкует. Он был настолько безграмотен, что к тому моменту даже и представить себе не мог, как можно убить человека за квартиру. Зачем? Квартира же тогда ничья будет или по наследству отойдет... Короче говоря, не соображал он в этих делах ничего. Но кое-что понял хорошо: он должен идти работать, не прикасаться к наркотикам и никого из своих знакомых не приводить в эту квартиру. Тогда у него на ближайшее время будет крыша над головой, где он не чувствует себя лишним и ненужным, а впоследствии — собственная квартира. Это его единственный шанс, правильно сказала та бабка, которая его на улице подобрала, больше никаким путем и никогда он никакого жилья не получит. Все было изложено предельно четко. И была еще одна вещь, которую в тот момент осознал Сережа Суриков и которая тогда настолько потрясла его, что превратилась в руководство к действию и в конечном счете изменила всю его жизнь. Он глупее этой старой, этой дряхлой бабки Софьи! Он знает меньше, чем она. Он понимает меньше, чем она. Это стыдно. И это надо исправить. Как странно, что он никогда раньше не замечал своей ограниченности и необразованности. Наверное, это оттого, что общался только с такими же, как он сам, прочитавшими в жизни полторы книжки, да и то в раннем детстве, и смотревшими только боевики по видаку. У него давно уже нет собственного дома, где можно было бы почитать книжку или посмотреть телевизор, какую-нибудь нормальную программу, а не бесконечное кон-фу, и увидеть, какими бывают

обычные молодые парни в его возрасте, чем занимаются, как разговаривают, о чем думают. И даже какие фильмы снимают. Ничего этого Сережа Суриков никогда не видел и не знал, вся жизнь его была в общении с такими же придурками-недоносками, как он сам, без конца ширяющимися и поддающими, трахающимися с такими же беспутными, как и они сами, девками. Вот и вся его жизнь. Дурацкая, никому не нужная. И ему самому тоже ненужная. Может быть, Софья Илларионовна вообще единственный человек на свете, которому он нужен. Пусть ненадолго, всего на несколько лет, пока она еще жива, но нужен. Вот и останется он рядом с ней, пока она жива и дышит. Будет помогать ей, будет ходить для нее в магази́н, будет разговаривать с ней и, может быть, поймет, почему она умнее его, почему он понимает и знает так мало....

Но всего этого Суриков, конечно, не стал рассказывать следователю Татьяне Григорьевне Образцовой. На ее вопрос: «И что же было дальше?» — он ответил коротко и скупо:

— Я сильно болел, Софья Илларионовна меня приютила, выходила, а потом я у нее остался квартирантом. Помогал чем мог.

— И долго это продолжалось?

— Два года. Да что вы меня спрашиваете, меня уж сто раз про это спрашивали, во всех протоколах написано.

— Скажите, Сергей Леонидович, а почему Софья Илларионовна решила обменять свою квартиру и уехать на окраину города?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Она так решила.

— И вы собирались переезжать вместе с ней?

— Ну да. Куда ж мне деваться, другого-то жилья у меня нет.

— Вы ездили в Купчино, смотрели квартиру?

Пауза. Татьяна почувствовала, что вопрос чем-то задел его. Не понравился вопрос. Глаза Сурикова заметались по кабинету, будто выискивая точку опоры, за которую можно уцепиться и придумать правильный ответ.

— Н-нет, — наконец выдавил он.

— А Бахметьева? Она видела эту квартиру?

— Кажется... Не знаю точно. Да какая разница-то?

Теперь Суриков нервничал так сильно, что это не могло укрыться от посторонних глаз. Татьяна подумала, что сейчас он начнет хвататься за сердце и требовать, чтобы допрос пре-

кратили. Избитый приемчик. Видно, разговор вышел на какой-то опасный рубеж.

— Вы говорили, что Софья Илларионовна была старенькой и слабой. Это действительно так?

— Да, конечно. Ей же столько лет было! Она даже в булочную на соседней улице с трудом ходила.

— Понятно. Выходит, она не могла съездить в Купчино сама, без вас?

Снова пауза. Глаза Сурикова опять стали ледяными, но на этот раз Татьяна увидела в них не протест, а ужас.

— Могла или не могла? — повторила она настойчиво.

— Ее могли отвезти обменщики, — выдавил наконец Суриков. — Посадили в машину и отвезли посмотреть квартиру. А я в это время на работе был.

— Могли, — легко согласилась Татьяна. — Но я не понимаю, как вы могли об этом не знать. Она что же, съездила, посмотрела квартиру, в которой вы собирались жить вместе, и ни слова не сказала вам об этом? Простите, плохо верится.

— Она скрытная была, — пробормотал Суриков, глядя куда-то в пол. — Не все мне рассказывала.

Татьяна поняла, что парень начал врать, и решила не запутывать его еще больше. По крайней мере понятно, какие факты нужно проверять в первую очередь. А поймать его на лжи она всегда успеет.

* * *

Татьяну очень интересовал вопрос о Зое Николаевне Гольдич. Кто она такая и почему Бахметьева оформила на ее имя генеральную доверенность? Родственница? Хорошая знакомая, которой можно доверять? Следователь, который вел дело раньше, почему-то этим вопросом не задавался, во всяком случае в протоколе допроса Гольдич ничего по этому поводу сказано не было. Однако первая же попытка вызвать Зою Николаевну на допрос бесславно провалилась. Гражданка Гольдич как в воду канула. В протоколе и в приложенной к делу генеральной доверенности стояли паспортные данные, которые при проверке оказались липовыми. И по указанному адресу она никогда не проживала.

Это Татьяну озадачило. Как же так? Выходит, дамочка ходила с поддельным паспортом? И ни нотариус, заверявший

доверенность, ни следователь этого не заметили. Впрочем, как они могли заметить? Хорошую подделку на глазок не выявишь, а посылать запрос им и в голову не пришло. Но ведь следователь же сумел ее допросить, вот и протокол в деле лежит, значит, как-то он ее все-таки разыскал. И, вероятно, без особого труда, иначе точно так же, как теперь Татьяна, запросил бы соответствующую службу и выяснил, что данные липовые.

Следователь Валентин Чудаев, однако, этих надежд не оправдал. Ему, как оказалось, даже не пришлось разыскивать Зою Николаевну.

— Она сама явилась, — сказал он Татьяне. — Узнала, что Бахметьеву убили, и пришла ко мне. Дескать, готова ответить на все вопросы, поскольку была знакома с покойной. Хоть и не близко, но вдруг может быть чем-то полезна следствию. Тем более квартирант у Бахметьевой был больно подозрительный. Все советовала нам взяться за него покрепче.

Это было уж совсем странно. В практике самой Татьяны Образцовой такого ни разу не случалось, чтобы свидетель, до которого еще не добралась милиция, сам добровольно являлся давать показания.

— А кем она приходится Бахметьевой, ты выяснил? Почему старушка оформила на нее генералку?

— Какая-то знакомая, имеющая опыт в оформлении квартирных дел. Таня, ты не там ищешь, — поморщился следователь, — убийца — Суриков, это однозначно, его надо дожимать, а не в обменных вопросах ковыряться.

— Что ж ты сам его не дожал, если тебе все понятно?

— Да руки не доходили. Тут такие дела висят — только за голову хватаешься. Банкиров убивают, депутатов, меценатов и еще хрен знает кого, начальство давит, пресса вопит, из аппарата мэра каждый день звонят, отчета требуют. Да что я тебе говорю, ты сама все знаешь. А старушка — это так. Кто она? Никто. За нее шкуру не снимают. Я с этим Суриковым проковырялся несколько дней, на предмет участия в преступной группе его тряс, а когда понял, что он — просто дурак-одиночка, тогда другими делами занялся, более важными. Ну что ты на меня так смотришь?

— Ничего, — вздохнула Татьяна. — Все понятно.

Все действительно было понятно. К сожалению, реальная жизнь, в которой приходится существовать работникам ми-

лиции, была далека от той идеальной картины, при которой имеет смысл говорить о морали и нравственности. Следователь и оперативник не могут разорваться на несколько частей, как и не могут растянуть одни сутки на неделю. Работы много, сделать все как следует они не успевают, и приходится делать выбор, при котором хотя бы собственная шкура уцелеет. Можно, конечно, их за это порицать, но нельзя с этим не считаться. Чтобы заставить следователя довести до ума такое дело, как убийство Бахметьевой, нужно действительно поставить его в положение, при котором не закончить дело просто нельзя. Вот Татьяну и поставили. Она отлично знала, что арестованные, бывает, сидят в камере по полтора года, пока дело с грехом пополам дотащат до суда. Или приостановят, а арестованного выпустят. Пусть еще спасибо скажет, что выпустили.

— Слушай, — внезапно спросила она, — а почему вопрос о генеральной доверенности выплыл только у тебя? Разве тот следователь, который первым принял дело, этим не занимался?

— Не знаю, — отмахнулся Чудаев, — я не вникал. Не до того было.

Татьяна вернулась к себе в кабинет и снова открыла папку с материалами следствия. Да, на первых допросах, судя по протоколам, вопрос о доверенности вообще не поднимался. Почему же? Неужели следователь был совсем неопытный? Или рассеянный... Она посмотрела на фамилию и усмехнулась. Этот первый следователь находится в данный момент в очередном отпуске. Видно, принял дело накануне отъезда, в последние рабочие дни, потому и делал все спустя рукава. Ладно, вернется — спросим у него. Может быть, он и задавал подследственному этот вопрос, но ответ не показался ему заслуживающим внимания, и он его просто не внес в протокол.

* * *

Прошло два года с тех пор, как Сергей Суриков с обидой и недоумением осознал, что старуха восьмидесяти четырех лет знает и понимает про жизнь куда больше, чем он сам. Будь у него куда уйти и где жить, он бы так и ушел со своим недоумением, утешая себя тем, что ему показалось и что быть этого не может. Но уходить ему было некуда, и он остался у Софьи Илларионовны Бахметьевой, ежедневно и

ежечасно ощущая собственную ущербность. Сначала его это злило и раздражало, и он с трудом преодолевал то и дело возникающее желание грубо осадить ее хамской фразой типа: «А ты не умничай!» Слова уже крутились на языке и готовы были вот-вот вырваться, но Сергей вовремя спохватывался: выгонит еще к чертовой матери. А как же обещанная квартира? Жалко, если пролетит как фанера над Парижем.

А Софья будто и не замечала его злости и раздражения и продолжала разговаривать с ним как с ровней. Особенно любила она порассуждать о том, что человечество уже исчерпало свой интеллектуальный потенциал.

— Человек, — говорила она, — может теперь только открыть то, что раньше было для него закрыто. В физике, например, или в химии, или в астрономии. Но придумать в гуманитарных науках уже ничего невозможно. Это только кажется, что новое придумали, а на самом деле все уже давно придумано и описано.

Сережа по-прежнему понимал ее через слово, но на всякий случай просил привести пример, надеясь на то, что с примером-то оно легче пойдет.

— Например, — отвечала она, пряча в углах беззубого рта усмешку, которую Сергей, к счастью, не замечал, — известное направление в психологии, которое называется «гештальт-психология», утверждает, что лучше всего человек запоминает незаконченное дело. А дело, которое закончено, быстро стирается из памяти. Это в середине двадцатого века написали. Открыли якобы такую закономерность. А еще в начале девятнадцатого века Александр Сергеевич Грибоедов написал: «Подписано — и с плеч долой». И правильно написал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано, и весь разговор. А незаконченное все время на память приходит, грызет человека, покоя ему не дает, сомнения будит. Да вот тебе самый простенький пример. Присутствует человек на торжественном обеде, где подают пятнадцать разных блюд. Он все эти блюда съел, а одно — не успел. Начал только, одну ложку попробовал, а тут уж и тарелки меняют. Ты вот спроси его через месяц, что на том обеде подавали, так он половину блюд не припомнит, а то, недоеденное, вспомнит обязательно. И через год, и через два он его помнить будет, хотя даже про тот обед уже забудет. Кажется, просто все, как таблица умножения, верно ведь? Вот я тебе рассказываю, и

тебе все понятно, потому что по жизни это естественно, вроде как и по-другому быть не может. А они: «гештальт-психология»! Новая наука! А тут всей науки-то только что слово новое изобрели, чтобы старую истину назвать. Вот я и говорю, что интеллектуальный потенциал уже исчерпали.

Про Грибоедова Суриков что-то такое помнил из школьной программы, но не очень отчетливо. Чацкий там был какой-то, что ли... Все, что когда-то изучалось в школе, казалось ему скучным и ненужным, как, впрочем, и все, что человек делает в принудительном порядке. И надо же, оказывается, в этих книжках такие умные вещи были! Но учителя ведь так не рассказывали, как Софья Илларионовна. Может быть, если бы они были такими, как старуха Бахметьева, он бы учился лучше, с интересом.

В другой раз Софья, посмотрев по телевизору очередную передачу, принялась ворчать:

— Тоже мне, первооткрыватели, музыкальную терапию выдумали. Тут все дело в учении о звуке, о частотах. Это учение композиторы спокон веку использовали, а теперь выходит, будто только что придумали.

Музыка — это было Сергею понятно. Об этом он вполне мог поспрашивать у старухи, не боясь выглядеть неучем. Даже был уверен, что уж тут-то «забьет» свою хозяйку по всем статьям. В самом деле, что она-то может в музыке понимать? А он лихо разбирается в тяжелом роке, хэви-метал, рэпе и во всем прочем. А ну посмотрим, Софья Илларионовна, кто кого? Сергей лихо ввязался в разговор, предвкушая триумф. В эту секунду он даже не подумал о том, что пытается затеять соревнование с Софьей, признавая в ней тем самым равного себе соперника.

Однако уже через минуту он увидел, что опять попал впросак.

— Ты вот задумывался когда-нибудь, почему от одной музыки тебе плясать хочется, а от другой тоска на душу наваливается? — спросила Бахметьева.

— Ну ясно же, — бодро заявил Сергей, — одна веселая, а другая грустная.

— Эк у тебя все просто, — усмехнулась старуха. — А отчего это одна музыка грустная, а другая веселая?

— Ну так... — начал было он, но осекся.

А в самом деле, почему? Он никогда об этом не задумы-

вался. Просто принимал как нечто естественное. Одна музыка веселая, другая грустная, вот и все.

— Вот то-то, что «ну так», — передразнила его Софья. — А все дело в частотах, которые через ухо воспринимаются и воздействуют на мозг. У мозга тоже свои частоты есть, причем на разных участках — разные. И от музыки эти участки активизируются.

Она долго еще что-то объясняла ему про большое и малое трезвучие, герцы, мегагерцы и кратность, но тут Сергей уж напрочь ничего не понимал, потому что ни физику, ни биологию в школе не учил совсем, получал сплошные двойки.

— Господи, Софья Илларионовна, — не выдержал он, — да откуда ж вы все это знаете? Прямо ходячая энциклопедия.

Старушка дробно засмеялась, сняла свои смешные очечки и отерла морщинистой ладонью выступившие от смеха слезы.

— А ведь я предупреждала тебя, Сереженька, не считай стариков дураками. Ты все продолжаешь думать, что старый — все равно будто малый. А малый-то и вправду ничего не знает, откуда ему знать? Старики — дело другое. Мы жизнь прожили и в университетах отучились. Да в каких университетах! Нынешним не чета.

— Так вы что, в университете учились? — не поверил Суриков.

— А ты думал, если мне восемьдесят четыре года, так я непременно должна быть неграмотной и необразованной? Глупый ты еще, Сереженька. Это вы, нынешние, даже после университетов необразованными остаетесь, потому как все в упадок пришло и учить вас толком некому. А у нас профессора были — ого-го! С мировыми именами. Самые крупные ученые в своей области. И спрашивали с нас не так, как теперь. И с детства к знаниям приучали, к книгам, к искусству. Мой отец, светлая ему память, крупным специалистом был по машиностроению, знаменитым изобретателем. Эмигрировать после революции не стал, в советскую власть поверил, остался. В одном институте кафедрой заведовал. И я по его стопам пошла, в университет поступила, физикой занималась. Поверишь ли, хотела второй Софьей Ковалевской стать. Да и отец об этом мечтал, недаром же меня при рождении Софьей назвал, в ее честь, стало быть. Род у нас старинный, дворянский, у меня до революции гувернантка была,

немка, так она со мной и музыкой занималась, и живописью, и даже стихи сочинять учила. Ну, зато уж когда мужа во враги народа потянули, мне и дворянское происхождение припомнили. А кабы не случилось тогда этой беды, в тридцать пятом-то году, я бы, может, в академики вышла или в профессора. Способная я была, Сереженька, очень способная, большие надежды подавала. Да вот не случилось...

Сергей глядел на нее во все глаза. Эта дряхлая бабка — и дворянское происхождение, музыка, живопись, гувернантка, университет, физика? Да может ли такое быть? Что ж, тогда понятно, почему она столько всего знает. Надо же, бабулька божий одуванчик!

Со временем раздражение и злость ушли, уступив место уважению и невольному восхищению.

Глава 3

Все как-то привыкли, что в Москве погода обычно бывает чуть помягче и потеплее, чем в Питере. Так действительно бывало почти всегда, и нынешний год не стал исключением. Если, конечно, не считать, что в этом году в Петербурге было в декабре так же тепло, как в Москве. То есть в Москве температура воздуха стабильно держалась на один-два градуса выше, чем в северной столице, но и там и здесь она была плюсовая, что для середины декабря совсем уж необычно.

В то время как следователь Татьяна Образцова, стиснув зубы, взялась вытягивать давно запущенные и ставшие уже безнадежными уголовные дела, чтобы вырвать себе желанную свободу, ее муж, бывший подполковник милиции Владислав Стасов, носился по Москве окрыленный и всем друзьям радостно сообщал, что уговорил-таки Танюшку переезжать к нему и это уже вопрос недель, если не дней.

Настя Каменская была одной из первых, с кем Стасов поделился новостью. Ради такого случая он подъехал поздно вечером на Петровку, чтобы отвезти Настю домой на машине. Настя приняла предложение с благодарностью, ездить и особенно ходить пешком в позднее и темное время она панически боялась. Машина у Стасова была хорошей, сиденья — удобными и мягкими, салон — просторным и теплым, и Настя, забравшись внутрь, сладостно зажмурилась.

— Ой, Владик, как хорошо-то! Хоть раз в полгода поеду домой как белый человек.

— Ты, между прочим, почему так поздно на работе сидишь, белый человек? У вас опять сиятельные трупы?

— А, — Настя махнула рукой, достала сигарету, закурила, — у нас все время трупы, половина — сиятельные, другая половина — еще какие-нибудь непростые. Где рванули, где стрельнули. А иногда такие попадаются, что хочется все бросить и только ими заниматься. А не дают.

— Гады, — утвердительно кивнул Стасов. — Не дают белому человеку заняться тем, что ему интересно.

— Конечно, гады, — засмеялась Настя. — Вот у меня уже месяц висит убийство — одно удовольствие в нем копаться. Так нет ведь, оно не на контроле, никаких выдающихся трупов там нет, так что приходится урывать тайком время, чтобы им заняться.

— Что за убийство? Поделись, до твоего дома дорога длинная.

— Владик, ты с какого года в органах служил?

— С семьдесят пятого.

— Значит, ты тоже эту историю не застал. Был когда-то в Ленинграде такой крупный валютчик и икорно-рыбный король Сергей Бахметьев. Его взяли в семьдесят третьем, судили и год спустя расстреляли. У Бахметьева осталась жена и крошечный двухгодовалый сын. Жена довольно скоро, практически сразу после расстрела мужа, снова вышла замуж, сменила фамилию себе и сыну, уехала к новому мужу в Москву и двадцать лет с небольшим жила припеваючи. И вдруг ни с того ни с сего месяц назад ее и мужа находят в собственной квартире убитыми.

— И что ты видишь в этом интересного? — недоумевающе хмыкнул Стасов. — Убийство как убийство. Или ты не все мне рассказала?

— Про убийство — почти все. Там мало деталей. Супруги Шкарбуль жили спокойной жизнью вместе с сыном Елены Шкарбуль от первого брака. Сын уже взрослый, он семьдесят второго года рождения, стало быть, сейчас ему двадцать четыре. Во время убийства дома не находился, отмечал вдвоем со своей девушкой какую-то интимную дату, не то годовщину знакомства, не то годовщину первого свидания, что-то в этом духе. Вернулся домой на другой день утром и застал радостную картину: два трупа в лужах крови. При этом соседи в

один голос утверждают, что видели какого-то молодого человека с напряженным и даже испуганным лицом, который входил в подъезд, поднимался на этаж, где живут Шкарбули, и через очень непродолжительное время спускался вниз и выходил из подъезда. И походка у него была несколько неровная. Теперь потерпевшие. Сама Елена — дамочка довольно молодая, ей всего сорок пять, в последние восемь лет нигде не работала, изображала из себя приветливую домохозяйку, до этого была секретарём, печатала на машинке в госучреждении. Она, видишь ли, в свое время вышла замуж за миллионера Бахметьева, будучи совсем юной, лет девятнадцати, посему и образование не получала. Зачем ей образование, когда у мужа столько денег? Потом ребенок, тут уж не до учебы. Короче, тихая спокойная женщина, ни в чем предосудительном не замечена. Ее муж, Юрий Шкарбуль, тоже к бизнесу отношения не имел, он врач-стоматолог. Конечно, частная практика имела место даже тогда, когда это было запрещено, но до прокуратуры дело никогда не доходило. Доктор Шкарбуль умел зарабатывать умеренно и никогда не наглел. Однако жили супруги все двадцать лет отнюдь не бедно. Не шиковали до такой степени, чтобы это бросалось в глаза окружающим и вызывало злобу и непреодолимое желание шепнуть в ментовку, но и не отказывали себе ни в чем. В разумных, естественно, пределах.

— Угу, — подхватил Стасов. — И ты хочешь спросить меня, на какие деньги они так хорошо жили два десятка лет?

— Нет, Владик, спросить не хочу, я хочу услышать твой ответ и сравнить с тем ответом, который появился у меня в голове.

— Опять экспериментируешь? Я не понял, ты кого на дурость проверяешь, меня или себя?

— Себя, конечно. Ты умный и ушлый, это всем известно.

— Ладно, не подлизывайся. Я думаю, жили они на денежки расстрелянного муженька Бахметьева. Видно, во время следствия изъяли только небольшую часть, а остальное где-то осело и досталось вдове.

— Вот и я так думаю. Выходит, я не глупее тебя, Владик, и меня это искренне радует. Ты понимаешь теперь, почему мне интересно заниматься убийством супругов Шкарбуль? Они бизнесом никогда не занимались, стало быть, их убийство — это не разборка на почве отношений, возникших сегодня или хотя бы вчера. Ревность я уже проверила, она там близко не

лежала. На удивление прочный брак. И, кстати, внешне пара очень красивая, что Елена, что ее муж. И остались у меня всего две версии: ограбление и платежи по старым счетам.

— Какая же тебе кажется интереснее?

— Ой, Владик, они друг друга стоят, эти версии. Мы-то с тобой понимаем, что те деньги, которые припрятал и спас от конфискации Сергей Бахметьев, наверняка принадлежали не лично ему. Или не целиком. Ты лучше меня должен эту мафиозную кухню представлять. Там всегда есть какие-то сложные взаиморасчеты, общие котлы и прочее. Короче, по-видимому, на те деньги и ценности, которые с чистой совестью взяла себе Елена Бахметьева-Шкарбуль, нашлись и другие претенденты, которые с точно такой же чистой совестью полагают, что имеют на них право. Другой вопрос, почему они так долго ждали, чтобы заявить о своих правах.

— Ну, это-то понятно, — отозвался Стасов. — В то время, я имею в виду в течение нескольких лет после расстрела Бахметьева, шевелиться было нельзя. Взяли, по-видимому, только нескольких человек из огромной группировки, а остальные затихли, чтобы не привлекать к себе внимания. Буря над головой пронеслась — и слава Богу, что не задело, только шляпу сорвало ветром. Тем более что и вдова Бахметьева могла ведь не сразу начать тратить эти деньги, она, если была дамой разумной, тоже решила выждать какое-то время. А то милиция сразу увидит: жена расстрелянного валютчика швыряет купюры направо и налево — значит, не все изъяли, осталось еще. Потом время прошло, вдовушка оклемалась, осмелела, ручонку к деньгам потянула, но сперва робко, аккуратненько, так что претендентам ничего такого в глаза не бросилось. А потом-то их и посадить могли, верно? Так что момент вожделенной дележки естественным образом отодвигался.

— Согласна, — кивнула Настя. — Правда, все, кого посадили в конце семидесятых — начале восьмидесятых, давно уже на свободе. Так почему сейчас, а не раньше, сразу после освобождения? Я думаю, тут есть одно привходящее обстоятельство. Понимаешь, Владик, есть чувства-долгожители, а есть — однодневки. Когда у тебя отбирают кусок, честно или якобы честно тобою заслуженный, тебе обидно до слез и хочется его вернуть. Немедленно. Во что бы то ни стало. Но через год тебе уже не хочется за него драться, а через пять лет

ты о нем вообще забываешь. За пять лет ты заработал и получил множество других кусков и не станешь выедать сам себе печень из-за одного какого-то куска, который тебе недодали когда-то давно. Верно ведь?

— Ну, в общем, похоже на правду.

— Но если ты новых кусков не заработал и оказался в ситуации, когда деньги нужны позарез, когда они жизненно необходимы, вот тут ты про этот недоданный кусок будешь вспоминать двадцать пять часов в сутки. Если бы у меня были эти деньги... Если бы меня тогда не обманули... Если бы мне тогда заплатили... Я бы не оказался в таком дерьме, как сейчас... Ну и так далее. И в зависимости от конкретной ситуации и характера конкретного человека мы бы получили труп или трупы тех, кого он считает виноватым в несправедливой дележке. Если у этих виноватых есть что взять, то путем убийства и сопутствующего ему ограбления преступник решает свои финансовые проблемы. Если брать у них нечего, то убийца по крайней мере потешит свою ненависть и злобу, убивая тех, кого он считает виноватыми во всех случившихся с ним несчастьях. Конечно, если соседи по дому видели именно убийцу, а не случайно забредшего в дом нервного молодого человека, можно говорить о найме неопытного киллера, поскольку люди, лично причастные к богатствам Бахметьева, молодыми быть никак не могут. Мне было бы страшно любопытно покопаться в биографиях всех тех, кто тем или иным боком был причастен к делу Бахметьева, проследить их биографии и посмотреть, не оказался ли кто из них в данный момент в сложной ситуации. А еще лучше — найти таких, которые еще полтора месяца назад были в трудном финансовом положении, а сегодня у них все благополучно. Но разве мне дадут заниматься археологией? И мечтать нечего.

— Это точно, — подтвердил Стасов, — и не мечтай. Но версия у тебя любопытная, я бы над такой и сам с удовольствием поработал. Все, подруга, приехали. Тебя до лифта проводить?

Настя открыла дверцу машины и с опаской выглянула наружу. Возле соседнего подъезда кучковались акселераты, судя по голосам, сильно нетрезвые и весьма агрессивные. Точно таких же пьяных обормотов можно было увидеть не

только на улице, но и на лестницах, где они обычно оккупировали площадки между этажами.

— Лучше до квартиры, — попросила она. — Если не трудно.

Они вошли в подъезд и сели в лифт. Не успела Настя вставить ключ в замок, как дверь квартиры распахнулась. На пороге стоял ее муж Алексей Чистяков в смокинге, на белоснежной сорочке игриво порхал крыльями галстук-бабочка.

— Уй, елки... — ошалело выдохнул Стасов. — Это что, профессор? Ты куда собрался?

— Я только что пришел.

Чистяков отступил назад, пропуская Настю и Стасова.

— Заходите. Я всегда страшно злился на Аську за то, что она не ходит со мной на банкеты и прочие общественные мероприятия. Но сегодня я ее понял.

— Что, тяжко было? — посочувствовала ему Настя.

— Не то словечко. Знаешь, никогда я так не маялся, как сегодня. В костюмах всегда совершенно нормально себя чувствовал, пил-ел в свое удовольствие, танцевал, за девушками ухаживал. А смокинг оказался для меня смертельным номером. И деваться некуда было, в пригласительном билете написано «black tie», тут уж не вывернешься, без смокинга неприлично идти.

— Не ходил бы, — фыркнула Настя. — Бери с меня пример. Я вот никуда не хожу и отлично себя чувствую. Лешенька, поставь чайник, а?

— Правда, Леш, не ходил бы, — поддержал ее Стасов. — Зачем же так себя истязать?

— Не ходить? Вам легко говорить, вы ребята независимые.

Чистяков пошел на кухню ставить чай и заговорил громче, чтобы не прерывать тираду.

— Отечественная наука сегодня развивается в значительной степени благодаря разным грантам и спонсорским программам. Поэтому на сходняки вроде сегодняшнего ходить надо обязательно, чтобы знакомиться с богатыми или влиятельными людьми, очаровывать их и внушать им, что российская технократия находится в бедственном положении, выползти из которого может только благодаря щедрым пожертвованиям. Я, ребята, у нашей российской математики стал кем-то вроде свадебного генерала. Под меня деньги дадут, поэтому меня и просят посещать всякие приемы и политические тусовки.

Да, под профессора Чистякова, академика нескольких иностранных академий, возглавляющего собственную научную школу и широко известного за рубежом, деньги дадут. Настя это понимала. Поэтому просила только об одном: чтобы Леша не заставлял ее ходить на эти мероприятия вместе с ним. Шум, толпа, духота в сочетании с узкими туфлями и нарядным платьем делали для нее такое времяпрепровождение невыносимым. И потом, ей было откровенно скучно.

— Все, профессор, принимай свою супругу по описи, две руки, две ноги, три головы и одна большая сумка. Я побежал, — заявил Стасов, пожал руку Алексею, чмокнул Настю в нос и умчался.

Настя уселась на кухне и стала терпеливо ждать, пока закипит чайник. Алексей в комнате снимал свой парадный наряд. Она подумала, что раз он был на приеме, то, наверное, ужина нет, напрасно она мечтала о горячей вкусной еде. Придется перебиться чем-нибудь быстрым и холодным. Она стала прикидывать, с чем бы сделать бутерброд, и не смогла вспомнить, остался ли у них сыр или ветчина или они вчера еще все съели. О том, чтобы встать со стула, подойти к холодильнику и заглянуть в него, речь, разумеется, просто не шла.

— Леш, — крикнула она, — а у нас чего есть на хлебушек положить?

— Зачем тебе?

— Кушать очень хочется. Бутерброд к чаю сделаю.

Леша заглянул на кухню и озабоченно посмотрел на жену.

— А что, отбивные с цветной капустой не будешь? Ты же их всегда любила.

— Разве у нас есть?

Чистяков молча прошел к холодильнику, достал кастрюлю и сковороду и с грохотом поставил их на плиту.

— Твоя лень переходит всякие разумные пределы, — сердито сказал он. — Ладно, ты ленишься готовить и разогревать, но хотя бы посмотреть в холодильник ты можешь?

— Извини, солнышко, — пробормотала Настя пристыженно, — я была уверена, что ты из-за банкета ничего не готовил, у тебя времени, наверное, не было.

— А ты, наверное, если бы пришла домой раньше меня, так и сидела бы на стуле и мечтала о кренделях небесных, пытаясь вспомнить, что у нас есть такого, из чего можно приготовить банальный бутерброд. Аська, я не понимаю, как я это терплю столько лет.

— Ну я же сказала: извини. Между прочим, у Стасова большая жизненная радость. — Она попыталась увести разговор в сторону от собственных недостатков.

— Какая? — живо заинтересовался Леша.

Он стоял возле плиты в майке и плавках и укладывал на сковороду отваренную цветную капусту и отбивные. Вид у него был забавный — высоченный, худой, сутулый, со всклокоченными рыжими волосами, Чистяков был в эту минуту страшно похож на персонажа из какого-то мультсериала, только Настя не могла вспомнить, какого.

— Татьяна согласилась переехать в Москву.

— Да?

Леша оторвался от сковородки и бросил на жену непонимающий взгляд.

— И в чем радость?

— Да ты что, Лешик, — возмутилась Настя, — Танюшка же его любимая жена. Как это «в чем радость»? В том, что она переедет в Москву и будет жить с ним вместе.

— А что же она раньше не переезжала? Они ведь, если память мне не изменяет, женаты уже больше года.

— Не хотела. А Стасов ее все время уговаривал и наконец уговорил. Ты что, Леш? Ты чем недоволен? Что тебе не нравится?

— Мне не нравится твой энтузиазм. Татьяна всю жизнь жила и работала в Питере, там ее отец, родственники, друзья, коллеги. И совершенно понятно, почему она не хотела переезжать. С какой стати она должна все это бросать ради Стасова? Она что, решила принципиально сменить стиль жизни и род занятий?

— Кажется, нет. Стасов сказал, что она переводится в следственный комитет на такую же должность.

— Значит, она добровольно решила поставить крест на своей карьере. Она не сможет сразу стать в Москве хорошим следователем, здесь для нее все чужое, чужие люди вокруг, чужие интриги, в которые она начнет все время вляпываться и тратить время и нервы на то, чтобы из них вылезти. Профессионально она сразу спустится на несколько ступенек вниз, и еще неизвестно, через сколько лет ей удастся все это наверстать. И ради чего? Ради Стасова? Асенька, я прекрасно отношусь к нему, но я не поощряю мужчин, которые пытаются навязать своим женам собственное представление о

том, как нужно жить и организовывать быт. Поэтому при всей моей любви к нашему другу Стасову я считаю, что он поступает неправильно, заставляя Таню переезжать. Разве ей плохо в Питере? И разве ей будет лучше здесь, где она никого не знает? Если уж он так страдает без нее и хочет видеть ее каждый день, пусть собирает вещички и уматывает на берега Невы. Если он не может без нее жить, то пусть он и испытывает неудобства, связанные с отрывом от дочери, матери, друзей, привычного жилья и интересной работы. Он, а не она, понимаешь? Нельзя решать собственные проблемы за счет других людей.

Настя удрученно молчала. Леша прав и не прав одновременно. Интересно, как бы ей понравилось, если бы он попытался заставить ее переехать к нему в Жуковский и оттуда мотаться на Петровку каждый день. Если бы он начал устраивать ей сцены из-за отсутствия детей или из-за того, что она не занимается домашним хозяйством. Нет, ей бы это категорически не понравилось, но Леша и не стал бы этого делать. Он, как и она сама, приверженец четко сформулированного принципа: не пытайся менять людей и делать их такими, какими они тебе понравятся; либо принимай их такими, какие они есть, и люби такими, либо не люби их совсем, тебя никто не заставляет. Любить человека или не любить — это твоя проблема и твой выбор, и не пытайся облегчить его за счет другого.

Настя с такой постановкой вопроса была полностью согласна. Но в то же время это правило, существовавшее для нее самой и ее мужа, вовсе не было обязательным для Стасова и Татьяны. Они — другие, у них другие внутренние правила и принципы. Стасов считает возможным настаивать на том, чтобы Татьяна переехала. Лешка никогда бы этого не сделал, но он — Чистяков. А Стасов — это Стасов. И нельзя требовать от него, чтобы все его поступки отвечали твоим личным стандартам.

— Не злись, Леша, — примирительно сказала Настя. — Может быть, ты и осуждаешь Владика, но он так искренне радуется, что просто нельзя не радоваться вместе с ним. И надень на себя что-нибудь, пожалуйста, ты замерзнешь.

Алексей, однако, ничуть не злился.

* * *

Убийство Елены Шкарбуль и ее мужа по всем статьям тянуло на корыстное, совершенное с целью ограбления. Приехавшая на место преступления бригада обнаружила в квартире полный беспорядок. Вещи разбросаны, валяются на полу, дверцы шкафов открыты, встроенный в стену сейф тоже открыт. Беда была, однако, в том, что никто не мог сказать, какие ценности похищены.

Главным источником информации был, конечно же, сын Елены Шкарбуль Виталий.

— Я не знаю, что хранилось в сейфе, — говорил он. — Отец не разрешал мне туда заглядывать. И вообще, сейф был в родительской спальне.

— Ну хорошо, вы не знали точно, что именно там лежит, но может быть, у вас есть предположения? Что там хранилось? Деньги? Ценности? Ювелирные изделия?

Следователь Гмыря был терпелив и никуда не торопился. Он, в отличие от многих своих коллег, не любил, когда у него подследственные сидели под арестом месяцами, и в этих случаях обычно спешил закончить дело. Но коль никто не арестован и даже реальных подозреваемых нет, то можно колесницу не гнать.

— Честное слово, я не знаю. Но я не думаю, что там были деньги. Мама с папой всегда очень боялись пожара или кражи и, сколько я себя помню, деньги держали в сбербанке.

Это было похоже на правду. При обыске обнаружили сберкнижки на разные виды вкладов, общая сумма получалась солидной.

— А украшения из драгоценных металлов? Могли они лежать в сейфе?

— Не знаю. Какие украшения? Все, что у мамы было, она носила. Она очень любила надевать золотые вещи. Никаких других украшений я у нее не видел.

То, что «мама носила», лежало, по словам Виталия, на туалетном столике в спальне, в специальной красивой шкатулочке. Все это исчезло и было со слов того же Виталия тщательно перечислено в протоколе. Кроме того, были опрошены знакомые семьи, бывавшие в доме у Шкарбулей, и в опись похищенных украшений Елены были внесены уточнения и дополнения. Разумеется, трудно ожидать от двадцатичетырехлетнего молодого человека, что он точно вспомнит,

сколько лепестков было на цветке-кулоне или сколько камней в перстне, и какой модели была толстая цепь, которую Елена носила на шее, Картье или Шанель.

Самым «легким» подозреваемым, конечно, с самого начала был Виталий Шкарбуль. Надоело жить под родительским надзором, надо их убить и жить одному (или с кем захочется) в просторной четырехкомнатной квартире и тратить мамины-папины денежки. Такие случаи в практике попадались, но нечасто. Однако почти сразу эту версию пришлось подвергнуть сомнению. Во-первых, Виталию и без того ни в чем отказа не было, Елена и Юрий давали ему столько денег, сколько он попросит. Во-вторых, опрос друзей самого Виталия подтвердил, что если он и просил у родителей деньги, то немного и далеко не каждую неделю. Он был вполне благополучным молодым человеком, закончил академию экономики и финансов и работал в одном из московских банков. Звезд с неба не хватает, но дисциплинированный, спокойный, с хорошими перспективами в плане карьеры, если будет постоянно повышать квалификацию. У него не было замашек, свойственных некоторым «новым русским», и он вовсе не стремился к тому, чтобы рубашки, которые он носит, были непременно за 100 долларов и от Диора. Он, конечно, как и все молодые люди его возраста, хотел ездить на «феррари», но пока что катался на «жигулях» седьмой модели и был вполне доволен, оставив «феррари» на будущее как некую мечту, к которой надо стремиться. Если ему нужно было куда-то позвонить, когда он ехал в машине, он выходил и звонил из автомата, даже не заикаясь отцу, что хочет иметь сотовую связь.

Никто не усомнился в том, что Виталий любит своих родителей, и никто не посмел утверждать, что жизнь с ними была для него в тягость. Они были хорошей дружной семьей, а места в квартире было более чем достаточно, чтобы никто никому не мешал. Кроме того, как утверждали друзья семьи, супруги Шкарбуль неоднократно предлагали сыну разменять квартиру и отселить его, на что юноша отвечал твердым отказом, говоря, что ему и с родителями очень даже хорошо и в отделении нет никакой необходимости. Вот когда дело дойдет до женитьбы, тогда, может быть... Однако и в вопросах женитьбы Виталий Шкарбуль проявлял завидное здравомыслие, вовсе не стремясь повесить проблемы неработающей

жены и маленького ребенка на шею маме и папе. Он полагал, что должен встать на ноги и иметь возможность самостоятельно содержать семью, поэтому жениться собирался не раньше чем годам к тридцати. О чем и ставил в известность всех своих знакомых девушек, чтобы не обольщались понапрасну, если не готовы так долго ждать.

Кроме того (и это было для следователя Гмыри одним из решающих аргументов в пользу снятия подозрений с сына погибших), у Виталия Шкарбуля не было ни долгов, ни порочных пристрастий к азартным играм, то есть не было острой необходимости в срочном добывании денег, да еще таким ужасным, отвратительным способом. А для того чтобы убить собственных родителей не под влиянием каких-то особо давящих обстоятельств, а просто так, без причины, «на голубом глазу», надо быть уж совсем не человеком. Нет, на такое Виталий явно не тянул.

Разбираясь с убийством супругов Шкарбуль, Настя Каменская вспомнила одно странное на первый взгляд убийство, совершенное меньше года назад. Девица-наркоманка застрелила отца и мать и спокойно объяснила свои действия тем, что они ей свободы не давали и вообще надоели своим присутствием. Но она была настоящей наркоманкой, практически не выходящей из состояния транса. А Виталий... Абсолютно нормальный парень. Кстати, не только наркотики не употребляет, но и не пьет и даже не курит.

И, наконец, были следы. Следы кого-то постороннего в квартире. Вполне вероятно, того самого молодого человека, которого видели соседи как раз в то время, когда, по заключению медицинского эксперта, наступила смерть Елены Шкарбуль и ее мужа. Иными словами — вечером, около 22 часов, 6 ноября.

Кто этот молодой человек? Где его искать? Какое отношение он имеет к семье Шкарбуль? А если никакого, то кто его нанял?

Вопросы, вопросы... Настя Каменская с удовольствием посвятила бы все свое время поискам ответов на них, но времени этого у нее не было. Были другие убийства, другие потерпевшие и другие преступники, которые требовали внимания более настоятельно, чем убийство врача-стоматолога и его неработающей жены.

* * *

Ему снова снился этот сон. Он приходил к нему почти каждую ночь и заставлял просыпаться в холодном поту и с застрявшим в горле криком. Огромные лужи крови, даже не лужи, а моря, только неглубокие, и он зачем-то ходит по этим морям, не то ищет что-то, не то задание какое-то выполняет. Ему не хочется ходить по щиколотку в крови, ему хочется выйти на берег и идти по траве, но он все ходит и ходит, потому что должен. Только он никак не может вспомнить, что же он должен сделать, зачем ходит по этим морям крови.

Самое страшное, что потом сон поворачивается каждый раз по-разному. Кровь в одной из луж начинает пениться и вздыбливаться, потом принимает очертания головы. Одной только головы, без тела и шеи. Кровь медленно стекает с нее, и появляется жуткое мертвое лицо. Он никогда не знает заранее, чье это будет лицо. Иногда это бывают лица знакомых девушек, иногда — ребят, с которыми когда-то вместе в школе учился, иногда даже школьных учителей, которых он ненавидел в детстве, или даже соседей по дому. Иногда это было лицо матери или отца. Иногда — сморщенное старческое лицо с запавшими губами над беззубым ртом и со смешными круглыми очками на носу. Этого старческого лица он боялся больше всего. И каждый раз, когда во сне кровавая лужа начинала пениться и бурлить, принимая форму человеческой головы, он в ужасе твердил про себя:

— Пусть это будет не она! Пусть это будет не она! Кто угодно, только не она!

Эти мгновения ожидания и были в том кошмаре самыми страшными.

* * *

Попытки разыскать таинственную Зою Николаевну Гольдич пока результата не давали, но Татьяна Образцова чувствовала, что дело тут не в ее личности, а в самом факте ее существования, появления и исчезновения. Если бы Татьяне предложили объяснить этот феномен, но взамен лишить ее возможности выяснить, кто такая Гольдич и почему у нее на руках фальшивый паспорт, следователь Образцова немедленно согласилась бы.

Второй допрос подследственного Сурикова она решила

провести на следующий день после первого. Это тоже было частью старой отработанной тактики: вызывать человека из камеры на протяжении полутора-двух недель ежедневно в одно и то же время, а потом «забыть» про него. Очень хороший эффект иногда дает.

Суриков уселся напротив нее все с той же нагловатой ухмылкой.

— Ну, здрасьте, Татьяна Григорьевна, а я уж было приготовился с новым следователем знакомиться. Даже пожалел в глубине души.

— Отчего же? — сухо спросила Татьяна, быстро заполняя бланк протокола допроса.

— А вы добрая. Покурить мне дали. И потом, вы красивая, на вас смотреть приятно.

— Подследственный Суриков, если вы плохо чувствуете дистанцию, я буду вынуждена постоянно указывать вам на ваше место, чтобы вы его не забывали. Тогда наша беседа вряд ли покажется вам приятной. Так как, можно мне называть вас Сергеем Леонидовичем, или вы собираетесь вынудить меня называть вас подследственным?

Ей показалось, или ухмылка на его лице словно бы чуть-чуть померкла? Самую капельку. И снова засияла во всей красе.

— Ладно, извините, погорячился. Так о чем сегодня будем говорить?

— О Зое Николаевне.

— А это кто ж такая будет?

— А это я у вас, Сергей Леонидович, хочу спросить. Кто такая Зоя Николаевна Гольдич?

— Ах эта... Да какая-то знакомая моей хозяйки. Я с ней и незнаком совсем.

— Как она выглядит?

— Зоя-то? Ну, видная такая, дородная, лет сорок пять, наверное, фигуристая. В теле, в общем.

— Цвет волос какой?

— Цвет? Этот, как его... Коричневый.

— А прическа?

— Что — прическа?

— Ну, прическа у нее какая?

— Да какая... Обыкновенная.

— Сергей Леонидович, обыкновенной прическа может

быть только у мужчин, и то очень условно. У женских причесок слишком много всяких разновидностей и вариантов, чтобы можно было называть их обыкновенными. Так какая прическа у Гольдич?

— Короткая. Стриженая она. Вот как вы, в точности как вы.

— Я не стриженая, у меня волосы длинные и забраны на затылке в узел. Внешне выглядит как гладкая прическа. Подумайте, Сергей Леонидович, у Гольдич была именно короткая стрижка или волосы забраны в гладкую прическу?

— Ну я же говорю: как у вас.

— Понятно. А голос какой?

— Звучный такой.

— Высокий, низкий?

— Низкий. Нет, пожалуй, средний.

Татьяна задавала Сурикову еще множество других вопросов, и важных для следствия, и отвлекающих, позволяющих поймать его в ловушку. Потом протянула ему протокол.

— Прочтите внимательно и распишитесь на каждой странице. Если что-то неправильно, скажите, вместе исправим, — машинально произнесла она, думая совсем о другом.

Судя по занесенным в протокол паспортным данным, Зое Николаевне Гольдич было тридцать два года. Понятно, что паспорт фальшивый, но женщина, которой на вид лет сорок пять, не посмеет предъявлять липовый паспорт, согласно которому она на полтора десятка лет моложе. Нет, не посмеет. Значит, женщина, приходившая сюда к следователю и имевшая на руках, кроме паспорта, еще и генеральную доверенность от Бахметьевой, выглядела совсем не так, как только что описал Суриков.

И что же все это означает?

* * *

Через два года он уже был другим. Но именно через два года, а не сразу. И конечно, условия, поставленные Софьей Илларионовной, не рассматривал с самого начала как закон, который следует исполнять во что бы то ни стало.

Он скучал по вольной жизни без режима, обязательств, утреннего подъема в семь часов. И хотя понимал, что эта вольная жизнь не может длиться долго, что его либо посадят, либо убьют, либо заберут в больницу, все равно скучал по

ней. Сергею тяжело было вести со старухой Бахметьевой разговоры, которые были для него слишком сложными и заумными. Открыто признаваться в непонимании не хотелось, юношеский гонор играл, поэтому приходилось слушать и с важным видом кивать, будто соглашаясь. Ему казалось, что Софья попадается на эту удочку и видит в нем достойного и интересного собеседника. С одной стороны, конечно, лестно, но с другой... Сесть бы сейчас с корешами, ударить по пиву, потрепаться о всякой ерунде, не особо выбирая слова и обильно пересыпая свою речь жаргонными словечками. С Бахметьевой он почему-то стеснялся разговаривать так, как привык, а говорить по-другому ему еще было трудно. Практики нет.

В какой-то момент, примерно через месяц после выздоровления, Суриков сорвался. Он страшно устал от напряжения, в котором постоянно находился в присутствии своей хозяйки, ему стало невыносимо скучно, и он махнул рукой на все запреты и мечты о квартире, прогулял рабочий день и рванул в тот район, где раньше кучковался с корешами. Найти приятелей оказалось несложным, и встречен он был радостно. Посыпались вопросы: куда пропал, где был. Не виделись они давно, с тех пор еще, как дядя Петя исчез окончательно с горизонта и стало ясно, что в ближайшее время поступлений не предвидится и долг Сереже отдать не удастся. С приятелями тут же закатились на чью-то хату, глотнули какой-то смеси (по случаю возвращения блудного друга «колес» отсыпали бесплатно) и оттянулись по полной программе. С девками и с забойной музыкой. Давно уже Сурикову не было так легко и хорошо. Не надо ни во что вникать, мозги напрягать, сдерживать себя. Полная свобода! Вечный кайф!

Через два дня хату пришлось освобождать, вернулись хозяева. Сергею даже в голову не пришло позвонить старухе, предупредить, что ночевать не будет. Он в тот момент был уверен, что никогда не вернется к ней. Да пошла она со своей квартирой! Будет он ради какой-то задрипанной квартиры жизнь свою губить. Очень надо. Правила у нее, требования, и вообще мудреная она какая-то. Нет, не по нему такая жизнь. Лучше с корешами. Они простые и свои в доску.

Еще четыре дня он провел в привычных скитаниях, ночевал где придется, когда с компанией, а когда и один. Через неделю после ухода из дома Бахметьевой он впервые подумал

о том, как же старуха там без него. Он-то без нее нормально, можно даже сказать — отлично, а вот она... Старая же совсем, даже в магазин с трудом ходит. Почему-то вспомнилось, что Софья Илларионовна просила его оконные щели утеплителем проложить, зима на носу, в комнате холодно. Он обещал, но не сделал. В выходной собирался.

Ему было страшно признаться себе, что он скучает по своей хозяйке. Он никогда в жизни ни по кому не скучал, даже по матери-алкоголичке. Рёшение вернуться зрело трудно, он боялся гнева старухи, выговоров и нравоучений. Последней каплей стало появление того типа, которому Сергей задолжал деньги.

К Софье он приполз избитый, с кровоточащей губой, в разорванной куртке. Старуха ни слова не сказала, отправила его в ванную, потом снова, как раньше, уложила в постель и поила своими чудодейственными отварами. Наутро только спросила:

— На работу пойдешь или как?

— Не знаю, — осторожно ответил Сергей. — Если не выгоните — пойду.

— А если выгоню?

— Тогда не пойду. Какая ж тут работа, когда ночевать негде.

— Иди, работай, — сухо сказала Бахметьева. — Если тебя, конечно, за прогул не уволили. Вечером поговорим.

Его не уволили. Какой смысл увольнять грузчика? Можно подумать, на эту работу кандидаты в очереди давятся. Из зарплаты вычли, это само собой, но рады были до смерти, что вообще вернулся. Чувствовал себя Суриков не очень хорошо, все-таки неделя вольной жизни сказалась, но доработал до закрытия магазина и поплелся домой, ожидая взбучки.

Взбучки как таковой, однако, не последовало. Но это было еще хуже. Софья молча подала ему ужин и села напротив за стол, подперев рукой подбородок.

— Значит так, Сереженька, — сказала она почти ласково. — Есть вещи, которые можно делать только один раз в жизни. Можно, конечно, их совсем не делать, но это трудно. Мало кому удается. Все их делают. Вопрос в том, сколько раз. Так вот, те вещи, о которых я говорю, стыдно и глупо делать дважды, а то и трижды. Один раз — это нормально и простительно. Но не больше. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Нет пока, — пробормотал он с набитым ртом. Обыкно-

венные макароны с сосисками казались ему самой чудесной едой на свете.

— Если ты ошибся в первый раз — ты просто слишком доверчивый или легкомысленный. Если во второй раз — ты дурак и подлец. Я тебе поверила — и ошиблась. Ты меня обманул. Но я тебя прощаю. Второй раз этого не будет. Ты, конечно, можешь обмануть меня во второй раз, да только я тебя больше прощать не буду. И помни, Сереженька: я до тебя как-то жила и не пропала. Да, мне трудно одной, я старая и слабая, но я жила и справлялась. Я без тебя не пропаду. Лучше одной жить, чем иметь под боком существо легкомысленное и ненадежное. А вот ты что без меня делать будешь? Опять по подвалам таскаться и на лавках валяться, когда сердце прихватит? Подумай об этом. И не заставляй меня больше к этому возвращаться.

Сергей молча жевал, не зная, что ответить. Дурак он, дурак, пожалел старуху, думал, как она там одна, беспомощная, без него? А она вон видишь какая, мол, и без тебя проживу, не очень-то ты мне нужен. Ну и пожалуйста, ну и не хотелось вовсе у нее жить, подумаешь, очень надо. Сейчас вот доест и уйдет. Совсем. Тоже мне, нашлась тут... Старая карга.

Он пытался разозлить себя, но ничего не получалось. А Бахметьева, помолчав, добавила:

— Это хорошо, что ты мне сразу не отвечаешь. Сразу-то никогда нельзя отвечать, не подумавши. Ты подумай над моими словами, взвесь все как следует. Может, тебе и вправду вольная жизнь слаще, так я тебе не навязываюсь, ты человек взрослый, сам решаешь, как тебе жить. У меня ты пожил, почитай, месяц, на воле тоже погулял, так что подумай, прикинь, сравни, где тебе лучше. Как решишь — так и будет. А мое слово твердое, я его не изменю: если проживем мы с тобой до моей смерти душа в душу, квартира твоя будет.

Сказала — и ушла в свою комнату. Суриков торопливо доел ужин, вымыл за собой посуду и тоже юркнул к себе. Быстро разделся и лег в постель, хотя было-то всего часов восемь вечера. Через стенку доносились приглушенные голоса — Бахметьева включила телевизор, она всегда смотрела информационные программы, да не одну, а несколько, на разных каналах. Этого Сергей тоже не понимал. Зачем? Дурь какая-то. Еще старуха питала пристрастие к криминальным новостям и исправно смотрела «УВД Санкт-Петербурга со-

общает», «Дорожный патруль» и «Человек и закон». Тут Сережа был с ней солидарен и с удовольствием присоединялся. Про трупы и разборки ему и самому было интересно. Но новости... Еще чего.

Он закутался в одеяло и отвернулся к стенке. Сегодня он еще здесь переночует, а завтра... Что — завтра? Где он будет ночевать?

Ответ пришел легко и естественно. Как это где? Здесь, конечно. Чего думать-то? Бабка̀ — золото, не орет, ничего не навязывает, денег за жилье не берет, да ещѐ и готовит. Вольная жизнь, конечно, дело хорошее, да то̀лько накушался он ею досыта, с самого детства. Родителям вообще до него дела не было, он, считай, с самого рождения был предоставлен сам себе. В ясли и садик, конечно, еще водили, да и то не каждый день, на пятидневку спихнули, а как в первый класс пошел, так сразу стал сам себе хозяин. Мать с отцом ни разу про уроки не спросили, дневник не посмотрели, им по фигу было, как он учится, какие отметки получает. Даже на родительские собрания не ходили, так что и не слышали, как учителя его ругают. Всю жизнь делал только то, что хотел. Хватит, надоело. Права была старуха: хорошо, когда ты кому-то нужен и кому-то до тебя есть дело.

Он и не заметил, как заснул. А утром встал в семь часов, умылся, позавтракал, постучался в комнату к Софье.

— Софь-Ларионна, я пошел на работу. На обратном пути покупать чего надо?

— Мне ничего не надо, — раздался из-за двери ее голос. — А себе купи масла сливочного, оно у тебя уж кончилось. Там на один раз осталось, я тебе на ужин окорочок поджарю.

На работу Суриков отправился с легким сердцем. Простила его бабка Софья и мораль читать не будет. Ну и слава Богу.

Глава 4

В это декабрьское воскресное утро Настя проснулась ни свет ни заря и с удивлением прислушалась к себе. Ранний подъем всегда был для нее мучительным, особенно если за окном еще темно, а тут сама глаза открыла, хотя на часах еще только без четверти семь. Она полежала минут десять в раз-

мышлениях, то ли попытаться снова уснуть, то ли встать, и внезапно вспомнила, что вчера еще решила встретиться с Заточным. Потому и проснулась так рано.

Она осторожно выскользнула из-под одеяла, надеясь, что удастся не разбудить мужа, но номер не прошел. Алексей спал чутко и при первом же ее движении в сторону от теплой постели пробормотал:

— Подъем, что ли?

— Ты спи, солнышко, а я пойду с Иваном погуляю.

— Это дело хорошее, — одобрительно отозвался он, перевернулся на другой бок и укутался поплотнее одеялом. — Оденься тепло, а то замерзнешь. Вчера синоптики какие-то минусы обещали вместе с заморозками.

Через пять минут он уже крепко спал, сладко посапывая.

Настя пила кофе, поглядывая на часы, чтобы не опоздать. Накануне она так и не собралась позвонить Ивану Алексеевичу, чтобы договориться о встрече, а звонить ему сейчас не хотелось — она боялась опять разбудить Лешу. Надо выйти пораньше и постараться поймать генерала у входа в Измайловский парк. Если упустить момент, то потом Настя его в огромном парке не разыщет. «Какая же я все-таки балда, — корила она себя, торопливо отпивая горячий кофе, — ну почему я вчера не позвонила Ивану? Буду теперь нервничать».

Генерала она увидела издалека. Лицо в темноте было не различить, но Настя сразу узнала его сухощавую невысокую фигуру в куртке и без шапки. Генерал Заточный головных уборов не признавал, в крайнем случае мог при необходимости надеть форменную папаху.

— Анастасия? Вот не ждал. Вы в последнее время непростительно разленились, совсем перестали со мной гулять.

Он глядел на Настю насмешливо, но она видела, что Иван Алексеевич рад встрече.

— Я вам не помешаю? Хотела вчера позвонить, но пришла очень поздно, не решилась, — соврала Настя.

Они не спеша пошли по темным аллеям. Настя любила эти воскресные прогулки с генералом Заточным. Если бы еще не вставать так рано! Но Иван Алексеевич был непреклонен и ни за что не соглашался выходить в парк попозже. У него уже сложилась многолетняя привычка, и ломать ее ради ленивой Анастасии Каменской он не собирался.

— Ну, рассказывайте, — потребовал он. — Не просто же так вы вскочили в такую рань.

— Иван Алексеевич, вы помните давнее дело Сергея Бахметьева?

— Это икорно-бриллиантовый король? Начало семидесятых?

— Он самый.

— Не в деталях, но что-то помню. Его называли Золотой рыбкой.

— Вот как? Почему?

— Ну как же, с одной стороны, икра и рыба, с другой — драгметаллы и камни. Вот и получилась Золотая рыбка. Универсальный был тип. Откуда у вас интерес к нему?

— Убиты его вдова и ее второй муж.

— Ясно. И вы, конечно, решили, что это сведение каких-то старых счетов?

— Ну да. А что, неправдоподобно?

— Нет, почему же, очень может быть. И что вы хотите, чтобы я вам рассказал про Бахметьева?

— Все, что помните. Меня главным образом интересует, не могла ли его вдова тогда, двадцать лет назад, получить доступ к деньгам и ценностям, которые принадлежали не только Бахметьеву, но и еще кому-то. В то время разобраться с дележкой возможности не было, а сейчас она, вполне вероятно, появилась.

— Вполне вероятно, вполне вероятно... — задумчиво повторил Заточный. — Не думаю, что вы правы.

— Почему?

— Насколько мне известно, Бахметьев не был казначеем в своей компании. И никакой оперативной информации о присвоении им чужих денег у нас не было. Конечно, все может быть. Но я бы не советовал вам тратить время на эту версию. Она не кажется мне перспективной.

— А мне кажется, — упрямо возразила Настя. — И я хочу собрать информацию о людях, причастных в те времена к бизнесу Бахметьева, и выяснить, где они сейчас и чем занимаются.

— Ну что ж, — пожал плечами генерал, — вам виднее. Вы хотите, чтобы я вам помог?

— Хочу. Поможете?

— Конечно.

Заточный улыбнулся своей знаменитой солнечной улыбкой, обогревающей собеседника ласковым теплом.

— Вы же знаете, Анастасия, я не могу вам отказать даже в очевидных глупостях. Что конкретно вы хотите?

— Я хочу для начала познакомиться с теми, кто вел в семьдесят третьем году дело Бахметьева. Слушалось дело в Верховном суде, поскольку было межреспубликанским, крупным и расстрельным, но кем следствие велось? Москвичами или ленинградцами?

— Если я правильно помню, там была совместная бригада. Еще азербайджанских и казахстанских следователей привлекали. По делу проходили всего несколько человек, пять или шесть, больше никого зацепить не смогли. Бахметьев получил высшую меру как организатор, остальные отделались большими сроками.

— Может быть, мне именно с них начать? — спросила Настя. — Отсидели свое и пришли к вдове шефа требовать свою долю.

— Ох, как вам этого хочется! — рассмеялся Иван Алексеевич. — Готовы за уши притянуть любой факт. Анастасия, дорогая моя, это все были приличные люди. Под словом «приличные» я имею в виду, что это были не психопатизированные уркаганы, а люди с высшим образованием, занимавшие какие-то должности на государственной службе. Они умеют адаптироваться к условиям зоны, не грубят персоналу, добросовестно трудятся, находятся у администрации на хорошем счету и выходят из колонии, отбыв полсрока. Даже если все они получили по пятнадцать лет, то в восемьдесят первом — восемьдесят втором они уже вышли на свободу. А на самом деле это наверняка случилось раньше. Что же они, по-вашему, пятнадцать лет ждали, чтобы выяснить отношения с вдовой Бахметьева? Вот это уже совсем неправдоподобно.

— Вы правы, — Настя вздохнула, помолчала, потом упрямо добавила: — И все равно, мне кажется, что это убийство — оттуда, из семьдесят третьего года. И вы меня не расхолаживайте, Иван Алексеевич. Тем более что другие версии еще слабее.

— Неужто? Такая идеальная семья, что и убивать их не за что? — скептически осведомился генерал.

— Семья не идеальная, а самая обычная. Если бы была идеальная, то мне первой это показалось бы подозрительным. Сами знаете, за идеальным фасадом такое болото иногда скрывается, что смотреть страшно. А тут... И зацепиться

не за что. Красивая холеная жена, красивый муж, никаких романов на стороне, никакого бизнеса, который мог бы показаться привлекательным для рэкетиров или провоцировал бы конфликты между партнерами и конкурентами. Можно, конечно, поискать в этом направлении, но у меня душа не лежит.

— Руководствуетесь интуицией? — вздернул брови Заточный. — На вас это непохоже, Анастасия.

— Да нет, Иван Алексеевич, интуиция здесь ни при чем. Просто мне хочется заниматься той версией, которая интереснее. Вот и придумываю себе оправдания.

— Что ж, по крайней мере честно. Ладно, вы меня уговорили. Я постараюсь свести вас с теми, кто может помнить дело Бахметьева более детально. Еще какие просьбы?

— Пока никаких. Потом, наверное, появятся. Не будете ругать?

— Буду, — снова мягко улыбнулся генерал. — Но вы же упрямая, все равно сделаете по-своему. Как Гордеев? Что-то я его давно не видел.

— Крутится. Все как обычно.

— На здоровье не жалуется?

— Нет.

Настя удивленно посмотрела на Заточного. С чего такой вопрос? Ее начальник полковник Гордеев жаловался на здоровье обычно только в двух случаях: когда ходил на работу с больным горлом и вынужден был общаться с подчиненными хриплым шепотом либо когда стыдил своих сотрудников и при этом называл себя «старым больным милиционером» и грозился бросить все и уйти на пенсию.

— Ему пятьдесят пять, — помолчав, сказал Заточный.

У Насти все похолодело внутри. Ну вот, началось. Она так и знала. Рано или поздно это должно было случиться. Полковники в пятьдесят пять лет должны уходить на пенсию, если им не продлевают срок службы. Но неужели Гордееву срок не продлят? Быть не может. Таких профессионалов, как он, еще поискать.

— И... что? — робко спросила она, надеясь на то, что генерал все-таки имел в виду что-то другое.

— И ничего. Хватит ему ходить в полковниках. Такие люди, как Гордеев, должны уходить на пенсию генералами.

Настя с облегчением перевела дух, но тут же спохватилась. Как это — на пенсию генералом? На должности началь-

ника отдела в МУРе Гордеев никогда генералом не станет. Значит, его будут двигать на вышестоящую должность. И к ним в отдел придет новый начальник. Что в лоб, что по лбу. Час от часу не легче.

— Уже и кандидат есть на его место?

— Есть. Трое. Будут выбирать.

— А Колобка куда?

— Будут думать. Такие, как он, всюду нужны. Может быть, в министерство заберут. А может быть, и на Петровке оставят на руководящей должности. В любом случае, Анастасия, вам следует готовиться к тому, что у вас будет новый начальник.

— Но я не хочу! — вырвалось у нее. — Мне не нужен другой начальник.

— Настенька, — ласково произнес Заточный, — вы сами понимаете, что это несерьезно.

— Понимаю, — удрученно сказала она. — Но как же мы без него?..

— Ну как-нибудь. Не вы первые, не вы последние расстаетесь с любимым начальником. Это неизбежно. Все любимые начальники рано или поздно уходят либо на повышение, либо на пенсию. Либо... совсем далеко. В безвестный край, откуда нет возврата. Так, кажется, у Шекспира? Не будьте эгоистичны. Гордеев заслужил право стать генералом.

Они гуляли по парку еще почти час, потом Заточный проводил Настю до метро.

— Не грустите, Анастасия, — сказал он, глядя на ее огорченное лицо, — это нормальное течение жизни. Может быть, новый начальник окажется вовсе не так уж плох. Вы к нему привыкнете.

Настя молча кивнула и торопливо вошла в вагон подошедшего поезда, пряча от генерала глаза, в которых стояли слезы.

* * *

Впервые за долгие годы Настя Каменская шла на работу с тяжелым сердцем. Известие о скором уходе Виктора Алексеевича Гордеева ошеломило ее. Как же так? Столько лет вместе — и вдруг вот так...

Гордеев учил ее, хвалил, наказывал, давал советы, прикрывал от гнева вышестоящего начальства. Заботился о ней.

Шлифовал ее мастерство. Беспощадно ругал за глупые ошибки и тут же делал все, чтобы помочь. Предостерегал от неразумных шагов и никогда не читал нотаций, если она эти шаги все-таки делала. В особо сложные минуты называл «Стасенькой» и «деточкой». Десять лет вместе. И как же теперь?

Утренняя оперативка прошла как обычно. Сыщики отчитались по текущим делам, получили задания по новым преступлениям. Настя старалась сосредоточиться на происходящем, но ей это плохо удавалось. Она всматривалась в лицо Гордеева, пытаясь уловить в нем что-нибудь, что подтверждало бы слова Заточного. Может быть, слегка проглядывающее безразличие к делам подразделения, которое в скором времени перейдет в подчинение другого руководителя. Может быть, некоторую рассеянность и отстраненность, вызванную невольными мыслями о новом назначении. Но ничего этого Настя не видела. Полковник Гордеев по прозвищу Колобок был точно таким же, каким она привыкла видеть его каждый день. Собранным, сосредоточенным, суховатым, каким он всегда бывал, когда проводил совещания.

— Вопросы есть? Нет? Все свободны, кроме Каменской, — закончил он оперативку. — И еще раз напоминаю: финансисты предупредили, что зарплату за декабрь скорее всего выплатят не раньше конца января. Так что будьте бережливы и не говорите потом, что вы не знали.

Народ потянулся из кабинета. Лица у всех были унылые. Еще бы: если раньше зарплату не платили вовремя без всяких предупреждений и при этом задерживали месяца на полтора, то если уж предупредили, значит, точно не меньше чем на три месяца задержат. Вот радость-то!

Когда в кабинете не осталось никого, кроме Насти, Гордеев снял очки и с хрустом потянулся.

— Ты чего с похоронным видом сидишь? — спросил он весело. — Случилось что-нибудь?

Настя молча кивнула.

— Дома? — веселье тут же исчезло с его круглого лица. — С родителями?

— Нет, дома все в порядке. Виктор Алексеевич, я вчера разговаривала с Заточным.

— И что сказал Заточный? Что завтра настанет конец света?

— Для меня — да.

— Ах вот оно что, — протянул Гордеев. — Сдал, значит, меня Иван.

— Он не сдал, а просто предупредил меня. Виктор Алексеевич, неужели это правда?

— Ну, деточка, еще ничего не известно. Ты же знаешь, как в нашей системе бывает. Отменяются даже подписанные накануне приказы, а уж неподписанные... Вспомни, у нас даже был министр, который руководил министерством ровно один день. Назначили, а через день сняли. Так что не паникуй раньше времени.

— Не утешайте меня, Виктор Алексеевич. Если все дело в генеральском звании, то вы все равно уйдете. Не на эту должность, так на другую. Главное, есть мнение министерства по этому поводу, а раз оно есть, то вас все равно куда-нибудь назначат.

— И что теперь, будешь устраивать всемирную скорбь? Настасья, ты уже большая девочка и должна понимать...

— Да я понимаю, — перебила его Настя. — Я все понимаю. Но все равно не хочется, чтобы так было. Мы вас любим. Мы к вам привыкли. Понимаете, мы привыкли работать так, как вы нас учили, как требовали. А теперь придет кто-то другой, придется под него подлаживаться.

— А вы проявите здоровый коллективизм, — пошутил Гордеев. — Встаньте дружной стеной и заставьте его подлаживаться под тот стиль работы, к какому вы привыкли. Вас-то много, а он один. Да и Жерехов останется, он вас в обиду не даст.

Павел Васильевич Жерехов много лет был верным и надежным заместителем Гордеева. Вот если бы его поставили руководить отделом вместо Колобка, еще можно было бы вытерпеть.

— А нет шансов, что его назначат вместо вас? — с надеждой спросила Настя.

— Никаких, — тут же ответил полковник. — Замов довольно часто назначают из числа сотрудников, но начальников стараются ставить пришлых. Практика такая.

— А вдруг Павел Васильевич тоже уйдет? Может быть, новый начальник захочет взять своего зама.

— И это часто бывает, — согласился Гордеев. — Пойми, Настасья, мы с тобой ведем бессмысленный разговор, гадая на кофейной гуще. Я надеюсь, ты не поставила перед собой задачу уговорить меня остаться?

— Это бесполезно, правда?

— Правда. Мне не хочется оставлять эту работу и эту должность, и мне не хочется оставлять вас. Но есть и другие соображения. Я — мужчина. И я хочу стать генерáлом. И не считаю, что это стыдно и нуждается в оправданиях. Я поставил отдел на ноги, подобрал хороших ребят и научил вас работать. Дальше вы можете существовать без меня. Вы уже не маленькие. Будут приходить новые сотрудники — вы их обучите. Я в вас верю, после моего ухода вы не разбежитесь из отдела, как крысы с корабля. И потом, есть еще одно обстоятельство.

— Какое?

— Не следовало бы мне говорить тебе об этом, но ты человек надежный, болтать не будешь. Короче, мое место уже кому-то обещано. То есть я точно знаю кому. И мне ясно дали понять, что если мне не удастся уйти на повышение, то меня просто-напросто выпрут пинком под зад на пенсию. Возраст подошел. Так что сама видишь. Плачь — не плачь, гадай — не гадай, а результат один. Нам предстоит расстаться. Прими это как неизбежность и начни потихоньку привыкать.

— И... как скоро?

— В течение месяца, я думаю. Может, чуть больше. Все, Стасенька, хватит об этом. Я еще не ушел. А когда уйду — это не будет означать, что я для вас умер. Так что кончай лить слезы, иди работай.

Настя вернулась к себе. На душе у нее было муторно. И хотя она понимала, что рано или поздно это все равно должно было случиться, потому что Гордеев не может работать вечно, легче от этого не становилось.

* * *

Над Петербургом повисла сырая серая мгла. Зима никак не могла прорваться сквозь тяжелый теплый туман и давала о себе знать только резкими порывами ледяного ветра. Собираясь утром на работу, Татьяна мучительно соображала, как одеться, чтобы не замерзнуть на улице и не умереть от жары в метро.

— Надевай шубу, — настаивала Ирочка, которая всегда боялась, что Татьяна простудится и заболеет.

— С ума сошла! — отмахивалась Таня. — На улице плюс два, какая может быть шуба.

— Но ветер же холодный, у тебя пальто насквозь продувается.

Это было правдой. Крупная полная Татьяна носила свободные плащи и пальто, которые скрадывали, конечно, недостатки фигуры, но зато легко отдавали тепло при каждом порыве ветра. В выходные дни проблема решалась куда проще — брюки и теплая куртка. Но на работу в таком виде не пойдешь. Беда была еще и в том, что на службе Татьяна ходила исключительно в костюмах и блузках, а под костюмный пиджак свитер не наденешь. Придется идти в пальто с риском замерзнуть, но это все-таки лучше, чем париться в шубе.

Закрывая за Татьяной дверь, Ира дежурно спросила:

— А что с переводом? Ты не передумала?

— Я — нет. Но ты не вешай нос, мое начальство изо всех сил сует мне палки в колеса. Загрузили меня такими делами, что теперь несколько месяцев придется с ними разбираться. Пока не закончу — не отпустят.

Ирочкино выразительное лицо отражало забавную смесь разнонаправленных чувств. С одной стороны, хорошо, что перемены в жизни наступят еще не завтра. Но с другой, Татьяну жалко. Опять будет колотиться с утра до ночи, и в будни, и в выходные. А когда книги писать? Последнюю повесть она пишет уже четыре месяца, никак закончить не может.

Придя на работу, Татьяна первым делом включила обогреватель в кабинете, потому что и в самом деле ужасно замерзла. Чужие дела, тянущиеся Бог знает сколько времени, давно начатые и брошенные кем-то на полдороге, вызывали в ней отвращение, смешанное с брезгливостью, как будто ее заставляли надеть платье, которое кто-то уже долго носил и не постирал, но она понимала, что выхода нет. Надо ими заниматься и довести до конца, иначе ее личное дело в Москву не отправят. Она достала из сейфа и просмотрела список дел, которые запланировала на сегодня. Допрос, очная ставка, еще два допроса, потом составление нескольких документов — постановления о производстве экспертиз и выемок. И под конец — очередной допрос Сурикова. Какой-то там хитрый фокус с этой генеральной доверенностью на имя Зои Николаевны Гольдич. Надо бы наконец разобраться, в чем там дело. Похоже, Суриков Зою Николаевну в глаза не видел.

Или видел, но тогда получается, что к следователю приходила совсем другая женщина.

День, как обычно, пролетел быстро, и у Татьяны появилось привычное ощущение, что она опять ничего не успела. От кого-то она услышала недавно замечательную фразу: «У меня времени меньше, чем денег». Применительно к себе самой она могла бы сказать, что у нее дел больше, чем времени. Хотя, если заглянуть в составленный накануне список мероприятий, выходило, что она все сделала. Оставался только Суриков.

Сегодня Суриков выглядел не очень хорошо, лицо было бледным, губы и ногти на руках — синюшными.

— Кажется, вы не вполне здоровы, — сказала Татьяна, всматриваясь в его лицо. — Может быть, отложим допрос?

— Не стоит. Чего тянуть-то? Давайте, спрашивайте. Я тоже хочу, чтобы все поскорее закончилось.

— В суд не терпится?

— Не терпится узнать, какая сволочь Софью убила, — холодно ответил Сергей.

Татьяна отметила, что дурашливой ухмылки на его лице не было, и это красноречивее всего свидетельствовало о том, что он плохо себя чувствует.

— Все-таки мне кажется, что вам нужен врач. Я не буду вас допрашивать, когда вы в таком состоянии.

— В каком я состоянии? — окрысился Суриков. — Чего вы придумываете? Месяц целый меня мурыжите, даже больше, только и ищете повод, чтобы дело не делать. У вас небось свидание назначено, торопитесь уйти поскорей, а на меня спихиваете, будто я больной.

— Сергей Леонидович, — изумленно протянула Татьяна, — возьмите себя в руки. Вы не в камере.

— Ладно, извините, — буркнул Суриков. — Я нормально себя чувствую. Не надо откладывать допрос.

— Ну что ж, — вздохнула Татьяна, — не надо — так не надо. Начнем. Когда и при каких обстоятельствах Софья Илларионовна Бахметьева приняла решение обменять свою квартиру?

— Ну... это... давно еще.

— Как давно? Год, два года назад? Три месяца?

— Ну, что-то в этом роде.

— В каком роде? Сергей Леонидович, я прошу вас быть точным.

— А зачем? Какое отношение обмен имеет к убийству?

— Вы уверены, что не имеет?

— Ну... это... вообще-то я не знаю. Может, и имеет.

Допрос длился около двух часов. Суриков «плавал», как плохой студент на экзамене, давая совершенно нелепые и не согласованные друг с другом ответы. Татьяна спокойно задавала вопрос за вопросом, ничем не выказывая ни удивления, ни сомнений, которые одолевали ее чем дальше, тем больше. Она видела, что Сергей не особенно сообразителен, и боролась с соблазном подловить его, используя, выражаясь по-научному, дезинформацию, а проще говоря — банальный обман. Блеф, одним словом. Суриков бы попался. Но Татьяне казалось, что действовать таким образом в отношении недалекого, в общем-то, парня — это все равно, что пьяного обокрасть. Хотя если вспомнить о том, что он скорее всего убийца, то, конечно, все средства хороши. И очень хочется поскорее закончить следствие и избавиться хотя бы от одного из нескольких дел, которые ей всучили «на доводку».

Наконец Татьяна решилась.

— Сергей Леонидович, я проверила журналы учета всех нотариальных контор города. И обнаружила странную вещь. Догадываетесь, какую?

Суриков еще больше побледнел, и Татьяна испугалась, что ему сейчас станет по-настоящему плохо.

— Может быть, прервем допрос и вызовем врача? — предложила она.

Сергей молча смотрел на нее, но ей казалось, что он ничего не видит, судорожно пытаясь сосредоточиться и привести мысли в порядок.

— Так как, Сергей Леонидович? Нужен врач? — повторила она.

— Нет, — процедил он сквозь зубы. — Будем разговаривать.

— Я обнаружила, что доверенность на имя Зои Николаевны Гольдич была выдана раньше, чем доверенность на ваше имя. Вы можете как-нибудь это пояснить?

Ловушка была сложной для такого нетренированного человека, как Суриков. Получалось, Татьяна спрашивала его о том, почему одна доверенность была выдана раньше, чем другая. Но кто сказал, что эта другая доверенность вообще была? Нигде в материалах дела нет ни одного упоминания о доверенности на имя Сергея Сурикова. Ни единого. Человек посообразительнее и поопытнее, конечно, не попался бы и

ответил: «Позвольте, какая доверенность на мое имя? Я не понимаю, о чем вы говорите». Но Суриков услышал только то, что было произнесено, то есть вопрос о сроках: почему одно раньше, другое позже. У Татьяны не было времени проверять нотариальные конторы, она предполагала сделать это на следующей неделе, так что генеральная доверенность на имя Сергея Леонидовича Сурикова была плодом ее профессионального воображения. Вернее, плодом ее подозрений.

— Ну... это... Бахметьева боялась, что Зоя что-нибудь не так сделает, и на всякий случай на меня тоже выписала...

— Спасибо. Теперь понятно. Хорошо, на сегодня достаточно, у вас усталый вид. Завтра продолжим.

Татьяна нажала кнопку и вызвала конвой. Сурикова увели.

Дрожащими руками она закрыла папку и обхватила голову руками. Вот, значит, как дело обстоит. Существовала только одна подлинная доверенность — на имя Сурикова. А доверенность на имя Гольдич — подделка, липа, как и паспорт неуловимой дамочки. «На всякий случай на меня тоже выписала». Как же! Где это видано, чтобы генеральная доверенность выдавалась двум разным людям. Наивный Суриков этих тонкостей, конечно, не знал. В любом случае действительным признается документ с более поздней датой составления. Так что либо Гольдич получала право совершать сделки и распоряжаться имуществом от имени Бахметьевой, либо Сергей. А не оба одновременно «на всякий случай».

И Суриков старательно скрывал от следствия факт существования доверенности на свое имя. Естественно, ведь это служит косвенной уликой, доказывающей, что у него был мотив убийства. Нет доверенности — нет и мотива. Но почему на первых допросах он молчал о Гольдич? Почему? Ведь наличие доверенности на имя Гольдич автоматически подтверждало отсутствие у него самого корыстного мотива.

Почему молчал? Потому что никакой доверенности на имя Гольдич в то время еще не существовало. Она появилась потом. В тот период, когда дело вел второй следователь. Совсем интересно!

Но если это действительно настолько интересно, насколько ей кажется, то она, похоже, влипла.

* * *

Эксперт Кузьмин смотрел на Татьяну с нескрываемым любопытством. Полчаса назад она принесла в лабораторию извлеченную из материалов уголовного дела доверенность на имя Гольдич и терпеливо ждала, когда эксперт выкроит минутку, чтобы проверить ее на специальном приборе хотя бы в первом приближении.

— Ну Тань, ты и лохушка, — саркастически произнес Кузьмин, который был знаком с ней много лет и даже какое-то время крутил роман с Ирочкой, поэтому в выражениях не стеснялся. — Это ж такая липа, что невооруженным глазом видно.

— Откуда видно? Бланк поддельный?

— Да нет, бланк-то как раз настоящий. И печать подлинная.

— А что же тогда?

— Подпись доверителя. Ее делали старым дедовским способом, на оконном стекле. Подложили под доверенность документ, на котором стоит собственноручная подпись старушки Бахметьевой, прижали к стеклу и обвели. Все бы ничего, но прижимали сильно, и краска с того документа перешла на оборот доверенности. Иди сюда, на аппарате видно.

Татьяна наклонилась к окуляру. Да, действительно, на обороте явственно проступали следы типографской краски, расположенные по контуру подписи. Она вытащила доверенность и посмотрела повнимательнее. Нет, при обычном визуальном осмотре ничего не видно. Абсолютно ничего.

— Но бланк и печать точно настоящие? — на всякий случай переспросила она. — Ты уверен?

— Тань, ну я ж не мальчик. Собаку на этом деле съел. Не веришь — сама смотри. Вот эталонные образцы, подлинность которых гарантирована государством и руководством всех нотариальных контор города, а вот твой образец. Смотри на экран и сравнивай, если тебе моего слова недостаточно.

Через пятнадцать минут Татьяна Образцова вышла из лаборатории и поехала домой. Сердце у нее сжималось от дурных предчувствий. Завтра прямо с утра она свяжется с ребятами из уголовного розыска и попросит их покрутиться вокруг той нотариальной конторы, которая выдала доверенность. Если оправдаются самые худшие ее предположения,

то встанет вопрос: а что ей со всем этим делать? Идти к руководству, после чего ежедневно ждать, что ее либо искалечат, либо вообще убьют? Или сделать вид, что ничего не заметила?

Как же поступить?

* * *

Сурикова привели обратно в камеру. Он здесь был старожилом, во всяком случае сидел под арестом дольше остальных сокамерников, поэтому пользовался некоторым уважением. По крайней мере никто не приставал к нему, если он был не в духе.

Сергей молча прошел к своему месту и лег, отвернувшись к стене. Нет, ничего у него не получается. На словах-то все выходило гладко, а вот поди ж ты... Они же обещали, что накладок не будет, мол, есть доверенность на имя совершенно другого человека, а с тебя все подозрения снимут, потому как бабку убить ты мог только за квартиру, больше ничего ценного у нее не было, а если ты квартиру не получаешь, то и убивать ее тебе незачем. Помаринуют еще пару недель да и отпустят. Он, дурак, поверил, тем более что следователь никаких вопросов про эту Гольдич не задавал. И про ту, другую, доверенность тоже ничего не спрашивал. Сергей и решил, что все обошлось. Ан нет.

Он никак не мог привести мысли в порядок. Чувствовал, что что-то пошло не так, что где-то его обманывают, но как ни силился, не мог понять. Ума не хватает. Или мудрости? Ах, была бы рядом старая Софья, она бы все по полочкам разложила. Уж она-то точно знала, где нужен ум, а где — мудрость.

— У тебя когда день рождения? — как-то спросила Бахметьева.

— В апреле, восемнадцатого.

— И сколько тебе стукнет? Двадцать один?

— Угу, — промычал Сергей.

— Английское совершеннолетие, — произнесла старуха загадочные слова.

— Чего-чего?

— Да ничего. У нас совершеннолетие считается в восемнадцать лет, а в Англии — в двадцать один. Это правильно.

— Почему правильно? — не понял Суриков.

— Потому что в восемнадцать в голове еще одна дурь. А в

двадцать один ты уже взрослый. По-настоящему взрослый. Ты по себе разве не чуешь?

— Не-а, — помотал головой Сергей. — А что я должен чуять?

Они сидели на кухне и пили чай. Был холодный февральский вечер с пронзительно воющим за окном ветром, но в квартире было тепло: Сергей заделал все щели и даже купил с зарплаты дешевенький электрический обогреватель.

Суриков уже привык к мудрености своей хозяйки и даже начал находить некоторое удовольствие в их длинных вечерних беседах, потому что стал понимать Бахметьеву гораздо лучше. Вольно или невольно он учился у нее, слушал ее рассказы и объяснения. Если ему удавалось уразуметь какую-то более или менее внятную мысль, он обязательно пересказывал ее на работе, и когда после этого ловил на себе бросаемые украдкой восхищенные взгляды продавщиц, все у него в душе начинало петь: «Ничего, что школу не окончил, не хуже вас, не дурее!» Особенно потрясло работников универсама авторитетно выданное им сообщение о том, что Жанну д'Арк не сожгли на костре, как было написано во всех учебниках. Даже в кино про это показывали.

— А вот и не сожгли, — уверенно говорил Сергей. — Она отсиделась у папы римского, пока скандал не стих, потом вышла замуж за дворянина и родила двоих детей.

Об этом накануне рассказывала ему Софья Илларионовна, и он тоже был потрясен. Уж про Жанну-то он слышал, ее еще в седьмом классе проходили, да и имя на слуху.

— И откуда ты все это знаешь? — удивлялись продавщицы. — Надо же, такой начитанный, а грузчиком работаешь. Тебе бы в институт поступить, а не ящики таскать.

В институт! В гробу он видал эти институты. Очень надо. Да у него и школьного аттестата нет. Нет, учеба — это не по нему. Хотя, конечно, узнавать что-то новое интересно, особенно когда бабка Софья рассказывает. Вроде как пелена какая-то в голове прорывается потихоньку и проступают четкие яркие картинки. Что у него в голове раньше-то было? Потусоваться, выпить, глотнуть, ширнуться, потрахаться, поесть, переночевать. Вот и все содержимое его нетренированных мозгов. А тут прямо словно бы движение в голове начинается, и бабкины рассказы становятся понятнее, и собственные мысли откуда-то стали рождаться. Чудеса, да и только. Потому и полюбил непутевый Сережа Суриков ве-

черние посиделки с Бахметьевой. Такие, как в этот длинный темный февральский вечер.

Что она там про совершеннолетие говорит? Он должен что-то чуять?

— Ты должен почувствовать, что стал другим, — пояснила она.

— Не, — он снова помотал головой, — ничего не чувствую. Мура все это. Какой был, такой и есть.

— Ошибаешься, — старуха хитро улыбнулась и приняла свою любимую позу: подперла подбородок маленьким коричневым от пигментных пятен кулачком. — Ты другим стал, Сереженька, не сравнить с тем, каким ты был, когда пришел ко мне. Совсем другим.

— Да ну? — Суриков неподдельно удивился.

Чего она выдумывает-то? Не изменился он ни капельки.

— Вот тебе и «да ну». До двадцати одного года тебе два месяца еще, а через два месяца ты и вовсе себя не узнаешь. Не зря считают, что двадцать один год — это рубеж. Ты, Сереженька, мудреть начал.

— Это как? Знаний, что ли, в голове прибавляется? Так это от вас все, от ваших рассказов. У меня в магазине все прямо тащатся, когда я им пересказываю, думают, это я такой начитанный. Но это они так думают, а вы-то знаете, что я книжек не читаю.

— Нет, Сереженька, не в знаниях дело. Хотя и в них тоже. Они у тебя в голове оседают, перевариваются, и от этого ты умнеешь. Но мудрость — это другое. Мудрость — она от сердца идет, от жизненного опыта. Вот ты всю жизнь, пока ко мне не попал, был одиночкой, а одиночки — они до самой смерти дураками остаются, мудрости в них не прибавляется ни на грамм. А все почему? Потому что не любят никого, не живут ни с кем и ни о ком не заботятся. Непонятно тебе? Тогда я попроще скажу. Если человек каждый день мускулы не тренирует, в нем силы не прибавится, верно ведь?

— Ну, — поддакнул Сергей. Пока было понятно, и согласился он со словами Софьи Илларионовны вполне искренне, не кривя душой. Действительно, откуда ж сила возьмется, если мускулы не тренировать? Пьяному ежику — и то ясно.

— Если душу не тренировать, в ней тоже силы не прибавится. Душа — она в точности как тело. Ты не думай, что душа — это выдумки, нет, Сереженька, душа — это психика плюс мозги, и то, и другое нуждается в тренировках. Душа

тренируется, когда работает, делает что-то, когда она действует. А когда душа действует? Когда любит, ненавидит, беспокоится, радуется, сердится. Теперь подумай: мать, у которой, к примеру, шестеро детей, постоянно в душевной работе находится. Во-первых, она всех их любит и о них беспокоится. Во-вторых, у каждого из шестерых свои беды, радости, неудачи, и она эти радости и беды переживает с каждым из своих детей. Они болеют — она с ума сходит. У них с любовными делами не складывается — она страдает. У нее душа натружена не меньше, чем руки, которыми она их кормит, одевает и обстирывает. И от этого она с годами становится мудрой, начинает точно чувствовать, что главное, а что не имеет значения, что можно простить, а что нельзя. Этому не научишься из книжек, хоть десять миллионов томов прочитай. Это рождается только из постоянной, каждодневной работы души, из опыта совместной жизни с кем-то, кто тебе небезразличен. А одиночка откуда может этому научиться, если рядом с ним никого нет? Ты был одиночкой, и твоя душа простаивала в бездействии. А теперь ты живешь со мной вдвоем, и она у тебя заработала. Ты даже сам не заметил, а она работает, и с каждым днем все сильнее и сильнее. Потому и мудрость начала появляться.

— Откуда вы знаете? — тупо спросил Суриков. Объяснение Бахметьевой он понял, оно было простым и доступным даже для него, но все равно выглядело неправдоподобным. С чего это она взяла, что у него душа заработала? Не чувствует он ничего такого. Врет все бабка, мозги ему канифолит.

— Откуда знаю? Да вот знаю. Вижу, что с работы ты приходишь как по часам, в полвосьмого, а то и раньше, если в магазин не заходишь. Что тебе рядом со мной, медом намазано? Я ж тебя не держу, сколько раз говорила: гуляй, встречайся с кем хочешь, хоть не ночуй здесь. А ты? Каждый Божий день возвращаешься сразу, как работу закончишь. Значит, тянет тебя сюда. Тебе здесь тепло, тебя здесь ждут. Такие вещи не мозгами, а душой понимают. Значит, она у тебя работает, не стоит без дела. Или другой тебе пример приведу. Ты с прошлой недели начал мне с работы звонить. Я ж тебе не любимая девушка, чтобы тебе в радость было голос мой услышать. Это душа твоя стала требовать. Ей приятно, что есть кому позвонить, о ком побеспокоиться.

Надо же, как ловко бабка Софья все по полочкам разложила! Получается, что и в самом деле в нем душа проснулась.

— А вы сами мудрая? — невольно вырвалось у него.

Софья Илларионовна помолчала, потом ответила:

— Нет, сынок, я не мудрая. Я слишком давно живу одна, если и была во мне мудрость, так вся вышла. Вот будем жить с тобой вместе — глядишь, и я потихоньку мудреть начну.

Глава 5

Утром, однако, ситуация предстала перед Татьяной в несколько ином свете. Она уже позавтракала и стояла перед зеркалом, нанося на лицо макияж, когда раздался телефонный звонок. Звонил ее сосед по служебному кабинету.

— Таня, у нас беда. Роман Панкратов умер.

— Как умер? Отчего?

— Погиб. Под машину попал. Я с утра на работе не буду, надо помочь семье со всякими формальностями, жену туда отправить, организовать перевозку тела. Прикрой меня, ладно? Шеф в курсе, но у меня куча народу на первую половину дня вызвана. Извинись перед ними и попроси всех прийти завтра в это же время.

Татьяна положила трубку и обессиленно присела на край дивана. Роман Панкратов. Тот самый следователь, который начинал дело об убийстве Бахметьевой, а потом уехал в отпуск. Должен был вернуться дней через десять. Уже не вернется. Попал под машину в том городе, в котором отдыхал.

Ужасно. Чудовищно. Или... закономерно? Если все происходило примерно так, как она себе представляет, то это должно было случиться. Ромка вернулся бы из отпуска, и Татьяна полезла бы к нему с расспросами о первом этапе расследования. И тогда все вылезло бы. Панкратов был обречен на смерть с того самого момента, когда дело передали ей. Даже не с этого момента, а чуть позже, когда она стала задавать вопросы второму следователю, Вальке Чудаеву.

Сколько стоит квартира Бахметьевой? Тысяч сорок — сорок пять. Долларов, конечно, не рублей же. Выходит, человеческая жизнь стоит дешевле.

Как бы там ни было, соваться к оперативникам со своими заданиями нельзя. Опасно. Группа большая, и как знать, кто именно в нее входит. Можно нарваться. Панкратов уже на-

рвался. Как же быть? Сделать вид, что ничего не заметила? Да, наверное, так и надо сделать. Спокойно раскрывать убийство Бахметьевой. Если оно совершено не из-за квартиры, то можно отделаться легким испугом. А если все-таки из-за нее? Черт, что же делать?

Она вспомнила недавно проведенные в Москве две недели. Своими глазами видела, как работают ребята из отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями. Смотрела на них — и завидовала. Они доверяют друг другу, не ждут каждую минуту какого-нибудь подвоха, какой-нибудь гадости от коллег. Это, конечно, заслуга их начальника, Гордеев сумел собрать и сколотить хорошую команду. А может ли она так же безоглядно доверять своим коллегам-следователям? У них ситуация на службе другая, без конца плетутся какие-то интриги, кто-то кого-то подставляет. Каждый день как по острию ножа ходишь, только и смотришь, как бы врагов не нажить и одновременно не перейти ту грань дружеского сближения, за которой начинаются панибратство и попытки сесть тебе на шею. Так и проходит рабочий день, наполовину в расследовании преступлений, наполовину в борьбе с окружающей действительностью.

— Таня, ты не опоздаешь? — озабоченно спросила Ирочка, заглядывая в комнату. — Чего ты сидишь?

— Так, ничего, задумалась.

Татьяна торопливо поднялась и снова пошла к зеркалу. Руки дрожали, и ей никак не удавалось провести тонкой кисточкой ровную черную «стрелку» на верхнем веке. Линия получалась бугристой и уходила куда-то не туда. Татьяна с досадой склонилась над раковиной, смыла уже нанесенный макияж и начала все сначала.

* * *

Генерал Заточный обещание выполнил, но результат Настю не порадовал. Следователи из Баку и Алма-Аты, которые когда-то вели дело Бахметьева и компании, были вне досягаемости, их даже разыскать не удалось. Московский следователь семь лет назад умер от инсульта. Оставался только один человек, который мог более или менее подробно рассказать о Бахметьеве. Жил он в Петербурге, находился на пенсии и пребывал, к счастью, в полном здравии.

— Не расстраивайтесь, Анастасия, — говорил ей Иван

Алексеевич, — пусть только один, но зато для вас он самый ценный. Я лично с ним незнаком, но те, кто его знал, в один голос утверждают, что этот Макушкин славился страстью к ведению архивов. Он, как рассказывают, имел склонность к писательству и собирался, выйдя на покой, начать работать над мемуарами, потому и вел всяческие записи.

Значит, надо ехать в Питер. Еще вопрос, разрешит ли Гордеев. Но Гордеев, вопреки опасениям, разрешил, хотя и строго-настрого велел не тратить ни одного лишнего часа.

— Один день, — отрезал он. — Мне люди здесь нужны. Сядешь в поезд, ночь в дороге, день — там, ночью — обратно. Только так.

Можно было, конечно, успеть, но для этого необходимо предварительно разыскать Федора Николаевича Макушкина и договориться с ним о встрече на конкретный день, чтобы время зря не пропало. А то явится Настя в град Петров, а человека-то и нет, уехал куда-нибудь или болеет и принять ее не может. Придется обращаться к Татьяне, других подходящих знакомых у Насти в Петербурге не было.

Ей удалось застать жену Владислава Стасова на рабочем месте. Татьяна записала координаты бывшего следователя и пообещала вечером перезвонить.

* * *

После звонка Насти Каменской в голове у Татьяны стал прорисовываться план. Конечно, он был более чем странным, но ничего лучше она придумать не смогла. Ей было очень страшно. Занимаясь протоколами, заключениями, постановлениями, очными ставками и прочими процессуальными действиями, она все время думала о том, как сделать дело и при этом унести ноги. Постепенно в систему вводных добавлялись все новые детали. Надо не только унести ноги, но и обезопасить Иру. Ведь Татьяна уедет, а Ирочка останется. Надо внести окончательную ясность в вопрос о том, кто же убил Софью Илларионовну Бахметьеву. Надо по возможности закончить расследование по тем делам, которые ей поручили доводить до ума. Надо собрать материал на тех, кто причастен к фиктивной доверенности. Надо... надо... надо... И все эти «надо» следовало увязать в какую-то стройную последовательность действий.

Выполнить просьбу Насти оказалось совсем несложно. Федор Николаевич Макушкин жил по своему прежнему адресу, никуда не уехал и не был болен и с удовольствием откликнулся на просьбу побеседовать с сотрудником уголовного розыска из Москвы.

— Конечно, — басил он в трубку, — пусть приезжает, буду рад поделиться старыми воспоминаниями. Приятно, когда кто-то интересуется архивами, это теперь редко случается.

— Когда к вам можно приехать? — спросила Татьяна.

— Да когда угодно. В любой день.

В любой день. Еще одна вводная в постепенно прорисовывающийся план. Только бы не ошибиться с Исаковым. На него вся надежда. Он мужик непростой, в характере у него дерьма полно, вон как обставил ее визит к Величко. Но склочный характер не означает непорядочности. Придется рискнуть. Другого выхода Татьяна не видела. Она была Женщиной до мозга костей, мыслила по-женски, действовала по-женски. И боялась тоже чисто по-женски, иррационально, не чего-то конкретного, а всего вообще. Но именно поэтому и обладала способностью к необдуманному риску, полагаясь не на логику, а на интуицию.

Был уже седьмой час вечера, когда она пришла в кабинет к Исакову.

— Слушаю вас, Татьяна Григорьевна, — буркнул он, не поднимая головы от бумаг. — Надеюсь, вы пришли доложить, что закончили какие-то из порученных вам дел?

— Нет, Григорий Павлович, я пришла с более серьезным вопросом. Мне нужна ваша помощь. И ваша защита.

Исаков соизволил оторваться от писанины и с недовольным видом уставился на нее.

— В чем дело? Почему защита? Вас кто-то обижает?

— Хуже. У нас, Григорий Павлович, большая неприятность. Та группа, которая наживается на приватизации квартир, имеет в нашем подразделении своих людей.

Исаков аж задохнулся от негодования.

— Вы отдаете себе отчет? Насколько обоснованны ваши слова?

— Нинасколько. Это пока только подозрения. Я знаю, как их проверить и что нужно сделать. Но я боюсь. Вы видите, Григорий Павлович, я честна с вами. Я боюсь. Я женщина, и мне страшно. Поймите меня по-человечески, я недавно вышла замуж, я хочу родить ребенка, я собираюсь переехать

к мужу в Москву. И я не хочу, чтобы со мной случилось то, что произошло с Панкратовым. Я не смогу себя защитить.

— При чем тут Панкратов? Татьяна Григорьевна, я отказываюсь вас понимать.

— Но вы готовы меня выслушать?

— Да, пожалуйста. Я внимательно вас слушаю. Только имейте в виду, если вы затеяли какой-то обман с целью выцарапать свое личное дело и быстренько улизнуть в Москву, это вам не удастся.

Татьяна говорила долго. Она готовилась к этому разговору полдня, мысленно составляя фразы четкие, лаконичные и убедительные.

— Когда дело об убийстве Бахметьевой вел Панкратов, в нем были сведения о том, что генеральная доверенность выдана Сурикову. Когда дело попало к следующему следователю, к Чудаеву, эти материалы из дела исчезли. Протоколы оказались переписанными, подписи подделанными, а доверенность изъята. И появилась совсем другая доверенность на имя совсем другого человека. Этот факт определенным образом оправдывает Сурикова, ибо снимается мотив корыстной заинтересованности в смерти Бахметьевой. Кто совершил этот подлог? С какой целью? С целью вытащить Сурикова? Или с целью быстро провернуть обмен и продажу квартиры? Сам факт говорит о двух вещах. Во-первых, что в этом замешаны наши сотрудники, и скорее всего не только наши. И во-вторых, о том, что система отработана до мелочей и срабатывает мгновенно. Они очень быстро смогли доверенность изготовить, значит, есть свои нотариусы. Эти нотариусы ставят подпись и печать на документ, который не подписан лично доверителем в их присутствии. Есть и свои люди, которые моментально оформляют договоры мены или купли-продажи. Даже по явно фальшивым документам. Короче, группа действительно большая. И к ней имеет непосредственное отношение сам следователь Чудаев. И еще кто-то из наших.

— Почему? Почему вы решили, что есть кто-то еще?

— Здравый смысл подсказывает. Вся эта афера не могла быть проделана без ведома и согласия Сурикова, верно ведь? Но кто-то должен был с ним поговорить и все объяснить. Предупредить про другую доверенность, придумать историю с обменом квартиры. Это не мог быть Чудаев. Поймите,

Григорий Павлович, следователь не может вести такие разговоры с подследственным, это опасно. Суриков знает его имя и знает, что он следователь. А ну как что случится или сорвется? С Суриковым должны были разговаривать люди, которых он не знает, но которым он бы поверил. Люди в форме. И не в присутствии следователя. Например, сотрудники следственного изолятора. Или разыскники. А следователь, произведя все необходимые манипуляции с материалами дела, потихоньку довел бы расследование до конца, и на этом точка.

— Выходит, я сам ему помешал, когда передал дело вам? — неожиданно спросил Исаков.

«Выходит, — мысленно ответила Татьяна. — Я все время об этом думала. Если бы вы, Григорий Павлович, были в этом замешаны, вы бы ни за что не передали мне дело Бахметьевой. Вы бы оставили его у Чудаева и терпеливо ждали, когда он докажет виновность Сурикова. Или его невиновность. Других-то подозреваемых все равно нет. А вы отдали дело мне, потому что Чудаев не справлялся и вообще он загружен другими делами, более сложными, неотложными и важными. Вы поступили как нормальный руководитель, а не как участник преступной группы, заинтересованный в сокрытии подлогов и фальсификации материалов дела. Иначе вы бы никогда дело у Чудаева не забрали».

— Да, Татьяна Григорьевна, подставил я вас, — грустно усмехнулся Исаков. — Если все окажется так, как вы мне тут рассказали, то получается, я беззащитную женщину в такое нехорошее дело втянул. Вы правы, ни к чему вам с этим возиться.

Сердце у Татьяны гулко заколотилось. Неужели она ошиблась? Что означают эти слова? Ни к чему копаться глубоко, совать свой нос куда не следует?

— Надо вас вытаскивать, — продолжал между тем Исаков. — Но к обоюдной пользе. Вы, Татьяна Григорьевна, хороший следователь. Я могу пойти вам навстречу и протянуть руку помощи. А вы со мной за это расплатитесь.

— Как? — спросила она, еле шевеля пересохшими губами.

«Взятку вымогает, сволочь. Или в койку тянуть собрался? Господи, ну и в гадюшнике я работаю! И чего я, дура, упиралась, давно надо было в Москву переезжать, Стасов целый год меня уговаривал».

— Вы закончите дело об убийстве Бахметьевой. И вытря-

сете из этого мальчишки Сурикова все, что касается подложных документов. Кто, когда и о чем с ним разговаривал и что ему пообещали? Что произошло с квартирой Бахметьевой? Одним словом, вы должны узнать все, что можно.

— Но я же сказала вам, Григорий Павлович, — в отчаянии произнесла Татьяна, — я боюсь. Мне страшно. Вы хотите, чтобы со мной произошло то же, что с Романом? Я уже пыталась поговорить с Чудаевым, выяснить у него насчет таинственной и неуловимой Гольдич. Правда, больше я к этому разговору не возвращалась, но он может забеспокоиться. Я уже прокололась, выдала свои подозрения, понимаете? Я просто могу не дожить до завтра.

— Доживете. Так быстро это не делается, поверьте моему опыту. И, со своей стороны, поторопитесь. Не тяните. Чем быстрей сделаете — тем быстрей уедете.

— Хорошо, — решительно сказала она. — Тогда вы должны согласиться с моим предложением. Запрос на мое личное дело привезут нарочным в ближайшие же дни. Я отдам запрос вам и взамен получу на руки свое личное дело. Пусть его запечатают, как положено. Как только я получу от Сурикова все необходимые показания, я в этот же день уеду. И больше здесь не появлюсь. Когда придет запрос о моем откомандировании, вы подпишете приказ. И без всяких обходных листков и прочих глупостей. А вещевой и денежный аттестаты отправите в Москву почтой. Идет?

Исаков с интересом поглядел на нее.

— А вы не такая уж беззащитная, какой хотите показаться. И жесткости в голосе более чем достаточно. Хорошо, сделаем так, как вы предлагаете. Приносите запрос, получите дело на руки. Но не вздумайте хитрить, Татьяна Григорьевна.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вы могли всю эту историю выдумать, чтобы разжалобить меня и разрешить вам уехать как можно раньше. Вам поручено следствие по ряду дел, и я вполне допускаю, что вы можете просто не хотеть ими заниматься, поэтому пытаетесь меня обмануть. Прежде чем вы сядете в поезд или в самолет, я хочу сам посмотреть, какие сведения вам удастся получить от Сурикова или собрать иным способом. Только после этого вы сможете уехать. Поэтому я вношу коррективы в ваш блестящий план. Личное дело я сам заберу из отдела

кадров, и оно будет лежать у меня. И если вы не принесете мне доказательства, вы его не получите. Ну как? Устраивает?

— Вероятно, у меня нет иного выхода, кроме как согласиться.

— Конечно, нет. Все, Татьяна Григорьевна, будем считать, что мы договорились. Я вас больше не задерживаю.

Татьяна вышла из кабинета Исакова с пылающими щеками. Дорого ей дался этот разговор. Ничего, сейчас наденет свое продуваемое насквозь пальто, выйдет на улицу и немного остынет. Вредный мужик этот Исаков, но, в сущности, не такой уж плохой.

Сложив бумаги в сейф и обмотав вокруг шеи яркий шелковый платок, Татьяна вдруг вспомнила, что не позвонила своему врачу. А ведь еще вчера должна была. Вот растяпа!

Она торопливо набрала телефонный номер. Конечно, на работе врача уже не было, почти половина восьмого. Татьяна позвонила ей домой.

— Анна Степановна, это Образцова. Простите, что дома беспокою, замоталась, не успела застать вас на работе.

— Ничего, Танечка, — добродушно откликнулась Анна Степановна, которая знала Татьяну много лет, еще со времен ее первого замужества. — Срок у тебя небольшой, шесть недель, так что никакой спешки, если надумаешь.

— Значит, все-таки срок? — пробормотала Татьяна.

— Ну я ж тебе сразу сказала, а ты не верила, настаивала, чтобы анализы сделать. У меня глаз — алмаз.

— Ладно, Анна Степановна, я подумаю.

— Подумай, подумай, — согласилась врач. — Время есть пока.

Татьяна снова села за стол и принялась набирать длинный междугородний номер. Она звонила мужу.

— Стасов, ты можешь срочно получить запрос на мое личное дело?

— Могу попробовать. А как срочно?

— Вчера.

— Не понял...

— Шучу. Дима, — Татьяна была единственной из всех знакомых Владислава Стасова, кто называл его Димой, а не Владиком и не Славиком, — это нужно сделать очень быстро. Желательно завтра.

— Танька, я не верю своим ушам! Неужели твой изверг-

начальник согласился отдать дело прямо сейчас? Ты же мне говорила, что он тебя привязал как минимум на месяц.

— Обстоятельства изменились. Димочка, позвони Насте, скажи ей, что я обо всем договорилась и она может приезжать в любой день. Макушкин ее примет. Это что касается ее просьбы. Теперь что касается моей просьбы. Возьми запрос и отдай Насте, она мне его привезет. Дальше. Желательно, чтобы она приехала как можно быстрее, оптимально — дня через два. Не позднее. На двое суток. Ты понял? На двое суток. Мне нужна ее помощь, но мне неловко ее просить. Все-таки мы с ней не так близко знакомы. Я очень рассчитываю на то, что к твоей просьбе она прислушается.

— Таня, я не понимаю, что происходит. Какие дела у тебя с Аськой за моей спиной? Что у тебя случилось? Почему такая срочность?

— Я все потом объясню. Никакой катастрофы, честное слово, просто появилась возможность сорваться отсюда побыстрее, жаль будет, если не получится.

— И все?

— И все.

— Не врешь? Голос у тебя какой-то...

— Голос — это по другой части. Дима, я беременна. Только что с врачом разговаривала.

— Танюха... — охнул Стасов. — Миленькая... Как хорошо-то!

— Не знаю, может быть, — быстро перебила его Татьяна. — Я пока не решила. Ты тоже подумай. Позвони мне вечером, скажи, до чего договорился с Настей. Заодно и обсудим твои соображения по поводу аборта.

— Не по поводу аборта, а по поводу ребенка. Тут и обсуждать нечего.

— Хорошо, вечером поговорим. Все, Дима, целую тебя.

— Таня, подожди...

— Вечером, Димуля, вечером. Мне нужно бежать.

На самом деле никуда бежать ей не нужно. Просто стало трудно справляться с нервами, а ей так не хотелось, чтобы муж почувствовал ее тревогу. Да что там тревогу — откровенный страх. Растерянность.

Она еще какое-то время посидела в кабинете, бессмысленно перекладывая ручки и карандаши, потом все-таки заставила себя надеть пальто и пойти домой.

Ирочка встретила ее радостным щебетанием.

— Тань, я прямо дождаться не могла, когда ты придешь! Раздевайся скорее, будем ужинать, и я тебе все расскажу.

Она сгорала от нетерпения, и Татьяна изо всех сил старалась не показать, насколько тяжко у нее на сердце и как ей не хочется сейчас выслушивать Ирочкины истории. Она пыталась оттянуть момент, когда нужно будет сесть за стол и начать разговаривать со свояченицей. Сняв костюм, она, вместо того чтобы небрежно бросить его на кресло, как обычно, стала старательно развешивать в шкафу на плечиках пиджак, блузку и юбку. Потом подошла к туалетному столику и принялась, глядя в зеркало, снимать тампоном, смоченным в косметическом молочке, макияж.

— Ну Таня! — раздался из кухни звонкий Ирочкин голосок. — Все же остывает! Ты что там, уснула?

— Иду!

Кулинаркой Ирочка Милованова была знатной, в этом ей не откажешь. Она обожала готовить всякую экзотику, вычитывая рецепты в кулинарных книгах. Правда, рецепты служили ей только как бы канвой, общей идеей, а делала она все равно по-своему. Иногда получалось просто ужасно, потому что существуют блюда, способ приготовления которых оттачивался десятилетиями и которые не терпели никакой самодеятельности, но Ирочка никогда не унывала. Она весело съедала неудобоваримый результат своих экспериментов и даже не морщилась, после чего начинала все по новой. Сегодня на ужин Татьяну ожидала севрюга с каким-то необыкновенно красочным гарниром. Кроме того, по кухне витал подозрительный запах знаменитых Ирочкиных пирожков с капустой.

— Опять пироги? — неодобрительно спросила Татьяна, усаживаясь за стол. — Я же тебя просила.

— Да ладно, — весело улыбнулась Ира. — Не каждый же день.

— Я скоро в дверь не пролезу из-за твоих пирожков. Ты же знаешь, у меня силы воли не хватает их не есть.

— Не сердись, Танюшечка, ты все равно скоро уедешь и больше не будешь есть мои пирожки.

— Не надейся, не отделаешься от меня так просто.

Ира медленно повернулась к ней, оставив в покое что-то шипящее и вкусно пахнущее на сковородке, над чем она колдовала, прежде чем подавать на стол.

— Что ты сказала?

— Сядь, Ира. Надо поговорить.

— Что-нибудь случилось? — переполошилась Ирочка.

— Да. Да не бледней ты, не смертельно. Просто немного неожиданно.

Татьяна чувствовала себя омерзительно. Мало того, что в последние дни она терзается чувством вины за то, как ей предстояло поступить с преданной и любящей родственницей. Мало того, что Ирка, пойдя ей навстречу и занимаясь устройством Татьяниной жизни и быта, осталась без профессии, без собственной семьи и практически без друзей. Так теперь еще и это...

— Ира, как ты смотришь на то, чтобы уехать вместе со мной?

— Куда? В Москву?

— Нет, в Зажопинские Выселки. Конечно, в Москву, куда же еще.

— Но почему... Таня, что случилось? Немедленно объясни мне, что происходит.

Татьяна удрученно молчала. Как сказать ей, что оставаться в Питере опасно? Может, и не опасно, но рисковать нельзя. И еще одно обстоятельство появилось, тоже, между прочим, немаловажное.

— Ирочка, я очень виновата перед тобой, я испортила тебе жизнь, ты потратила на меня свои лучшие годы, и теперь...

— Прекрати! Ты это сто раз говорила. И столько же раз я тебе объясняла, что это полная чушь. Не смей так думать.

— Я хочу, чтобы ты уехала вместе со мной. У меня будет ребенок, и мне одной не справиться. Но я не имею права просить тебя об этом, потому что сейчас ты еще можешь найти и работу, и мужа, а через несколько лет будет совсем поздно.

— Тань... Ой, Тань...

Глаза у Ирочки стали такими огромными, что, казалось, занимали пол-лица.

— Ты что, беременна?

— Угу.

— И сколько уже?

— Шесть недель. Сегодня с Анной разговаривала. Ира, если ты со мной не поедешь, я сделаю аборт, мне одной не справиться. Я уже не в том возрасте, чтобы выдерживать такие нагрузки. Первые роды в тридцать шесть лет — не шу-

точки. Стасов мне не помощник, он целыми днями работает, крутится, как белка в колесе, деньги зарабатывает.

— Ты что, обалдела? Какой аборт? Рожать надо, и нечего тут думать. Конечно, я поеду с тобой, какой может быть разговор.

— Подумай, Ира, это все очень непросто с точки зрения последствий. Ты опять впряжешься в домашнее хозяйство. Подумай о себе.

— Да ладно тебе!

Ирочка звонко расхохоталась.

— Я уже со всеми питерскими женихами перезнакомилась, никого среди них подходящего нет. Может, в столице найдется. В крайнем случае рожу без мужа, буду двоих растить, твоего и своего. А что? В организационном плане идея богатая.

«Господи, как у нее все просто, — с грустью думала Татьяна. — Мне в ее возрасте, наверное, тоже казалось, что впереди еще такая длинная жизнь и можно все успеть. А сегодня утром, когда узнала о гибели Ромки Панкратова, я поняла, что моя жизнь может оказаться очень короткой. Очень. Даже страшно, насколько короткой может оказаться моя жизнь. И Ирочкина тоже».

— На днях сюда приедет одна моя знакомая из Москвы, она работает в уголовном розыске. И если ничего не сорвется, мы отсюда уедем все вместе. Хорошо?

— Как это? — растерялась Ира. — Ты что, Таня? А собраться?

— Можно подумать, у нас тут Бог знает сколько вещей. Собери только одежду на зимний сезон и все самое необходимое. Потом приедет Стасов и отправит контейнер с остальным барахлом.

— Ну ничего себе! Нет, так не годится. Ты поезжай, а я все как следует соберу, уложу, отправлю контейнер, а потом приеду.

— Ира!

Татьяна почти никогда не повышала голос на родственницу, они много лет жили душа в душу. Ирочка сразу поняла, что дело серьезное.

— Ты сделаешь так, как я прошу, — жестко сказала Татьяна. — Моя знакомая остановится у нас и поможет тебе сложить вещи. Мы уедем все вместе. Это не обсуждается.

Ира отвернулась и тихо заплакала. Татьяна почувствовала

себя совсем скверно. Зачем она обижает ее? Разве Ирка в чем-то виновата? Никуда не годится, совсем самообладание потеряла, кричит. Черт знает что.

— Ирочка, ну что ты, миленькая, — ласково заговорила она, — не плачь, пожалуйста. Я не хотела тебя обидеть. Просто устала, день был тяжелый, вот и не сдержалась.

Ира разрыдалась в голос. Глядя на ее трясущиеся плечи, Татьяна думала о том, что пусть лучше она плачет от обиды на нее, чем от страха за свою жизнь.

Поздно вечером позвонил Стасов. Ему удалось договориться в следственном комитете, что завтра подготовят запрос на личное дело старшего следователя Образцовой.

— А что Настя? Ты с ней говорил?

— Она передает тебе большое спасибо и выезжает завтра вечерней лошадью.

— Билет уже есть?

— Нет пока, она ждала твоего звонка. Завтра с утра поедет на вокзал. После обеда я с ней встречусь, передам запрос. Кстати, она просила узнать, не можешь ли ты помочь ей с ведомственной гостиницей.

— Не нужно, она остановится у меня. Дима, попроси ее позвонить мне, когда она возьмет билет. Пусть скажет номер поезда и вагона. Ира ее встретит на машине и отвезет, куда нужно.

— Ладно, скажу. По-моему, ты увиливаешь от обсуждения главного вопроса.

— Я не увиливаю. Ты же сам сказал, что обсуждать нечего.

— И ты с этим согласна?

— Вполне. И даже попросила Ирочку уехать вместе со мной в Москву.

— Не можешь без няньки? — насмешливо поддел ее Стасов.

— Не могу. Привыкла. И она ко мне привыкла, никак не хочет смириться с моим отъездом. Вот я и подумала... Нашу питерскую квартиру можно продать и купить на эти деньги что-то очень пристойное в Москве. Ты не бойся, мы в твою однокомнатную всем колхозом не свалимся. Дима...

— Да?

— Я тебя очень люблю.

— Этого мало, — серьезно ответил Стасов. — Ты должна любить меня так же сильно, как я тебя, а не просто «очень».

Я, например, тебя обожаю, мама Таня. И передай привет тете Ире.

После разговора с мужем Татьяне стало немного легче. Хватит переживать и нервничать, надо собраться и продумать завтрашний день по минутам, по метрам и по словам. Собрать как можно больше сведений, при этом постараться никому не мозолить глаза и не вызывать подозрений. Конечно, лучше было бы это делать оперативникам, у них и опыта побольше, и возможностей. Но оперативников привлекать нельзя, можно попасть как раз на того, кто заинтересован. А если и не заинтересован, то может рассказать кому-то, информация уйдет, и пиши пропало. Главное — Чудаев. Он единственный, с кем Татьяна делилась сомнениями по поводу Гольдич, и, значит, он единственный, кто может что-то заподозрить. Пока единственный. И надо сделать все возможное, чтобы болото не всколыхнулось. Именно поэтому она и не допрашивала сегодня Сурикова. Кому интересно — пусть знают, что у нее и других забот по горло. А Суриков ей вовсе не нужен.

* * *

Сегодня его на допрос не вызывали. Почему? Странная какая-то эта тетка-следователь. Спросила вчера про доверенность, в протокол записала и отпустила его, как будто ничего особенного и не произошло. А может, и правда ничего особенного? Может, зря он боится?

Нет, все-таки что-то тут не так. Ведь смысл был в том, чтобы про эту доверенность никто не узнал, тогда получится, что он не убивал Софью. Зачем убивать, если он все равно квартиру не получит?

А как же... Ведь если следовательша узнала про доверенность, значит, теперь ему убийство Софьи точно припаяют. Как же так? Ничего не понятно.

Ах, была бы рядом бабка Софья! Не хватает у него мозгов разобраться, а она бы быстро все просекла. У нее не только ум, у нее и чутье было — будь здоров!

...Несмотря на слабое сердце, во всем остальном Сергей Суриков был нормальным здоровым молодым мужчиной. И природа, как водится, стала брать свое. Но заводить романы ему было не с кем, на девушек нужны деньги, да и оде-

ваться надо поприличнее, а откуда приличные шмотки взять, если живет он на зарплату грузчика? Спасибо Софье, она давно к экономии приучена, четверть века на пенсию живет, так что из тех продуктов, которые он покупает, кормит его от пуза. А насчет шмоток и разговора быть не может.

Конечно, можно найти какую-нибудь шалаву, вроде тех, с которыми раньше имел дело, но они Сурикову уже поперек горла стояли. Грязные, пьяные, глупо хихикающие девки, готовые отдаться кому угодно за горсть таблеток или ампулу. Сейчас он уже не понимал, как ему это могло нравиться.

Но если шалавы отпадали, то оставались только женщины, работающие в универсаме. Их было много, всех возрастов и типов внешности. И с ними можно было поладить, не прилагая особых усилий и не тратя денег на ухаживания. Почти у всех были мужья или любовники, и почти все были не прочь быстренько заняться любовью, не выходя за пределы универсама и не пробуждая ревность своих мужчин поздними возвращениями или немотивированными отлучками. Короче, все складывалось к обоюдному удовольствию. Сережа наладил отношения с кассиршей Галочкой, которая два раза в неделю закрывала кассу на глазах у негодующих покупателей и бегала на двадцать минут к нему в подсобку.

Софья Илларионовна тоже, видно, понимала, что секс — не последнее дело в жизни мужчины, и несколько раз высказывала беспокойство по поводу того, что у Сергея нет девушки.

— Да что вы так печетесь об этом? — удивлялся Суриков. — Вы радоваться должны, что я не шляюсь, а дома сижу.

— Много мне радости-то с твоего сиденья, — фыркнула Бахметьева. — Самое опасное и есть в том, что ты при мне сидишь, вместо того чтобы с девушками гулять. Человек должен вести нормальную жизнь, а если он себя в чем-то насильно ограничивает и терпит, добром это не кончается. Или тебе не хочется?

Вопрос был, прямо скажем, бестактным и задан в лоб. Сергей оторопел от неожиданности и с перепугу ответил также в лоб.

— Хочется.

— Ну вот, видишь, а если терпишь, то и сорваться можешь, глупостей наделать. Знаешь, от чего в войну иногда умирали? Не от голода, а от того, что разум теряли, когда еду видели. Так наголодаются, бывало, что остановиться не

могут, едят и едят, было бы что. И умирали от заворота кишок. Так и ты, терпишь, терпишь, держишь себя на голодном пайке, а потом подвернется случай — и забудешь про все, закрутит тебя баба, подомнет под себя, опять в дурную компанию попадешь. А я тебя обратно не приму, я же предупреждала, что второго раза не будет. Или, что еще хуже, за изнасилование сядешь. Бабы — они знаешь какие бывают? Не приведи Господь. Не понравится ей, как ты себя ведешь, она и пойдет в милицию на тебя жалобу катать, дескать, ты ее силой заставил. А в милиции-то ей поверят, а не тебе. И пропадешь ни за что. Ты послушайся моего совета, найди себе зазнобу. Тебе же самому легче жить станет. Только сюда ее не приводи, мы уговаривались, чтобы здесь посторонних не было.

Когда дело с кассиршей Галочкой сладилось, старуха Бахметьева узнала об этом раньше, чем Сергей переступил порог квартиры. То ли чутье у нее было, то ли сытость кошачья у него на лице была написана, но Софья Илларионовна улыбнулась ободряюще:

— Вижу, послушался моего совета. Молодец, Сереженька, правильно жизнь свою организуешь. Чужая или из своих?

И опять он настолько растерялся от ее проницательности и прямоты, что ответил сразу и не задумываясь:

— Наша, из магазина. Кассирша.

— Вот и славно, — обрадовалась Софья. — Очень я за тебя рада. Молодая?

— Тридцать два.

— Замужем?

— Да.

— И дети есть?

— Есть, мальчик, в первый класс ходит.

— Ну и слава Богу, — закивала старуха, словно для нее было принципиально важно, какую именно женщину выбрал Сергей для решения своих проблем, и ответы его были такими, как ей нравится.

И в этот момент произошло нечто такое, что привело самого Сергея в состояние полной растерянности. Он шагнул навстречу Софье, наклонился, крепко обнял ее и расцеловал в теплые морщинистые щеки. В горле у него стоял ком, который он никак не мог сглотнуть, на глаза навернулись предательские слезы.

— Спасибо вам, Софь-Ларионна. Спасибо, — бормотал он, уткнувшись лицом в ее реденькие волосы.

— За что же, сынок? — тихо спросила она, и голос ее был строг и серьезен.

— За все. За то, что вы есть. Вы мне как мать, даже больше, чем мать. Мать никогда меня ни о чем не спрашивала, ей неинтересно было. Я никогда от вас не уйду.

Бахметьева осторожно высвободилась из его рук, отступила на шаг и внимательно посмотрела в лицо Сергею. Лицо ее медленно озарилось улыбкой.

— Большой, — сказала она, — совсем большой стал. Взрослый. Любить научился.

— Да что вы, я ее совсем не люблю, — начал торопливо оправдываться Сергей. — Это так только, для здоровья, как вы советовали.

— А я не про нее говорю. Пойдем ужинать, Сереженька, я как чувствовала, пирог яблочный испекла.

Он тогда не понял, про какую любовь говорила Бахметьева. И вообще не понимал, что это на него нашло, с чего вдруг он полез к бабке Софье обниматься. Прошло еще несколько месяцев, прежде чем Сергей Суриков осознал, что Софья Илларионовна Бахметьева — единственный человек на свете, которого он любит.

Да разве он мог ее убить? Он молился на нее. Он бы сам умер с радостью, если бы ей это было нужно.

Глава 6

Ночь в вагоне Настя провела почти без сна, о чем очень жалела. Вагон был чистым и теплым, она уютно устроилась на верхней полке и с удовольствием предвкушала несколько часов крепкого сна, но надеждам ее не суждено было сбыться. Соседями по купе оказались супруги с маленьким ребенком, и ребенок этот никак не желал оценить всю прелесть спокойной ночи в поезде. Он постоянно хотел то пить, то писать, то конфетку, то сказку, то к маме (если лежал на полке с отцом), то, наоборот, к папе. Кроме того, он не любил спать в темноте, и Насте пришлось сначала выслушать длинные и смущенные объяснения его родителей, а потом всю ночь терпеть бьющий в глаза верхний свет.

Зато утром ее порадовало сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, проводница не стала будить пассажиров за час до прибытия с истошным криком: «Сдавайте белье!» — как это делалось раньше. Во-вторых, на завтрак давали не только чай, но и кофе, а также предлагали бутерброды, булочки и печенье. Это было весьма кстати, поскольку совершенно неизвестно, когда Насте вообще удастся поесть в ближайшее время. И в-третьих, судя по проносящемуся за окном пейзажу, в Питере не так сыро и слякотно, как в Москве, стало быть, есть шанс проходить целый день с сухими ногами.

Настя никогда не встречалась с родственницей Татьяны Образцовой, которая должна была ждать ее на платформе, но надеялась, что сумеет узнать ее по словесному описанию, данному накануне Стасовым.

— Ирочка — это Ирочка, — авторитетно заявил Владислав. — Знаешь, есть люди, которые идеально соответствуют своему имени. И заметь себе, бывают люди, к которым уменьшительное имя прилипает намертво на всю жизнь, невзирая на процесс взросления, а потом и старения. Наша Ирочка как раз такая.

— Субтильная, что ли? — догадалась Настя, вспомнив известную поговорку о маленькой собачке, которая «до старости щенок».

— Нет, не то, — поморщился Стасов. — Она, конечно, не огромная и пока еще достаточно молодая, но она... Как бы тебе сказать... Она юная. Понимаешь? И это видно во всем. У нее глаза юные, взгляд девичий. Она вся какая-то радостная. Короче, увидишь и сразу узнаешь.

— Ладно, — вздохнула Настя, поняв, что ничего более конкретного она не дождется. — Хоть цвет волос у нее какой?

— Волосы? — Стасов задумался. — Вообще-то темные, она брюнетка, если не перекрасилась. У вас, девушек, это быстро, за вами не заржавеет.

Несмотря на некоторый скепсис, Настя вынуждена была признать, что Стасов абсолютно прав. Ирочку она узнала моментально. Действительно, женщину с таким выражением лица вряд ли кто станет называть по имени-отчеству. Красивая молодая брюнетка в дорогой шубке из светлой норки стояла как раз там, где остановился вагон. Как только Настя шагнула на перрон, Ира тут же подошла к ней. По-видимо-

му, Татьяна, в отличие от Стасова, сумела дать совершенно четкий словесный портрет.

— Настя?

— Да, здравствуйте, Ира. Спасибо, что встретили меня.

— Ну что вы, — смутилась Ира. — Пойдемте, у меня на площади машина стоит. Сейчас я отвезу вас к нам и накормлю, а к одиннадцати часам поедем к вашему следователю. Таня с ним договорилась и оставила адрес.

— Спасибо, — еще раз от всей души поблагодарила Настя. — Вы очень меня выручили.

— Ничего, — улыбнулась Ира, — вы нас тоже выручите. Таня вам вечером все объяснит.

* * *

Ровно в одиннадцать Настя звонила в дверь квартиры бывшего следователя Федора Николаевича Макушкина.

— Проходите, — гостеприимно распахнул двери хозяин, — я вас жду.

Квартира была очень старой, но понять это можно было только по расположению комнат. Во всем остальном жилище Макушкина выглядело вполне современно и радовало глаз свежепобеленными потолками и светлыми, модного рисунка, обоями.

Федор Николаевич усадил Настю в кресло рядом с большим письменным столом, сам устроился на маленьком, кабинетном диванчике.

— Так что вас интересует? Какое-то конкретное дело?

— Да, и очень давнее. Семьдесят третий год, Бахметьев.

— Ну как же, как же, помню, — живо откликнулся Макушкин. — Было такое. Сейчас достану свои бумажки, посмотрим вместе, что там на него есть. А вы, кстати, дело в Верховном суде смотрели?

— Пока нет, — призналась Настя. — Не успела. И потом, мне кажется, ответов на мои вопросы там все равно нет. Ведь оперативная информация, которая не нашла подтверждения, в официальные документы не попадает, а меня интересует именно она.

Макушкин притащил из угла комнаты стремянку и принялся перебирать папки, лежащие на самой верхней полке высокого, до самого потолка, стеллажа. Над его головой закружилось и медленно осело облачко пыли. Двигался Ма-

кушкин легко и стремительно, ничем не напоминая стереотипный образ пенсионера-графомана, корпящего над мемуарами. Если бы Настя не знала, что он уже несколько лет находится на пенсии, то ни за что не дала бы ему больше пятидесяти пяти лет.

— Вот! — Федор Николаевич торжественно поднял над головой картонную папку с завязками. — Сейчас поглядим, что там есть. Так-то мне трудно припомнить детали, но если начну читать — сразу вспомню. А вас что конкретно интересует?

— Меня интересуют соучастники, которые не были осуждены вместе с Бахметьевым. И любая информация о деньгах и ценностях, которые не были конфискованы.

Макушкин бросил на нее быстрый острый взгляд. В нем снова проснулся профессионал.

— А что, сейчас что-то выплыло? След появился?

— Не знаю. Пытаюсь понять. Может быть, мне все это мерещится.

— Деталями не поделитесь?

— Извините, — смутилась Настя.

— Ничего, ничего, — усмехнулся Макушкин. — Я понимаю. Не положено.

Он уселся на диванчик, развязал тесемки и стал быстро проглядывать старые записи.

— Боюсь, я вас разочарую, — наконец сказал он. — Мне, видите ли, тогда был интересен не столько механизм хищений и махинаций, сколько всякие психологические выверты. Я больше свои впечатления от встреч с подследственными и со свидетелями записывал. Могу вам сказать, что сам Бахметьев был личностью совершенно неинтересной. Умен, оборотист, энергичен, но таких тысячи. Изюминки в нем не было. Ну, нагл, конечно, безмерно. А вот кто действительно был интересен, так это его мать. Это, я вам скажу, персона! О ней можно книгу написать. Удивительная женщина.

— А вам не показалось, что она знает о делах сына намного больше, чем вы? — с надеждой спросила Настя. — Я поясню подробнее, а то действительно получается, что мы с вами в кошки-мышки играем. Меня интересует, не был ли Бахметьев держателем чьих-то чужих ценностей, может быть, хранителем или распорядителем, и не получилось ли так, что после его расстрела к этим деньгам получила доступ его вдова. И ни с кем не поделилась.

— Ах вот оно что, — протянул Макушкин. — На вдову, значит, наехали?

— Ну... — Настя замялась. — Да. Версий много, но одна из них связана как раз с присвоением тех денег, вот я и пытаюсь узнать, чьи это были деньги и кто может на них претендовать. Конечно, я понимаю, что речь может идти только об эквивалентных ценностях, а не о самих купюрах, им сегодня только в коллекции место.

— Если эти ценности вообще были, — добавил Макушкин. — Но у меня, честно признаться, большие сомнения на этот счет. То, что конфисковали у Бахметьева не все, — это сто процентов. «Всего» никогда не бывает. Понятно, что львиную долю он где-то схоронил. Но я не думаю, что у этой доли были другие хозяева, кроме самого Бахметьева.

— Почему?

— Это трудно объяснить. Просто впечатление такое у меня сложилось. Видите ли, Бахметьев был человеком крайне неприятным. Крайне. Знаете, бывают такие люди, на которых и смотреть противно, и разговаривать с ними противно, а уж дело иметь и вовсе не хочется. Тем более денежное дело. Я бы такому, как Бахметьев, рубля не доверил. И не потому, что он вор и аферист, а потому, что он неприятный. Омерзительный какой-то. Есть же обаяшки, вроде Остапа Бендера, а есть и такие вот отталкивающие типы. Жирный, самодовольный, рожа лоснится, губы толстые. У него на лице было написано намерение обмануть каждого, кто попадается на пути. Думаю, его сообщники признавали в нем организаторского и финансового гения, но понимали, что он их обманывает в части дележки прибыли. Вот смотрите, у меня тут записано: «14 августа 1973 года. Сегодня допрашивал Зинченко. Любопытный феномен: он несколько лет занимался хищениями под руководством Бахметьева, а ненавидит его люто. Не доверяет ему. Более того, как мне показалось, на дух своего шефа не переносит. Считает, что тот ему систематически недодавал при распределении прибылей».

— Понятно. Похоже, вы правы, Федор Николаевич, такому вряд ли доверят общую кассу. Может, еще что-нибудь вспомните?

Макушкин полистал записи и отрицательно покачал головой.

— Пожалуй, ничего существенного я вам не расскажу. Но мой вам совет: попробуйте найти мать Бахметьева. Она, на-

верное, уже совсем старая, может быть, ее и в живых-то нет. Но вы попробуйте. Меня тогда еще грызло чувство, что она что-то знает. Вполне естественно, что она ничего мне не сказала, ведь решалась судьба ее сына, но теперь, когда судьба эта давно решена и прошло столько лет, может вам рассказать.

— А откуда у вас появилось чувство, что Бахметьева что-то знает?

— Да понимаете, она вела себя как-то... Нетипично, что ли. Например, ни разу не заплакала у меня на допросах, а ведь матери всегда плачут, вы это не хуже меня знаете. Не пыталась оправдать сына. О снисхождении не просила. Просто отвечала на вопросы, и все. Она мне была чем-то симпатична, но я как ни бился, расположить ее к себе так и не сумел. Между нами все время стена стояла. С одной стороны, это нормально, какое же может быть расположение у матери к следователю, который собирается посадить единственного сына. Но с другой стороны... Знаете, матери всегда в таких случаях начинают рассказывать, каким их сын был чудесным ребенком и все такое. Эта — ни слова. Потом-то я понял, в чем дело. Она, оказывается, была репрессирована, когда сын был еще грудным, так что она его и не воспитывала, и каким он был ребенком, конечно, не знала. Сейчас, сейчас, я тут одну запись ищу... Очень показательный был разговор... Где же она? Я точно помню, что записал в тот же день, настолько меня это поразило. А, вот, нашел!

Макушкин вытащил из папки исписанный мелким почерком лист.

— Я вам вслух прочту, а то вы мои каракули не разберете. «Бахметьева продолжает меня удивлять. Сегодня я сказал ей, что завтра закончу составлять обвинительное заключение. Следствие завершено. Она меня спросила: «Вы уверены, что поймали всех виновных?» — «Откуда такой странный вопрос, Софья Илларионовна? Вам известно, что есть и другие?» — «Нет, я не об этом. Если вы точно уверены, что отдаете под суд всех, кто виноват, то все справедливо. Когда меня, например, арестовали в тридцать пятом, я все двадцать лет мучилась вопросом: почему я? Ну почему я? Понятно, что был план по отлову врагов народа, и этот план нужно было выполнять за счет кого угодно. Но по какому принципу отбирались эти «кто угодно»? Очевидно, что по случайному. Просто судьба тыкала пальцем и попадала в кого-то. Вот в меня попала. Но почему именно в меня, а не в соседа? Вы

понимаете, о чем я говорю? Элемент случайности убивает саму идею справедливости». Я ошарашенно смотрел на нее, не зная, что ответить».

Он снова спрятал листок в папку и выразительно посмотрел на Настю.

— Видите, какая она? Элемент случайности убивает идею справедливости. Об этом можно монографию написать, по уголовному праву, например. Незаурядная женщина. Разыщите ее, очень вам советую.

Настя поднялась, стараясь изо всех сил скрыть разочарование. Ничего не вышло. Поездка впустую. Гордеев будет недоволен, она потратила время и казенные деньги, а результат нулевой. А она так надеялась!

— Спасибо, Федор Николаевич. Извините, что отняла у вас время.

— Ну что вы, что вы, — заулыбался бывший следователь, — мне было приятно. Вы когда уезжаете?

— Завтра вечером.

— Оставьте мне телефон, по которому я смогу вас разыскать. Вдруг да вспомню еще что-нибудь.

Настя продиктовала ему домашний телефон Татьяны Образцовой и распрощалась. У подъезда в машине ее ждала Ирочка, листая какой-то журнал в яркой обложке.

— Ну как, удачно? — спросила она.

— Нет. К сожалению, совершенно неудачно. Но ничего не поделаешь, неудачи случаются чаще, чем хочется. Ладно, не смертельно. Ирочка, мы можем откуда-нибудь позвонить Татьяне?

— Если только из автомата. Сейчас найдем. Вам срочно? Если нет, то можно поехать домой, оттуда позвоните.

— Нет, лучше сейчас. Может быть, придется еще в одно место съездить.

Ладно, раз уж она все равно в Питере и времени у нее вагон, то можно и в самом деле попробовать найти мать Бахметьева.

* * *

В отличие от Насти Каменской Татьяна Образцова пользовалась косметикой всегда и не выходила из дому без макияжа, хотя бы легкого. На работе все так привыкли к виду ее тщательно и умело накрашенного лица, что сегодня, когда

она явилась без косметики, по кабинетам моментально разнесся шепоток: «У Тани что-то стряслось. Она на себя не похожа, и выглядит плохо».

Начальный этап составленного Татьяной плана пока шел, как и задумывалось. Через пятнадцать минут после начала рабочего дня к ней в кабинет стали заглядывать коллеги и с невинным видом осведомляться, все ли у нее в порядке. Татьяна отвечала уклончиво, а после второго или третьего визитера с досадой сказала своему соседу по комнате:

— Никогда не думала, что буду так плохо себя чувствовать. Неужели токсикоз начался?

Сосед-следователь вытаращил на нее изумленные глаза:

— Какой токсикоз? Ты что...?

— Ну да. Потому и уезжаю в Москву. К мужу поближе. Прямо не знаю, как мне все эти дела закончить. В больницу бы не попасть. Пойду, наверное, сегодня к Исакову, попробую еще раз его разжалобить. Да какой из меня сейчас работник, ну ты сам подумай! Голова болит, мутит, спать все время хочется. Веду допрос и плохо понимаю, что мне говорят. По десять раз одно и то же переспрашиваю.

— Конечно, сходи, — поддержал ее коллега. — Исаков нормальный мужик, говнистый, конечно, но такие вещи понимает. У него самого трое детей.

Еще через час по коридорам пронесся слух, что Образцова беременна и ей удалось уговорить начальника отпустить ее прямо сейчас.

Еще через полтора часа Татьяна умирающим голосом заявила своему соседу по кабинету, что ей нужно съездить к врачу. Она уже надела пальто, когда на ее столе зазвонил телефон.

— Танюша, здравствуй, — услышала она голос Насти Каменской. — Сильно занята?

Татьяна украдкой бросила взгляд на коллегу, который сидел за своим столом, уткнувшись в бумаги.

— Частично, — осторожно ответила она.

— Слушать можешь?

— Да.

— Мне нужно разыскать одну женщину. Не лично, только адрес. Поможешь?

Татьяна достала листок и карандаш и склонилась над столом.

— Диктуй фамилию и имя.

— Бахметьева Софья Илларионовна. Она очень пожилая, может быть, уже и в живых ее нет.

Татьяна молчала. Сейчас она не слышала ничего, кроме стука пульсирующей в голове крови.

— Алло! Таня, ты меня слышишь?

— Ты сейчас где?

— На углу Невского и канала Грибоедова.

— Мне нужно отъехать по делам. Через полчаса я буду на Фонтанке, возле поликлиники. Ира знает, где это. Она с тобой?

— Да.

— Все, договорились.

Она швырнула трубку и пошла к двери, стараясь выглядеть спокойной.

— Тань, — окликнул ее коллега, — что говорить-то, если будут спрашивать?

— Говори как есть. Стало плохо, пошла к врачу. Я у Исакова отпросилась, он в курсе.

Выйдя на улицу, Татьяна перевела дыхание. Что-то происходит непонятное. Зачем Насте старуха Бахметьева? Неужели в Москве обнаружились концы этого убийства?

* * *

Сергей Суриков был не из тех людей, которые любят что-то анализировать и сопоставлять, делая выводы, обнаруживая недостаток информации и стараясь его восполнить. Во всяком случае, именно таким он был, когда попал к Бахметьевой. Со временем мозги его начали обретать некоторую гибкость и даже быстроту действия. Происходило это под воздействием постоянного общения с Софьей Илларионовной, которое стало для Сергея не только источником самой разнообразной и интересной информации, но и меняло его представления о самом себе и о жизни вообще. На многое он теперь смотрел совсем другими глазами, даже не отдавая себе отчета, что на самом деле это глаза не его, а Бахметьевой.

Он давно уже хотел спросить у своей хозяйки, почему так вышло, что она живет одна. Хотел, но отчего-то не решался. Сначала этот вопрос ему и в голову не приходил, но потом он припомнил, что Софья Илларионовна сказала как-то: «Мужа

расстреляли, хорошо хоть сына удалось спасти». Сына. Значит, у нее есть сын. Где же он? Прошло больше года с тех пор, как Суриков поселился у нее, а от сына ни слуху ни духу. И не рассказывает о нем старуха, будто и нет его совсем. Как же так?

Но однажды Сергей все-таки спросил:

— Почему вы живете одна? У вас же есть сын. Он вам совсем не помогает?

Софья глянула исподлобья, губы поджала.

— Нет у меня сына.

— Но вы же сами говорили: когда вас в Сибирь отправили, в лагеря, сына удалось спасти, — упрямился Сергей.

— Он умер. Убили его.

— Бандиты?

— Ну, можно и так сказать. Ладно, расскажу, раз спрашиваешь. Какие секреты между своими.

Сын Софьи Илларионовны был человеком богатым. Очень богатым. Он был связан с бакинскими и казахскими цеховиками и в шестидесятые годы делал огромные деньги на черной и красной икре, бриллиантах и золоте. В семьдесят третьем его арестовали, а в семьдесят четвертом расстреляли по приговору суда. Ему было тридцать девять. Осталась жена с двухлетним сынишкой, внуком Софьи Илларионовны.

При аресте и обыске изъяли только малую часть, Бахметьев был человеком предусмотрительным и свои богатства сохранять умел. «Если со мной что случится, — неоднократно говорил он матери, — ни ты, ни Елена по миру не пойдете. В золоте купаться будете». Его вдова через какое-то время после расстрела получила доступ к спасенным деньгам, но пользоваться ими сразу не стала, боялась. Она быстро утешилась, не прошло и года, как снова вышла замуж. Новый муж мальчика усыновил и растил как своего. Жила невестка с новым мужем в Москве, и Софья не знала, что деньгами ее расстрелянного сына уже пользуются вовсю. К себе в гости они ее не звали и сына в Питер повидаться с бабушкой не отправляли. Первое время ситуация была понятной: ребенок должен сменить фамилию и считать нового мужа Елены своим родным отцом, чтобы никогда не упала на него тень расстрелянного валютчика, контрабандиста и вора Бахметьева. Потому и столь быстрое новое замужество невестки не вызвало протеста у Софьи Илларионовны, ибо подавалось как вы-

нужденная мера. «Надо успеть, пока ребенок маленький, — говорила Елена своей свекрови. — Пусть он вообще не знает, что было время, когда у него не было папы, а до этого был какой-то другой папа. Да и в садик его надо отдавать. Если в документах будет написано, что отца нет, а потом он появится, обязательно найдутся доброжелатели, которые сунут нос не в свое дело и начнут язык распускать. Вы сами, Софья Илларионовна, должны понимать, каково мальчику будет расти, если все кругом будут тыкать в него пальцем и кричать, что его отец — преступник, которого по суду расстреляли». Софья соглашалась с невесткой, а если бы и не соглашалась внутренне, все равно не возражала бы, ибо чувствовала свою вину. Конечно, Елена с самого начала знала, чем занимается Бахметьев, более того, она и замуж-то за него пошла только потому, что у него денег было — море, не посмотрела, что он на семнадцать лет старше ее, ей девятнадцать, ему — тридцать шесть тогда было, а уж выглядел он на все пятьдесят, толстый, лицо жиром лоснится, волосы редкие, лысина в полголовы. Так нет, захотела стать его женой и обвешаться бриллиантами с ног до головы. Знала ведь, что бриллианты эти ворованные. Так что предъявлять свекрови претензии наподобие: «Я думала, ваш сын — порядочный человек, а вы, оказывается, вора и расхитителя вырастили» — у нее никакого права не было. Но, с другой стороны, он — сын Софьи, и она вроде как несет за него ответственность. Конечно, не она его таким воспитала, с двухмесячного возраста и до двадцати лет мальчик был отлучен от матери, его сначала взяли к себе родственники Софьи Илларионовны, потом оказалось, что растить чужого ребенка им не под силу. Мальчика отдали в детский дом. Когда Софья в пятьдесят пятом году вернулась в Питер и разыскала сына, перед ней был вполне сформировавшийся негодяй, наглый, хитрый, циничный, с выраженной, несмотря на голодное детство, склонностью к полноте. Повлиять на его характер Софья уже не могла, в двадцать лет делать это бессмысленно и глупо. В этом возрасте можно дурака научить уму-разуму, но перевоспитать вора и мошенника и заставить его стать хорошим уже невозможно. Так, во всяком случае, считала Софья Илларионовна Бахметьева. Поселившись вместе с сыном, она пыталась сделать все возможное, чтобы он вел нормальную жизнь, но ее попытки упирались в стену наглого упрямства. «Ты сама виновата в

том, что я такой. А что ты хочешь? Я же с младенчества в детдоме. Там все просто: не украдешь — с голоду сдохнешь, потому что твою собственную пайку уже давно кто-то другой украл. Там, мамуля, законы были волчьи. А вот если бы ты не вышла замуж за врага народа, то ничего этого не случилось бы. Так что себя вини, других виноватых нет». Бесполезно было объяснять ему, что врагом народа в тридцать пятом году мог оказаться кто угодно — и академик, и неграмотный деревенский старик, и всенародно любимый заслуженный артист, и скромный бухгалтер, потому что расстреливали человека не за то, что он враг народа, а наоборот, объявляли его врагом, потому что он кому-то мешал и его нужно было расстрелять.

Несмотря на все это, Софья испытывала чувство вины за то, что произошло. Она видела, как ее мальчик «набирает обороты», как, пользуясь рассказом о несчастном детдомовском детстве и несправедливо репрессированной матери, выцарапывает себе поблажки и льготы... И богатеет. День ото дня, год от года. Он давно уже не жил вместе с Софьей, она и вовсе утратила всякую возможность влиять на него хотя бы в мелочах. Но все равно она испытывала чувство вины за то, что случилось. Поэтому и не возражала, когда Елена заявила, что внук Софьи не должен больше быть Бахметьевым. Если уж ее родной единственный сын повел себя так неосторожно и поставил молодую жену с маленьким ребенком на руках в такое сложное положение, то какое право мать имеет оспаривать решения невестки, тем паче направлены они, решения эти, исключительно на благо внука.

— Как только мой новый муж усыновит мальчика, — говорила юная вдова, которой в тот момент едва исполнилось двадцать три года, — у вашего внука, Софья Илларионовна, будут новые дедушка и бабушка. Ваше появление рядом с нами будет вызывать массу вопросов. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Бахметьева понимала. Ее сын — расстрелянный преступник, и поэтому ее отлучают от внука. И сделать с этим она ничего не может.

— Может быть, потом? — робко спросила она. — Когда мальчик вырастет? Конечно, Леночка, я понимаю, сейчас надо скрыть эту историю как можно тщательнее, но попозже, когда он станет большим... Ведь ты расскажешь ему, правда?

— Еще чего! — раздраженно фыркнула невестка. — Как это я буду рассказывать ребенку, что его отца расстреляли, потому что поймали на махинациях. Вы что, Софья Илларионовна, совсем рехнулись? Никогда мальчик не узнает об этом. Такой позор!

— Но ведь вовсе не обязательно говорить ему про махинации и расстрел. Можно просто сказать, что его отец умер или погиб много лет назад и что у него есть еще одна бабушка, мать покойного отца.

Софья сама не заметила, как начала умоляюще заглядывать в глаза Елене. Мысль о разлуке с единственным внуком — последним родным по крови существом на этом свете — была непереносима. И облегчить боль могла только надежда. А Елена не хотела давать пожилой свекрови эту надежду.

— Ладно, посмотрим, — милостиво снизошла невестка. — Значит, так, Софья Илларионовна, на следующей неделе мы уезжаем в Москву. Адрес и телефон я вам, конечно, оставлю, но полагаюсь на ваше благоразумие и надеюсь, что вы не станете ими пользоваться.

— Зачем же тогда оставлять? — скупо усмехнулась Софья.

— Ну, мало ли что. Заболеете тяжело, или еще какая беда приключится.

Бахметьева молча взяла бумажку с московским адресом и телефоном, но ни разу ими не воспользовалась. Слишком острым и болезненным было воспоминание о том, как унижалась она перед этой соплячкой, как просила и заглядывала ей в глаза. Софья ее так и не простила. И не за новое замужество и отлучение от внука, а именно за это унижение.

* * *

Внезапно резко похолодало, поднялся сильный ветер, который принес с собой обильный колючий снег. Ира вела машину, напряженно вглядываясь в дорогу, а Настя и Татьяна на заднем сиденье вполголоса обсуждали то, с чем им пришлось неожиданно столкнуться.

— Как все похоже, — задумчиво сказала Татьяна. — В течение одних суток два убийства, связанных с семьей давным-давно расстрелянного Бахметьева, точнее, с его матерью и вдовой. И на месте преступления, кроме следов проживаю-

щих, следы одного постороннего. А у моего Сурикова нет алиби на весь период, охватывающий оба убийства. Плетет какую-то беспомощную чушь, дескать, ходил, шлялся где-то, выпивал с девицей, с которой только что познакомился. Всю ночь с ней и проколобродил, часов до девяти утра, а потом расстался, и ни адреса ее, ни фамилии, естественно, не знает. Вот поди проверь такое алиби.

— Таня, тебя Стасов очень любит?

— Надеюсь. А что?

— Он может во имя этой любви проявить чудеса оперативности?

— Тоже надеюсь. Ты хочешь предъявить фотографию Сурикова людям, которые видели какого-то молодого человека в доме, где жили убитые супруги?

— Хочу. И еще кое-что хочу. Только тут действительно нужно проявлять чудеса оперативности. Не знаю, получится ли, — с сомнением сказала Настя. — Но надо пробовать. Так или иначе завтра вечером мы должны отсюда уехать. И за это время надо успеть сделать как можно больше.

Машина остановилась перед домом, где жили Татьяна и Ира. Татьяна вынула из сумочки связку ключей, сняла один ключ с кольца и протянула Насте.

— Держи. Иди домой и дозванивайся Стасову и своим ребятам. А мы с Иришкой сейчас поедем ко мне на работу и постараемся обернуться побыстрее.

Настя поднялась в квартиру. Она не любила находиться одна в чужом доме, даже если это был дом, где ее считали желанной гостьей. Ей начинало казаться, что она находится здесь незаконно, не имеет права ходить по этому полу, сидеть на этих стульях и греть воду в этом чайнике. Все вокруг чужое и непривычное, и ей становится грустно и неуютно.

Ладно, решила она, долой глупые эмоции, надо делом заниматься. И в первую очередь — звонить Стасову. Это проще всего, с тех пор, как Владислав стал повсюду ходить с сотовым телефоном, поймать его можно было в любой момент.

— Владик, ты хочешь, чтобы Таня послезавтра была в Москве? — начала она с места в карьер.

— Естественно. А завтра нельзя? — весело отозвался Стасов.

— Нельзя. А вот послезавтра — можно, если постараешься. Ты должен поехать в Шереметьево, пойти в отдел мили-

ции, найти Жору Востокова и сказать, что ты ждешь моего звонка.

— А я дождусь?

— Обязательно. Я туда позвоню и скажу тебе, какой рейс встречать и к кому подойти. Ты возьмешь пакет и отдашь его Короткову. Все понятно?

— Ничего не понятно. А Короткову я что должен объяснять?

— Я сама ему все объясню. К тому моменту, когда ты привезешь пакет, он уже будет в курсе, я попробую его разыскать. И пожалуйста, будь все время рядом с ним.

— Зачем? Его могут украсть? — пошутил Стасов.

— Да кто на него польстится! — рассмеялась Настя. — Не в этом дело. Нам постоянно будет нужна связь друг с другом, а звонить по межгороду на Петровке можно далеко не с каждого телефона, сам знаешь, ты же там работал. Выход на междугороднюю есть только с телефонов начальников подразделений, а у простых смертных вроде Юрки и меня его нет. Поэтому пользоваться будем твоей высокооплачиваемой трубкой. Не разоришься?

— Да ладно, для родной жены-то... Значит, мне что делать сейчас? В Шереметьево двигать?

— Да. Искать Георгия Востокова и терпеливо ждать моего звонка. Может так случиться, что ждать придется долго, так что приготовься.

Найти Короткова оказалось куда сложнее. Набирая очередной номер телефона, Настя с ужасом представила себе счет, который придет Татьяне. Впрочем, ее все равно уже в Питере, наверное, в то время не будет. Куда же Юрка подевался? Конечно, проще всего было бы найти его через Колобка, уж начальник-то точно знает, где бегает его подчиненный. Но Гордеева на месте не было. Во всяком случае телефон его не отвечал.

Настя решилась на последнее средство и позвонила Люсе, Юриной подруге. Делать это было довольно рискованно, поскольку у Люси были не только двое сыновей, но и до чрезвычайности ревнивый муж. По закону невезения он оказался дома и даже снял трубку. Но Люся тоже была дома, и это уже было везеньем.

— Через сорок минут, — с ледяным спокойствием произ-

несла она, выслушав вопрос о местонахождении ее возлюбленного сыщика.

— Вы встречаетесь через сорок минут? — догадалась Настя.

— Да, как договорились.

— Люсенька, приведи его в место, откуда можно позвонить. Я не в Москве, но мне срочно нужно с ним связаться. Запиши телефон.

Она продиктовала номер. Ну все, теперь остается только ждать.

* * *

Звонок Короткова раздался примерно через час. Голос у него был встревоженным.

— Аська? Что за пожар?

— Скорее наводнение, — отшутилась Настя. — В Питере убита мать Бахметьева.

— Да ты что?! Когда?

— Тогда же. Через несколько часов после Елены Шкарбуль и ее мужа.

Она как можно лаконичнее изложила свою просьбу. Срочно найти множество разных людей: следователя, ведущего дело об убийстве супругов Шкарбуль, эксперта, свидетелей, которые видели незнакомого молодого человека в доме, где было совершено преступление. У следователя взять образцы следов, изъятые на месте обнаружения трупов. Эксперта «привязать», иными словами — уговорить сидеть на рабочем месте и никуда не уходить, даже если сидеть придется до глубокой ночи, пообещав ему за это, соответственно, что-нибудь существенное. Свидетелей тоже разыскать и собрать в одну кучку, чтобы можно было без лишних потерь времени предъявить им фотографию Сурикова. Сам же Коротков должен, проделав все это, сидеть на Петровке в своем кабинете и никуда не выходить, потому что Стасов привезет ему пакет с фотографиями и образцами следов, изъятыми на месте убийства матери Бахметьева. Если следы неустановленного лица, побывавшего в обеих квартирах, совпадут и если свидетели опознают Сурикова, то можно говорить о том, что у него был сообщник. О сообщнике также можно вести речь и в том случае, если в квартире Шкарбулей окажутся следы Сурикова.

Значит, супругов-москвичей убил он, а Бахметьеву — сообщник. В любом случае, каким бы ни оказался ответ экспертов, это даст возможность Татьяне раскрутить Сурикова.

— Ася, я все понял, кроме одного. Почему такая бешеная срочность? Что за необходимость огород городить?

— Это долго рассказывать. Но ты мне поверь, так надо. Я тебе свидание сорвала, да?

— Уж конечно. От тебя разве дождешься чего хорошего. Все, целую нежно. Да, погоди-ка, — спохватился Юрий, — рассказывать Гордееву можно или все «срочно-секретно-губЧК»?

— Можно, никаких секретов, если не боишься, что нам за нарушение всех мыслимых и немыслимых правил головы пооткручивают.

После разговора Настя почувствовала себя более уверенно. Юра абсолютно надежен, как танковая броня. Он сделает все, что надо и как надо, чего бы ему это ни стоило. Жаль, конечно, что сорвалось свидание. Ему так редко удается вырваться, чтобы просто погулять с Люсей по городу, хотя бы час, один раз в месяц. У Юрки сумасшедшая работа, у Люси сумасшедший муж. А жить когда?

В дверном замке клацнул ключ, послышались шаги и голос Ирочки:

— Настя! Мы приехали!

* * *

Всю дорогу до аэропорта Пулково Ира сокрушалась по поводу того, что Настя и Татьяна целый день голодные, забыв при этом, что сама она точно так же ничего не ела с тех пор, как утром кормила Настю завтраком.

— Нет, ну куда это годится? Что же это за работа такая идиотская у вас? Почему надо было сразу мчаться в аэропорт, вместо того чтобы спокойно пообедать и только потом ехать?

— Ира, в Москве в Шереметьеве сидит Стасов и ждет пакет. Неужели вам его не жалко? — пыталась увещевать ее Настя.

— Знаю я ваше Шереметьево, — упрямилась Ира, — там на каждом шагу можно поесть, он от голода не умрет.

В аэропорту Настя разыскала отдел милиции и через

двадцать минут уже передавала пакет командиру экипажа. Самолет вылетал через полчаса. Пока все шло более или менее успешно.

На обратном пути она попыталась представить себе завтрашний день. Как его построить, чтобы все получилось и чтобы вечером уехать в Москву втроем?

Через полтора часа Стасов заберет пакет и повезет его на Петровку. Будет уже часов восемь вечера, когда Юра Коротков сможет отнести образцы экспертам. Пусть посмотрят и ответят на вопрос, не Сергей ли Суриков побывал в вечер убийства в квартире Шкарбулей? Пока они будут сравнивать образцы, кто-то, может быть, сам Коротков, а может быть, и еще кто-нибудь, поедут к свидетелям показывать фотографию Сурикова. Интересно, где Юрка их соберет? А вдруг удастся всех их привезти на Петровку? Нет, маловероятно, это слишком сложная задача для такого ограниченного времени. Если окажется, что следы на месте убийства принадлежат Сурикову и свидетели его опознают, Татьяна дожмет этого мальчишку и сможет за завтрашний день собрать достаточное количество фактуры, чтобы его обвинить. Потом дело доведут и без нее. Только бы не забеспокоились эти «приватизаторщики», только бы не почуяли запах паленого. Жизнь работника милиции стоит так же мало, как жизнь любого гражданина. Никто не останавливается перед убийством человека в погонах. И что ужаснее всего, никого не остановит тот факт, что человек этот — женщина.

Глава 7

Насте постелили в гостиной на огромном раскладывающемся диване. Памятуя бессонную ночь в поезде, она была уверена, что сможет быстро уснуть и крепко проспать до утра. Но не тут-то было. В голове все время крутились мысли о расстрелянном много лет назад Сергее Бахметьеве, его вдове и матери. Если все дело в присвоенных когда-то ценностях, то понятно, что Елену Шкарбуль и ее мужа убили из-за них, а Софью Илларионовну — потому что она знала, чьи это деньги и кто может заявить свои права. Больше никак не получалось. По отдельности убийства в Москве и Петербурге могли быть совершены из-за чего угодно, но вместе?

Она крутилась с боку на бок, потом решительно встала, закуталась в халат, который ей одолжила Ира, и вышла на кухню. Не успела она закурить, как послышался скрип двери, потом осторожные шаги, и на кухне появилась Татьяна. С чисто умытым лицом и распущенными волосами, в длинной, до пят, нежно-сиреневой ночной рубашке она казалась рано расположившей молоденькой девушкой. В эту минуту никто не сказал бы, что ей тридцать пять, она следователь, в третий раз замужем и ждет ребенка.

— Ты чего не спишь? — вполголоса спросила она. — Нервничаешь?

— Да нет, скорее просто переживаю. Таня, у тебя часто начальники менялись?

— Конечно. За все время работы их штук шесть сменилось.

— И как, трудно к новому привыкать?

— Трудно только в первые два раза, — улыбнулась Татьяна. — Потом вырабатывается стереотип, механизм приспосабливания, и дальше уже легче. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Гордеев уходит.

— И для тебя это проблема? — удивилась Татьяна.

— Не то слово. Трагедия. Я десять лет с ним проработала. Это вообще всего лишь второй начальник в моей жизни. Не представляю, как я буду без него. Да и не только я, все мы в ужасе. Понимаешь, у нас как-то сложилось впечатление, что Колобок — вечен, что он будет с нами всегда. Умом-то мы понимали, что так не бывает, но думать об этом не хотелось. Он есть, он каждый день на работе, мы за ним как за каменной стеной. Это ведь очень важно, когда ты не боишься своего начальника. Доверяешь ему.

— Естественно. Если боишься начальника, то пытаешься скрыть от него ошибки и неприятности, а они потом разрастаются до такой катастрофы, с которой уже и не знаешь, что делать.

— Вот-вот, — подхватила Настя. — Он же сам нас всегда учил: ошибки надо признавать и исправлять немедленно, пока еще можно что-то исправить. Мы со своими ошибками постоянно к нему бегали, может быть, потому и работали намного успешнее, чем многие другие. И потом, он нас приучил к тому, что за наши ошибки мы перед вышестоящими

начальниками не отдуваемся. Он сам всегда ходил «на ковер», нас прикрывал. Нам, конечно, мозги вправлял, но по делу. И потом, он умел это делать как-то необидно. Получается, он приручил нас, а теперь бросает. Я знаю, я не имею права так говорить. Никто не имеет права требовать от человека, чтобы он ломал свою жизнь из жалости к подчиненным. Это глупо.

— Не знаю, — задумчиво произнесла Татьяна. — Я ведь попала почти в такую же ситуацию. Приручила Ирку, взяла ее на свое иждивение, она и привыкла, что можно не работать и не иметь профессии и при этом ни в чем не нуждаться в материальном плане. Она постоянно чувствовала свою нужность, необходимость, то есть у нее не было тоски от ощущения собственной никчемности, бесполезности. И когда встал вопрос о том, что я уезжаю, а она остается, я чувствовала себя ужасно виноватой. Мне казалось, что я не имею права ее бросать. Конечно, все получилось к лучшему, когда оказалось, что у меня будет ребенок. Просто стало понятно, что мы друг без друга не обойдемся. Я ее не брошу. И она меня тоже.

— Хорошо вам, — с завистью вздохнула Настя. — Чем бы эдаким Колобку забеременеть, чтобы он понял, что не должен с нами расставаться?

— Пусть он забеременеет какой-нибудь идеей. Например, придумает новое подразделение, которое сам и возглавит, а вас всех к себе заберет.

— Ну да. А убийства раскрывать кто будет?

— Да... Убийства... Убийства — это серьезно. С этим не поспоришь. Настя, когда твои ребята должны отзвонить? Я уж прямо места себе не нахожу. Завтрашний день должен все решить. Мы кровь из носу должны завтра вечером уехать, еще одного дня в постоянном страхе я не протяну. И потом, я не столько за себя боюсь, сколько за Ирку. Она такая доверчивая. Так легко с людьми знакомится, вступает в контакт... В ней совершенно нет разумной боязливости. В каждом красивом мужике видит потенциального принца и жениха. Ее заманить куда-нибудь — раз плюнуть.

— Таня, ты уверена, что сможешь за один день расколоть Сурикова?

— Я так не ставлю вопрос, — жестко ответила Татьяна. — Это вы, сыщики, народ вольный, а я всю жизнь была следо-

вателем и подчинялась дубинке под названием «срок». Сроки поджимают — и никуда не денешься. Из-под себя выпрыгиваешь, а результат даешь. Если я буду бояться и сомневаться, у меня ничего не получится. Я должна успеть. И обсуждать тут нечего. Давай сами позвоним, чего ждать-то.

Она потянулась к телефону и набрала номер Стасова. Тот долго не отвечал, и Настя уже начала рисовать в воображении картины — одна страшнее другой. Стасов попал в автокатастрофу. Случилось что-то непредвиденное. Авария на электростанции, и поэтому не работает спутниковая связь. Фантазия у майора Каменской была богатая, это, с одной стороны, помогало ей придумывать версии, но с другой стороны... Мысленно она уже видела окровавленные трупы Стасова и Короткова вместе, когда Татьяна заговорила в трубку:

— Откуда я тебя вытащила? Ого! Бедные вы, бедные. Ну что ты мне скажешь?

Она какое-то время молча слушала мужа, потом сказала:

— Ладно, перезвони как сможешь, мы ждем. Спасибо.

Настя вглядывалась в ее лицо, приоткрыв рот от нетерпения.

— В Москве начался жуткий снегопад. Они попали в пробку, а движок заглох. И вот Стасов с Юрой через весь этот затор машину руками толкают. Можешь себе представить это море удовольствия.

— Таня! Ну не терзай ты меня! Что он сказал?

— Что у нас с тобой плохо с арифметикой. Дактокарты скольких человек мы отправили экспертам?

— Елена Шкарбуль с мужем и сыном — трое. Бахметьева с квартирантом Суриковым — двое. Плюс следы двоих неизвестных, правда, один из них может оказаться Суриковым. Итого, либо семь, либо шесть.

— А у них вышло пять.

— Как это — пять? — недоуменно переспросила Настя. — Откуда пять? Должно быть шесть, если у Шкарбулей был Суриков, или семь, если не он.

— Пять, Настенька. Только пять. А соседи Шкарбулей молодого человека по фотографии опознали.

— Ничего себе, однако! Вот это комбинация. На здоровую голову такое и придумать-то невозможно.

— Теперь ты понимаешь, что произошло? Все, завтра Суриков — мой. Я его сделаю.

* * *

Его не допрашивали уже два дня, и Суриков занервничал. Неужели опять следователь сменится? Это плохо. Тетка-то эта, Образцова, ему в самый раз подходит. Сразу видно, что она на квартирные дела внимания не обращает. Задаст вопрос, от которого ему жутко делается, и тут же забывает, про другое начинает спрашивать. Или она рассеянная такая? Сколько раз было, что он холодным потом покрывался и думал: вот оно, заметила, поняла, уцепилась, сейчас зубами клацнет у него на горле, как охотничья собака, и больше уж не выпустит. И — ничего. Обходилось. Следовательша в другую сторону глнет. А придет вместо нее еще кто-нибудь — как знать, как дело обернется. Предыдущий-то, Чудаев, видно, в доле был, на все сквозь пальцы смотрел, каждому слову верил. С ним проблем не было. Хотя, может, и не в доле он, а просто дурной, безразличный. Сейчас таких много, вон сокамерники рассказывают, что милиционеры на свою основную работу плюют с высокой колокольни, им деньги зарабатывать надо, семью кормить, шестерят где могут, кто в охране, кто в бизнесе. Короче говоря, над уголовными делами «не зависают». И Образцова, похоже, такая же. А вдруг теперь новый следователь будет? Еще неизвестно, на кого нарвешься.

Он жевал хлеб, который принесли на завтрак, запивал жидким чаем, но вкуса не чувствовал. Почему-то по утрам он всегда думал о бабке Софье. По вечерам-то все больше жизнь свою вспоминал, которая до Бахметьевой была, а по утрам старуха полностью владела им. Оттого, наверное, что до встречи с ней спать ему приходилось черт-те где, а два года с лишком, проведенные с ней, он спал в мягкой чистой постели, где и телу было удобно, и душе уютно. И по утрам, с трудом разминая затекшее на жестких нарах и озябшее в сырой камере тело, Суриков особенно остро ощущал отличие этой жизни от той.

Громыхнул засов, и полтора десятка пар глаз немедленно уставились на дверь. Кого вызовут?

— Суриков! — послышался голос контролера. — Выходи, к следователю пойдем.

В нем шевельнулся страх. Кого он сейчас увидит? Все ту же Образцову, от которой он никакой опасности не ждет,

или кого-то другого? Господи, идти бы так, идти этим длинным коридором, и чтобы он никогда не кончался...

Слава Богу, это она, следовательша. Можно перевести дух.

— Здрасьте, Татьяна Григорьевна, — радостно заявил Суриков прямо с порога. — А я уж беспокоиться начал, что мое дело опять кому-то новому отфутболили. Чего же мне так не везет, а? Никому я не нужен, все меня спихнуть подальше хотят. Спасибо, хоть вы от меня не отказались.

— Здравствуйте, Суриков, — сухо сказала она. — Садитесь. Времени у нас с вами мало, поэтому будем его экономить. Давайте начнем все сначала, но в хорошем темпе, не будем застревать там, где и так все понятно. Договорились?

— Чего это сначала-то? — принялся дурачиться Сергей. — Давно уж к концу пора подбираться да освобождать меня вчистую, а вы опять сначала. Не надоело вам?

— Мы же договорились, — недовольно поморщилась Образцова, — не тратить время зря. Приступим. Как вы добирались до Москвы, поездом или самолетом?

Ему показалось, что он оглох. Кровь бросилась в голову, в ушах зашумело. Какая Москва? Как она узнала?

— Я повторяю вопрос. Как вы добирались до Москвы? Мы договорились, Сергей Леонидович, что время будем беречь, поэтому ставлю вас в известность, что вас видели в доме, где произошло убийство, описали довольно подробно, а потом опознали по фотографии. Вы там были, это установлено. И оставили на месте убийства отпечатки своих пальцев и ботинок. Мне в третий раз повторить вопрос, или вы ответите?

— Поездом, — почти прошептал он и сам удивился тому, как тихо прозвучал его голос. Ему казалось, что он сказал это довольно громко.

— Как вы вошли в квартиру Шкарбулей?

— Дверь была не заперта. Я...

— Да?

— Я не убивал их. Они уже были... когда я пришел... Я испугался.

— И что сделали?

— Ушел.

— Долго пробыли в квартире?

— Нет... Я не знаю... Я испугался. Недолго. Минут пять, наверное.

— Что было потом?

— Поехал на вокзал. Сел в поезд.

— Билет купили перед отходом поезда?

— Нет, у меня был уже. Я здесь купил сразу туда и обратно. Я не убивал, честное слово! Я не убивал! Они уже были мертвые, когда я пришел! Лежали в луже крови! Ну почему вы мне не верите?

— Вы были раньше знакомы с кем-нибудь из семьи Шкарбуль?

— Нет.

— Зачем же вы к ним пришли?

Он молчал. Что он мог ей сказать? Что пришел их убить?

* * *

...Кроме телевизионных программ, содержащих криминальную хронику и другую такого же рода информацию, старуха Бахметьева обожала детективы. И смотреть, и читать.

— Зло должно быть наказано, — заявляла она Сергею.

Посмотрев фильм, в котором преступнику удавалось ловко обойти полицейских, она недовольно ворчала:

— Плохое кино, неправильное. Нельзя совершать преступления безнаказанно. За содеянное зло должно следовать возмездие, это закон, по которому устроен мир, и нарушать его никому не дано.

Суриков только посмеивался про себя над старухиной несовременностью. Но однажды решил ее поддеть:

— Если вы так твердо считаете, что любое зло должно быть наказано, то что ж вы своей невестке все с рук спустили? Сами же говорили, что она вас смертельно оскорбила и унизила. И денег своего родного сына вы так и не увидели, она все к рукам прибрала. Выходит, для кино у вас одни законы, а для вашей собственной жизни — другие?

Реакция Бахметьевой была неожиданной. Она медленно подняла голову и внимательно посмотрела на Сергея, потом запавшие губы раздвинулись в странной улыбке. Суриков никогда раньше не видел, чтобы Софья так улыбалась, хотя прожили они вместе уже года полтора.

— А кто тебе сказал, Сереженька, что ей это с рук сошло? Нет, не простила я ее. И жду, когда она будет наказана.

— Да кто ж ее накажет, интересно знать? — продолжал

насмешничать он. Ему вовсе не хотелось обидеть хозяйку, он был очень к ней привязан и относился к старой женщине со всей теплотой и нежностью, на которые вообще был способен. Но был он еще слишком молод, чтобы уметь точно чувствовать ту грань, за которой кончается шутка и начинается разговор всерьез. — Бог, что ли? Так вы же в Бога не верите, Софь-Ларионна, вы и в церковь не ходите. Нет, что-то у вас концы с концами не сходятся.

— Ну что ж, буду ждать, пока найдется человек, который их вместе сведет, — бросила Бахметьева загадочную фразу. — Мне самой-то это уже не под силу. А закон — он действует обязательно, другое дело, хватает ли у человека терпения и сил дождаться. Ну, мне, Сереженька, терпения не занимать, если уж я двадцать лет лагерей и поселений вытерпела и не сломалась, если я своего сына любимого двадцать лет не видела и не сошла с ума, если его смерть пережила, то и справедливости дождусь.

Суриков только хмыкнул в ответ и снова уткнулся в телевизор, где как раз начинался боевик с Чаком Норрисом. Софья боевики не любила, поэтому сразу же уползла на кухню и принялась греметь кастрюлями, готовя обед на завтра. Минут через пятнадцать после начала фильма Сергей вдруг припомнил недавний разговор. А что? В самом деле, права старуха, зло должно быть наказано. Боевики-то все до одного как раз про это. В детективах идея справедливого возмездия не очень заметна, там все внимание на загадку уходит, на тайну: кто преступник и как его поймать. А в боевиках тайны почти никогда нет, а есть обидчики и обиженные, и весь фильм обиженные или их защитники только и делают, что мстят да разбираются с обидчиками.

Нет, ну до чего все-таки умна старуха! Опять права оказалась.

* * *

Он даже не заметил, как старая женщина вошла в него, в его плоть и кровь, свила гнездо в его душе и стала жить в теле Сергея Сурикова. Он был просто очень привязан к ней и не видел в этом ничего плохого или опасного для себя.

Через полтора года он уже не мог дня без нее прожить. И после работы в магазине мчался домой как угорелый. Он

скучал без Софьи Илларионовны, без ее интересных рассказов о таких вещах, о которых Сергей и не слышал никогда, без ее острого юмора, без ее мудрых и рассудительных суждений. И она нуждалась в нем, в его помощи и заботе, она ждала его каждый день с работы с горячим ужином, ласково называла «сынком» и «Сереженькой», а главное — она умела сделать так, что каждая проблема, кажушаяся неразрешимой, вдруг представала понятной и простой, такой, с которой справиться — как нечего делать.

Они нужны друг другу, и им хорошо вдвоем, тепло и уютно. Не нужна Сергею никакая собственная квартира, пусть бы Софья жила подольше, и он — рядом с ней. Вероятно, года через два-три его мнение переменилось бы, желания и стремления стали бы другими, но сейчас, зимой девяносто шестого года, Суриков думал именно так и хотел именно этого: чтобы его хозяйка Софья Илларионовна Бахметьева жила в добром здравии как можно дольше. Софья — его стена, теплая, крепкая и надежная, которая защитит от любых невзгод и опираясь на которую можно жить без неприятностей и осложнений. Софья — врач, который вылечит от любой хвори, не отдавая его в больницу. Софья — его учитель, она заставляет его слушать ее рассказы и учит думать и запоминать, сопоставлять и делать выводы. Она приучила его читать, пусть понемногу, но постоянно, каждый день перед сном, и он сам чувствует, что стал соображать быстрее и лучше. Благодаря Софье на работе в универсаме его считают чуть ли не интеллектуалом, достойным университетского диплома, смотрят с уважением и даже снисходительно относятся к тому, что он, когда слабость одолевает, по полдня не работает, в подсобке отсиживается. А с врачом тогда как помогли! Да разве для другого какого-нибудь грузчика стали бы они так в лепешку расшибаться, и врача разыскивать, и машину давать? Не стали бы. А для него сделали. Почему? Да потому, что он им Софьиными рассказами уши замылил, умным прикинулся, приличным. Нет, куда ни кинь, а кругом он Бахметьевой обязан. Софья — домоправительница, которая приготовит обед, приберет в комнате и пришьет оторвавшуюся пуговицу. Софья — мать, которая приласкает, погладит по голове, спросит, как дела и отчего глаза грустные. Софья — друг, которому можно рассказать все без утайки, не стыдясь и не стесняясь, и получить дельный и мудрый совет.

Софья Илларионовна для него — все. Дай ей Бог здоровья и долгих лет жизни.

К лету девяносто шестого года Сергей Суриков «созрел». Если Софья, самый близкий ему на этом свете человек, ждет, что найдется кто-то, кто восстановит попранную справедливость, то кто же еще должен это сделать, если не он сам. Не зря ведь ее сына тоже звали Сережей, это знак судьбы. Сына расстреляли, и Суриков ей теперь самый родной. Разве сын не вступился бы за мать? Мысль пришла легко и естественно, и Сергей долго удивлялся, почему она не появилась у него в голове много раньше, ведь тот разговор о справедливом возмездии состоялся давно, еще в феврале.

Он только не знал, как поговорить с Бахметьевой. Может, совсем просто? «Софья Илларионовна, дайте мне адресочек, я поеду и разберусь с вашими обидчиками».

Поеду и разберусь. Как у него все просто. Билет до Москвы стоит тысяч двести пятьдесят, и обратно столько же, а где лишние полмиллиона взять? Они с Софьей живут скромно, экономят, каждую копейку считают. И потом, что значит: разберусь? Он морду бить Софьиной невестке, что ли, собирается? Глупость. Не хватало еще с бабой драться. А с мужем ее разборки устраивать тоже не больно умно. Ему сейчас должно быть лет пятьдесят, самый расцвет, он Сурикова в баранку скрутит раньше, чем тот его первый раз ударит. Сам-то Сергей не особенно сильный, хоть и грузчик. Осторожно переносить тяжести — это одна песня, а вступать в активное единоборство — совсем другая, с точки зрения нагрузки на сердце.

Ладно, он еще подумает. Спешки никакой особой нет. Но и тянуть не надо. Софья уже старая совсем, может в любую минуту заболеть. Не приведи Господь, умрет. Если уж Сергей Суриков решил взять на себя миссию восстановителя справедливости, то имеет смысл делать это, пока Бахметьева жива. А то помрет с обидой, что за нее никто не вступился и не отомстил. Нет уж, надо, чтобы она ушла спокойной и довольной.

* * *

— Зачем вы пришли к Елене Шкарбуль и ее мужу? — повторила Образцова.

— Ну... это... В гости.

— Они вас ждали?

— Ну да.

— Вы шли в гости к незнакомым людям? По какому поводу?

— Софья Илларионовна просила.

— Поподробнее, пожалуйста. О чем конкретно просила вас Бахметьева?

— Ну, посмотреть, как они живут, как внук ейный. Она внука давно не видела, хотела узнать, как там и что. Меня послала. А что плохого?

Он попытался окрыситься, старался разозлиться, чтобы почувствовать себя более уверенно, но ничего не получалось. Земля с каждым шагом, с каждым заданным вопросом уходила из-под ног, и уверенности становилось все меньше и меньше. Боже мой, он же не убивал их! Не убивал! Как же доказать ей? Как убедить?

— Ничего плохого, — спокойно ответила Образцова. — Вы вошли в квартиру и увидели, что хозяева убиты. Почему вы не позвонили в милицию? Почему не позвали соседей? Почему просто повернулись и ушли?

— Я боялся, — выдавил он. — Меня первого же и схватили бы. Думаете, нет?

Внезапно он почувствовал прилив злости и отчаяния.

— С Бахметьевой же точно так и вышло! — закричал он, почти потеряв над собой контроль. — Кто-то ее убил, а меня схватили и в кутузку бросили! На меня первого подумали! Чем я хуже других? Почему на меня первого? Потому что необразованный, потому что грузчик, да? На таких, как я, всегда отыгрываетесь, хватаете, кто послабее, а те, которые с дипломами, у вас всегда выворачиваются! Ну давайте, вешайте на меня всех собак! Какие там у вас еще трупы висят неоприходованные? Давайте, валите все на меня, я все приму, мне от вас, сук лягавых, все равно не выскочить!

Он слышал свой голос словно со стороны, как будто это и не он орал, а кто-то посторонний. Вдруг он наткнулся на глаза Образцовой и умолк. Она смотрела на него с любопытством, как на диковину в музее, и во взгляде у нее не было ни злости, ни обиды, ни раздражения.

— Вы все правильно говорите, Суриков, — сказала она все так же спокойно и чуть холодновато. — На вас первого

подумали. На это и был расчет. Вас подставили. Неужели вы до сих пор этого не поняли?

— Кто подставил? — тупо переспросил он. — Как подставил? Зачем?

— А вы подумайте.

— Не понимаю я...

— Кто послал вас в Москву?

— Никто, я сам поехал.

— Неправда.

— Правда. Я видел, что Софья мается, по внуку тоскует, решил поехать, чтобы поговорить с ним. Объяснить, что бабушка скучает и что свинство с его стороны даже писем ей не писать.

Ему удалось собраться и взять себя в руки. Теперь Сурикову казалось, что его версия звучит логично и убедительно.

— И как, поговорили?

— Нет.

— Почему же?

— Я вам уже сказал: я пришел, а они...

— Слышала. Они. Елена и Юрий Шкарбуль лежали на полу в луже крови. А Виталий где был? Тоже на полу убитый?

— Нет... Я не знаю. Они лежали в комнате, которая самая первая от прихожей. Я дальше не пошел. Может, он тоже лежал... Я не смотрел. А что, его тоже убили?

— Значит, вы не пытались его разыскать? — продолжала Образцова, не ответив на его вопрос.

— Нет. Я испугался и поехал на вокзал. У меня билет был куплен.

— Хорошо. Что было дальше?

— Ничего. Я приехал, пошел домой, к Софье. У подъезда меня взяли. Вот и все.

— Как давно Софья Илларионовна не видела своего внука?

— Ну, это... Я не знаю точно. Лет пять, может.

— Письма от него получала?

— Не знаю. При мне — ни разу. Она потому и тосковала...

— Это я уже слышала. И по телефону ему не звонила?

— Нет.

— А он ей?

— Тоже нет.

— Отчего же так? Они поссорились?

— Да не знаю я! — он снова начал заводиться, потому что на этот счет готовых объяснений у него не было.

— Зато я знаю, Суриков, — в голосе Образцовой послышалась усталость. — Вы все врете. Врете, как последний дурак, сами себе хуже делаете. Вот справки из городских телефонных станций Петербурга и Москвы. С телефона Бахметьевой в течение только одного месяца, октября, семь раз звонили в квартиру Шкарбулей, а из квартиры Шкарбулей по телефону Бахметьевой звонили целых двенадцать раз. Вы можете мне это объяснить?

— Ничего не знаю, — отрезал он. — Я целый день на работе был. А при мне Софья никому не звонила. И ей из Москвы никто не звонил.

— Все правильно, — почему-то вздохнула Образцова. — Неужели вас этот факт не настораживает? Софья Илларионовна вела очень интенсивные переговоры со своими родственниками в Москве, но вам об этом ничего не известно. Как же так, Сергей Леонидович?

— Не знаю я! — снова заорал он. — Чего вы прицепились?! Не знаю!

— Конечно, не знаете. Вы и не должны были знать. Вы должны были поехать и разобраться с невесткой вашей хозяйки. И вас должны были арестовать практически сразу же. Там, в Москве. Тогда все ценности, которые Елена и Юрий Шкарбуль не успели растратить, достались бы Софье Илларионовне и ее внуку. Большие ценности. Они ведь расходовали их очень экономно, а ценностей было много. Бахметьев успел наворовать на сотни тысяч долларов, если не на миллионы, и все это богатство в золоте, платине и драгоценных камнях досталось когда-то его вдове, а потом и ее новому мужу. Там еще много осталось, на ваш век хватило бы. Вы ведь именно так договаривались с Софьей Илларионовной?

Он замкнулся. Она все знает. Чего теперь говорить? Упираться бессмысленно, она откуда-то все узнала. Но он ни за что не выдаст Софью. Ни за что. Возьмет все на себя. Софья — это святое.

— Что вы молчите, Суриков? Я права? Вы поехали в Москву, чтобы совершить убийство?

Он молча кивнул.

— Бахметьева знала об этом?

— Нет. Она ничего не знала. Я сам.

— Что — сам? Сам адрес узнал? Сам придумал про ценности? Не морочьте мне голову, Сергей Леонидович. Вас послала Бахметьева. И заранее договорилась со своим внуком обо всем. Они вдвоем в течение двух дней после убийства сдали бы вас милиции, это несложно. Разыграли бы как по нотам.

— Нет!!! Замолчите!!! Не смейте!!! Не трогайте Софью!

Но Образцова будто и не слышала его истерического выкрика, ни один мускул на ее лице не дрогнул.

— Софья Илларионовна давно уже общалась с Виталием. И он прекрасно знал, кто его родной отец и что у него есть еще одна бабушка. Вам это неизвестно, да? Вам Бахметьева говорила, что ни разу не видела внука после отъезда Елены в Москву? Так вот, это неправда. Она вас обманула. Она сделала вас послушным орудием в своих руках. Думаете, это вы сами решили свершить справедливость и отомстить за нее? Нет, Суриков, это было ее решение, и она умело вложила его вам в голову. Она хотела сделать все вашими руками, а потом избавиться от вас и посадить, чтобы вы не путались под ногами. И ей это почти удалось. Вы же арестованы, как видите. Правда, за другое убийство, но сути это не меняет.

— Что вы такое говорите? Вы не смеете... Софья не могла... Она меня любила.

— Сергей Леонидович, своего внука она любила еще больше. Разница, однако, состоит в том, что внук, в отличие от вас, ее совсем не любил. Поэтому приехал в Питер раньше вас, вероятнее всего — самолетом прилетел и убил ее. Чтобы уж совсем ни с кем не делиться. Он-то все точно рассчитал. За одно из убийств наверняка арестуют именно вас, а к нему и второе убийство прилепится. А не прилепится — так и повиснет нераскрытое. Кстати, как вы собирались совершить убийство? Голыми руками?

— У меня пистолет был.

— Да ну? Откуда?

— У Софьи взял. Это пистолет ее сына. Она во время ареста его сумела спрятать.

— И дала вам, чтобы вы совершили убийство в Москве?

— Нет! Я сам взял. Украл. Она не знала.

— И куда дели?

— Выбросил.

— Где?

— Ночью, когда в поезде ехал. Пошел в туалет и из окна выбросил. Я сам, я все сам, Софья ни при чем.

— Суриков, я ценю ваше благородство, вы бережете честь старой женщины, к которой были привязаны и которая вам дорога. Вам трудно смириться с правдой, но смотреть ей в глаза все равно придется. Вы никуда от этого не денетесь.

— Я не понимаю... Что же, выходит, там, в Москве... тоже он, что ли?

— Наконец-то, — улыбнулась Образцова. — Вы начали соображать. Это хороший признак. Вы, Сергей Леонидович, человек слабый. Это я вам не в упрек говорю, просто констатирую факт. У вас слабое здоровье, больное сердце, да и в целом вы существо достаточно беззлобное. Порыв у вас был сильный, но никто не смог бы поручиться, что вы доведете дело до конца. Убить человека не так-то просто, поверьте мне. Вы могли сорваться. Бахметьева и ее внук боялись, что у вас не получится. Вы могли испугаться, передумать, у вас мог сделаться сердечный приступ. Одним словом, им нужно было подстраховаться. Как именно они планировали это сделать, нам расскажет Виталий Шкарбуль, вы этого все равно не знаете и знать не можете. Но Виталий все сделал по-своему. Он убил мать и отчима незадолго до вашего прихода. Ведь Бахметьева инструктировала вас, в котором часу идти к ее родственникам, правда? Она сказала, что нужно прийти так, чтобы совершить убийство и сразу же ехать на вокзал и садиться в поезд. Чтобы ни одной лишней минуты в Москве не провести. Ведь говорила?

Боже мой, что же это? Откуда она все знает? Что происходит? Неужели правда, что Софья...? Нет, не может быть, не может быть, не может, не может! Не могла Софья так с ним поступить! Она же любила его. И он ее любил. Он молился на нее. Два года вместе, душа в душу...

— Виталий знал, на какой поезд у вас взят билет, бабушка его оповестила. Он застрелил родителей и быстренько рванул в аэропорт. Он знал, что вы вот-вот придете, войдете в квартиру, оставите там свои следы, вы же совершенно неопытны и наверняка наследите. Обувь, пальцы, запах. Так и вышло. Когда вы ехали в поезде назад, в Питер, он уже был у бабушки, а когда вас арестовали по подозрению в убийстве вашей хозяйки Бахметьевой, он снова был у своей подружки, которая добросовестно составила ему алиби. За такие деньжищи

какое угодно алиби можно дать. Он тоже не особенно опытен в совершении преступлений, поэтому и оставил в квартире Бахметьевой свои следы.

Она умолкла, подперла подбородок ладонью и стала смотреть куда-то в угол комнаты. Точно так же всегда сидела за столом бабка Софья. От этого воспоминания ему стало больно, так больно, как будто его резали живьем. А он так ее любил!

Образцова посмотрела на часы.

— В общем так, Сергей Леонидович. Я выношу постановление об освобождении вас из-под стражи. Вы будете привлечены к уголовной ответственности за приготовление к убийству супругов Шкарбуль, но могу вам обещать, что свободы вас не лишат. Вы сегодня же уйдете отсюда. Теперь займемся другим делом, не менее важным. Кто уговорил вас на эту аферу с подложной доверенностью?

* * *

Татьяна взглянула на часы. Пока она идет в графике. На первую часть допроса она планировала затратить не более двух часов. Этого должно было хватить, чтобы разобраться с убийствами. Теперь надо приступать к самой сложной части. Суриков, конечно, не гигант мысли и не мастер логических построений, но нормальное чувство страха ему присуще не меньше, чем всем остальным. Сдать ей тех, кто уговорил его пойти на подлог и ложные показания, он побоится. Их много, и они работают в милиции. Куда ему против них?

Жалко парня. Пусть он и собирался совершить убийство, но все равно его жалко. Так верил своей квартирной хозяйке, а она... Он для нее — ничто, пыль под ногами. Посадила бы его и глазом не моргнула.

Суриков побоится давать показания против тех, кто затеял квартирную игру. Его можно понять. Она ведь и сама боится трогать это дело, и еще как боится. Но она уедет, если повезет, уедет прямо сегодня, и в Москве она будет под защитой мужа, крепкого профессионала. А несчастный Суриков? Есть же в некоторых странах законы о защите свидетелей. Уговорят человека дать показания против сильной организованной группировки, потом документы ему поменяют, переезд в другой город организуют, даже пластическую

операцию могут за государственный счет сделать. А у нас? Правосудие свое дело сделало и потирает ручки, довольное и счастливое, а свидетель оказывается брошенным на произвол судьбы. Никому он больше не нужен, и никто его не защитит. И понимает он, что жить ему осталось, может быть, совсем немного. Что ж, наше государство всегда славилось тем, что ставило во главу угла собственные интересы, а на каждого отдельного человека ему было наплевать.

— Кто уговорил вас на эту аферу с подложной доверенностью?

— Не знаю я ни про какую доверенность, — быстро ответил Суриков.

— Совсем ни про какую? — насмешливо переспросила Татьяна. — А как же Гольдич?

— А, это... ну, вы про нее уже спрашивали. Я думал, вы про другую какую-то говорите.

— Да нет, Суриков, именно про эту. Потому что другая как раз была настоящая. Скажите-ка мне еще раз, кто такая Гольдич Зоя Николаевна и при каких обстоятельствах вы с ней познакомились.

— Не знакомился я с ней. Софья Илларионовна ее знала, это какая-то ее знакомая, она ей и доверила решить вопрос с обменом.

— А вы, значит, Зою Николаевну совсем не знали?

— Ну!

— И в глаза ее не видели?

— Не видел.

— Интересно. А вы мне тут как-то рассказывали, какая она из себя. И фигуру описывали, и прическу. Не помните?

— А, это... ну... мне Софья ее как-то показала. Я домой пришел с работы, на лестнице с женщиной столкнулся. Софья мне и сказала, что это была эта... как ее... ну, Зоя. Мол, только что ушла от нее, какие-то документы приносила подписывать.

— И все? Больше ее не видели?

— Нет.

— И не разговаривали с ней?

— Я ж сказал — нет.

— А голос как же? Вы ведь мне и голос ее описывали.

Суриков молчал. Больше всего Татьяна не любила таких вот ситуаций, когда приходилось иметь дело с людьми, по-

павшими по чужой воле в переплет и не обладающими достаточным интеллектом, чтобы выворачиваться. Суриков не очень умен и не особенно сообразителен, у него плохая память, и этим попытались воспользоваться сначала Бахметьева и ее внук, а потом «приватизаторщики». Ей снова стало жалко Сергея. Но выбора нет, надо его дожимать.

— Ясно, Сергей Леонидович. Поскольку мы с вами уже договорились, что застревать на очевидных вещах не будем, сойдемся на том, что Зою Николаевну Гольдич вы никогда не видели, ничего о ней не слышали и, кто она такая, не знаете. С этим все. Пойдем дальше.

Татьяна умышленно старалась поддерживать высокий темп допроса, понимая, что недалекий Суриков за ним не угонится, растеряется и начнет говорить глупости. Так его легче будет загнать в угол.

— Когда Бахметьева оформила доверенность на ваше имя?

— В начале ноября.

— То есть прямо перед вашей поездкой в Москву?

— Да.

— Где была доверенность?

— В каком смысле? Я не понял.

— Где вы ее хранили? В квартире Бахметьевой?

— Ну да. Не с собой же таскать. Обворуют еще по дороге.

— Разумно, — согласилась Татьяна. — Ее нашли при осмотре квартиры, когда Бахметьеву обнаружили убитой. И приобщили к уголовному делу. Куда она исчезла?

— А я почем знаю? Я в дело не заглядывал.

— Сергей Леонидович, все вы прекрасно знаете. Когда дело вел следователь Панкратов, доверенность на ваше имя была. А когда дело передали Чудаеву, она из материалов исчезла. Зато появилась доверенность на имя Гольдич. Что вам пообещали за эту авантюру?

— Не понимаю я, о чем вы говорите, — упрямо повторил Суриков. — Никакой авантюры не было. Сначала Софья дала доверенность этой... ну, Зое, а потом мне. На всякий случай. Она мне больше доверяла.

— Естественно. Она видела, как вы к ней относитесь, и точно знала, что ничего плохого вы никогда в жизни ей не сделаете. Она вами помыкала, Сергей Леонидович, она вас приручила и выдрессировала, как подобранную на помойке

бездомную собаку. Вам неприятно это слышать? А мне неприятно это говорить. Не было никакой Гольдич и никакой доверенности на ее имя. Однажды во время допроса следователя Чудаева вызвали срочно к руководству, и он попросил кого-то из сотрудников милиции побыть с вами в кабинете, пока он отсутствует. Этот сотрудник вам популярно объяснил, что пока в деле фигурирует доверенность на ваше имя, вас будут пытаться обвинить в убийстве Бахметьевой из корыстных побуждений. Из-за квартиры, одним словом. И поскольку никаких других подозреваемых у следствия нет, вам все равно не выкрутиться. Так все было?

* * *

... — Я могу тебе помочь. Ты пойми, даже если тебя выпустят, квартиры старухиной тебе все равно не видать, как своих ушей. Ты был под следствием, сидел в камере. Твою доверенность аннулируют, тем более что хозяйка квартиры не сама померла, а убита. В таких случаях никакие доверенности не действуют. Закон такой.

Мужик в милицейских погонах говорил уверенно, и Суриков ему поверил. В самом деле, чего проще-то: втерся к бабке в доверие, выцыганил у нее доверенность на право распоряжения всем имуществом, а потом прикончил старушку — и гуляй, как король на именинах. Посадят, это точно. Не отмоешься.

— А как же теперь? — растерянно спросил Суриков, с надеждой глядя на мужика, который оказался первым человеком в милиции, кто отнесся к нему сочувственно.

— Есть выход. Доверенности на твое имя в деле не будет. А будет другая, на имя совсем другого человека. И оформлена она гораздо раньше. Есть люди, которые быстренько все документы сделают задним числом, будто хозяйка твоя переезжать решила, затеяла обмен. Понятно?

— Нет, — честно признался Сергей.

Ему и в самом деле было непонятно, он вообще в этих бумажно-юридических делах не разбирался. Мужик в погонах начал быстро что-то объяснять ему про договор мены, оценочную стоимость, нотариальное оформление, ордера, выписки... Слова были незнакомые, Суриков никак не мог уло-

вить суть, но стыдился признаться в своей тупости и необразованности. Молча кивал с умным видом.

— Я понял, — сказал он. — А мне-то что делать?

— Подтверждать. Ты должен сказать следователю, что твоя хозяйка выдала доверенность не тебе, а Зое Николаевне Гольдич. Запомнил? Что хотела поменять квартиру, а поскольку сама она уже старая и немощная, выдала доверенность Гольдич, чтобы та все оформила. Еще в сентябре или октябре. Ты можешь даже точно не помнить, когда именно, ты к этому касательства не имел. Не твоя же квартира, верно?

— Верно, — согласился Суриков. Эта часть ему была понятна. — Но как же мы менялись, если жили по старому адресу?

— А ты скажи, что договор был заключен и все документы подписаны, но переезд по обоюдному согласию сторон был отложен до весны. Или до Нового года. Мало ли по каким причинам. Так хозяйка твоя решила. А ты и не спорил. Давай, парень, думай быстрее, сейчас следователь твой вернется и опять будет тебе дело шить. Я тебе хороший совет даю. Тебя, дурака, из петли вытаскиваю, а ты кочевряжишься. Чтобы ты не сомневался, я тебе скажу, что моя выгода тут тоже есть. Бескорыстных благодетелей сейчас не бывает, сам должен понимать. Мы все документы по обмену задним числом оформим, в квартиру твоей хозяйки люди въедут, квартира-то хорошая, в центре. А их квартиру продадим. И нам выгода, и тебе облегчение. Если ты старуху не убивал, то у них главного козыря против тебя не будет, помурыжат и выпустят. Ну а если все-таки ты это сделал, то по крайней мере корыстный мотив тебе не навесят. За убийство из корыстных побуждений тебе вышак ломится, статья сто вторая пункт «а». А без корыстного мотива получится другая статья, сто третья, там вышка по закону вообще не предусмотрена. Хоть жив останешься. Понял?

— Понял.

Чего ж тут не понять? Он не убивал Софью, и если не будет в деле этой чертовой доверенности, то его выпустят. Правильно мужик говорит.

— Согласен?

— Да, — кивнул Суриков. — Согласен. Только как же следователь-то? Он же знает, что доверенность есть, он про нее меня уже спрашивал.

— А это не твоя забота. Ты, когда он вернется, скажи, что плохо себя чувствуешь, сердце, мол, болит, не можешь больше допрос продолжать. Он тебя обратно в камеру отпустит. Больных нельзя допрашивать, закон не разрешает. А когда он тебя в следующий раз вызовет, все будет тип-топ. Усек? Ничего не напутаешь?

— Нет.

— Ну гляди, Суриков. И чтобы без глупостей. Рот не разевай и не болтай лишнего. А то сам знаешь, что с тобой сделают...

* * *

Он решил не сдаваться. Предупредил же его тот мужик, чтобы не болтал. Убьют и не поморщатся.

— Не было ничего такого, — ответил он Образцовой, стараясь выглядеть как можно более честным. — Что вы там себе выдумали? Чушь какая-то, ей-Богу.

— Сергей Леонидович, времени у нас с вами мало, поэтому давайте не тратить его так глупо.

— А чего? — Он пожал плечами. — Мне спешить некуда. Поговорим с вами еще, и я домой пойду. Сами же сказали, что отпустите.

— Куда — домой? Где ваш дом? В квартиру Бахметьевой вас никто не пустит. Пока вы упираетесь и врете, пока настаиваете на том, что обмен состоялся, эта квартира считается чужой. И жить там после окончания следствия по делу об убийстве хозяйки будут совсем другие люди. Вы же там не прописаны. К матери пойдете? Она вас давно уже не ждет, вы ей не нужны, и вы это прекрасно знаете. Опять на улицу? Не надоело?

Да, об этом он как-то не подумал. Ему так хотелось на свободу, что он совсем забыл о том, где ему эту свободу проводить. Сергей Суриков не умел думать о том, что будет. Не приучен. Всегда жил сегодняшним днем.

— Сейчас я вам объясню ситуацию, — продолжала Образцова. — Я сегодня работаю последний день, завтра меня здесь уже не будет. Если мы с вами не закончим сегодня, завтра дело примет другой следователь. И все начнется сначала. Вы этого хотите?

Он отрицательно помотал головой. Что она такое гово-

рит? Почему дело может быть не закончено сегодня? Она же сама сказала, что в убийстве Софьи его больше не обвиняют и отпускают на волю.

— Раз не хотите, тогда давайте работать. Время идет. Я действительно сегодня вечером уезжаю и больше не вернусь сюда. Мы должны с вами договориться.

— О чем?

— О сделке. Вы боитесь выдать тех людей, которые занимаются аферами с жильем. Я вас понимаю. Я бы на вашем месте тоже боялась. Теперь смотрите, что получается. Вы твердо стоите на своем, аферу с подложной доверенностью не признаете и своих благодетелей не выдаете. Я выношу постановление об освобождении вас из-под стражи под подписку о невыезде. И одновременно привлекаю вас к уголовной ответственности за приготовление к убийству супругов Шкарбуль. Это означает, что вы должны будете находиться в Петербурге безотлучно и являться по вызовам следствия и суда. Проще говоря, никуда уехать вы не сможете. И будете тут маячить на глазах у этих «жилищников». Вот вас выпустили. Они к вам подходят и спрашивают: «Никому не сказал?» Вы отвечаете: «Нет, никому». Знаете, что происходит дальше?

— Нет. А что?

— А то, что они вам не верят. Кроме того, вы — свидетель их махинаций, и поэтому вы опасны. И вы исчезаете. И появляетесь спустя некоторое время в виде остывшего трупа. Никто ради вас колотиться не будет. Дома своего у вас нет, образ жизни вы ведете такой, при котором насильственная смерть — дело самое обычное. Да и сердце у вас больное. Так что вас убить — дело совсем не рискованное для них. Вам надо уехать, Сергей Леонидович. Как можно быстрее и как можно дальше. И сделать это можно только одним способом.

— Каким?

Он снова почувствовал, что теряет нить разговора. Все так сложно... Может, она тоже хочет его обдурить? Ну, ее-то бояться нечего, баба — она и есть баба. А вот те пострашнее будут. Нет, надо молчать.

— Я забуду про то, что Бахметьева хотела вашими руками убить вдову своего сына. Забуду, понимаете? Я буду помнить только о том, что она тосковала по внуку и вы решили поехать в Москву, найти его и поговорить с ним. Никто не ви-

новат, что вы пришли в квартиру через несколько минут после убийства. Да, вы испугались и убежали, никому ничего не сказав. Это простительно. За это в Уголовном кодексе статьи нет. Я вас вытащу из этой истории. Я не буду привлекать вас за приготовление к убийству и выпущу отсюда без всякой подписки. Вы сегодня же сможете сесть в поезд и уехать куда глаза глядят. Но за это вы мне скажете, кто тот сотрудник, который вас уговорил. Повторяю еще раз: или вы молчите и остаетесь в городе, каждую минуту рискуя быть убитым, или вы все мне рассказываете и получаете возможность уехать. Выбирайте, Сергей Леонидович.

Суриков молчал. Ему было очень страшно. Была бы рядом Софья, она бы посоветовала, что делать. Она умная, она быстро разобралась бы, что тут к чему. А он не может. Не тянет он.

— Ну хорошо, — вздохнула следователь, — придется мне сказать вам еще одну вещь. Раз вы не понимаете слов, придется оперировать фактами. Вы помните своего первого следователя, Романа Сергеевича Панкратова?

— Помню.

— Тогда читайте.

Она протянула ему газету и ткнула пальцем в большую фотографию, обведенную траурной рамкой. «Тяжелая утрата... Трагически погиб... Товарищи и коллеги...» Господи, что же это?

— Панкратов знал, какие материалы были в деле с самого начала и какие вы давали показания. Этого оказалось достаточным, чтобы его насмерть сбила машина. А ведь вы знаете больше, Суриков. Вы знаете, кто из наших сотрудников к этому причастен. И либо вы мне скажете, кто это был, либо вас ждет такая же судьба. Ну как? Скажете?

Все. Он больше не может сопротивляться ее напору. Скажет — могут убить. И не скажет — тоже могут. Выбирать не из чего. Но если она и вправду даст ему возможность слинять из Питера, то можно еще спастись.

— Я не знаю, как его зовут.

— Опишите внешность как можно подробнее. Рост, фигура, волосы, лицо, манера держаться и говорить, манера сидеть. Все, что помните.

* * *

Татьяна быстро поняла, о ком идет речь. Несмотря на интеллектуальную неразвитость, глаз у Сурикова был острым и наблюдательным. Описание его было точным и красочным. Какая же гадость ее работа! Вранье, сплошное вранье, подтасовки, прижимание в угол растерянных, испуганных людей. Кто сказал, что работа следователя — благородная? Чушь это. Так может сказать только тот, кто никогда в жизни на следствии не работал.

Имеет ли она право делать то, что делает? Она собирается скрыть от следствия некоторые факты и обстоятельства, свидетельствующие о том, что Сергей Суриков собирался совершить убийство. На этот счет, между прочим, статья в Уголовном кодексе имеется, в разделе «Должностные преступления». Но что же ей делать, если нет закона о защите свидетелей? Отдавать Сурикова на растерзание этой банде? Сейчас только начнется их оперативная разработка, а длиться она может несколько месяцев, пока их выявят, да пока факты соберут, доказательства. Долгая песня. И все это время Суриков будет для них доступен. Имеет ли она право приносить несчастного парня в жертву интересам правосудия?

Нет ответа. В учебниках он есть. А в жизни — нет.

— Все, Сергей Леонидович. Прочтите постановление о вашем освобождении из-под стражи и распишитесь. Вас проводят в камеру, соберете свои вещи и можете быть свободны.

Суриков подписал, не читая. Татьяна нажала кнопку, вызывая конвой. У самой двери Сергей внезапно остановился.

— Где Софью похоронили?

— Хотите к ней пойти?

— Хочу. Я вам не верю. Она не могла. Это все внук ее... Она не могла так со мной поступить.

Татьяна с тоской смотрела на закрывающуюся за ним дверь. Любовь слепа. Даже если это любовь не мужская, а сыновняя.

* * *

Она быстро печатала на машинке полный текст постановления об освобождении Сурикова от уголовной ответственности. Дело должно быть в идеальном порядке, чтобы следователь, который будет работать с ним дальше, не помянул ее

недобрым словом. Материалы об убийстве Бахметьевой будут присоединены к делу об убийстве супругов Шкарбуль. И в этих материалах не должно быть ничего, что позволило бы обвинить Сурикова хоть в чем-то, кроме обыкновенной трусости.

Татьяна то и дело поглядывала на часы. С минуты на минуту должна подъехать Ира, привезти пакет из аэропорта. Все, что вчера в нарушение всех правил было изъято из дела и отправлено в Москву, будет возвращено на место. И после этого можно идти к Исакову за своим личным делом, которое со вчерашнего дня лежит в его сейфе.

Уехать. Скорее уехать отсюда. Сложить вещи, забрать Ирку и уносить ноги, сделав вид, что никогда и слышать не слышала про преступную группу, в которую входили сотрудники органов внутренних дел и которая совершала преступления, связанные с приватизацией квартир. Уехать — и пропади все пропадом.

* * *

Они купили четыре билета, чтобы ехать в купе без попутчиков. Проводник, молодой веселый парень с несколько дебильным выражением лица, сразу предупредил:

— Девушки, на ночь запирайтесь как следует, а лучше спите по очереди. У нас в поездах грабят.

— Спасибо, порадовали, — фыркнула Ира, которая еще сохранила способность шутить. Вероятно, потому, что не знала, от какой опасности они бегут.

Несмотря на сжатые сроки, домовитая Ирочка сумела упаковать неимоверное количество вещей, умело разложив их по большим дорожным сумкам. Более того, она даже успела напечь своих знаменитых пирожков с капустой, которые и извлекла на свет Божий, как только проводник принес чай.

— Ирка, опять! — простонала Татьяна. — Я же тебя просила!

— Ну в дорогу-то! — возмутилась Ира. — Святое дело. Не хочешь — не ешь. Пусть Настя поест. И Стасову привезем, он их тоже любит.

Татьяна, конечно, не выдержала и два пирожка все-таки съела.

Они уже улеглись и погасили свет, но уснуть удалось только Ире.

— Настя, — шепотом позвала Татьяна, — не спишь?

— Нет.

— Знаешь, у меня Бахметьева все из головы не идет. Какой же невероятной силы была старуха, если внуку пришлось ее убить. Ты можешь себе представить? Я все понять не могла, зачем он ее убил. Взял драгоценности из родительского сейфа — и живи в полное свое удовольствие. Мало ли о чем он со своей бабушкой договорился. Бабушка старенькая уже, да и далеко она, за шестьсот километров. Можно с ней не делиться, она и не пикнет. Зачем он ее убил? А сегодня во время разговора с Суриковым я поняла, почему он это сделал. Внук знал, что не сможет ей противостоять. Знал, что не посмеет ослушаться. Чувствовал, что она сильнее. Она и его сумела поработить. В точности как несчастного Сурикова. Только Суриков ее преданно любил и хотел жить под ее властью как можно дольше. А Виталий хотел из-под этой власти вырваться и распоряжаться ценностями единолично.

Она помолчала, потом добавила:

— А Суриков так и не понял ничего. Не поверил, что Бахметьева могла так с ним поступить. Как собака, которую хозяин бьет, а она ему руки лижет. Господи, когда он уходил, я чуть не расплакалась.

— Интересно, что Виталий будет нам рассказывать. Он же точно знает, что Суриков ехал в Москву не разговоры с ним душевные разговаривать про любимую бабушку, а убийство совершить. Не подставит он Сурикова, как ты думаешь?

— Может, сучонок корыстолюбивый. Я, конечно, сделала все, что могла. Остальное от вас зависит, от тебя в том числе. Доказательств того, что Суриков готовился к убийству, нет. Показания Виталия можно подвергать сомнению. Бахметьева их не подтвердит, а больше никто ничего не знает.

Снова в темном купе воцарилось молчание. Потом раздался Настин шепот:

— Знаешь, о чем я подумала? Эта старуха и нас с тобой поработила. Ее уже на свете нет, а мы с тобой лежим и обсуждаем, как нам материалы уголовного дела подтасовать. Дела, которое она же и придумала. А мы теперь головы ломаем, как нам спасти человека, которого она пыталась погубить. Ведь мы с тобой идем на должностные нарушения. По-

нимаем это, а все равно делаем. Она больше месяца в могиле лежит, а мы под ее дудку пляшем.

— Скорее не «под», а вопреки. Но все равно пляшем, тут ты права.

На верхней полке заворочалась Ирочка.

— Девочки, ну имейте же совесть, — жалобно промычала она.

— Все-все, молчим, — торопливо сказала Настя. — Извини.

* * *

Он снова видел этот жуткий сон. Огромные лужи крови, не лужи даже, а целые моря, и кровь бурлит и принимает причудливые формы, превращаясь в лица матери, отчима и бабки. С этих лиц на него смотрят мертвые глаза, мертвые рты раскрыты, а мертвые языки пытаются шевелиться, чтобы сказать ему...

Что сказать? Что они могут ему сказать? Спросить, зачем он это сделал?

Затем, что ему надоело. Ему все надоело. Надоело слушать нудные разговоры о том, что всего в жизни нужно добиваться собственными усилиями, своим трудом. Что благосостояние нужно заработать самому. Что стыдно равняться на тех, кто шикует на родительские деньги.

Детский сад какой-то. Стыдно, стыдно... Ничего не стыдно. Все так живут. Все его друзья ездят на иномарках и живут в классных хатах, отделанных по евростандарту. Отдельно, между прочим, живут, без всяких там родителей. Один он, как дурак, живет по-совковому. Хватит. Надоело. Бабка — та его понимала. Не то что мать с отчимом.

Бабка правильная была. Год назад объявилась. Позвонила и сказала, чтоб на почту сходил, взял письмо «до востребования». Больше ничего объяснять не стала, даже не представилась. Он и не знал, кто это звонил, сходил, взял письмо. В письме все было. И про расстрелянного отца-валютчика, и про золото-бриллианты. И про бабушку, отцову мать, которая в Питере живет на одну пенсию и страдает от общей несправедливости жизни. В письме и номер телефона был указан, дескать, ежели захочешь с бабушкой-то родной поговорить, звони, не стесняйся, но только днем и в будни, а то в другое время в квартире уши посторонние. Поговорить он,

конечно, захотел, особенно про деньги. Ну и поговорил. Потом съездил в Питер, лично со старушкой познакомился.

Ну и пошло с тех пор. У него в голове одна мысль: как ценностями завладеть. Бабка долго его расспрашивала, как они там, в Москве, живут, какая квартира, какая машина, какая мебель, какие украшения на матери, куда в отпуск ездят. Прикидывала что-то, в уме считала, а потом и выдала мол, из тех денег, что папаша его заныкал, только, может, десятая часть за все годы потрачена. А остальное где-то у матери с отчимом лежит. Ты, говорит, внучек, ни о чем не беспокойся пока, живи, как жил, овцой прикидывайся, родителей слушайся, а я уж придумаю, что нам с тобой дальше-то делать. И придумала. Да так, что Виталий только диву давался.

Да, сильна была старуха, что и говорить. Только делиться с ней Виталию не хотелось. Целое — оно все-таки в два раза больше половины, это уж как ни крути. Боялся он бабку смертельно. Знал, что не посмеет не отдать ее долю, если она потребует. Он ей вообще слово поперек сказать не смел, такую власть она над ним забрала.

Рабам, как показывает история, не приходит в голову устраивать забастовки и демонстрировать неповиновение. Они поднимают бунт и убивают хозяев. Наверное, именно этим отличается рабская психология от психологии свободного человека...

Он снова мучился в своем кошмарном сне и проснулся весь в поту. Часы показывали половину седьмого утра. Нет смысла пытаться уснуть снова, все равно через полчаса зазвенит будильник и придется вставать, готовить себе завтрак и тащиться на ненавистную, давно опостылевшую работу. Ничего, он еще помучается несколько месяцев, а потом рванет когти в свободную богатую жизнь.

Виталий уже вышел из душа и жарил на кухне яичницу, когда раздался звонок в дверь. Кого принесло в такую рань?

— Кто там? — осторожно спросил он.

— Шкарбуль Виталий Юрьевич? Откройте, пожалуйста, милиция.

Опять небось вопросы задавать будут. Все никак преступника не найдут, который мать с отчимом грохнул. Ну пусть ищут, это их обязанность.

Он щелкнул замком, открыл дверь и сразу понял, что на этот раз вопросов задавать ему не будут.

* * *

Миновали новогодние праздники и Рождество, все приказы были подписаны, и майор Образцова приступила к работе в следственном комитете в Москве. В конце января кто-то из новых коллег остановил ее в коридоре.

— Татьяна Григорьевна, вы ведь раньше в Петербурге работали?

— Да.

— Новость знаете? У вас там против группы сотрудников дело возбудили. Там, оказывается, целая организация была с участием работников милиции и судмедэкспертов. Втирались в доверие к одиноким старикам, убивали их, эксперты давали заключение о естественной смерти, а соучастники из нотариата делали генеральные доверенности с поддельными подписями владельцев квартир. Лихо, да?

— Да, — согласилась Татьяна, — лихо.

Действительно, лихо. Не зря слушок был, что эту банду никому не поймать. Как тут поймаешь, когда свои же милиционеры прикрывают. И не вскрылось бы, если бы жадность не одолела, если бы не позарились на легкую добычу. Был бы Суриков похитрее, не путался в показаниях — и все сошло бы гладко.

От такой банды ноги не унесешь. И Суриков не уберегся бы, если бы она оставила его в Питере. Так что же все-таки важнее, интересы правосудия и справедливости или человеческая жизнь?

Нет ответа...

Декабрь 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТЛЫЙ ЛИК СМЕРТИ. *Роман* 5
ИМЯ ПОТЕРПЕВШЕГО: НИКТО. *Повесть* 267

Литературно-художественное издание

Маринина Александра Борисовна

СВЕТЛЫЙ ЛИК СМЕРТИ

Роман
Повесть

Книга опубликована в авторской редакции
Художественный редактор *А. Г. Сауков*
Художник *В. Ю. Щербаков*
Технические редакторы *Н. М. Носова, Л. В. Панина*
Корректор *Н. И. Кирилина*

В оформлении книги использованы фотоматериалы
Р. Горелова и *С. Мамонтова*

ЛР № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.97.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. **Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.**
Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 22,3. Доп. тираж 20 000 экз.
Заказ № 171.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

